

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН БССР
СЕКТОР АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ БССР

ТОМ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК БССР
МИНСК 1957

Редакторы:
Е. И. КОРНЕЙЧИК и К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпускаемый Институтом истории Академии наук БССР сборник статей по археологии Белоруссии под общим заглавием «Материалы по археологии БССР» подготовлен к печати при участии научных работников сектора археологии Института истории, а также некоторых научных работников Института истории материальной культуры и Зоологического института АН СССР.

Статьи сборника посвящены археологическим исследованиям, проведенным в 1945—1954 гг. в БССР. Материалы, не вошедшие в настоящий сборник, будут опубликованы в последующих трудах Института истории АН БССР.

Материалы сборника охватывают различные периоды древнейшей истории Белоруссии, которые могут быть освещены на основании археологических исследований.

Так, статья К. М. Поликарповича «Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг.» излагает основные итоги археологических исследований, которые проводились в БССР с 1945 г.

Статья того же автора «К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье» посвящена исследованию и характеристике древнейшего поселения Белоруссии середины ледникового периода у пос. Подлужье Чечерского района Гомельской области.

В его же статье «Стоянки древнего Посожья» дается подробное описание материалов со стоянок эпох неолита и бронзы по среднему Сожу.

О. Н. Мельниковская описывает в статье «Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии» интересный с научной стороны клад серебряных и бронзовых браслетов, обнаруженный при раскопках городища в д. Горошково Речицкого района и относящийся к латенской эпохе V—IV вв. до н. э.).

Статья А. Г. Митрофанова «Городище в Вязынке» представляет итоги его исследований одного из важнейших в археологическом отношении поселений раннего железного века в Белоруссии.

В статье И. Г. Прониной и В. Е. Гарутта «Остатки животных из поселений III—V вв. до н. э. на территории Минской об-

ласти БССР» дается определение фаунистических материалов, добытых при раскопках А. Г. Митрофановым городищ в средней Белоруссии.

Исследования раннефеодального города Белоруссии Минска (Менеска) отражены в большой статье В. Р. Тарасенко «Древний Минск».

В статье дается подробное, широко иллюстрированное описание хода и итогов семилетних раскопок городища (Замчища) древнего Минска. Подробно освещаются вопросы о планировке, устройстве улиц, жилищах города Минска, данные о материальной культуре этого города в XI—XIII вв., о ремесле, сельском хозяйстве, торговле города, о классовой дифференциации населения, политической жизни города. Много места уделено описанию обнаруженного при раскопках каменного храма XII в.

Наконец, статья В. Р. Тарасенко «Раскопки городища «Шведская Гора» в Волковыске в 1954 г.» посвящена раскопкам остатков раннефеодального Волковыска (XII—XIV вв.).

К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БССР
В 1945—1953 гг.**

После Октябрьской социалистической революции наука в БССР достигла небывалого расцвета. Созданные революцией новые политические и социальные условия вызвали появление новых научных учреждений—Института белорусской культуры и на его базе в 1929 г. Академии наук БССР, создание в БССР ряда исследовательских институтов и высших учебных заведений, музеев, краеведческих организаций и т. д. Благодаря этому наука в Белоруссии ко времени Великой Отечественной войны сделала значительные успехи. То же с полным правом можно сказать и об археологических исследованиях в БССР. Итоги археологических работ оставили за собой далеко позади все то, что делалось в дореволюционной Белоруссии.

Война против СССР, развязанная в 1941 г. фашистской Германией, нанесла тяжелый урон всему хозяйственному и культурному строителству БССР. Основной центр научных исследований в БССР—Академия наук—подвергся варварскому ограблению и разрушению вплоть до сожжения здания Академии наук. Собранные до 1941 г., т. е. до начала войны, большие археологические коллекции, хранившиеся в Институте истории Академии наук БССР и в Белорусском историческом музее в Минске, были увезены в Германию, и обратно была возвращена только их часть. Расхищению фашистами подверглись археологические коллекции и других музеев Республики. Вместе с освобождением территории БССР из-под ига германского фашизма началось и возрождение научной деятельности в ней.

Научно-исследовательская работа по археологии БССР после Великой Отечественной войны была сосредоточена в Институте истории Академии наук БССР. В 1944 г. в нем была организована секция археологии и первобытной культуры, несколько позже переименованная в сектор археологии.

Кроме сектора археологии, значительную работу по археологии проводили и другие организации и учреждения. Такая

работа велась Гродненским историко-археологическим музеем, краеведческими музеями в Витебске, Волковыске, Пинске, Мозыре, Слониме, Турове.

В последние годы археологические исследования на территории Белоруссии ведет Институт истории материальной культуры (ИИМК) Академии наук СССР. Научными сотрудниками ИИМК—С. А. Таракановой, П. Н. Третьяковым, Ю. В. Кухаренко—проводились раскопки в Могилевской, Гомельской, Молодечненской и Гродненской областях.

Проведенные после Октябрьской социалистической революции многочисленные археологические экспедиции и обследования показали, что БССР богата разнообразными памятниками различных археологических эпох, и значительно расширили наши знания о древней культуре людей на этой территории.

Главными направлениями, по которым шли археологические исследования на территории БССР в 1945—1953 гг., были:

1.) исследования памятников первобытно-общинного строя, включавшие в себя а) раскопки памятников среднего и верхнего палеолита наряду с обследованиями памятников неолита и эпохи бронзы и б) раскопки памятников раннего железного века — городищ, селищ и могильников — в средней и южной Белоруссии;

2) исследования памятников раннефеодальной эпохи с постановкой раскопок древнерусских городов (в Гродно, Минске, Волковыске).

Такой характер археологических работ в БССР за указанный период соответствует решениям Всесоюзной археологической конференции 1945 г. в Москве. Впрочем, следует отметить, что конференция указывает несколько большее количество различных археологических памятников Белоруссии, подлежащих исследованию, чем то, которое фактически было охвачено раскопками 1945—1953 гг.

Средний палеолит. До 1953 г. можно было только с известной долей вероятности говорить о существовании людей эпохи среднего палеолита на территории БССР. После исследований 1953 г. о среднем палеолите в Белоруссии можно говорить как об определенном и несомненном факте. До этих исследований было известно несколько не совсем достоверных фактов. Таковы находки остатков шерстистого носорога в д. Гамково Смоленской области, недалеко от границы ее с БССР, которые, как показали раскопки 1953 г. (К. М. Поликарпович), не дают никаких оснований для заключения о существовании в Гамкове местонахождения среднего палеолита.

Также мало доказательными представляются и находки кремней с предполагаемыми следами обработки вместе с небольшими находками четвертичной фауны у д. Клеевичи Костюковичского района Могилевской области.

Более достоверна находка заостренного мустьерского скребла на Каменной Горе к северу от д. Светиловичи Гомельской области, на правом берегу р. Беседь.

На фоне этих разрозненных и иногда мало достоверных находок выделяются большие (по количеству), совершенно достоверные и не подлежащие сомнению находки с мустьерского местонахождения в урочище Колодежки у пос. Подлужье Чечерского района Гомельской области. Здесь в 1926—1929, 1938, 1939 гг. велись значительные раскопки Бердыжской верхнеориньякской стоянки, выявленной в 1926 г. (К. М. Поликарпович). При раскопках здесь наряду с кремневыми орудиями верхнеориньякского времени в большом количестве встречались кремни иного характера, в которых можно было видеть остатки более древнего по времени местонахождения — мустьерского. Этот взгляд неизменно поддерживался с 1932 г. и вплоть до последнего времени К. М. Поликарповичем. В 1953 г. у Подлужья были произведены значительные раскопки, имевшие целью отыскание здесь отдельного пункта с остатками мустьерской культуры, на котором эти остатки залегали бы обособленно и не были бы смешаны с остатками другой культуры (в данном случае прежде всего верхнеориньякской). В 1953 г. здесь было вскрыто 6 раскопов площадью около 350 кв. м. Место основных раскопок расположено в 120 м к северо-западу от места прежних раскопок. Раскопы (особенно 1, 2, 3, 4, 6) доставили значительное количество кремней при полном отсутствии остатков фауны. Подавляющее большинство их имеет на себе следы искусственной обработки мустьерского характера. Впрочем, встречаются кремни и не имеющие на себе решительно никакой обработки. Кремней верхнеориньякского времени в этих раскопах встречено не было.

Кремни представляют собою желваки, типичные мустьерские отщепы и чешуйки, сколотые с дисковидных нуклеусов, пластины и пластинки с таких же нуклеусов, скребла (до 17 штук), небольшое рубильце (находка 1928 г.).

Если присоединить сюда кремни с обработкой мустьерского типа, найденные еще при прежних раскопках, то общее число их должно было составить довольно внушительную цифру (больше тысячи).

В итоге раскопок 1953 г. в Подлужье были добыты данные, которые говорят о наличии здесь остатков поселения второй половины мустьерской эпохи. Это обстоятельство является определенным, не вызывающим сомнений фактом.

Более подробное изложение результатов раскопок 1953 г. дано в статье К. М. Поликарповича «К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье», помещенной в данном сборнике.

Что касается определения геологического возраста данного мустьерского местонахождения, то, по В. И. Громову, «на основании геологических данных, мустьерские стоянки должны

быть отнесены к концу миндель-рисского века, нижнепалеолитические, очевидно, соответственно к миндель-риссу и миндалю».

Раскопки у д. Подлужье имеют большое научное значение для воссоздания древнейшего прошлого Белоруссии. Они являются своего рода вехой в истории археологического изучения не только Белоруссии, но и всей Восточной Европы. После этих раскопок уже более или менее ясно, в каких направлениях следует вести, дальнейшие поиски древнейших культур в Белоруссии, проводя их прежде всего по течению Сожа и Днепра.

Два описанных выше археологических местонахождения — мустьерское и верхнеориньякское — находятся рядом: их основные раскопы разделены расстоянием всего в 100—120 м. Каждому из них можно дать название д. Бердыж, как это сделано для верхнеориньякского местонахождения, известного с 1926 г. как Бердыжская стоянка. Однако при таком способе не получается четкости в выделении каждого местонахождения. Поэтому представляется более удобным назвать эти различные по культуре археологические пункты по-разному: верхнеориньякскую стоянку — Бердыжской, а мустьерскую по Другому наиболее близкому к ней поселению — д. Подлужье — Подлужской.

Верхний палеолит. За послевоенное время сектором археологии Института истории Академии наук БССР были проведены в Верхнем Поднепровье большие раскопки четырех стоянок верхнего палеолита, уже известных и частично раскапывавшихся еще до времени Великой Отечественной войны. Это — стоянки нижнемадленского возраста в д. Елисеевичи Почепского района Брянской области, на правом берегу р. Судость, где раскопки велись еще в 1930, 1935, 1936 гг., в д. Юдиново Погарского района той же области, на правом берегу р. Судость, в д. Курово того же района, на правом берегу р. Судость и в д. Новые Бобовичи Новозыбковского района той же области, на правом берегу р. Ипуть.

Все эти исследования проведены под руководством К. М. Поликарповича силами и на средства Академии наук БССР (за исключением раскопок в д. Новые Бобовичи в 1951 г.).

Первые раскопки в д. Елисеевичи в послевоенное время были проведены в 1946 г. и охватили небольшую площадь (в 35 кв. м), граничащую на западе с раскопом 1936 г. Было обнаружено большое количество костных остатков четвертичной фауны (главным образом мамонта и песца) и изделий из кремня. Большой интерес раскопок заключается в находке сооружения, имевшего, по-видимому, магическое значение. Оно имело вид правильного круга, составленного из пяти больших лопаток мамонта, с 15 длинными нарезками на одной из них, поставленными вертикально и размещенными в один ряд. Ма-

гический характер этого хорошо сохранившегося сооружения, имевшего вид правильной чаши, подчеркивался наличием в нескольких местах под лопатками небольших скоплений предметов, которые в отношении Елисеевичей стали известными в литературе как чуринги.

Еще в 1935—1936 гг. в Елисеевичах был найден выкопанный в лессе «ход», обставленный тазами, лопатками, трубчатыми костями мамонта. Ход, по-видимому, вел со стороны берега реки ко входу в жилище. Однако при раскопках 1946 г. на предполагаемом продолжении этого хода не оказалось жилища. Оно, вероятнее всего, было разрушено при сооружениях и постройках позднейшего времени, вплоть до XX в.

Помимо этого хода, были обнаружены некоторые другие детали сооружений, которые особенно ярко выступили также и при раскопках 1947 г. на стоянке в Юдинове. Так, в Елисеевичах были обнаружены небольшие части каких-то сооружений, при устройстве которых применялись вертикально поставленные крупные кости мамонта. Для поддержания последних в устойчивом положении их подпирали либо другими более мелкими костями, либо крупными валунами, либо ставили в нарочито вырытые ямки. Подпорка из куска ребра обнаружена и под одной из лопаток, входивших в состав упомянутого уже круга.

В 1948 г. раскопки в Елисеевичах были продолжены. В результате был вскрыт большой раскоп (размером в 85 кв. м), расположенный у самого обрыва к р. Судоеть, к югу от раскопа 1935 г. Раскопки показали, что на этом месте когда-то располагалось большое наземное жилище (с мощным культурным слоем) типа большого шалаша размером 9,04 мХ8,8 м. Посреди шалаша, метрах в 4 к востоку от обрыва берега, оказалась яма, вытянутая с северо-востока на юго-запад на 3,5 м при ширине до 2,4 м. Яма имела форму овала. Площадь ее по дну доходила до 7,78 кв. м, высота стенок—до 0,7—0,8 м.

На юго-восточном конце овала жилища стенки вовсе отсутствовали на протяжении 2,48 м, т. е. на всю ширину жилища. Этот перерыв указывает, по-видимому, на выход из жилищной ямы наружу, к западу.

В яме было обнаружено много культурных остатков—обработанные и необработанные кости, костный уголь, большое количество кремня (в 1948 г. по всему раскопу найдено 88029 экземпляров), кусочки краски (некоторые с явными иногда несколькими плоскостями стирания), бусы из раковин.

Такой же характер имел культурный слой на всем остальном пространстве древней поверхности стоянки к югу и юго-западу от жилищной ямы с тем только различием, что этих остатков встречалось гораздо меньше, чем в самой яме.

Все ближайшее к яме пространство было покрыто толстым слоем очажного слоя, который, очевидно, выбрасывался, и притом неоднократно, из ямы. К окраине пола древнего шалаша

слой значительно утончался. Все это говорит о том, что яма была центральным местом всего жилища. Принимая во внимание эти обстоятельства и привлекая имеющиеся в этнографии примитивных народов параллели по использованию в качестве жилищ обычных ям (у готтентотов, бушменов, лопарей и др.), можно предположить, что данная яма была зимним жилищем. Для обогрева его пол посыпался горячей золой и потухшими мелкими костными угольками, после чего сверху все застилалось кожами. Когда накаплилось много таких зольных слоев, их выбрасывали из ямы, отчего вокруг ямы и образовался толстый слой очажных отбросов.

Из находок, заслуживающих особого упоминания, следует указать на несколько десятков мелких хрусталиков рыб, а также многочисленные землекопалки из ребер мамонта.

Весьма важные и в некоторых отношениях исключительные результаты были получены при раскопках стоянки в д. Юдиново, найденной еще в 1934 г. Первые (и пока единственные) раскопки ее были произведены только в 1947 г. Было вскрыто два больших раскопа, из которых один имел площадь в 100 кв. м, второй—в 38 кв. м, и около двух десятков шурфов. Полученные данные показывают, что стоянка занимала большую площадь вдоль берега р. Судость. Длина ее достигала не менее 300 м, ширина—40—45 м.

Раскопки доставили громадное количество костных остатков, прежде всего мамонтов (около 50 экземпляров).

В обоих раскопах были обнаружены остатки оснований двух жилищ: в раскопе 1 — большого, овальной формы, длиной (во вскрытой части) в 9,46 м, в раскопе 2 — меньшего, круглого, до 5—6 м в диаметре.

Особенностью обоих этих оснований является то, что для их сооружения служили костные остатки мамонтов, притом сложенные в определенном порядке: с наружной стороны обязательно ставились или, что наблюдалось гораздо чаще, укладывались более или менее правильными грудками (похожими на «поленницы» дров) крупные трубчатые кости, лопатки, тазы, части позвоночников. Вдоль внутренней стороны этих оснований обязательно ставились в вертикальном положении большие черепа мамонтов (30 черепов)

Еще одну особенность строительства на стоянке в Юдинове составляет то, что кости широко применялись для строительных целей. Прежде всего кости весьма часто служили для поддержки и для устройства подпорок к более крупным костям и черепам. Далее встречено весьма много крупных костей — лопаток и тазов, в которых проделаны сквозные отверстия круглой либо овальной формы диаметром до 10 см.

Аналогичных сооружений на других стоянках верхнего палеолита раньше встречено не было. Только в 1951 г. остатки подобного сооружения были обнаружены А. Н. Рогачевым на

стоянке Аносовка II в Костёнках. В 1953 г. подобные же сооружения из костей были обнаружены на мадленской стоянке у д. Добронищевка Шрамковского района Черкасской области (раскопки И. Г. Шовкопляса и И. Г. Пидопличко) и на стоянке Костёнки 2 (раскопки П. И. Борисковского).

Внутреннее пространство большого овального жилища было заполнено громадным количеством ребер. Напрашивается предположение, не употреблялись ли ребра для устройства каркаса крыши, который после мог покрываться шкурами животных.

Так как ширина жилища довольно велика, одиночные ребра не могли быть использованы для устройства каркаса. Остается сделать второе допущение: ребра могли связываться при помощи ремней, в которых недостатка не было, по несколько штук вместе для получения длинной жерди или кола. Может быть, в этой связи как-то могут быть объяснены и многочисленные отверстия в лопатках, тазах, бедрах мамонта. В одном случае наблюдалось, что целое ребро было продето в такое именно отверстие в тазу или в лопатке.

Следует указать на весьма интересную находку на стоянке в виде четвертичной черноморской раковины *Nassa reticulata*, которая неоднократно встречалась при раскопках стоянки в Мезине. Находка *Nassa reticulata* в Юдинове представляет пока самую северную находку подобного рода для верхнего палеолита. Расстояние от Юдинова до Азовского моря, у которого (например, в районе Обиточной Косы) встречаются эти раковины (карангатского возраста), составляет 680 км по прямой линии.

С 1927 г. стала известна стоянка людей верхнего палеолита в д. Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области. Здесь при рытье колодца в глубоком овраге, прорезающем верхнюю надпойменную террасу правого берега р. Ипуть, в 1927 г. были обнаружены остатки 13 молодых мамонтов с единственным лежавшим при них кремневым оружием—верхнепалеолитическим двойным резцом.

Для выяснения вопроса о действительном характере этого местонахождения Брянским краеведческим музеем были предприняты в 1951 г. небольшие раскопки (под руководством К. М. Поликарповича). Рядом с местом колодца 1927 г. было заложено два раскопа. Один из них показал, что небольшие остатки четвертичной фауны (мамонт) опускаются от бровки обрыва верхней террасы вниз ко дну оврага и к колодцу. Повидимому, еще в четвертичное время верхнепалеолитическая стоянка располагалась над оврагом по краю верхней террасы, откуда костные остатки постепенно сползли вниз. Следует, кстати, отметить, что овраг, судя по всем его морфологическим особенностям, возник, несомненно, не позднее конца ледникового времени.

Скудные данные, доставленные раскопками 1951 г., побудили сектор археологии Института истории Академии наук БССР в 1953 г. предпринять дальнейшие исследования этого местонахождения и перенести их уже на самую плоскость верхней надпойменной террасы. Плоскость эта имеет форму узкого треугольника, вытянувшегося с севера к югу приблизительно вдоль долины р. Ипуть. Обрыв к долине образует восточную сторону треугольника и прорезан упоминавшимся: уже оврагом, отходящим от долины, в котором расположены, указанные выше колодец 1927 г. и два раскопа 1951 г.

В 1953 г. здесь было заложено 4 значительной величины раскопа в разных пунктах верхней террасы.

Все четыре раскопа показали присутствие уже на незначительной глубине (начиная с 1,0 м) красной морены с валунами, прикрытой сверху белыми и светло-желтыми мелкозернистыми древнеаллювиальными песками. Никаких остатков, (фауны либо кремней с соответствующей обработкой) ни в одном из раскопов не было найдено.

Таким образом, и после раскопок 1953 г. вопрос о действительном размещении и характере этого местонахождения следует считать открытым. Окончательное решение вопроса о характере этого местонахождения остается делом будущего.

Местонахождение в д. Курово обнаружил К. М. Поликарпович еще в 1930 г. и в том же году обследовал. Последующее обследование было произведено им же в 1936 г. Всего здесь в 1930 и 1936 гг. было вскрыто около 34 кв. м. Из фауны были найдены остатки сибирского носорога, мамонта, лошади, быка, оленя, волка. Кремневых орудий и вообще кремня, за исключением одного, похожего на пластинку обломка, не было обнаружено.

Наконец, раскопки 3—11 октября 1947 г. доставили наряду с остатками фауны до двух десятков кремней, несущих на себе несомненные следы обработки людьми верхнего палеолита (ножевидные пластинки, чешуйки)..

Таким образом, удалось установить, наконец, бесспорный факт существования в Курове стоянки верхнего палеолита, относящейся, судя по остаткам сибирского носорога, ко времени ранее конца верхнего палеолита.

Эпипалеолит. Культурными остатками эпипалеолита богаты все части территории БССР. Особенно часты эти остатки по берегам Днепра, Сожа, Ипути, Беседи, Припяти, Немана.

Следует здесь указать на неопубликованные до сих пор материалы обследования, проведенного в 1940 г. К. М. Поликарповичем по правому притоку р. Припять р. Стыр в пределах Брестской области. Обследованием был охвачен правый (южный) берег Стыра на протяжении около 25—30 км между д. Паре Пинского района на юго-западе и д. Ситицк Сталинского района на северо-востоке. На этом пространстве было

обнаружено 71 местонахождение эпох камня и бронзы. На этих местонахождениях не один раз встречались находки эппалеолитического типа.

Следует признать, что в послевоенные годы исследования эппалеолита были незначительны по размерам. К ним можно причислить также обследование, проведенное М. И. Алексеюком (Брест) в нескольких местах в районе дд. Ополь и Упирowo Ивановского района Брестской области.

Эпохи неолита и бронзы. Исследования по эпохам неолита и бронзы также нельзя назвать обширными. Из них можно отметить лишь некоторые.

В августе—сентябре 1945 г. К. М. Поликарпович предпринял обследование вдоль правого берега р. Беседь, начиная от д. Витунь Костюковичского района Могилевской области через м. Хотимск, вплоть до д. Беседки Ершичского района Смоленской области. Обследование охватило 67 км вдоль долины р. Беседь. На этом пространстве было обнаружено 26 небогатых по находкам стоянок неолитической и бронзовой эпох.

После этой экспедиции можно считать все течение р. Беседь, левого притока Сожа (имеющей протяжение в 256 км), обследованным целиком в отношении памятников каменного века и бронзы. Это обследование велось с перерывами с 1924 г. и закончено только в 1945 г. Завершение этой работы позволяет считать весь бассейн Сожа с его притоками Вехрой, Проней, Чечерой, Узой (все справа), Остром, Лобжанкой, Беседью, Ипутью (слева) почти полностью обследованным в отношении памятников каменного века (палеолита, эппалеолита, эпохи кампиньи, неолита) и бронзы.

В послевоенные годы были отмечены первые для территории БССР следы свайных построек. По времени обнаружения первыми являются свайные постройки, выявленные М. И. Алексеюком. Последний сообщил сведения о находках на озере Ула, у дд. Цинцевичи и Баровцы Вилейского района, восточнее среднего течения р. Нарочь.

Вторым местом с остатками свайных построек в БССР является озеро Вейна у д. Лубяны Белыничского района Могилевской области, на левобережье среднего течения р. Друть.

В июне 1952 г. оно было обследовано автором. Поводом к обследованию явилось сообщение местного гражданина Н. Г. Гончарова из д. Лубяны о находках в этом озере большого количества свай. Обследование автора действительно подтвердило факт находок большого количества сосновых свай небольшой толщины, заостренных на одном конце. Многочисленные сваи были осмотрены в д. Лубяны и в соседнем поселке к юго-востоку от этой деревни.

Обследование берегов и самого озера Вейна показало, что сваи находятся в юго-восточной части озера. Теперь оно уже несколько спущено канавой в р. Друть. Уровень его благо-

даря этому снизился. Все-таки сваи (длина которых в среднем около 4 м) и теперь находятся на значительной глубине — до 4 м. По всем песчаным берегам обширной площади прежнего озера при осмотре было обнаружено 7 точек с находками обработанного кремня и реже керамики эпохи неолита и бронзы. Может быть, с этими находками и связаны остатки на самом озере какого-то сооружения на сваях.

На озере Ула обследование было произведено автором в сентябре 1952 г. Как и на озере Вейна, на восточном берегу Улы (у д. Цинцевичи) в двух местах на песках оказались следы неолита в виде обработанных кремней.

Часть заостренной сваи отсюда была доставлена в сектор археологии Академии наук БССР еще ранее М. И. Алексеюком.

Большой интерес представляет следующий факт, установленный автором. Озеро лежит среди обширной низменности, покрытой в настоящее время болотами. От краев полей до самого озера расстояние от 0,5 до 1,5 км. Со стороны д. Баровцы это расстояние наиболее велико. Здесь, кроме топей, заросших травой и сосновым лесом, сухих участков нет. Однако при расспросах оказалось, что к северо-западу от озера среди болотистого участка тянется до края поля длинный низкий мыс шагов около 30 в ширину. При тщательном осмотре песчаной поверхности мыса в различных местах вплоть до самого поля были обнаружены находки обработанных кремней и керамики. Эти находки косвенно подтверждают предположение о наличии на озере Ула какого-то сооружения на сваях.

В 1951 г. А. Г. Митрофановым были проведены обследования с целью выявления стоянок неолита и городищ: а) по верхнему течению р. Неман (обнаружено 8 неолитических стоянок); б) по верхнему течению р. Шара в Слонимском районе Гродненской области и частично в Бытенском районе Брестской области (найден 5 неолитических стоянок).

Во время раскопок Юдиновской стоянки верхнего палеолита (см. выше) при удалении лежащих над культурным палеолитическим слоем почвенных слоев совершенно случайно были обнаружены (и исследованы) остатки более поздних культур. Верх почвы содержал в себе селище культуры, соответствующей роменской культуре на р. Десна.

Особый интерес представило выявление на небольшой глубине почти неразрушенного могильника бронзовой эпохи. Всего найдено было 11 погребений. Костяки лежали в могилах на спине головой к северу либо к северу-востоку. Глубина захоронения 40—90 см. На площади могильника найдены три сосуда полушаровидной формы с почти округлым дном. Орнамент на них близок к орнаменту на сосудах из Волосова на Оке, на сосудах Мало-Окуловского могильника и на сосудах поздняяковской культуры.

Было найдено несколько кремневых наконечников стрел поздненеолитического типа. В одном случае они лежали у правой стопы.

В другом погребении с правой стороны черепа обнаружен), хорошо сохранившийся наконечник бронзового копья. Он имел в длину 13,9 см, в ширину 3,1 см. На втулке—два отверстия шириной в 0,6 и 0,4 см.

По сумме всех этих данных могильник можно отнести ко второй половине второго—началу первого тысячелетия до н. э.

По форме наконечник копья близок к одному из двух известных пока для всей территории Верхнего Поднепровья и Подесенья наконечников из д. Каменка Климовского района Брянской области (на р. Трубеш, правом притоке р. Снов), найденному, вероятно, еще в середине 20-х годов этого века.

Вообще находки бронзовых предметов этой эпохи на данной территории весьма редки. Поэтому не лишена интереса и находка клада в октябре 1948 г. в г. Бежица Брянской области, на левом берегу р. Десна. Клад состоял из виелообушного топора длиной около 16,2 см и наконечника копья длиной 29,6 см.

Железный век. Важным моментом в изучении раннего железного века БССР являются исследования поселений этой эпохи (городищ и селищ), предпринятые по инициативе сектора археологии и проведенные А. Г. Митрофановым в 1950—1953 гг. Эти исследования охватили ряд городищ средней Белоруссии, главным образом в Минской и Молодечненской областях. Раскапывались городища у д. Лабенщина Заславльского района, дд. Збаровичи и Вязьнка Радоминского района, Старая Рудица Дзержинского района, а также у д. Августово Лепельского района Витебской области. Небольшие раскопки были произведены на хорошо известном еще с 1926 г. городище у д. Банцеровщина Минского района (левый берег р. Свислочь).

К востоку от Свислочи и г. Минск были поставлены раскопки городищ на р. Березина у дд. Кимия и Новоселки Борисовского района. Наибольшие раскопки произведены у дд. Лабенщина (992 кв. м), Збаровичи (480 кв. м), Вязьнка (284 кв. м), Старая Рудица (110 кв. м).

Все городища доставили обильные в основном однородные материалы, которые дали возможность довольно полно охарактеризовать материальную культуру патриархальных общин, обитавших на городищах территории центральной Белоруссии, а также восстановить картину состояния производительных сил и хозяйства общин в ту эпоху.

В ряду производительных сил, имевшихся в распоряжении патриархальных общин древней Белоруссии, на первое место следует поставить железо, которое было основой материальной культуры того времени. Местное население, жившее на горо-

дищах в последние века до н. э. и в первые пять—шесть веков н. э., вполне уже владело техникой выплавки железа из местной болотной руды и обработки его. Из железа изготавливались все основные орудия производства — топоры, ножи, серпы, шилья, иглы, даже украшения (булавки с завитком в виде латинской буквы S).

На базе широкого развития производительных сил развивалось и хозяйство обитателей городищ и селищ. Основной отраслью хозяйства являлось земледелие, которое было подсечным. Судя по находкам на городище у д. Банцеровщина, обитатели городищ сеяли мягкую пшеницу, просо, знали также горох, конские бобы, вику. Были им знакомы лен и, вероятно, конопля. Хлебные растения сеялись, по-видимому, в значительных количествах. Об этом говорит следующее интересное обстоятельство: на Банцеровщинском городище при раскопках его С. А. Дубинским (1926—1928 гг.) было обнаружено большое количество сосудов с зернами пшеницы и проса. При раскопках городищ неоднократно встречались массивные каменные зернотерки для растирания зерен.

Большое значение получило в эту эпоху скотоводство. Разводились лошади, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи. Мясо лошадей употреблялось в пищу. Порода их была мелкой и произошла, по предположению изучавших этот вопрос палеонтологов, от дикого лесного мелкого коня (тарпана), распространенного в древности и в других частях Европы (в Карпатах, на острове Веглия в Адриатике, в Шотландии и т. д.).

Наряду с остатками домашних животных на всех городищах встречаются также многочисленные остатки диких животных — лося, медведя, дикой свиньи, бобра и др. Охота давала населению как мясное питание, так и меха.

Гораздо меньшее значение, чем описанные отрасли хозяйства, имело в то время рыболовство. Как и во все эпохи первобытно-общинного строя, велика была роль собирательства (собирали орехов, ягод, грибов, корней), широко было развито бортничество — сбор меда пчел, живущих в бортиках.

Населению центральной Белоруссии в то время были известны различные домашние ремесла. Главным из них следует признать плавку железа из руды и ковку его. Производились они, по-видимому, в каждом отдельном поселении. Базой для добывания железа являлись обильные местные болотные руды. Находки обломков глиняных домниц для плавки железной руды на городищах Белоруссии не представляют редкого явления. Все имеющиеся древнейшие находки, по-видимому, подтверждают правильность предложенной (К. М. Поликарповичем) датировки наиболее раннего появления железа в Белоруссии (V—VI вв. до н. э.). Основанием для этой датировки является клад, найденный в половине 1930 г. в поле около д. Урицкое (б. Волковицкий Крупец) Гомельского района. В состав клада входили два бронзовых кельта севернорусских

ского типа с ушками (сперва в Гомельский исторический музей поступил ддин такой кельт, затем позднее К. М. Поликарповичу удалось выявить здесь и передать в тот же музей еще один такой кельт) и большой железный наконечник копья гальштатского типа. Эти предметы, найденные совместно, наиболее правильно относить к указанной выше дате.

На селищах и городищах существовало местное литейное производство из меди и бронзы. Доказательством этому служат находки отбросов литейного сырья из меди и бронзы, небольших тиглей для плавки меди и бронзы, льячков (своеобразных ложек) для разливания расплавленного металла по формам.

Из меди и бронзы изготавливались главным образом предметы украшения.

Источники появления на территории центральной Белоруссии искусства литья меди и бронзы пока определить нельзя.

Присутствие на поселениях начала железного века следов литья из меди и бронзы позволяет высказать (пока как простую догадку) следующее предположение: весьма возможно, что в конце бронзового века — 1500—500 гг. до н. э.—на территории Белоруссии уже было известно литье из меди и бронзы. Правда, до сих пор еще не известны здесь места, на которых производилось такое литье. Следует отметить заодно и то обстоятельство, что в районе Белостока, по предположению И. Костржевского, существовал центр самостоятельного бронзового производства со свойственной этому району своеобразной формой кельтов. В этом факте нельзя не видеть некоторого подтверждения высказанной выше догадки.

Из домашних ремесел весьма важной была обработка, конечно, дерева и кости. Существовала переработка льна и, вероятно, конопли (отпечатки тканей на наружной стороне дна сосудов). Обработка глины представлена громадным количеством пряслиц для веретен, изредка бусами, тиглями и льячками, необходимыми при плавлении цветных металлов и особенно большим количеством посуды, находимой во множестве, обломков, дающих возможность восстановить как технику изготовления керамики, так и ее основные, руководящие формы.

В развитии керамики можно наметить некоторые локальные и хронологические различия. Для этого времени в распределении керамики раннего железного века (имеются в виду первые века до н. э. и первые века н. э.) на территории Белоруссии можно выделить три главные группы:

1) текстильная керамика крайнего севера Белоруссии, представленная на группе городищ в дд. Загорцы, Жеребцы Меховского района Витебской области и др.;

2) большая область, приуроченная в основном к центральным частям Белоруссии, так называемой «штрихованной» керамики, наряду с которой в одних и тех же комплексах встречается в небольших количествах и лощеная керамика:

3) область распространения керамики, занимающая южные районы Белоруссии и характеризующаяся посудой, которая имеет ближайшие аналогии в посуде зарубинецко-корчеватовского типа Киевщины и других территорий Украины.

Подводя итоги добытым раскопками материалам, следует признать, что о-ни дают представление о высоко развитой культуре местных племен, выросшей, как можно думать, из местной культуры бронзового века.

Исследования древних городищ средней Белоруссии дали основания для решения вопроса о социальной организации обитавших на них общин. Особую важность для решения этого вопроса имеют добытые раскопками данные об устройстве жилищ.

Наличие и формы жилищ на городищах, например у дд. Збаровичи и Вязынка, устанавливаются по находкам большого количества ям для столбов, входивших в конструкцию стен (Збаровичи), либо по большому количеству глиняной обмазки стен (с отпечатками бревен). Формы и очертания жилищ определяются как основными линиями, по которым устанавливались столбы, так и направлениями, которые (для стен) воссоздаются по массовому залеганию кусков глиняной обмазки, соответствующих, конечно, направлению самих стен, которые этой обмазкой когда-то были покрыты. По данным исследований А. Г. Митрофанова, на городищах у Збаровичей и Вязинки раскопками вскрыты жилищные комплексы, представляющие большие дома, состоявшие из отдельных помещений. В этих помещениях жили отдельные парные семьи, входившие в состав одной большой патриархальной семьи.

Кроме раскопок А. Г. Митрофанова, исследования по той же эпохе проводились в 1951, 1952 и 1953 гг. также Днепровским отрядом Славянской экспедиции Института истории материальной культуры (ИИМК) Академии наук СССР. В состав экспедиции входили П. Н. Третьяков (начальник экспедиции), Ю. В. Кухаренко, а также О. Н. Мельниковская—в 1952 г.

Исследования велись в Могилевской и Гомельской областях по Днепру, от Могилева до устья Припяти, а также по нижнему и среднему течению Припяти, в Быховском районе Могилевской области, Речицком, Лоевском и Туровском, районах Гомельской области, Столинском и Давид-Городокском районах Брестской области.

Задачей работ Днепровского отряда Славянской экспедиции было изучение славянских археологических памятников первого тысячелетия н. э., древней культуры восточнославянских племен и их племенного состава, а также более древних памятников, которые могли бы осветить вопрос славянского этногенеза.

Обследования 1951 г. показали, что по Днепру и Припяти в пределах БССР имеется много славянских городищ, относя-

щихся к разным временам. Это было известно, впрочем, и до работ экспедиции. Древнейшие из городищ относятся к середине первого тысячелетия до н. э. (например, в д. Горошково Речицкого района). С ними по времени можно связывать также могильники с трупосожжением. Группа городищ последних веков до н. э. и первых веков н. э. (например, у дд. Чаплин и Милограды—обе в Речицком районе) принадлежит к зарубинецко-корчеватовской культуре, которая хорошо известна на Киевщине, и приписывается славянам (таких городищ здесь обследовано 16). К этому же времени относятся и могильники с трупосожжением, аналогичные «полям погребений».

В 1951 г. были произведены раскопки городища и могильника у д. Чаплин Речицкого района.

На городище было вскрыто два раскопа площадью в 40 и 60 кв. м. Находки состояли из остатков керамики (иногда полных сосудов в обломках) зарубинецко-корчеватовского типа, зернотерок, точильных камней, глиняных пряслиц. Особо следует отметить находку фрагментов гончарного серо-лощеного кувшина Черняховского типа. Обнаружены характерные погребения в виде овальных ям с ямками вокруг них для столбов, остатки прямоугольного сооружения размером 2X2 м с очагом. Городище у д. Чаплин относится, по П. Н. Третьякову, к I в. до н. э.—I в. н. э.

Севернее городища был обнаружен и исследован могильник той же эпохи. В 1951 г. было вскрыто два погребения. Одно из них—в овальной ямке, с лепленным сосудом без лощения и с латенской железной фабулой.

Самые поздние из обследованных Днепровской экспедицией городища (с сопутствующими им курганными могильниками) относятся уже ко времени Киевской Руси (таких городищ обследовано 14; кроме того, на 5 городищах обнаружены остатки лепленной и гончарной посуды).

Отмечено несколько укреплений еще более позднего времени, а также несколько неукрепленных поселений (селищ) времени упомянутых городищ или даже эпохи бронзы.

Во время работ Днепровского отряда Славянской экспедиции ИИМК АН СССР в 1952 г. раскапывались 4 городища: -в дд. Чаплин (наиболее значительные раскопки), Мохово, Горошково, Милограды. Два первых городища принадлежат к последним векам до н. э.—началу н. з., два последних—к более раннему времени.

Кроме того, исследовались могильники у дд. Чаплин Лоевского района, Новый Быхов Быховского района, на р. Днепр, у д. Воронино Туровского района, на Припяти.

На городище в Чаплине вскрыта площадь более 300 кв. м. Обнаружены остатки двух наземных жилищ (с ямами от столбов) размером 4x4 м и 5,5X4 м; в жилищах — остатки оча-

гов (или печей?) из камней. Выявлено, как и при раскопках 1951 г., много ям-погребов с ямами от столбов для перекрытия.

Из отдельных находок интерес представляют два железных кельта с четырехугольным поперечным разрезом, серп (обломок), ножи, рыболовный крючок, тигельки, льячок, половина литейной формы из глины, булавка, фибула, две зернотерки. Находки ясно указывают на земледельческий характер поселения. Остатки домашних животных принадлежат лошади, быку, мелкому рогатому скоту, свинье; диких — лосю, медведю, бобру. Имеются остатки рыб.

Керамика распадается, на две группы: 1) посуда лощеная, черная или коричневая, формы широких ребристых мис и более высоких с выпуклыми стенками сосудов; некоторые лощеные сосудики (в обломках) имели ручки (посуда типа зарубинецкого и корчеватовского полей погребений); в орнаменте в двух случаях процарапанные параллельные линии либо зигзаги (последний, может быть, предшественник славянского волнистого орнамента?);

2) грубая лепленая посуда указанных выше форм, с зашипным орнаментом, иногда с ямками по горлышку, с примесью дресвы к тесту. Имеются черепки посуды с отверстиями по дну. Обе группы керамики одновременны.

Часты находки пряслиц, нередко с орнаментом.

Из украшений встречены спиральные бронзовые кольца, железная булавка с эсовидным завитком, железная фибула, бусы из стекла. Эти находки позволили П. Н. Третьякову датировать городище II—I вв. до н. э., что подтверждается и материалами находящегося рядом могильника. Поселение на этом месте существовало и позже, в I—III вв. н. э.

Городище у пос. Милограды Речицкого района с лепленой керамикой (очень немного сосудов со штрихованной поверхностью), исследовавшееся в 1952 г. Ю. В. Кухаренко, принадлежит к первым векам н. э. и является более поздним, чем городище у Чаплина.

При раскопках городища в д. Горошково Речицкого района в 1952 г. О. Н. Мельниковской вскрыто в двух раскопах 192 кв. м и в одном шурфе 16 кв. м. Найдены остатки наземных столбовых жилищ. Одно из них квадратное, с округлыми углами, размером 5X5 м, глубиной до 0,25—0,36 м, с ямами от затесанных столбов, забивавшихся в землю. Обнаружены ямы-хранилища, зернотерки, маленький железный серп, железный дротик с длинной втулкой, часть тигелька.

На городище обнаружена лепленая керамика, иногда с заглаженной поверхностью. Встречаются остатки посуды со штрихованной поверхностью. Орнамент в виде удлинённых или округлых ямок, ногтевых вдавлений, насечек. Днища круглые, иногда слегка уплощенные.

Встречены и другие изделия из глины с разнообразной орнаментацией.

Можно думать, что городище у Горошкового состоит из двух разновременных частей. Из них более ранней является южная (к югу от внутреннего вала), а более поздней — северная.

На городище у д. Мохово Лоевского района (городище «Мохов II») раскопками П. Н. Третьякова в 1952—1953 гг. были обнаружены следы жилища с ямами от столбов и местом очага. Материалы городища — керамика, железный серп, глиняные пряслица с орнаментом — близки к материалам Чаплинского городища.

На упоминавшемся уже могильнике у Чаплина в 1951—1953 гг. Ю. В. Кухаренко вскрыл 43 погребения в виде неглубоких ям, в которые были ссыпаны остатки сожжений без положения их в сосуды. Различались ямы двух видов: небольшие, округлые в плане и большие, удлиненные, размером 2,0—0,8 м, вытянутые с северо-запада на юго-восток.

В ямах с сожжениями находились глиняные высокие сосуды («горшки»), широкие низкие мисы, большие бронзовые и железные фибулы средне- и позднелатенского типа, два железных наконечника копий, железные ножи с горбатой спинкой, застежки, украшения. Ю. В. Кухаренко относит Чаплинский могильник к III—I вв. до н. э.

В д. Воронине в 1952—1953 гг. Ю. В. Кухаренко раскопал могильник с 26 погребениями (из них в 1952 г. раскопано 4). Они содержали трупосожжения на дне неглубоких ямок, в одном случае в большом глиняном сосуде. Обнаружены бронзовые фибулы средне- и позднелатенского типа, большие бронзовые булавки с плоскостпиральными головками, бронзовые проволочные браслеты, железные пряжки, ножи. Возле пережженных костей — по несколько (в одном погребении четыре) лепленых сосудов зарубинецкого типа.

По керамике и по изделиям из бронзы могильник датируется III—I вв. до н. э.

В 1 км к северу от могильника, на берегу старицы Припяти, обнаружено селище с такими же, как и в могильнике, сосудами в обломках.

В д. Отвержичи Сталинского района во время обследования в 1953 г. Ю. В. Кухаренко обнаружил следы селища с фрагментами лепленых сосудов зарубинецкого типа.

В д. Велемичи Давид-Городокского района Ю. В. Кухаренко в 1953 г. вскрыл два погребения с сожжениями, положенные в небольшие ямки, до глубины 0,7 м от поверхности. В каждом из погребений находилось по 1 лепленому сосуду зарубинецкого типа и по одной бронзовой фибуле среднелатенского типа. Ранее на этом же могильнике при рытье ям было разрушено два погребения с сосудами.

В Новом Быхове Ю. В. Кухаренко в 1952 г. на месте известного уже с 1905 г. бескурганного могильника было

вскрыто 240 кв. м. Теперь здесь обнаружено 8 погребений с трупосожжениями, о времени которых исследователь затрудняется «сказать что-либо определенное». В этих погребениях выявлены небольшие углубления с золой, большим количеством кусочков пережженных костей (несколько сот), два сосуда (колоколовидной формы). В одном случае опрокинутый сосуд перекрывал пережженные кости.

Этот памятник следует, как полагает автор, рассматривать как разрушенный могильник с курганными насыпями над логребениями. Некоторым подтверждением этому служит как будто то, что при раскопках в конце 20-х годов XX в. И. А. Сербовым курганов на «Хуторе Юревича» (левобережье Днепра восточнее Нового Быхова) была найдена аналогичная керамика. В длинных курганах севера Белоруссии (дд. Старая Рудня и Горовые Полоцкой области) также встречалась керамика, близкая к Ново-Быховской.

В 1961 г. по инициативе и на средства Гродненского историко-археологического музея экспедицией под руководством С. А. Таракановой (Институт истории материальной культуры Академии наук СССР) были проведены обследование и небольшие раскопки. В экспедиции принимали участие шесть работников ИИМК, работники Гродненского и Волковысского музеев. Задачей экспедиции было обследование археологических памятников по течению Немана в Лидском, Желудокском, Щучинском, Мостовском и отчасти Волковысском районах Гродненской области, начиная от д. Бурносово Лидского района до селения Мосты (фабричные) Мостовского района. Обследованием было охвачено 145 км правого берега Немана, а левый обследовался лишь частично.

Экспедицией было выявлено или обследовано 14 местонахождений неолитической и бронзовой эпох, 13 селищ, 4 курганные группы, 1 могильник, 1 «средневековая крепость» (в Лиде). Селища С. А. Тараканова относит к XI—XII вв., считая их славянскими поселениями, хотя некоторые из них с лепленной керамикой возникли, по ее мнению, еще в первом тысячелетии н. э.

Мстибовское городище, которое раскапывалось экспедицией, С. А. Тараканова относит к X—XI вв.

В 1950 г. Л. В. Алексеев произвел обследования 8 городищ (на 4 произведены пробные раскопки) и 44 курганов (в 8 пунктах) в пределах Меховского, Городокского и Суражского районов Витебской области.

Нельзя не признать, что указанные выше раскопки городищ средней (исследования А. Г. Митрофанова), а также городищ и могильников южной Белоруссии, отчасти обследования С. А. Таракановой по Неману дали весьма важные материалы для истории Белоруссии в эпоху раннего железного века.

Наиболее важным результатом всех этих исследований является установление более или менее точной хронологии этих

памятников в средней и южной Белоруссии. Достаточно указать на то, что дата городищ со штрихованной керамикой центральной Белоруссии в итоге исследований последних лет оказалась сдвинутой далеко в глубь веков, вплоть до последних столетий первого тысячелетия до н. э. Исследованиями городищ и могильников на Днепре и Припяти установлена такая же их датировка. Весьма важное значение имеет установленный раскопками факт, что в культуре этих памятников на территории Белоруссии выявляются несомненные признаки большой близости к культуре памятников зарубинецко-корчеватовского типа на Украине.

Переходя к тому, что дали исследования последних лет для подхода к решению вопроса об этногенезе восточного славянства, следует сказать, что в этом отношении исследования по Белоруссии выявили некоторые неизвестные ранее данные. Важными по этому вопросу следует признать те материалы, которые добыты раскопками Днепровского отдела Славянской экспедиции ИИМК АН СССР. Особенно ценным является, как указано выше, то, что работы данной экспедиции показали близость культуры населения южной части территории Белоруссии около начала нашей эры к зарубинецко-корчеватовской культуре Среднего Поднепровья того же времени, которую в настоящее время рассматривают как принадлежащую древним славянам.

Древности раннефеодальной эпохи. Продолжительные исследования—с 1945 по 1951 г.—велись на месте древнерусского раннефеодального города Минска—Менеска, упоминаемого впервые в «Повести временных лет» под 1067 г. Еще в довоенное время некоторыми археологами указывалось на минское Замчище при впадении ручья Немига в р. Свислочь как на возможное место расположения летописного Менеска. Однако, ввиду неясности имевшихся в распоряжении исследователей в довоенное время данных, никаких исследований на минском Замчище в то время предпринято не было. Во время Великой Отечественной войны весь прилегающий к Замчищу район был разрушен и сожжен немцами. При осмотре почти свободного от всякой застройки района Замчища автором данной статьи было обращено внимание на топографические особенности этого места: Замчище расположено у самой р. Свислочь, а от него отходит к юго-западу узкий длинный возвышенный мыс. С восточной стороны мыса впадает в Свислочь ручей Немига. На юго-западном конце мыса проходит старое русло Немиги, которая когда-то, обойдя мыс с юга и запада, вливалась в Свислочь. Таким образом, этот мыс представлял совершенно обособленный узкий островок. Такие островки или мысы весьма часто использовались для устройства на них древних укрепленных поселений—городищ.

Характер местности у Замчища указывал как будто на то, что по своим особенностям она могла быть использована

для построения здесь «града», который действительно мог возникнуть при впадении Немиги в Свислочь. Ввиду этих соображений еще в том же году Институт истории принял решение о производстве на Замчище раскопок. Основной целью последних было установить, не является ли Замчище местом древнерусского Менеска. Уже в сентябре 1945 г. после первых пробных раскопок, которые проводились под руководством В. Р. Тарасенко и при участии В. И. Голубовича и Е. А. Цегак-Голубович, это предположение подтвердилось. В самом низу культурных напластований, на глубине от поверхности Замчища 3,5—5,0 м были обнаружены несомненные остатки культуры древнерусского городского центра—«града», которые были представлены славянской керамикой XI—XIII вв., обломками стеклянных браслетов, несколькими обломками круглых жерновов, пряслицами из розового овручского шифера.

Такое начало давало полное основание для постановки в дальнейшем на Замчище более значительных раскопок, которые и велись здесь ежегодно с 1946 по 1951 г. включительно под руководством В. Р. Тарасенко. Большой помехой при исследовании остатков древнего раннефеодального Минска служила очень большая толщина лежащих сверху слоев (восходящих вплоть до XX в. включительно) — до 7,2 м.

За указанные годы в средней части Замчища была вскрыта площадь размером в 560 кв. м.

В результате было доказано бесспорное наличие древнерусского городища, стоящего на месте, на котором нет следов более древнего поселения. По мнению производившего раскопки В. Р. Тарасенко, первоначальное поселение на месте теперешнего Замчища было еще до XII в. боярской усадьбой, которая позже приобрела характер типичного раннефеодального города.

Культурные остатки усадьбы лежат на глубине между 5,20 и 5,32 м от теперешней поверхности Замчища и прорезаются каменным фундаментом храма XII в., опущенным до глубины 6,75 м. Этот культурный слой в 0,12 м представляет верхнюю часть древнего почвенного слоя со следами первого поселения на Замчище и относится к XI в. На нем был сооружен в начале XII в. каменный храм. Низ стены храма и верх его фундамента лежат на глубине 5,20 м.

При раскопках, помимо верхнего слоя XVIII—XX вв., были выявлены более ранние культурные слои, охватывающие время с XI до конца XVII вв. включительно. Слои XI—XIV вв. залегают с 2,75 м от современной поверхности Замчища до глубины 5,95 м и более. Общая мощность культурных наслоений от современной поверхности до материкового слоя, включая и древнюю почву, достигает 7,2 м.

На уровне 2,0—2,25 м от уровня поверхности залегает слой каменной мостовой, которая сооружена в XVI в. и над которой

встречены в массе вещи XVI—XVII вв.: изразцы и черепки посуды с зеленой глазурью, а также монета середины XVI в.

Ниже идут слои с деревянными жилами и хозяйственными сооружениями на разных уровнях, а также четырьмя ярусами уличных настилов-мостовых.

Настилы-мостовые залегают, по данным 1951 г., на глубине 3,75—3,78 м первый; 3,81—3,84 м второй; 3,87—3,95 м третий и 3,74—3,97 м четвертый. Датируются они таким временем: не позднее XIV в. первый сверху, XIII в. второй и третий, второй половиной XII в. четвертый.

Большая часть обломков стеклянных браслетов и шиферных пряслиц приходилась на слой между третьим и четвертым настилами.

Следы укрепления города нельзя считать твердо установленными при раскопках. Зато найдены в изобилии остатки, которые дают некоторое представление об общей планировке города, о делении его улицами и переулками, о типе уличных мостовых, о характере застройки и типе жилищ.

Найдено на различных уровнях несколько жилых строений с сохранившимися от каждого несколькими венцами.

Наиболее важную находку архитектурного характера представляют обнаруженные в 1949 г. остатки небольшого каменного храма размером 16,0X12,0 м. Остатки храма вскрывались в 1949—1951 гг. В 1949 г. были обнаружены фундамент и нижняя часть стены северо-восточной части храма (алтарь и жертвенник), в 1950 г.—юго-восточная часть (диаконик) и средняя часть храма и, наконец, в 1951 г.—западная половина храма. При вскрытии храма оказалось, что он имеет несколько необычную ориентацию—не с запада на восток, а с юго-запада на северо-восток.

Фундамент и стены храма были сложены не из плинфов, как все известные до сих пор храмы домонгольского периода в Белоруссии, а из крупных валунных камней, скрепленных между собой известью желтовато-серого цвета.

Храм трехабсидный, с двумя отступающими назад полукружиями для жертвенника и диаконика. В средней части сохранились следы четырех столбов, а по стенам—трех лопаток.

Особенность храма представляет наличие на внутренней поверхности стен облицовки из небольших шлифованных плит известняка.

Остается неясным, был ли храм закончен постройкой. Более доводов имеется в пользу предположения о том, что постройка храма была доведена до конца.

Из отдельных вещественных находок при раскопках древнерусских слоев Замчища следует указать на множество остатков глиняной посуды обычного курганного типа, изготовленной на гончарном круге. Многочисленны железные ножи, замки, часты шиферные розовые пряслица обычного типа. Не менее часты стеклянные, разных цветов, гладкие и витые браслеты

в обломках. Все это—вещи, которые являются хорошими хронологическими указателями, ограничивающими время существования в этом месте древнерусского «града» XI—XIII вв.

Среди массовых находок керамики, пряслиц, браслетов стоят обособленно две находки, обнаруженные в тех же древнерусских слоях. Это, во-первых, золотой витой браслет весом в 75,472 г с двумя головами животных на концах (по мнению некоторых, головами змей). По типу браслет не отличается от аналогичных браслетов из бронзы, неоднократно находившихся в окрестностях Минска при прежних раскопках курганов, например в д. Гребень Руденского района, в д. Видогощ Минского района и др.

Другой весьма интересной находкой является обломок какой-то неопределенной вещицы из рога лося с отверстием для прикрепления. На наружной хорошо отшлифованной поверхности черного цвета этой вещицы вырезаны два знака Рюриковичей в виде двузубца. Между зубцами обособленно помещен крест. Наиболее вероятным объяснением такого вида знака является предположение, что он, будучи знаком минского удельного князя, принадлежавшего к Полоцкой ветви Рюриковичей, представлял местный, полоцкий его вариант.

Таким образом, раскопки в Минске наряду с данными, полученными при раскопках в Гродно, Давид-Городке, Волковыске, Гомеле, Копыси, Орше, дали новые материалы для познания истории Белоруссии раннефеодального времени.

В 1949 г. Н. Н. Ворониным (ИИМК Академии наук СССР), изучившим материалы раскопок древнерусского города Городно (теперешнего Гродно), польскими археологами И. Иодковским и З. Дурчевским были произведены на средства Гродненского историко-археологического музея новые большие раскопки на Старом Замке в Гродно. Помимо целого ряда уточнений данных раскопок И. Иодковского и З. Дурчевского, раскопками Н. Н. Воронина были добыты новые материалы по древнейшей истории Гродно. В частности, доведены до конца раскопки нижнего храма, вскрытие которого было начато еще польскими археологами.

Задачами раскопок 1949 г. было завершение раскрытия нижней церкви, начатого польскими археологами, и вскрытие оставшихся небольших участков к северу и югу от нее, что было необходимо для получения точной стратиграфической картины памятника. Всего было вскрыто на различных уровнях 134,5 кв. м.

В слое, связанном со строительством нижней церкви, встречены «отдельные фрагменты лепной текстильной керамики, говорящие о наличии поселения на Замковой горе задолго до возникновения феодального города. Этот этап... польскими археологами отмечен не был» (Н. Н. Воронин, 1949). В этом слое отмечены следы большого пожара.

Выяснено, что нижняя церковь была первым каменным зданием на этом месте. Из 12 установленных слоев польской стратиграфии русскому городу принадлежат слои с 4 по 12. Из находок Н. Н. Воронин отмечает здесь, кроме обычных стеклянных браслетов и шиферных пряслиц, некоторые костяные и деревянные изделия. Керамика вся гончарная. Найдены обломки больших привозных амфор-корчаг, значительное количество зерен ржи, гороха, проса, льна, скорлупа лесных орехов (Н. Н. Воронин). По костным остаткам устанавливается резкое преобладание крупных диких животных — зубра, лося, оленя, кабана, а из домашних животных — коровы и свиньи мелкой породы.

Н. Н. Воронин указывает на сходство материальной культуры как русского этапа, так и следующего за ним литовского. Подчеркивается культурная общность древнерусского Гродно с другими русскими городами до монгольского периода.

Была вскрыта внутренняя полость нижней церкви. Выяснилось, что после окончательного разрушения церкви здесь еще в XIII в. возникло кладбище и совершались погребения, а выше — погребения литовской поры XIII—XIV вв.

По данным раскопок установлено, что храм подвергался двукратному разрушению, обусловленному техническими недостатками, допущенными при его постройке.

В жертвеннике в северном нефе и менее в диаконике церкви сохранился пол из желтых, зеленых и коричневатокрасных майоликовых плиток, уложенных по диагонали к оси здания.

Выяснилось, что «композиция объема здания была асимметричной: четыре западных столба более мощны, чем алтарные, они несли главу храма, которая была, таким образом, сдвинута к западу». Снаружи на поверхности нижних частей стен здания выступали цветные глыбы частью полированного камня. Выше их шла обработка майоликовой плиткой и майоликовыми зелеными чашами. Нижняя церковь уступает в смысле декоративного богатства Коложской церкви (также в Гродно) и по времени предшествует последней. В нижней церкви, по заключению Н. Н. Воронина, «уже выражены в полной мере те своеобразные черты, которые свойственны гродненской школе русского зодчества домонгольского периода».

Из отдельных находок при раскопках 1949 г. в Гродно можно отметить медную позолоченную пластину с гравированным изображением святого Федора и с надписью, аналогичную найденным ранее пластинам с изображениями Павла и Симеона.

Небольшие раскопки городищ раннефеодального времени в Волковыске на «Шведской Горе» были произведены Т. И. Пехом (Волковысский краеведческий музей).

Л. А. Михайловский в 1960 г. произвел небольшие раскопки городища в г. Копысь Витебской области (левый берег Днепра). Раскопки важны тем, что показали раннефеодальный характер городища в Копыси, которая по «Повести временных лет» известна уже с 1060 г.

В 1948 г. Институтом истории материальной культуры (ИИМК) Академии наук СССР совместно с Московским педагогическим институтом была организована Полоцкая археологическая экспедиция, работавшая под руководством М. Г. Рабиновича в Полоцкой и Витебской областях. Задачей экспедиции являлась разведка крепостей Ивана Грозного, построенных им здесь в 1566—1568 гг. В 1566 г. были построены крепости Суша, Сокол, Ситно; в 1566—1567 гг.—Красный и Касьянов; в 1567—1568 гг. — Туровля. Экспедиция обследовала места всех этих крепостей. Одновременно с этим она фиксировала все встречавшиеся на пути ее следования археологические памятники—курганы, городища и производила их первичные описания и обмер.

Таковы основные итоги археологических исследований в БССР, проведенных в 1945—1953 гг.

Результаты работ по археологии, которые выполнены по БССР, следует признать весьма значительными и имеющими в некоторых отношениях большой научный интерес. Так, например, большое научное значение имеют исследования по выявлению в БССР среднего палеолита. Весьма ценные результаты дали раскопки стоянок верхнего палеолита в Елисеевичах, Юдинове, Курове.

Значительными являются итоги исследований древнейших: городищ средней, а также городищ и могильников южной Белоруссии. Наконец, большую важность представляют раскопки древних городов Белоруссии Гродно и Минска.

Все эти исследования дали богатейший материал, который может помочь восстановлению древнейших страниц истории Белоруссии, которые в дореволюционные времена или вообще не изучались или изучались весьма слабо.

ЛИТЕРАТУРА

В о р о н и н Н. Н., Раскопки в Гродно. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, вып. XXVII, М., 1949.

В о р о н и н Н. Н., Раскопки в Гродно. Краткие сообщения ИИМК вып. XXXVIII, М., 1951.

Г р о м о в В. И., Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Труды Института геологических наук (АН СССР), вып. 64, М., 1948.

Палікарповіч К. М., Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай соцыялістычнай рэвалюцыі. «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР», серыя гістарычная, вып. I, 1947.

Рабинович М. Г., Археологическая разведка в Полоцкой земле. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, вып. XXIII, М., 1950.

Рогачев А. Н., Раскопки Костенок 1. Краткие сообщения ИИМК АН СССР, вып. 51, М., 1953, стр. 14, 15.

Т а р а с е н к о В. Р., Древний Минск, Настоящее издание.

Третьяков П. Н., Восточнославянские племена, М., 1953.

К. М. ПОЛИКАРПОВИЧ

**К ВОПРОСУ О МУСТЬЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ
В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ**

Предметом настоящей статьи является изложение основных данных по древнейшим этапам человеческой культуры в Верхнем Поднепровье, добытых до настоящего времени археологией.

Все приводимые ниже данные касаются Белоруссии, западных частей Смоленской и Брянской областей.

Верхний палеолит обнаружен на данной территории еще в 20-х годах XX в.: в 1925 г. была найдена верхнепалеолитическая стоянка в д. Супонево Брянского района (С. С. Деев); в 1926 г. — верхнеориньякская стоянка у д. Бердыж Чечерского района Гомельской области (К. М. Поликарпович); в 1927 г. — верхнепалеолитическая стоянка в д. Тимоновка Брянского района (М. В. Воеводский). К 1927 г. относится обнаружение стоянки верхнего палеолита в д. Новые Бобовичи Новозыбковского района Брянской области. В 1929 г. найдена мадленовая стоянка в д. Юровичи Калининковского района Гомельской области (К. М. Поликарпович). В Брянской области в 1930 г. были выявлены стоянки верхнего палеолита в д. Елисеевичи Почепского района и в д. Курово Погарского района (К. М. Поликарпович), в 1934 г. — в д. Юдиново Погарского района (К. М. Поликарпович).

Помимо несомненных местонахождений верхнего палеолита на данной территории, исследования последних лет привели к открытию некоторых фактов, которые можно было бы связать по времени с более древним временем — со средним палеолитом, с мустьерской культурой.

Так, в Смоленской области в непосредственной близости к БССР, в д. Гамково, расположенной километрах в 20 западнее Смоленска и километрах в 7 от левого берега Днепра, на левобережье р. Уфинья, притока Днепра, были найдены остатки четвертичной фауны.

С 1909 г. здесь неоднократно обнаруживались костные остатки сибирского (шерстистого) носорога (*Rhinoceros*)

tichorhinus Fisch.) и, возможно, мамонта. Находки все время выявлялись на левом берегу верховья небольшого, впадающего слева в Уфинью, оврага, на глубине около 4,5 м от его бровки.

Исследования здесь в небольших размерах велись в 1926, 1927 и особенно в 1934 гг. (Г. А. Бонч-Осмоловский, Г. Ф. Мирчинк, К. М. Поликарпович).

В 1934 г. Г. А. Бонч-Осмоловским и К. М. Поликарповичем в Гамкове были произведены раскопки, (которые не дали новых находок, кроме небольшого количества костных остатков (по-видимому, носорога). Орудий из кремня найдено не было.

На основании массового залегания костных остатков в определенных геологических условиях можно было бы считать это место стоянкой охотников ледникового времени за носорогом, мамонтом и другими четвертичными животными.

В определении возраста этого местонахождения мнения исследователей расходятся. Так, Г. Ф. Мирчинк пришел к заключению, что гамковские находки залегают на плато и что они «не моложе вюрмской ледниковой эпохи и не древнее конца рисской ледниковой эпохи».

Если бы, по Г. Ф. Мирчинку, в дальнейшем существование палеолитической стоянки подтвердилось, то она оказалась бы более древней, чем ближайшие к Гамкову стоянки верхнего палеолита в Бердыже и Юровичах, а также в Супоневе, Мезине и др.

В. И. Громов указал (1948), что гамковская находка, вероятно, синхронична некоторым верхнепалеолитическим находкам, которые по возрасту могут принадлежать к концу рисса, рисс-вюрму и вюрму.

22 июня — 2 июля 1953 г. на средства Смоленского областного краеведческого научно-исследовательского института в Гамкове были организованы значительные раскопки под руководством К. М. Поликарповича. Последние показали, что прежние сведения различных авторов о большом количестве найденных здесь костей носорога являются, по-видимому, сильно преувеличенными и не соответствуют действительному положению вещей. При раскопках 1953 г., площадь которых достигала значительных размеров, было обнаружено всего три обломка костей четвертичного возраста (в том числе обломок локтевой кости волка), причем не было найдено ни одного обломка или чешуйки кремня. Эти работы показали, что о палеолите в Гамкове, безразлично, более раннего возраста, как предполагал Г. Ф. Мирчинк, или более позднего, как отмечал В. И. Громов, говорить нет никаких оснований.

Близ д. Светиловичи Гомельской области, на правом берегу р. Беседь, осенью 1929 г. было найдено кремневое орудие, представляющее обработанное, несомненно, рукой человека орудие, которое можно рассматривать как мустьерское. Это — остроконечник, или, правильнее, заостренное скребло (или по М. В. Воеводскому, скребло) мустьерского типа. Оно найдено

без других остатков культуры и без фауны, вероятно, не *in situ*, краеведом-учителем П. Н. Чайковским на Каменной Горе, севернее д. Чемерня Светиловичского района. Каменная Гора представляет возвышенность, поднимающуюся крутым обрывом до 20 м над уровнем Беседи. Она сложена древнеаллювиальными песками и входит в состав второй надпойменной террасы р. Беседь.

За большую древность орудия говорит как форма, так и его внешний вид. Поверхность этого скребла очень сильно скатана и отличается необычайным блеском и заполированностью. Может быть, от очень долгого пребывания (уже после обработки) в воде кремнь приобрел новую окраску бурого цвета. Это все такие особенности, которые на многих тысячах обработанных людьми кремней позднейшего времени из находок в Белоруссии не встречаются ни разу [1—4].

В д. Клеевичи Костюковичского района Могилевской области, на правом берегу р. Беседь, были встречены вместе с остатками мамонта и дикой лошади кремни с ретушью, т. е. с мелкой обивкой их краев. Эти кремни можно было бы отнести к мустьерскому времени.

Возможно, что ретушь была нанесена рукою человека. Однако она могла образоваться на кремнях и случайно благодаря передвижению их водами древнего ледникового потока по его дну при столкновениях и ударах их о другие камни.

Последние небольшие раскопки в 1951 г. не дали ничего нового для положительного решения вопроса о палеолите в Клеевичах.

Как указано выше, совершенно несомненные находки остатков древней культуры в Белоруссии имеются от времени верхнего или позднего палеолита, т. е. эпохи становления и развития родового общества. Установить наличие в Белоруссии поселений (стоянок), дошедших до нас от времен палеолита, удалось благодаря плановости проводившихся археологических исследований.

Первым местонахождением палеолита верхнеориньякского времени в Белоруссии явилась стоянка у д. Бердыж, на правом берегу р. Сож. Стоянка была выявлена в результате планомерного обследования течения Сожа, проведенного автором в 1926—1928 гг. Она раскапывалась на протяжении нескольких лет (1926—1929; 1938; 1939) и доставила значительные фаунистические и археологические материалы.

Стоянка расположена в 2—4 км ниже д. Бердыж, в урочище Колодежки, на мысу, образованном правым склоном оврага, прорезающего край верхней надпойменной террасы, и склоном к долине Сожа. На дне балочки располагается растущий овраг с крутыми склонами. Бровка склона верхней террасы к пойме располагается метров на 15—17 над уровнем Сожа.

Остатки стоянки лежали на глубине 5—6 м в слое зелено-вато-серого суглинка, прикрытого песками. Слой суглинка содержал в себе громадное количество костей преимущественно мамонтов, небольшие валуны, обломки пережженных костей, желваки и обломки кремня и кремневые орудия.

Весьма частыми на стоянке у Бердыжа орудиями являются кремневые наконечники с выемкой сбоку для копий или дротиков. Это—наиболее характерные для Бердыжской стоянки орудия. Благодаря им стоянку можно сопоставить по времени с другими стоянками как в СССР (Костенки 1, Боршево 1, Гагарино-на-Дону, Авдеевка на р. Сейм), так и за его пределами (Виллендорф в Австрии, Пржедмост в Моравии и др.). Поэтому стоянку в Бердыже следует отнести к верхнеориньякской эпохе.

Для понимания того, что именно представляет собою стоянка в Бердыже, важный материал дали раскопки 1938 и 1939 гг. Во время раскопок 1938 г. была вскрыта громадная яма длиной 9—10 м, шириной 3—4 м, глубиной до 3 м. Вся она сверху донизу была заполнена серовато-зеленым суглинком с прослойками песка и костями.

Сперва предполагалось, что эта яма представляет жилище, т. е. землянку, вырытую людьми в песке и после заполнения всякими отбросами. Большие размеры вскрытой ямы, казалось, подтверждали это предположение. Однако через некоторое время пришлось убедиться в том, что эта яма не была землянкой и вообще не была даже вырыта людьми. При продвижении к западной части раскопа, по мере удаления от берега долины, яма становилась все более узкой, превратившись, наконец, в западной стене раскопа в узкую щель шириной всего в 0,20 м при глубине в 2,35 м. Очень важно отметить, что дно ее стало заметно подниматься кверху, так что в западной части раскопа дно было гораздо выше, чем в восточной, более близкой к берегу долины.

Отсюда сам собою вытекал вывод: жилой комплекс здесь совершенно отсутствует, яма вовсе не является жилищем-землянкой, а представляет не что иное, как громадный размыв, произведенный еще в четвертичное время падением воды сверху. Благодаря этому падению размыв постепенно увеличивался как в глубину, так и в ширину, пока не достиг тех размеров, какие были обнаружены при раскопках.

Выявление размыва дало ключ к пониманию характера Бердыжского верхнеориньякского местонахождения. Это — не стоянка *in situ*, а всего только остатки ее, смещенные с первоначальной площади их залегания. Это доказывается продольными и поперечными разрезами размыва (с востока на запад около 100 м, при поперечном разрезе у восточного конца около 10 м); характером содержимого самого размыва; характером 'напластований' в размыве; почти полным отсутствием костей мелких животных (всего только несколько отдельных мелких

костей песка, кость филина), вынесенных, очевидно, в силу своего небольшого веса водой по ложу потока прямо в долину Сожа, но не отложившихся и не задержавшихся, подобно тяжелым костям мамонтов, в ложе потока; размещением костей во всех заложенных раскопах в виде длинной, но узкой полосы, направляющейся к долине Сожа.

Что касается нахождения в размыве громадного количества больших костей мамонта, то можно предполагать, что люди использовали образовавшийся тогда размыв как яму для выкидывания всякого рода отбросов, главным образом костей, накопившихся вокруг места их пребывания. Возможно также, что кости могли сноситься с места обитания людей в размыв и силой воды без участия в этом людей. Гораздо более вероятным является второе предположение. Таким образом, раскопки в Бердыже велись не на самом месте верхнеориньякского поселения.

Место первоначального нахождения самого поселения людей или стоянки, с которой кости животных были снесены в яму водой или, что почти невероятно, сброшены людьми, указывалось как будто направлением и подъемом вверх вскрытого-размыва: стоянка была расположена, очевидно, где-то еще далее на юго-запад либо на запад от места раскопок.

Заложенные во время раскопок пробные шурфы с ясностью показали, что культурные остатки — кости, кремни — встречаются еще далее к западу от места раскопок на протяжении по крайней мере нескольких десятков метров, но в ограниченном числе.

Несколько шурфов, заложенных далее к западу от последнего (1939 г.) основного раскопа, никаких находок палеолита не дали. Вопрос о месте коренного залегания культурного слоя верхнеориньякской стоянки остался невыясненным.

Эти выявленные в Бердыже раскопками 1938 и 1939 гг. новые данные, указывая на существование размывов и смещений, говорят о своеобразии в четвертичное время климатического режима этого района, лежавшего, вероятно, недалеко от окраин ледника. Данное явление не единично, как показывают наблюдения и на соседних верхнепалеолитических стоянках БССР, РСФСР, УССР и Польши. Об этом говорят и раскопки в Юровичах в БССР (с костным материалом, залегавшим в делювиально-аллювиальных песках почти без всяких остатков культурного слоя). Стоянка у д. Передние Городцы на р. Десна под Трубчевском обнаружена также смещенной. Несомненны смещения на некоторых стоянках у дд. Пушкари и Чулатово под Новгород-Северском и на стоянке в Новгород-Северске. Местонахождение у Хенцин в районе г. Кельцы (Польша) показывает также весьма яркие признаки громадных размывов и смещений палеолитического (культурного) слоя.

Раскопки в Бердыже позволили говорить о наличии на стоянке двух культурных слоев или горизонтов. Доводы к-

пользу этого предположения основывались первоначально на том, что по костным остаткам здесь выделяются две формы мамонта, в том числе мелкая форма *Elephas primigenius minor*; кремневый инвентарь включает в себе два различных ряда находок: верхнеориньякские черные и серые кремни, в подавляющем большинстве своем без патины, кремни другого возраста, по-видимому, мустьерского, представленные широкими треугольными отщепами и одним мустьерского типа рубильцем, сильно скатанные и имеющие чаще всего буровато-коричневую патину. Особенностью залегания этих кремней, не подававшейся до раскопок 1938 г. объяснению, было то, что более молодые по возрасту кремни лежали внизу, более древние — вверх, заполняя пространство между поверхностью почвы и ориньякеким «культурным слоем». Причины, приведшие к такому именно расположению кремневого материала — размыв и смещение культурных слоев, — стали совершенно ясны после раскопок 1938 г.

Еще в 1932 г. в своей статье «Палеоліт і мезоліт БССР і некаторих сусідніх країн Верхняга Падняпроўя» автор указал [5], что мустьерская культура в Белоруссии представлена, как кажется, Бердыжской стоянкой. Последняя относится к верхнему ориньяку. Однако среди предметов кремневого инвентаря стоянки имеется ручное рубильце мустьерского типа. Соглашаясь с тем, что пережитки мустьерских типов орудий могут встречаться и в более позднее время, например в ориньякских стоянках Центральной Европы (А. Брейль, К. Абсолон [6]), следует указать на то, что в бердыжском инвентаре выделяется особая группа кремней, в которую входит указанное рубильце и целый ряд отщепов больших размеров и которая резко отличается от остальной массы кремней (орудий и обломков) своей характерной буровато-желтой патиной. В этом нельзя не видеть доказательства иного (и именно более раннего, чем ориньякская эпоха) возраста указанной части бердыжского инвентаря. Может быть, за двуслойность стоянки говорит и наличие на ней, как это было установлено В. И. Громовым при изучении ее фауны, кроме обычного вида Мамонта, еще *Elephas primigenius minor*, правда, в незначительном количестве.

Позднее, в 1941 г., эти обстоятельства были снова подчеркнуты автором на конференции по четвертичному периоду в Воронеже (май 1941 г.) в его докладе о раскопках 1938 и 1939 гг. в Бердыже.

Позднее автор, высказывая не раз тот же взгляд на Бердыж, как на стоянку с остатками двух разных культур, указывал на необходимость организации соответствующей экспедиции в Бердыж. Целью последней представлялись не только раскопки и добывание ориньякского археологического материала, но и выделение пункта с мустьерскими находками как отдельного местонахождения [6].

Не совсем ясно, чей взгляд на наличие мустьерской культуры в Бердыже имел в виду П. П. Бфименко, когда писал: «Имеется указание (чьё? — К. П.), что найденные в Бердыже на Соже орудия мустьерских типов, отличающиеся от основной массы находок (позднеориньякских. — К. П.) этой поздне-палеолитической стоянки признаками окатанности, возможно, происходят из более древних слоев, залегающих под мореной максимального (рисского. — К. П.) оледенения» [7].

Только в 1953 г. на средства Института истории Академии наук БССР была предпринята, наконец, такая экспедиция в Бердыж.

Раскопки проводились под руководством автора с 15 июля по 5 сентября. Для них было избрано место, лежащее несколько в стороне от места прежних раскопок в Бердыже. Прежние раскопки в урочище Колодежки велась все в одном пункте. Высокий берег долины Сожа перерезан здесь двумя близкими друг к другу оврагами — северным и южным, сравнительно позднего происхождения и имеющими направление с запада на восток.

Раскопки 1926—1929, 1938 и 1939 гг. все время велись с южной стороны южного оврага. В 1926 г. они начинались от обрыва берега к пойме. Следующий раскоп (1927г.) примыкал к раскопу 1926 г. Далее к западу следовали один за другим, примыкая к каждому предыдущему, все последующие раскопы вплоть до большого раскопа 1939 г.. Благодаря такому их расположению последний находился на расстоянии нескольких десятков метров от обрыва берега долины к пойме.

Раскопки показали, что находки остатков фауны и кремней располагались узкой полосой около 10 м в ширину. Уровень их залегания все время повышался к западу. На западном конце раскопанной в течение нескольких лет площади слои костей как будто бы выклинивались и находки фауны прекращались.

При выборе места, с которого лучше всего было бы начать поиски предполагаемого местонахождения остатков мустьерской культуры, ставилась цель обнаружения такого их залегания, где бы они находились в чистом виде, не смешанными с остатками других культур. В этих целях раскопки были начаты в (Некотором удалении от места раскопок местонахождения ориньякской культуры, приблизительно в 100-120 м к северо-западу. Основные раскопы были заложены уже не на правом, а на левом (северном) берегу южного оврага, упомянутого выше. Вдоль крутого его берега было вырыто четыре раскопа (1 2, 3, 4), размещенные в верхней и средней частях оврага на небольших расстояниях друг от друга. Раскоп 4 раскапывался рядом с местом раскопа 3, с северной стороны этого раскопа (впритык). Кроме того, были вскрыты еще небольшие раскопы 5 — на правом берегу оврага и 6 — на дне оврага, у его начала.

Наиболее важные находки, состоявшие исключительно из кремней, были выявлены в раскопах 1, 2, 3, 4, в которых мустьерские кремни начали попадаться на глубине ниже 2 м. В раскопах 1 и 2 количество находок было сравнительно невелико. Наибольшее количество кремней встречено в раскопе 3 и вскрытом после него в раскопе 4.

Общее количество найденных во всех раскопах кремней достигало цифры не менее 970.

Для сравнения с общим числом кремней, добытых в Бердыже, — не менее 970 — можно указать, что «основные коллекции В. Коммона (V. Comment), собранные им в Сент-Ашеле в 1906г., состояли из 990 обработанных кремней. Среди них было 375 отщепов. Остальные кремни представляли «ручные рубила, их обломки, в меньшем числе нуклеусы, грубые массивные орудия, отбойники и т. д.» [8].

Древнепалеолитический инвентарь Лаше-Балта в Юго-Осетии «включает 137 предметов: ручные рубила, грубые рубящие орудия, отщепы, нуклеусы и др.» (95 отщепов, 25 нуклеусов и нуклеевидных кусков [9]).

Размеры основных раскопов были такими: раскоп 3—длина 8,8 м, ширина 7,4 м; раскоп 4—длина 15 м, ширина 5—8 м; раскопы 1 и 2 были по размерам гораздо меньше, чем раскопы 3 и 4.

Первые сверху метры в раскопах состояли из почвы и ниже ее из светлых и светло-желтых мелкозернистых песков.

На глубине около 2 м в раскопе 1 и 6 м—в раскопе 3 была встречена очень плотная глина — красная супесь с валунами различной величины. Этот слой имел незначительную мощность. Он представляет, по-видимому, донную морену, перемытую и переотложенную в той или иной степени.

Под остатками красной супеси снова шли пески. Верхние из этих песков, более поздние по времени, носили характер древнеаллювиальных песков, т. е. отложенных древним течением Сожа и образовавших собою верхнюю террасу его долины. Ниже слои уже имели вид флювиогляциальных песков, появившихся здесь под влиянием больших водно-ледниковых потоков, приносивших и накапливавших здесь эти пески.

Наибольший интерес по количеству и характеру найденных кремней представляли большой раскоп 3, доведенный до глубины около 8 м, и раскоп 4.

Площадь каждого раскопа по мере продвижения раскопов книзу приходилось уменьшать за счет ступеней, имевших ширину до 1 м и обходивших каждый из раскопов с трех сторон—с запада, севера, востока. Четвертая сторона в каждом из раскопов 1—4 была открыта к югу, в сторону ложа оврага.

После завершения 3 раскопа по его северной стороне как продолжение к северу был заложен новый шурф — 4. При

окончании шурфа он имел 15 м в длину, 5 м в ширину в восточной половине и 8 м в западной.

Основным и единственным археологическим материалом, добытым при раскопках, являются кремни. Подавляющая часть их найдена в раскопах 3 и 4.

Остатков фауны во время раскопок не обнаружено вовсе. В этом основное отличие раскопок 1953 г. от раскопок прежних лет, когда встречалось очень большое количество остатков четвертичных животных, главным образом мамонтов.

Кроме того, небольшое количество кремней было собрано в прочих раскопах (1, 2, 6 и др.), а также в виде подъемного материала на довольно большом пространстве в оврагах и оставшихся после войны окопах.

Исходным материалом, служившим для работы людей над кремнями, были большие желваки, покрытые естественной желтоватой коркой. Они попадались десятками. Были случаи находки кремней уже на месте распавшихся на массу обломков.

Нередки были находки кремней, подготовленных для дальнейшей обработки. Такие кремни представляют собою желваки, разбитые поперек, перпендикулярно к их оси. Благодаря такому разбиванию в одной — двух точках желвака в местах поперечных его разломов получались перпендикулярные к оси желвака площадки. Вряд ли желваки с такими поперечными площадками представляют случайное явление.

Автор не приводит точных цифровых данных по количественному распределению отдельных видов обработанных в какой-то мере кремней из раскопок 1953 г. у Подлужья, в том числе и отщепов, чешуек, пластин. Однако можно указать, что эти формы обработанных кремней имеют некоторые особенности.

Площадки удара оформлены различно. Есть совершенно гладкие, ровные площадки. Одновременно приблизительно в таком же количестве встречаются площадки, образованные несколькими фасетками, большей частью крупных размеров. Как наиболее частую особенность, можно отметить то, что угол плоскостей ударной площадки и нижней поверхности (отщепа, чешуйки, пластины) в подавляющем большинстве случаев приближается к прямому. В очень редких случаях этот угол бывает и тупым.

Изъян на ударном бугорке отличается значительной величиной.

Встречено большое количество мелких чешуек либо крупных отщепов, получившихся при дальнейшей обработке или обивке желваков. От более поздних по времени чешуек и отщепов они отличаются гораздо большими размерами и своей преимущественно треугольной формой. Поверхность (пло-

скость), на которой находится ударный бугорок, всегда гладкая, хотя иногда неровная.

Другая, верхняя сторона отщепов и чешуек часто не имеет следов какого-либо обивания или обработки. Однако нередко встречаются и такие отщепы и чешуйки, которые несут на себе явные следы их обивания еще на желваке или нуклеусе. Весьма примечательно, что ось наружной обивки и ось внутреннего откола отщепа (определяемые по площадке удара) часто не совпадают. Это обстоятельство имеет важное значение для выяснения характера обработки данных кремней. Оно говорит определенно о получении таких отщепов от неуклеусов мустьерского типа. Таких отщепов было найдено немало.

Встречено также весьма много пластин и пластинок. Для них характерно следующее: края (границы) пластин и пластинок обычно не параллельны, а расходятся от основания их к концу под углом, более или менее значительным. Сколоты они с нуклеусов мустьерского типа. В результате сколы на верхней поверхности идут не по одному, а по разным направлениям: и от основания к концу пластины, и от конца к основанию. Оси верхней и нижней поверхностей также показывают, что пластины отбиты от мустьерского нуклеуса: их площадки отбивания находятся в разных плоскостях.

Как определенные орудия можно рассматривать так называемые скребла (правда, их очень небольшое количество). Скребел и близких к ним форм насчитывается всего до 17 экземпляров. Скребло, как известно, — характерное мустьерское орудие.

Наконец, следует отметить, что еще раскопками 1928 г. среди кремней, обработанных людьми, найдено небольшое мустьерское рубило (длиной 9,3 см, шириной 6,6 см, толщиной 2,2 см). Оно было выявлено (при раскопках Бердыжской стоянки в 1928 г.) в флювиогляциальных крупнозернистых лесках, подстилавших мощный слой костей мамонта вместе с ориньякскими, т. е. более поздними, чем мустьерские кремни, орудиями. Оно, как и кремни из раскопок 1953 г., характеризуется коричневой патиной и мустьерским типом обработки кремня.

Наличие на кремнях патины — очень частое явление. Она бывает светло-синей, синевато-белой, но чаще всего коричневой. Наряду с этим нередко были кремни и без патины, имеющие цвет темно-серого или черного натурального кремня.

Основной вывод из материалов, добытых раскопками у пос. Подлужье в 1953 г., заключается в том, что они составили комплекс находок, который во всей своей совокупности имеет определенно мустьерский облик.

Главные данные, характеризующие залегание вскрытых слоев, таковы.

Верх почвы и верхние слои песков не доставили находок. Обработанные кремни начинали попадаться во всех раскопах с глубины около 2—3 м (в раскопе 3—с глубины 2,65 м, в раскопе 4— 2,61, доходя до глубины 7,2 м). Особенно значительного скопления кремней ни на одном горизонте замечено не было. Через всю толщу они шли более или менее равномерно, заканчиваясь на глубине, достигающей 7—7,2 м.

По окончании раскопа 4 в восточной его части, на дне, был заложен небольшой раскоп в нижнем слое песка, на глубине между 8,0 и 9,63 м, имевший размеры приблизительно 2X2 м. Этот раскоп никаких остатков кремня уже не доставил.

Таким образом, можно считать несомненным, что ниже этой глубины кремни не залегают.

Слои песков и прослойки глины в них были однородны и шли более или менее горизонтально. Пески, включающие в себя кремни, залегают в ненарушенном положении, и кремни находятся здесь *in situ*; слои идут на всем протяжении пластами одинакового характера.

Происхождение этих песков можно толковать так, как и происхождение песков на современных поймах. Обычно пески на пойме накапливаются водами либо, реже, наносятся ветрами.

Многие из стоянок неолита и эпохи бронзы в современной долине Сожы также залегают «а таких именно песках. Приходится думать, что древние (мустьерские) люди могли поселиться на песках, скопившихся на теперешних верхних террасах, и на них в результате этого пребывания оставались культурные остатки в виде кремней. Органические остатки, в частности остатки фауны, благодаря воздействию как текущих вод, так и перевеваемых ветром песков, неизменно подвергались бесследному уничтожению.

Между прочим, такой характер залегания древнепалеолитические культурные остатки имеют в пределах Абхазии. С. Н. Замятнин, впервые обнаруживший палеолитические орудия в районе г. Сухуми на террасах Черного моря, указывает, что мустьерские кремни были находимы в верхней части галечника, который слагает террасы и прикрыт делювиальным суглинком [10].

С. Н. Замятнин также подчеркивает, что находки нижнего и среднего палеолита (мустье, ашель) в Абхазии в большинстве случаев обнаружены в древних аллювиальных или делювиальных отложениях. Таковы же условия нахождения нижне- и среднепалеолитических культурных остатков в Северной Франции, Бельгии, Южной Англии [11].

«Следы человека среднего палеолита сравнительно редко встречаются в речных отложениях — в тех случаях, когда мустьерец по стримеру шелльца приходил иногда на отмели во время спада воды, вероятно, в поисках материала для кремне-

вых изделий или подстерегая добычу. Места его постоянных становищ находились выше по склонам долин, куда не достигали речные разливы» [12].

Слои, в которых залегают кремни на стоянке у Подлужья, являются древнеаллювиальными.

Аналогичное Бердыжскому, т. е. хронологически обратное, залегание археологических остатков отмечено С. Н. Замятниным в Богутлю (Армения). Здесь «при смыве вниз по склону остатки деятельности человека были переотложены в обратном порядке, причем хронологически самые молодые («ранне-неолитические». — К. М.) остатки оказались внизу, а наиболее древние («нижнепалеолитического облика». — К. П.) — на поверхности» [13].

Взаимное расположение двух местонахождений в Подлужье и в Бердыже — мустьерского и верхнеориньякского — представляется в следующем виде.

Верхняя надпойменная терраса показывает здесь незначительный уклон в сторону поймы Сожа и имеет общее направление вдоль нее. По-видимому, остатки мустьерской культуры залегают на больших глубинах и в значительном пространстве. Судя по выходам кремней со следами обработки мустьерского характера, наблюдавшимся как при старых раскопках верхнеориньякского местонахождения (к югу от южного оврага), так и на месте раскопок 1953 г. (с северной стороны верхней и средней части южного оврага, а местами и по обрывам северного оврага), пространство с мустьерскими остатками занимает в длину вдоль поймы Сожа (с севера на юг) не менее 150 — 200 м. Ширину этого пространства с запада на восток (т. е. перпендикулярно к пойме) можно определить приблизительно в 100 м.

На неопределимой пока по размеру площади, но во всяком случае гораздо меньшей, чем площадь мустьерского местонахождения, в верхнеориньякское время была расположена более поздняя стоянка, занимавшая сниженную краевую Часть верхней террасы. Эта краевая часть с верхнеориньякской стоянкой имела скорее всего форму как бы полуцирка, понижавшегося от северо-запада и юга к ее центру и открытого к востоку, в сторону поймы.

По В. И. Громову, «на основании геологических данных мустьерские стоянки должны быть отнесены к концу миндель-рисского и первой половине рисского века, нижнепалеолитические, очевидно, — соответственно к миндель-риссу и минделю» [14]. «Верхний палеолит на основании геологических данных относится к промежутку времени между максимумом оледенения (рисского) и концом второй половины вюрма» [15].

Как указано выше, прежние раскопки в Бердыже доставили ряд данных (по стратиграфии этого местонахождения,

по фауне и по изделиям из кремня), которые являлись как бы исключаящими друг друга, противоречивыми.

После раскопок 1953 г. противоречия легко устраняются, так как можно считать установленным, что:

1) в данном районе существовало становище или стоянка людей, относящаяся к мустьерской эпохе или к ее концу;

2) размещалась эта стоянка на (верхней надпойменной террасе, вероятнее всего, на ее песчаных накоплениях;

3) на каком-то более позднем отрезке времени, край террасы был размыт и на этом краю поселилась более поздняя группа людей верхнего палеолита, ориньякско-солютрейской культуры; эта группа оставила обильные остатки фауны (с массой мамонтов) и немало орудий своей культуры, которые были найдены при прежних раскопках;

4) вместе с орудиями ориньякско-солютрейской культуры встречались и мустьерские орудия, вымытые из древних мустьерских слоев действием текучих вод, а также попавшие наружу из подлинных мустьерских слоев при разрушении их ориньякско-солютрейскими людьми;

5) явные следы такого разрушения были хорошо исследованы в 1953 г. при вскрытии раскопа 2. В нем размыв прослеживается благодаря наклону слоев его стенок в сторону оврага; слои эти дальше, в сторону тальвега оврага, идут уже горизонтально.

Раскопки 1953 г. в Бердыже являются заметным и важным явлением в истории археологического изучения не только одной Белоруссии.

До 1953 г. на всем пространстве северной половины Украины совершенно не было известно местонахождений таких древних культур, как культура среднего палеолита (мустьерская).

Ближайшими к БССР местонахождениями среднего палеолита (мустьерской культуры) в СССР являются: местонахождение при впадении в Северный Донец слева р. Деркула (УССР); с. Старый Кодак на правом берегу Днепра, в северной части порогов; несколько не совсем достоверных местонахождений на средней Десне—в пределах Брянской области РСФСР и Черниговской области УССР [16]; на Волге в районе Куйбышева; находка единичного орудия (мустьерского остроконечника) у Пещерного Лога, близ с. Остров, при впадении Чусовой в Каму.

Польский археолог Л. Савицкий ранее утверждал, что местонахождение у д. Марьяновка на р. Горынь под г. Ровно (Волынь) является нижнепалеолитическим. Однако, судя по одной его позднейшей публикации (1934), это местонахождение следует относить к верхнему палеолиту. Он сообщил также, о нахождении остатков стоянок нижнего и среднего палеолита в окрестностях г. Кременец на Волыни.

В Польше известны следующие мустьерские местонахождения: пещера Окенник (Okiennik) возле Скаржиц в районе г. Кельцы; пещера над Галёской (nad Galoska) на Висле; Мамонтова пещера (jaskinia Mamutowa) возле Кракова.

В Белоруссии, как указано выше, была известна единичная находка у д. Оветиловичи Гомельской области на р. Беседь (в 30—35 км на восток от Подлужья), обнаруженная в 1929 г.

Теперь, после раскопок в Подлужье в 1953 г., утверждение о наличии остатков культуры мустьерской эпохи в Белоруссии опирается уже на прочные, несомненные данные. Новые материалы дают основание говорить о мустьерской культуре как об определенном этапе древнейшей истории первобытно-общинного строя на территории не только Белоруссии, но и всей северной половины Европейской части СССР.

Изложенное выше относительно остатков мустьерской культуры у пос. Подлужье показывает, что поиски палеолита в Белоруссии и Верхнем Поднепровье, проведенные в после-революционное время, дали определенные результаты. Теперь можно с полным правом сказать, что и проблема среднего палеолита на указанной территории должна считаться разрешенной в положительном смысле.

Проведенные здесь исследования показали, что люди жили на территории Белоруссии и Верхнего Поднепровья уже, по крайней мере, начиная с середины ледникового периода. Вероятно, культура среднего палеолита являлась источником, давшим начало следующим за палеолитом культурами, возникновение которых происходило на основе местного развития производительных сил и производственных отношений в течение нескольких десятков тысяч лет.

Никаких перерывов в развитии культуры на протяжении всех перечисленных эпох не было. Не было и внезапных при- носов культуры откуда-то извне путем миграций. Носителем культуры во все эти эпохи было местное население, как было местным и развитие культуры этого населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов В. И., Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, М., 1948, стр. 164.
2. Поликарпович К. М., Первая находка мустьерской эпохи в БССР, «Советская Археология», III, Л., 1937, стр. 197—199, 1 рисунок.
3. П а л і к а р п о в і ч К. М., Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі, «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР», аддзяленне грамадска- навук, серыя гістарычная, вып. 1, 1947, Мінск, стр. 55.
4. П а л і к а р п о в і ч К. М., Праблема палеаліта ў Беларусі. Ма- тэрыялы юбілейнай сесіі Акадэміі навук БССР, студзень 1949 г., Мінск, 1950, стр. 109.

5. П а л і к а р п о в і ч К. М., Палеоліт і мезоліт Беларусі і суседніх країн Верхняга Падняпроўя. Працы секцыі археалогіі (Беларуская Акадэмія навук), т. III, Мінск, 1932, стр. 219.
6. «Вынікі археалагічных даследаванняў на Беларусі пасля Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі», «Весці Акадэміі навук Беларускай ССР», аддзяленне грамадскіх навук, вып. I, 1927, Мінск, стр. 57; «Праблема палеаліта ў Беларусі» (Матэрыялы юбілейнай сесіі Акадэміі навук БССР, студзень 1949 г., Мінск, 1950, стр. 115).
7. Е ф и м е н к о П. П., Первобытное общество, Киев, 1953, стр. 154.
8. З а м я т н и н С. Н., Палеолит Абхазии. Труды Института абхазской культуры, вып. X, Сухуми, 1937, стр. 25.
9. Л ю б и н В. П., Каменный век Юго-Осетии, автореферат диссертации, Л., 1953, стр. 13, 14.
10. З а м я т н и н С. Н., Палеолит Абхазии, стр. 19.
11. Там же, стр. 5.
12. Е ф и м е н к о П. П., Первобытное общество, 1953, стр. 154, 155.
13. З а м я т н и н С. Н., Находка нижнего палеолита в Армения, «Известия Академии наук Армянской ССР» № 1, 1947, общественные науки, стр. 23.
14. Г р о м о в В. И., Палеонтологическое и археологическое обоснование ..., стр. 385.
15. Там же, стр. 387.
16. Воеводский М. В., Находка раннего палеолита в бассейне р. Десна, «Советская Археология», XII, 1950.
17. Л а з у к о в Г. И., Основные этапы развития флоры, фауны и человека в четвертичном периоде, М., 1954, стр. 30. «Список местонахождений нижнего палеолита (мустье) на территории СССР», «Долина р. Сож. 54а. Бердыж».

К.М. ПОЛИКАРПОВИЧ
СТОЯНКИ СРЕДНЕГО ПОСОЖЬЯ
(Материалы обследования 1928 г.)

Летом 1928 г. автором по поручению Археологической комиссии Института белорусской культуры и на средства последнего было проведено оплошное обследование стоянок каменного и бронзового веков по среднему течению р. Сож. Обследование охватило небольшое протяжение побережья Сожа в пределах Могилевской области Белорусской ССР, начиная от г. Чериков на севере и кончая д. Гайшин Славгородского района на юге. Это обследование явилось непосредственным продолжением аналогичных обследований, которые уже велись автором на среднем и нижнем Саже в пределах Могилевской и Гомельской областей Белорусской ССР в 1923—1927 гг. и результаты которых в свое время уже были опубликованы в двух работах¹.

Обследование в 1928 г. проводилось с 12 по 23 июня (всего 12 дней) и с 21 августа по 21 сентября (всего 32 дня), т. е. на протяжении 44 дней. Обследованное пространство — долина Сожа с ее берегами — имеет в длину, считая вдоль долины, 44 км. Ширина долины в разных местах неодинакова: с северной части она уже, в южной шире. Так, против южной части г. Чертов ширина поймы составляет 1 км (даже несколько меньше), против северо-восточного конца д. Мирогощ — около 1 км, между пос. Силяно Поле и д. Кремянка — 3 км, между г. Славгород и д. Кремянка, южнее места слияния Сожа и Прони и соединения их долин — 3,5 км, против д. Клины — 2,5 км, между дд. Гайшин и Дубна — 1,75 км.

¹ К. М. П а л і к а р п о в і ч, Дагістарычныя стаянкі сярэдняга і ніжняга Сожа па доследах 1926 г., Працы кафедры археалогіі (Інстытут беларускай культуры. — К. П.), т. I, Мінск, 1928, стр. 123—256, 3 карты, 52 табл. (в дальнейшем сокращенно — ДС 1926); К. М. П а л і к а р п о в і ч, Дагістарычныя стаянкі сярэдняга Сожа, Матэрыялы абследавання 1927 г., Працы Археалагічнай камісіі (Беларуская Акадэмія навук. — К. П.), т. II, Мінск, 1930, стр. 383—478, 1 карта, 33 табл. (в дальнейшем сокращенно — ДС 1927).

Кроме поймы, обследование включало в себя и узкую, не более 0,25—0,5 км шириной, полосу нижней либо верхней террасы, прилегающей к пойме по обеим ее сторонам. Таким образом, общую площадь, сплошь охваченную обследованием 1928 г., можно считать приблизительно в 110 кв. км.

В отличие от более южных участков своего среднего течения Сож на данном отрезке отличается некоторыми особенностями географического и геологического порядка. Так, меридиональное направление Сож имеет здесь только между г. Чериков и д. Мирогощ, а также между местом впадения в него р. Проня и д. Гайшин. Между д. Мирогощ и устьем Прони, равно как и несколько выше Черикова (начиная почти от г. Кричева), долина Сожа имеет иное направление—приблизительно с северо-северо-востока на юго-юго-запад.

С геологической стороны обследованный район характеризуется широким распространением отложений меловой системы. Они выступают главным образом на правом берегу Сожа, очень редко—на левом (например, между дд. Ушаки и Бакуновичи). Эти меловые отложения представляют самые древние выступающие в обнажениях геологические образования на рассматриваемом участке бассейна Сожа и являются частью большой площади, которую занимают меловые отложения в восточной части Могилевской области—по рр. Сож, Беседь, Ипуть¹.

Эти отложения отмечены здесь уже давно (еще в 1860 г.), в частности на правом берегу Сожа, между Славгородом и Гайшином. Лучшие разрезы, в которых представлена меловая система в этом районе, находятся в Мирогоще и Гайшине. Обнажения собственно мела имеются около д. Старинка Славгородского района и в Черикове (мощностью до 8 м) и, кроме того, несколько к востоку от Сожа около д. Бердич на берегу р. Турья, притока Сенны².

С отложениями меловой системы связано, очевидно, выступание во многих местах обследованного района естественного кремня. В некоторых пунктах, как будет видно из данного ниже описания стоянок, кремень встречается большими скоплениями. Непосредственного залегания кремня в меловых отложениях здесь, однако, наблюдать не приходилось.

Представлена в этом районе и следующая геологическая система—третичная. Так, Милашевич в 1868 г. установил следы ее у д. Кремянка, на левом берегу Сожа³.

¹ П. Муромцев, Краткий геогностический очерк Могилевской губернии, в книге «Опыт описания Могилевской губернии», кн. 1, Могилев-на-Днепре, 1882, стр. 183—184.

² Там же, стр. 84.

³ Там же, стр. 185.

Весь район дает картину оплошного распространения четвертичных отложений. Они представлены здесь флювиогляциальными песками, донной мореной (Чериков, Славгород), древнеаллювиальными песками верхней и нижней надпойменных террас (всюду по району). Как на редкий образец четвертичных образований следует указать на ископаемый межледниковый торфяник, обнаруженный автором в урочище Крутой Ров у Черикова.

Среди следов, покинутых здесь деятельностью ледников, следует отметить конечные морены. Они наблюдаются на правом берегу Сожа, в Славгороде, и далее на запад, по крайней мере до д. Кульшичи (16 км от Славгорода). Всюду они выступают в форме всхолмлений разной площади и высоты, иногда (у Славгорода) в виде больших плоских куполообразных возвышенностей.

Следует указать, что в районе обследования присутствуют и более древние, чем меловая система, отложения—девонские. Однако они находятся здесь не в коренном залегании, не *in situ*, а представляют глыбу колоссальных размеров или несколько глыб, притащенных движением ледников откуда-то с севера, из района развития коренных девонских отложений. Они залегают на правом берегу Сожа, в Славгороде, и к западу от него, в радиусе до 8 км, и входят в состав наблюдающихся здесь конечноморенных холмов.

Отложения четвертичного времени оставили свой след не только в значительных толщах моренных суглинков, флювиогляциальных и аллювиальных песков. Они отразились существенным образом и на геоморфологии данного района, как и всей Белоруссии в целом. Вся территория Чериковского и Славгородского районов занята слабо всхолмленной равниной, прорезанной Сожем и многочисленными реками его бассейна, из числа которых более крупными являются Проня, Лобчанка, Рудница—оправа, и Сенна, Ельня, Немыльня — слева. Равнина представляет плато междуречья Днепра и Сожа, которое спускается к ним и их поймам двумя террасами— верхней надпойменной и нижней надпойменной. Та и другая в этом районе имеют широкое распространение.

Верхняя надпойменная терраса выступает главным образом вдоль всего правого берега Сожа, подходя иногда к самой реке или к его пойме. Это наблюдается, например, в Черикове, у д. Журавель, у Славгорода. На левом берегу Сожа эта терраса отходит на значительное расстояние от долины реки, уступая здесь свое место нижней надпойменной террасе. Ближе к долине верхняя терраса наблюдается здесь только у Бакуновичей. Кроме того, к югу от Кремянки в урочище Высокие Ляда, сохранился ее останец значительной величины, длиной с севера на юг более 3 км при ширине 0,5—1 км.

Нижняя надпойменная терраса имеет по Сажу самое широкое распространение, выступая в противоположность верхней террасе преимущественно вдоль левого берега долины. На правом берегу Сожа местами ее совершенно нет. Иногда она сохранилась здесь в отдельных небольших обрывках или в виде узких припойменных полос, прислоненных к верхней террасе. Такие случаи наблюдаются вдоль всей д. Мирогощ, к северу от д. Журавель, у д. Толкачевка, к северу от пос. Силино Поле, у д. Рудня: Зато левый берег на всем протяжении этого участка долины Сожа сопровождается непрерывной полосой различной ширины нижней надпойменной террасы. Местами эта терраса имеет весьма значительную ширину: к юго-западу от Кремянки ширина ее составляет 1,5 км.

Кроме того, изредка нижняя терраса появляется в форме ее останков, выступающих в виде островов среди поймы. Таковы останцы у пос. Новая Жизнь с местонахождением № 44, у д. Рудня—в урочище Курган (№ 147) и в урочище Уборок (№ 153), у д. Клины в урочище Уталаз (№ 168) и некоторые другие. Величина останцов довольно значительная и была совершенно достаточной для неолитических поселений. Длина останцов колеблется от $\frac{1}{3}$ до 1,2 км при довольно большой высоте, соответствующей в общем высоте соседнего участка нижней террасы. Неизменной особенностью останцов является их вытянутость в плане по направлению долины Сожа. Сложены они обычно подобно нижней террасе древне-аллювиальными песками.

Все остальные пространства, расположенные вдоль берегов Сожа и не занятые верхней либо нижней террасами, представляют широкую присожскую пойму. Высота поймы над уровнем Сожа — до 2—3 м, часто падая значительно ниже этих цифр. Характер поверхности поймы неоднороден. Есть довольно высокие участки с песчаной почвой и с соответствующим травяным покровом. Очень часты более низкие участки с темной перегнойной почвой и, наконец, совсем низкие болотистые участки, иногда переходящие в топи и озера и заросшие лозняком, осокой, аиром, тростником.

Важное значение для понимания расселения в долине Сожа людей эпохи неолита и бронзы имеют многочисленные озера, по-местному «крыніцы». Они занимают на пойме немалую площадь и своим происхождением связаны с рекою, являясь не чем иным, как остатками или обрывками старых русел Сожа. На это указывает уже их форма—большая длина при малой ширине, приблизительно соответствующей ширине Сожа. Часто они выходят непосредственно из Сожа или соединяются с ним протоком. О происхождении озер от древнего русла реки говорят и формы их берегов. Нередко один из берегов озера бывает возвышенным, в то время как другой является

низменным. Большинство озер -несет на своих берегах следы пребывания на них людей в древности.

Число озер в пойме довольно значительно. По данным «Опыта описания Могилевской губернии»¹, в б. Чериковском уезде числилось по берегам Сожа до 97 озер (из общего их числа в уезде 121), из которых 52 занимали площадь не менее 1 десятины (1,0925 га). Соответственно протяжению долины Сожа на всем обследованном в 1928 г. участке число озер должно быть равно приблизительно 58, из них около 28 больше 1 га.

Наконец, можно упомянуть еще об одной весьма любопытной особенности морфологии поймы Сожа: наличие следов множества его древних русел. Такие места — староречья Сожа—сразу узнаются по ряду признаков. Так, они обычно тянутся длинной, узкой полосой низменности, более или менее дренированной теперь, большей частью занятой лугом и имеющей ширину, соответствующую ширине течения Сожа. Далее, у таких староречий всегда хорошо заметны один или оба берега, чаще небольшой высоты и среди поймы, особенно при рассматривании их издали, ничем не выделяющиеся. Наконец, направление их находит полную аналогию в течении реки: оно не бывает прямолинейным и, подобно реке, обычно имеет изгибы вправо и влево, меандры, излучины — следы подмыва. На их берегах обнаружено было немало местонахождений каменного и бронзового веков. Особенно много их среди поймы между д. Монастырек и пос. Новая Жизнь, где большинство местонахождений расположено на их берегах.

Из ископаемых, которые могли быть полезны древнему населению Посожья, следует указать на кремь, часто выступающий на поверхность в больших массах. Такой кремь здесь встречен неоднократно (местонахождения № 4, 9).

Имеется здесь также железная руда. В старой литературе давно было отмечено ее присутствие в большом количестве в луговой части левого берега Сожа вблизи Славгорода. Отсюда еще в 60-х годах XIX в. руда доставлялась на бывший медечугуноплавильный завод фон Бенкендорфа в д. Старинка, действовавший «исключительно силою воды»¹. Можно предполагать, что название д. Рудня Славгородского района связано, подобно другим многочисленным «Рудням» Белоруссии и северной Украины, с добыванием железа из местной железной руды. Этот промысел существовал здесь, еще во времена доклассового общества, в ранний железный век, в эпоху древнейших городищ. Почти, наверное, можно сказать, что все железные изделия, находимые здесь в ранних и поздних горо-

¹ Опыт описания Могилевской губернии, кн. 1, Могилев-на-Днестре, 1882, стр. 22.

² Там же, стр. 194, 222.

дищах и курганах, были изготовлены здесь же и из железа,, добытого из местной руды. Это наблюдалось еще в конце XVIII в., о чем говорит А. Мейер в своем «Описании Кричевского графства, или бывшего староства» 1786г.

В отношении растительного покрова район обследования, может быть весьма сжато и бегло охарактеризован по данным работы Н. Савич «Вынікі геабатанічных даследаванняў у Магілёўскай акрузе ўлетку 1925 года» (Матэрыялы да вывучэння флоры і фауны Беларусі, т. III, Мінск, 1929). К этой работе приложена «Геабатанічная карта Магілёўскай акругі» в масштабе 1 : 420 000. В эту карту почти целиком входит и данный район, за исключением левобережья Сожа выше впадения в него р. Ельна. Карта особенной подробностью не отличается. На ней показаны лишь некоторые особенности растительности района.

Правобережье Сожа между Чериковом и устьем Прони занято сосновыми лесами. Такие же леса простираются на левобережье, между рр. Ельна и Немыльня, а также к югу от Немыльни. Западные края этих двух последних лесных массивов вдоль поймы Сожа представляют узкие, вытянутые с севера на юг полосы елово-соснового леса.

Поймы Сожа, Прони, Рудни, Ельны, Немыльни показаны под лугами, без дальнейшей их детализации.

Осоковые торфяники лежат в долине р. Лобчанка. Сфагновые торфяники указаны между пос. Силино Поле и шоссе, а также к западу от урочища Высокие Ляда, расположенного к юго-западу от д. Кремянка. Интересно, что несколько восточнее Высоких Ляд проходит из долины Сожа прямо в долину Немыльни извилистая полоса олешников шириною около 1 км. Это, очевидно, какая-то мертвая долина, давно уже брошенная рекою, но сохранившаяся в рельефе. На трехверстной карте месту, занимаемому этими олешниками, соответствует оплошная низменность такой же площади и направления. На севере она начинается между устьем р. Ельна и д. Кремянка, ближе к последней, на юге оканчивается у р. Немыльня, посреди между ее устьем и д. Немыльня. Эта низменность представляет, очевидно, мертвую долину какой-то реки.

Правобережье Сожа от устья Прони до южной границы района и левобережье у д. Дубны показаны под пашнями.

В районе Славгорода, южнее места впадения р. Проня в Сож, проходит с запада на восток северная граница распространения кустарника ракитника (*Cytisus ruthenicus* Fisch.). Еще южнее, километрах в 25 от устья Прони, проходит такая, же граница граба (*Carpinus Betulus* L.).

В то время как около половины площадей правого и левого берегов Сожа сохраняют в смысле растительного покрова: еще целиком лесной характер, присущий им в далекой древ-

ности, характер современной растительности самой долины Сожа претерпел с тех пор коренные изменения. В настоящее время это—сплошные луговые пространства, отличающиеся между собою в зависимости от почвы и степени увлажнения тем или иным видовым составом. Но несомненно, что еще недавно и, весьма вероятно, в древности долина Сожа была целиком занята сплошными лесами. Эти леса состояли из различных ив, ольхи, росших на пойме, сосны и дуба, занимавших более высокие и сухие места. Еще и теперь рассеянно в долине по лривам можно встретить изредка сосны, часто кусты дуба. В начале XX в. на лугах под Славгородом было множество старых дубов. Среди местонахождений, описываемых ниже, обращает на себя внимание возвышенность Красная Грива (см. ниже № 34), расположенная в пойме и покрытая лесом.

Метод обследования, проведенного автором в 1928 г., оставался таким же, как и при обследованиях предшествующих лет (1924—1927 гг.). Целью обследования было выявить все находящиеся в долине и на ее берегах памятники древности, главным образом поселения—стоянки — каменного и бронзового веков, выявить без всяких по возможности пропусков. Эта цель определяла план и ход обследования. Обычно центром обследования являлось какое-либо современное поселение, расположенное у долины Сожа. Обследование захватывало пространство километра на два — три от поселения как вдоль реки Сожа, так и в глубь долины. В стороны от краев долины обследование не переносилось. Таким образом, площадь при отдельном поселении, подлежащая каждый раз обследованию, составляла 8 — 10 кв. км. Такое пространство требовало обычно для своего подробного осмотра 2 — 3 дня. После окончания обследования окрестностей одного населенного пункта оно переносилось на соседний участок с центром в другом поселении, затем на третий и т. д. На каждом участке обследовались все места, на которых можно было предположить наличие памятников древности. К ним относились края или берега долины; берега реки в пойме, берега заросших, занесенных песками и превратившихся в луга старых русел Сожа, его староречий, стариц, «стариков» (по-местному), возвышенности различных типов, поднимающиеся отдельными буграми среди лугов поймы; как правило, они сопровождаются озерами, «стариками», а также сохранившимися еще прежнюю, древнюю, форму русла понижениями, низинами, лощинами, болотами. Такой способ обследования давал богатые материалы и представлял потому возможность для очень ценных археологических выводов. Благодаря этому удалось установить весьма интенсивное, густое заселение долины Сожа и на данном отрезке его долины и на отрезках, исследованных уже в 1924 — 1927 гг. Часть обнаруженных пунктов является,

несомненно, местами очень короткого, сезонного (очевидно, летнего либо зимнего пребывания в период падения воды в Соже, которое могло происходить, например, во время летнего высыхания поймы либо в период зимнего спада воды в реке. В распределении стоянок по берегам Сожа не наблюдается каких-либо особенностей. В данное ниже описание входит 190 выявленных в 1928 г. местонахождений с находками каменного и бронзового веков. Из этого числа на правый берег приходится 93 местонахождения, на левый — 97. Таким образом, местонахождения рассеяны по долине более или менее равномерно.

В двух напечатанных уже описаниях обследований на среднем и нижнем Соже в 1926 и 1927 гг. (ДС 1926, стр. 127; ДС 1927, стр. 385) были приведены процентные соотношения числа стоянок, расположенных на правом и левом берегах Сожа. Там получились такие цифры: на правом берегу среднего Сожа расположено 36,3% стоянок, нижнего Сожа — 14,3%, а на левом берегу среднего Сожа — 63,7%, нижнего — 85,7%. Как видно по этим участкам, на левый берег Сожа приходится гораздо больше стоянок, чем на правый. Автор это объяснил (ДС 1927, стр. 385) тем, что а) на левом берегу больше песков, б) левобережная пойма более широка и на ней имеется много озер.

Между тем, на описываемом участке количество местонахождений правого берега (93) и левого (97) почти одинаково, хотя пойма и здесь сохраняет те же особенности, какими было объяснено превышение количества стоянок левого берега над количеством стоянок правого берега.

Теперь приходится отказаться от этого объяснения и отметить следующее обстоятельство, не принятое автором во внимание раньше. Вышеуказанные соотношения в размещении стоянок выведены для настоящего времени и притом по отношению к современным очертаниям течения Сожа. Они несколько не отражают того соотношения, которое существовало в количествах стоянок во времена каменного и бронзового веков, что собственно и представляло бы интерес и известное значение. Между тем, как видно из данного ниже Описания местонахождений, значительная часть их расположена на берегах староречий, давно уже брошенных рекою. Река на протяжении тысячелетий блуждала по всему громадному пространству поймы, неоднократно меняя свое течение, покидая старые русла и прокладывая новые. Поэтому говорить о процентном соотношении стоянок правого и левого берегов Сожа и делать из этого какие-либо выводы можно было бы лишь в том случае, если бы была уже восстановлена картина течения реки в различные моменты древности. Такой картины в целом в настоящее время дать нельзя. В связи с этим отпадают и те выводы, которые можно

было бы сделать из распределения древних стоянок по долине. Единственно правильным будет лишь подчеркнуть тот факт, что эппалеолитические местонахождения явно тяготеют к правому берегу, к его верхней надпойменной террасе.

В заключение нужно вкратце остановиться на характеристике отдельных культурных стадий, выявленных исследованием.

Палеолит. Несмотря на самые тщательные поиски и осмотр всех подходящих разрезов второй надпойменной террасы как в берегах Сожа, так и в оврагах, никаких следов палеолита обнаружить здесь не удалось. Найдены лишь две четвертичные палеонтологические находки—зуб, по-видимому, мамонта (Славгород; № 99) и зуб ископаемой лошади (Чериков; № 2а), обнаружен также ископаемый межледниковый торфяник в урочище Крутой Ров у Черикова (№ 2а).

Эппалеолит. К этому времени можно отнести несколько, местонахождений, например в урочище Рябовка, южнее Славгорода (№ 106, 108), «а южном конце Славгорода (№ 103) и др. Наиболее характерными для них являются наконечники, стрел со стерженькам, сделанные из пластинки, скребки на конце пластинки, небольшие резцы.

Выше уже было отмечено, что все находки эппалеолитического облика приурочены к правобережью Сожа. При этом они ни разу не были обнаружены на пойме, встречаясь исключительно только на нижней либо на верхней надпойменных террасах.

Кампиньи. К этой стадии принадлежит стоянка в урочище, Мел у д. Журавель Чериковского (района (№ 19; раскапывалась затем автором в 1934 г.), на которой эта культура выступает в чистом виде. Кроме того, кампинийские находки встречаются и в некоторых других пунктах между д. Журавель и пос. Новая Жизнь.

Неолит. Основная масса стоянок принадлежит неолиту. В будущем, при широких их раскопках и увязке с данными геоморфологии долины Сожа, они, вероятно, дадут яркую картину жизни в неолите.

Среди орудий, характерных для местного неолита, на первом месте по количеству стоят скребки, большею частью округлые, на отщепках, затем грубые резцы, также на отщепках, иногда и на нуклеусах, изредка плоение, ромбические наконечники стрел, наконеч, ударные орудия типа овального пика.

Местная неолитическая керамика имеет в подавляющей массе гребенчатый (зубчато-чеканный) орнамент.

По всем местонахождениям отмечаются такие незначительные находки, как кремневые отщепки и чешуйки с площадкой отбивания, бугорком удара и раковистостью. Никакого значения в жизни людей неолита эти отщепки, конечно, не имели. Встречаясь как отбросы производства на всех почти без

исключения местонахождения, они являются ярким доказательством того, что производство из кремня орудий труда неолитическими людьми Посожья велось решительно на всех пунктах их пребывания. Даже такие места кратковременного сезонного пребывания, как стоянки на пойме, сопровождаются всегда находками этих отбросов производства. Отсюда можно сделать заключение о том, что, во-первых, все, по-видимому, обитатели этих стоянок, умели сами делать орудия из кремня и, во-вторых, они, вероятно, всегда имели при себе необходимый для обработки кремня-сырец.

Бронзовая эпоха. Находки культурных остатков этой эпохи, представленные исключительно керамикой, так же часты, как и находки эпохи неолита. Обнаружены они в самых различных условиях местонахождения и залегания. По их распространению можно судить о весьма значительной для того времени заселенности долины Сожа, такой же значительной, как и в неолитическую эпоху.

Среди находок бронзовой эпохи обращает на себя внимание керамика местного варианта или фации фатьяновской стадии. Это — посуда, обнаруженная на стоянках Посожья в 1924—1927 гг. Лучшие ее образцы представляют сосуды, найденные на левом берегу Сожа у д. Якубовка против Гомеля (целый сосуд, описанный в статье К. М. Поликарповича¹), в урочище Коковня, у д. Бердыж Чечерского района (два сосуда; ДС 1926, стр. 153—155, табл. VIII, 1), в урочище Сосновая Грива у д. Старая Каменка Слаигородского района (ДС 1927, стр. 401—402, табл. V, рис. 7, 13). Следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что в Посожье эта керамика выступает исключительно, и притом весьма часто, на стоянках, а не в могильниках, как это имеет место в Центральной России. В Посожье насчитываются только две находки, которые можно было бы связывать с могильниками фатьяновской стадии. Это — находки в урочищах Сосновая Грива и Пиковарня, у д. Гайшин Славгородского района (небольшой сосуд с коническим дном, обломки других типично фатьяновских сосудов). В обоих пунктах автором были произведены раскопки: в 1928 г. — в первом и в 1945 — во втором. Раскопки показали с несомненностью, что находки здесь связаны со стоянками, а отнюдь не с могильниками. Укажу здесь, кстати, что обнаруженная недалеко от Днепра, в д. Вейна Могилевского района, находка, представляющая, возможно, остатки фатьяновского погребения, не дала никаких остатков керамики².

Далее следует указать на полное отсутствие на всех

¹К. М. П о л и к а р п о в и ч, Археалагічныя нататкі. Працы секцыі археалогіі (БАН), т. III, Мінск, 1932, стр. 247.

²В. Р. Т а р а с е н к а, Археалагічная праца на Магілёўшчыне ў 1930 г., Працы секцыі археалогіі (БАН), т. III, Мінск, 1932, стр. 237—238.

190 местонахождениях позднебронзовой керамики, характерной для хвалынской стадии бронзы. На более южных участках среднего и нижнего Сожа эта керамика была встречена неоднократно (см. ДС 1926, № 40, табл. XXI, 6—10, 14—16; № 102, табл. LXIII, 19; № 116, табл. XLVII, 18, 23, XLVIII и XLIX, 1—16, 20, 21, 26, 27; № 123, LI, 12, 13).

Судя по распространению керамики, типичной для хвалынской стадии, поселения этой стадии на Соже не шли к северу далее пос. Однополье и д. Присно Ветковского района (ДС 1926, стр. 179—181). Таким образом, их северная граница проходит южнее описываемого в настоящей работе отрезка течения Сожа.

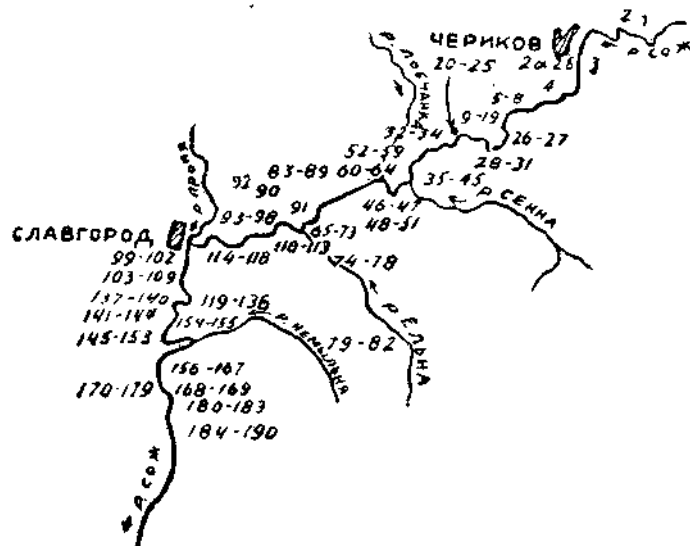
Железная эпоха. Обращает на себя внимание тот факт, что на 44 км протяжения, которое имеет обследованный участок долины Сожа, приходится только два городища: одно в Черикове и одно, и то предполагаемое, в Славгороде.

Зато здесь весьма нередки селища. Они распадаются на две группы. Первая группа селищ с лепленной керамикой, однотипная с такой же керамикой древнейших городищ, относится к более раннему времени. Вторая группа характеризуется посудой, сделанной уже на гончарном круге, и должна быть отнесена к IX — XII вв. Это — типичная славянская (радимичская) курганная посуда хорошей выработки, часто с подсыпкой (при формовании ее) песка под дно. Наиболее частый орнамент этой посуды в находках на селищах — линейный, в виде нескольких довольно широких полос. Реже встречается орнамент из волнистых линий.

Из других памятников железного века следует указать на нередко встречающиеся здесь курганы. Попадаются курганы одиночные, равно как и курганные группы различной величины. Наибольшей является группа курганов в 49 насыпей у д. Журавель Чериковского района (№ 20а). На обследованном отрезке долины Сожа отмечено немало пунктов с курганными группами либо с одиночными курганами.

В распределении курганов по территории замечается та особенность, что большинство их расположено на левом берегу Сожа, как это наблюдалось и на других, более южных участках долины. Это обстоятельство можно объяснять различно. Весьма возможно, что курганов на правом берегу меньше просто потому, что они уничтожены там распашкой. Действительно, правобережье Сожа в основном издавна занято пашнями. Между тем распашка пригодных для земледелия пространств левобережья Сожа происходила лишь в XVIII—XIX вв. и в гораздо меньших размерах. Однако возможно и иное объяснение. Дело в том, что, судя по данным настоящего обследования, подавляющее большинство селищ как раннего времени, так и позднего (радимичских) приходится здесь на левый берег, который в те времена в противо-

положность современному положению был, очевидно, заселен гуще, чем правый. Вполне понятно поэтому, что курганные кладбища должны были в те времена возникать соответственно количеству селищ на левом берегу в большем количестве, чем на правом. То что левобережье представляет малоплодородную, песчаную боровую террасу, не имеет в данном случае особенного значения. При господствовавшей,

Карта-схема древних стоянок Среднего Посожья.

несомненно, у радимичей подсечной системе земледелия качество почвы не имело особой важности: ее плодородие было обусловлено тем удобрением, которое представляла зола от леса, сжигаемого на предназначенных для пашни участках. По-видимому, сухие песчаные участки боровой террасы имели в глазах местных древних насельников железного века — радимичей—какие-то преимущества пред супесями и суглинками правобережья.

Ниже дается описание всех обнаруженных в 1928 г. 190 местонахождений каменного и бронзового веков. При описании они расположены в порядке следования по течению Сожа и сгруппированы по отдельным поселениям, вблизи которых они расположены.

Г. ЧЕРИКОВ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Правый берег Сожа

1. Урочище Чигаровщина, на северо-восточном краю города. Северная часть. Низкий западный берег старицы («старика», по-местному) Сожа.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания, 7¹, или с раковистостью, 3.

2. Обломки со следами обработки.

Керамика. Два грязно-красных снаружи, черных и гладких изнутри обломка толщиной 0,55. Орнамент — линейный чекан, в елочку (типа ДС 1926, табл. XX, 18). Бронзовый век (рис. 1).

2. Урочище Чигаровщина, средняя и южная части.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания, иногда с «изъяном», 18.

2. Отщепки только с раковистостью, 8.

3. Обломки с различными следами обработки, 15.

4. Пластинки в обломках, 8.

2а. Урочище Крутой ров. Овраг к югу от городского кладбища Черикова, с восточной стороны дороги из города в д. Мирогощ. Своим устьем овраг входит в долину Сожа справа. В верховье рва, т. е. в его крайней западной части, автором обнаружен ископаемый торфяник. Ископаемый торф в виде сплошного листоватого плотного слоя толщиной до 0,35 м сверху прикрыт пластом серой глины толщиной до 2,75 м. Торф обнажился благодаря размыву водой верховья Крутого рва.

Находка ископаемого торфа, являясь одной из немногочисленных в Белоруссии других аналогичных находок ископаемых торфов, безусловно, представляется весьма важной. Она дает новые материалы для изучения четвертичной растительности и в связи с этим помогает выяснению тех физико-географических условий, в которых мог жить здесь палеолитический человек.

Здесь были взяты образцы торфа, которые после были переданы для изучения проф. В. С. Доктуровскому (Москва).

2б. В восточной части Крутого рва автором был найден зуб (верхний левый, последний моляр), принадлежащий ископаемой лошади (*Equus sp.*; определение В. И. Громова, 1929).

ПОС. ЛИМЕНЬ ЧЕРИКОВСКОГО РАЙОНА

Левый берег Сожа

3. Край нижней надпойменной террасы и леса к югу от небольшой дамбы, представляющей восточную часть дороги (из Краснополя в Чериков) через пойму Сожа, к мосту. Здесь на протяжении около 150 м вдоль луга на песке обнаружены находки кремня.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и с бугорком удара, 14.

¹ Цифры без названий при названиях различных предметов показывают их количество. Размеры без названия самой меры обозначают сантиметры.

2. Отщепки и обломки со следами обработки, 15.

3. Обломки пластинок, 3.

4. На дороге, которая отходит на северо-восток от той же дороги, приблизительно к югу от восточного конца дамбы, найден один отщепок с площадкой отбивания.

Далее к югу, в районе Лименского детского дома, урочища Увелье и вплоть до самого озера Синее, т. е. на протяжении приблизительно 4 км, находок обработанного кремня не встречено.

Д. МИРОГОЩ ЧЕРИКОВСКОГО РАЙОНА

Правый берег Сожа

Осмотр края долины Сожа вдоль поймы на протяжении до 1,5 км, между мостом через Сож южнее Черикова и северной частью д. Мирогощ, никаких указаний на неолитические местонахождения не дал.

5. Берег поймы против кладбища и школы в д. Мирогощ.

Кремень серый с крапинками, частично с легкой патиной.

1. Отщепки, 6.

2. Целая пластинка, 1.

3. Округлый скребок на конце отщепка с коркой, длиной 5,1-

Д. ГОРКИ ЧЕРИКОВСКОГО РАЙОНА

Правый берег Сожа

5а. Урочище Оболенщина. К югу от д. Мирогощ и к юго-востоку от д. Горки Сож врезается далеко в правый берег узкой длинной лукой. Повернув у Горок к югу, а затем круто к востоку, река проходит под нижней надпойменной террасой и далее, когда эта терраса прекращается, выходит в пойму. В том месте, где нижняя терраса спускается к пойме, вверх склона, на разбитой ездой дороге, у леса — находки кремней. Южнее этого места — урочище Угаревка, которое описывается ниже.

Кремень. Отщепки, 5. Часть кремней несет на себе следы пребывания на огне.

5б. В лесу, в южном его конце, 7 незначительной величины курганов.

6. Урочище Нивки. Поляна длиной до 250 м, шириной до 35 м, протянувшаяся вдоль Сожа, проходящего здесь в направлении почти север—юг. Это—нижняя надпойменная терраса, возвышающаяся над рекою до 3,7 м. Метрах в 70 от Сожа к западу—верхняя терраса. Между этой террасой и поляной урочища Нивки—сосновый лес.

Находки—преимущественно на склонах нижней террасы к Сожу, на значительных размывах берега, числом не менее пяти. Самая поляна почти без находок.

В северной части поляны, в обнажении берега Сожа, записан разрез:

1. Бледно-желтый мелкий песок—1,0—10,0;
 2. Светло-серый мелкий песок—11,0—15,0;
 3. Такой же песок, только со многими более темными пятнами, близкий к слою 4,—16,0—28,0;
 4. Темно-серый, более крупный, чем в слое 3, песок с очень мелкими угольками (культурный слой?). В нем находки кремня—29,0—41,0;
 5. Желтый среднезернистый песок—42,0—56,0.
- Несколько южнее был записан другой разрез:
1. Светло-серый песок, нанесенный ветром,—1,0—10,0;
 2. Темно-серый песок (культурный слой?) с угольками, кремнями—11,0—25,0;
 3. Пятнистый светло-серый песок—26,0—33,0;
 4. Желтый песок со светло-серыми пятнами сверху—34,0—47,0.

Кремень серый с крапинками или черный, также с крапинками. Пatina беловато-синяя, встречается редко. Кремень, по-видимому, местного происхождения, о чем более подробно уже было сказано выше. Следует отметить, что внизу склонов здесь наблюдается масса необработанного, натурального кремня.

1. Нуклеусы: 8—с одной площадкой отбивания, 7—с двумя. Один из последних, длиной 5,5, имеет против одной из площадок шесть мест, одинаковых по длине (не более 2,2) и ширине отжимов. Не указывает ли это на то, что использование нуклеуса, имело в виду потребность даже в таких маленьких, крошечных пластинках (длиной не более 2,2), которые в археологических сборах обычно проходят неотмеченными и показываются просто, как отщепки? Правильность их отжимания на описываемом нуклеусе (рис. 2) также говорит в пользу такого предположения. На 13 неуклеусах (из общего числа 15) имеется естественная корка на стороне с отжимами. Обращает на себя внимание и большое сравнительно количество найденных здесь нуклеусов.

2. Отщепки с площадкой отбивания или с ударным бугорком, 56.

3. Отщепки с раковистостью, 29.

4. Обломки со следами обработки (ретушь, обивка), 5.

5. Пластинки и их обломки, 6.

Керамика. 2 обломка (один с примесью не крупной дресвы) типа городищ.

Описанные выше находки в урочище Нивки являются бесспорным свидетельством наличия в этом месте значительных размеров стоянки. В пользу этого говорит то обстоятельство, что здесь найдено большое число отщепков (всего $56+29=85$), что ясно указывает на производство тут же на месте орудий

труда из кремня. О последнем дает ясное свидетельство и большое число (15) нуклеусов. В том же смысле можно толковать и наличие в обоих приведенных выше разрезах культурного слоя толщиной в 12—15 см.

Что касается остатков керамики — 2 обломка посуды типа городищ, — то они, конечно, ни в какой связи с кремнями не стоят и относятся к гораздо позднему времени — к железному веку.

Отсутствие более ранней керамики неолитической или бронзовой эпох может указывать на то, что кремни принадлежали какой-то более ранней культуре без керамики, весьма вероятно, эппалеолиту.

7. Урочище Угарёвка. Находки в северной части.

Кремень темно-серый, реже желтовато-бурый, светлый.

1. Нуклеусы: с одной площадкой 12 и с двумя, 2.

2. Отщепки с площадкой отбивания или, в редких случаях, без такой площадки, но с бугорком удара, 250.

3. Обломки только с раковистостью, 79.

4. Обломки, получившиеся при обработке кремня, 33.

5. Обломки с ретушью, 4.

6. Пластинки, большей частью в обломках, 39.

7. Скребки: 1 вогнутый, 1 округлый на конце пластинки с тремя гранями; легкая ретушь сплошь также на обоих краях; размер 4,1X2,2X0,55.

8. Резцы: а) 1 боковой, на отщепе, с двух сторон ретушированного углубления; на одной стороне отщепа—естественная корка, а на другой—пatina, которая уже была в момент выделки резца, так как некоторые части кремня с этой стороны не имеют патины. Отсюда следует, что этот кремень употреблялся раньше, может быть, в качестве какого-то другого орудия (например скребка, на что указывает присутствие на его конце обивки) или, что также допустимо, для выделки резца был использован естественный отщеп кремня с бывшей уже на нем патиной. Размер 3,8X2,5X1,0 (рис. 3);

б) такого же типа резец, только меньших размеров (3,2X1,4X0,6); на одном конце этого орудия — двойной боковой резец, на другом — срединный (рис. 4);

в) такого же типа орудие, поломанное. На конце аналогичная вогнутость с ретушью. Возможно, что это был вогнутый скребок.

По-видимому, эппалеолит.

Керамика только славянская, представленная двумя обломками посуды из желто-серой глины.

8. Урочище Угарёвка. Находки в южной части урочища.

Кремень темно-серый, с крапинками, изредка желтый или беловатый.

1. Нуклеусы с одной (2) и двумя (1) площадками.

2. Отщепки с площадкой отбивания и бугорком удара или, в редких случаях, только с бугорком (83) или с одной раковистостью (24).

3. Обломки со следами обработки, 15.

4. Пластинки целые (2), длиной 5,1 и 4,5, и обломки (27), из которых 4 трапецевидной формы, 1 с выемкой края, 1 с ретушью всего (одного) края.

5. Двойной скребок из пластинки светло-серого кремня; ретушь крутая; размер 3,4X1,9 (рис. 5).

Керамика. 2 обломка с широким линейно-чеканным орнаментом в елочку. Эта керамика, несомненно, относится к бронзовому веку и, по-видимому, не стоит ни в какой связи с большинством вышеописанных кремней, которые относятся, вероятно, к эппипалеолиту.

9. Поле на левом (северном) берегу ручья между дд. Горки и Журавель. Пашня на берегу болота—с юга и озера Новое—с юго-запада. С севера—сосонник. Поле постепенно повышается к северо-западу. Почва — светло-серый песок. Разрез не.

Внизу под курганами, на берегу озера, — натуральные необработанные кремни, большей частью разбитые.

Кремень обычный, серо-пятнистый. Один кремень — нуклеус — шоколадной окраски. Меньшая часть кремней патинована или пережжена.

1. Нуклеусы: а) с одной площадкой отбивания. Длина их 3,5; 3,7; 4,9; 5,0; два по 6,3. На нуклеусе длиной 5,0, имеющем шоколадную окраску, четыре параллельных узких (не шире 0,11) отжима. Такие узкие отжимы встретились здесь едва ли не в первый раз на стоянках Сожа;

б) с двумя площадками отбивания, 1, длиной 4,3.

2. Обычные мелкие отщепки с площадкой отбивания или с бугорком удара, 42. Два отщепка листовидной формы, в виде острия; один из них размером 6,7X3,2X1,0, двускатный (рис. 6). Подобный отщепок найден в урочище Затонец, к югу от д. Журавель. Интересно, что правый скат, или грань, этого отщепка представляет старый скол в то время, как левый скол более поздний. Другое листовидное острие размером 5,8X3,0X1,1.

3. Отщепки с раковистостью, 14.

4. Обломки со следами обработки, 5.

5. Пластинки целые (2) и поломанные (4).

6. Скребки: а) на конце не совсем правильной пластинки, размером 2,4X1,5X0,4. Тип, резко отличающийся по своему облику от обычных эппипалеолитических скребков на конце пластинки;

б) на широком конце треугольного отщепка (с площадкой отбивания и бугорком), 1; размер 4,0X2,5X1,0.

7. Скребло на массивной, неправильных абрисов четырехугольной пластинке. Верхняя сторона имеет крутые склоны,

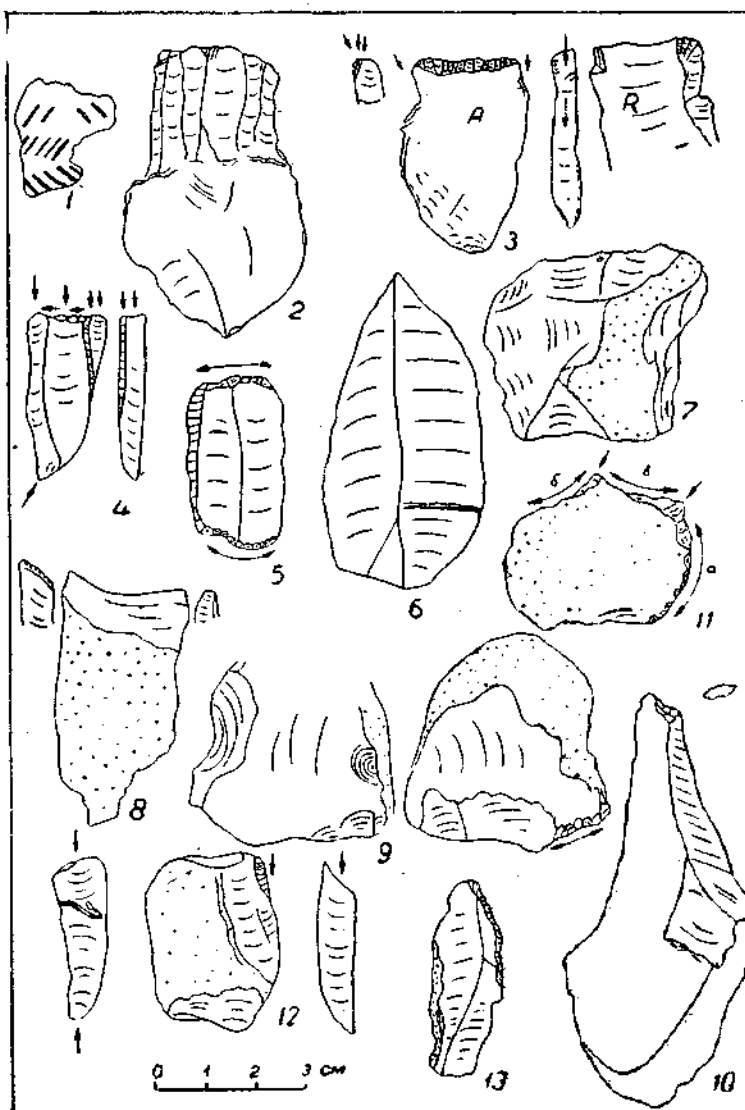

Рис. 1—13.

образованные при помощи редких отбоин. Посреди сохранилась естественная корка. Нижняя (оборотная) сторона обработана более или менее плоско, также с помощью отбоин (рис. 7).

8. Грубый резец на толстой (1,1) пластинке. На конце — выемка, как иногда у боковых резцов; по обеим сторонам выемки — два вертикальных резцовых скола. Одна (левая) из получившихся таким образом граней имеет на себе мелкую ретушь, образовавшуюся, вероятно, при работе этой гранью. Размер 4,6X2,5X1,1 (рис. 8).

9. Ударное орудие (грубый топор — транше, типа ДС 1926, табл. I, 16), из отщепы. Обработано немного около лезвия как на верхней, так и на нижней сторонах. С краев и с одной стороны вверху корка. Заломов нет. Размер 4,2X4,0X1,8 (рис. 9).

Судя по ведущим орудиям — грубый резец, скребло, топор — кремневая индустрия этого местонахождения стоит ближе всего к индустрии кампиньи.

10. Несколько севернее этого местонахождения расположены курганы: 9 к востоку, 4 к западу от дороги, несколько около озера (среди них встречаются парные).

Д. ЖУРАВЕЛЬ ЧЕРИКОВСКОГО РАЙОНА

Правый берег Сожа

10а. Нижняя терраса между ручьем Криничка и д. Журавель. Находки — вдоль луга.

Кремень обычного цвета. Незначительная часть патинизована. Имеются и пережженные кремни.

1. Отщепки с площадкой отбивания и бугорком удара, 21.

2. Отщепки с раковистостью, 14.

3. Бесформенные обломки с теми или иными незначительными следами обработки, 4.

4. Обломки пластинок, большей частью мелких, 13.

5. Ударное орудие обычного сожского типа, однобокое, т. е. несимметричное в поперечном разрезе. Имеет с одной верхней стороны вид скребка. От последнего оно при полном сходстве этой стороны и по форме, и по обработке со скребком отличается характером своей другой, нижней, стороны. Последняя имеет не гладкую, ровную поверхность, а слегка выпуклую, целиком обработанную отбойниками, в основном крупными. Произведены они ударами отбойника от правого и левого краев, а также и от низа, т. е. от лезвия. Поперечный разрез орудия похож на неправильную, несимметричную чечевицу. Все края острые. Обух уже, чем лезвие. На нем — корка. Тип ДС 1926, X, 2, и XIII, 5. Размер 5,3X3,5X1,5.

11. Край горы к северу от д. Журавель. Здесь на месте находок, описываемых дальше, такой разрез:

1. Серый, не очень темный, мелко-песчаный слой—1,0—16,0;
2. Темно-серый песок —17,0—20,0;
3. Желтый песок —21,0—22,0...

Кремень светло- и темно-серый, с крапинками, частично красновато-бурый, изредка патинизованный.

Нуклеусы: а) с одной площадкой отбивания, 1, длиной 6,2;

б) с двумя площадками, 2, длиной 5,3 и 7,2. На первом из них обе площадки образуют между собою прямой угол. Такое же положение площадок и на втором нуклеусе, причем одна площадка соприкасается с другой. Подобное положение площадок указывает, по-видимому, на то, что каждый из этих нуклеусов сперва имел одну лишь площадку и что вторая была образована тогда, когда с первой площадки уже было невозможно производить удачные отжимы пластинок.

2. Отщепки с обычными признаками их искусственного откалывания, в том числе и с раковистостью, 162.

3. Обломки со следами обработки, 8.

4. Пластинки: а) целые, 2; размер 5,6X1,0 и 7,0X1,4;

б) обломки, 21. Ширина их от 0,8 до 1,9. На двух обломках наблюдается ретушь: на одном с нижней стороны по краю, на другом на конце, причем здесь ретушь крутая, вертикальная, как это бывает обычно на трапециях. По-видимому, этот кремень представляет обломок трапеции.

5. Пластинка с обломанным концом, с выемкой правого края у основания. Ретушь заметна частично у основания с левой стороны, где имеется продольный скол сверху донизу. Размер 3,7X1,2. Наконечник стрелы (рис. 10).

6. Скребок на отщепе, сверху целиком покрытом коркой. Орудие имеет три рабочих края: а) округлый на конце, б, в) рядом с ним, с левой стороны, два вогнутых, идущих один за другим. Последние два разделены друг от друга острым выступом. Размер 3,7X3,3X1,1 (рис. 11).

7. Резец типа урочища Мел (см. ниже № 19), на приблизительно четырехугольном отщепе; размер 3,6X2,4X1,3. На обоих концах типичные вогнутые выемки. С каждой стороны по одному резцовому сколу. Сколы идут в противоположных направлениях: один сколот сверху вниз, другой — снизу вверх (рис. 12). И это местонахождение можно отнести к эпохе кампиньи.

12. На склоне против северного конца д. Журавель найдена одна **кремневая** пластина.

13. Урочище Гривка. Продолговатая возвышенность среди луга около 210 м в длину и 35 м в ширину, тянется с севера на юг и расположена в $\frac{1}{3}$ км к востоку от д. Журавель. У западного края — озерко, длина которого меньше, чем возвышенности. Высота над лугом 1,62 м. Возвышенность покрыта травой и редкими дубами; ближе к северному концу перере-

зана поперек большим размывом. В восточной части размыва записан следующий разрез:

1. Шоколадного цвета песчаный слой с дерном—1,0—13,0;
2. Такой же, но более светлый слой—14,0—33,0;
3. Серо-желтый песок,верху с серыми пятнами слоя, 2—34,0—48,0...

Размыв доставил небольшие находки.

Кремень обычный. Патины нет.

1. Нуклеус с одной площадкой, длиной 6,0.
2. Обычные отщепки, 5.
3. Скребок на длинном (7,7) отщепе. Очень узкий конец отщепа, противоположный основанию, использован в качестве вогнутого скребка, с рабочим краем длиной всего в 0,7. Скребок обработан очень мелкой ретушью.

14. Пески против южного конца д. Журавель.

Кремень обычный.

1. Отщепки с площадкой отбивания, 2.
2. Отщепки со следами обработки, 2.
3. Пластинка с обломанным основанием, длиной 3,8. Конец обработан ретушью, расположенной справа «а верхней поверхности, слева — на нижней. На стыке двух ретушированных краев получилась грань, которую можно было бы считать гранью резца (рис. 13).

15. Берег Сожа между южным концом д. Журавель и кладбищем, расположенным к югу от «ее. Здесь кремни встречались внизу древнего, по-видимому, смыва в сторону поймы.

Кремень обычный, темно-серый, без патины.

1. Отщепки с площадкой отбивания, 15, или с ракшистостью.

2. Два обломка пластинок с очень мелкой ретушью одного края. На одном обломке ретушь нанесена сперва сверху, а далее — снизу.

16. Южнее кладбища, где уже выступает мел, также попадались **кремни**.

17. Овраг между юго-западным концом деревни и кладбищем, идущий с северо-запада на юго-восток и выходящий устьем к озеру.

В северной стороне оврага имеется слой толщиной в 20,0, подстилаемый серым песком. Слой имеет темную (угольную) окраску и содержит в себе старые славянские черепки и множество булыжников (остатки очагов). Такого же характера слой выступает и в южной части оврага и включает в себе много мелких булыжников при отсутствии обломков более древней посуды. Это место является, по-видимому, радимичским селищем.

Кремень. 1. Отщепки, 3.

2. Обломки со следами обработки, 1.
3. Пластинка, обломок.

4. Массивная, толщиной 1,2 пластинка, с двумя резцами с левой стороны вверх (угловой) и вниз (боковой) (рис. 14).

Керамика. 1. 13 толстых обломков красной посуды (с примесью угловатых кусочков толченого камня), орнаментированных параллельными полосками, которые на одном обломке перекрещиваются (рис. 15). Тин посуды с таким орнаментом уже встречен на Сож в урочище Деременище у пос. Бервена Кормянского района¹, в урочище Селище у пос. Остров Черского района при впадении р. Липа в Сож² и в овраге между пос. Андружье и д. Глинка Поштовая Славгородского района³.

2. Один черепок славянского типа с нарезным линейным орнаментом; толщина 0,6.

3. Пять фрагментов посуды славянского типа. Характерное днище. Орнамент — параллельные полоски.

Вся керамика связана с поздним славянским селищем. Что касается кремня, то двойной резец является, по-видимому, кампинийским.

18. Верхняя терраса приблизительно к западу от кладбища.

Кремень. Один обломок широкой (1,9) тонкой двускатной пластинки с мелкой сплошной ретушью одного края сверху, другого — снизу.

19. Урочище Мел к югу от д. Журавель. Здесь Сож подходит к краю поймы и подмывает коренной берег, сложенный песками и под ними мелом. Это — край нижней надпойменной террасы, примыкающей к верхней террасе в 90—110 м западнее бровки нижней террасы. Северная часть урочища выше южной. Находки — преимущественно на обреше песков, а также на поле вдоль берега, где они встречались далее, чем в 20 м от края. Из числа описанных ниже крупных орудий транше было найдено в северной, остальные — в южной половинах стоянки.

По всем склонам встречалась масса обломков как естественного кремня, так и происходящих из мела окаменелостей.

В урочище Мел записаны следующие разрезы:

А. 1. Буровато-серый песчаный слой—1,0—7,0;

2. Серый слой с более светлыми пятнами—8,0—15,0;

3. Темно-серый песчаный слой с мелкими угольками — 16,0—32,0;

4. Светло-серый слой—33,0—44,0;

5. Буровато-желтый песок—45,0—73,0;

Б. 1. Серо-желтый песок—1,0—6,0;

2. Темно-серый песчаный слой с очень малым числом мелких угольков—7,0—22,0;

3. Беловато-желтый песок—23,0—26,0;

¹ ДС 1927 № 144. керамика, А и табл. 23, рис. 7.

² ДС 1926, стр. 172—173.

³ ДС 1927, табл. 23, рис. 8.

4. Буровато-желтый иесок, внизу более светлый—27,0—60,0-;
- В. 1. Желтовато-серый песок—1,0—5,0;
2. Буроватый темно-серый песок—6,0—9,0,
3. Темно-серый слой с угольками и мелкими белыми пятнами—10,0—19,0;

Фото 1

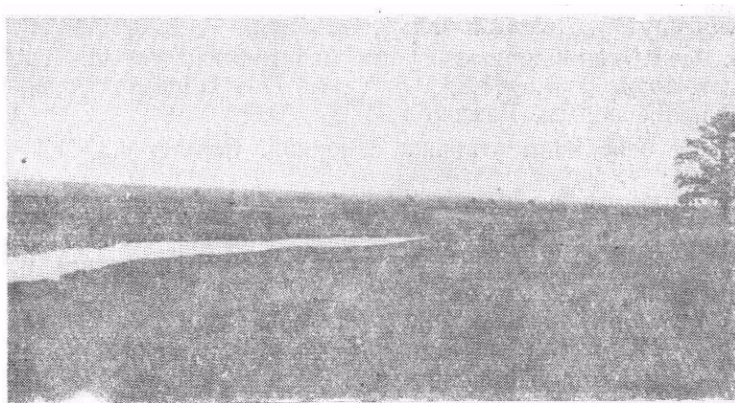

Фото 2.

4. Серовато-желтый песок —20,0—27,0;
 5. Желтый, внизу более светлый песок—28,0—41,0...
- 17—21 сентября 1934 г. в урочище Мел автором были произведены небольшие раскопки (фото 1—2). Ввиду уничтожения немцами во время войны материалов из этих раскопок, нет

возможности дать подробное описание той весьма интересной по кремневой индустрии и чрезвычайно важной стоянки.

Кремень обычной темно-серой окраски.

1. Нуклеусы небольших размеров, с одной площадкой отбивания, 7.

2. Отщепки искусственного происхождения, 293, из которых 71 только с раковистостью.

3. Обломки со следами обработки, 15.

4. Пластины: а) целые (4), из них одна размером 5,2X2,2 с ретушью обоих краев и одна с частичной ретушью; б) обломки (46), из них 4 с частичной ретушью.

5. Небольшие высокие треугольные в разрезе пластины с крутым обломом конца и в двух случаях с его ретушью, 3. Размеры: 2,8X1,0X0,6; 3,3X0,8X0,6 и 2,4X0,9X0,55.

6. Проколка на правой стороне отщепки неправильно-треугольной формы. Почти все края отщепа на передней стороне и края на нижней стороне у рабочей части ретушированы. Это сделано, очевидно, с целью устранения остроты краев и для более удобного закрепления проколки в руке. Вверху по обеим сторонам острия небольшие полукруглые выемки. Самый конец проколки носит ясные следы употребления и работы им — заполирован. Размер 4,4X2,7X0,7 (рис. 16).

7. Скребки округлые:

а) на плоских отщепах (один с коркой), 6;

б) слабо вогнутые с двумя выступами, по сторонам вогнутости, (2);

в) на пластинках (2) или на пластинчатых отщепах (2); ретушь крутая, местами пальцеподобная.

8. Резцы клиновидные: а) на пластинках; целый, нуклеовидный. Размер 3,5X1,2X0,8 (рис. 17). Обломок довольно правильной формы. Размер 1,9X0,7X0,6;

б) на основании отщепа с коркой. Размер 3,3X1,4X0,6 (рис. 18);

в) двойной. С правой стороны вверху два последовательных, идущих один за другим, резцовых скола, направленных книзу. Слева вверху скол, на котором у грани резца были произведены два меньших резцовых скола и который подправлен также несколькими мелкими отбойниками. Наконец, слева внизу имеется еще один резец, образованный с помощью семи мелких резцовых (отжимных) сколов. Размер 4,5X1,9X1,1 (рис. 19);

9. Резцы боковые:

а) на отщепке размером 2,9X3,45X1,2 (рис. 20);

б) на отщепке размером 3,3X2,7X1,2. Ретушь поперек последнего отщепа у резца наносилась от верхней стороны. Правая сторона отщепа использована как скребок, или скребло. По-видимому, это использование относится уже к эпохе неолита, на что указывает характер ретуши (рис. 21);

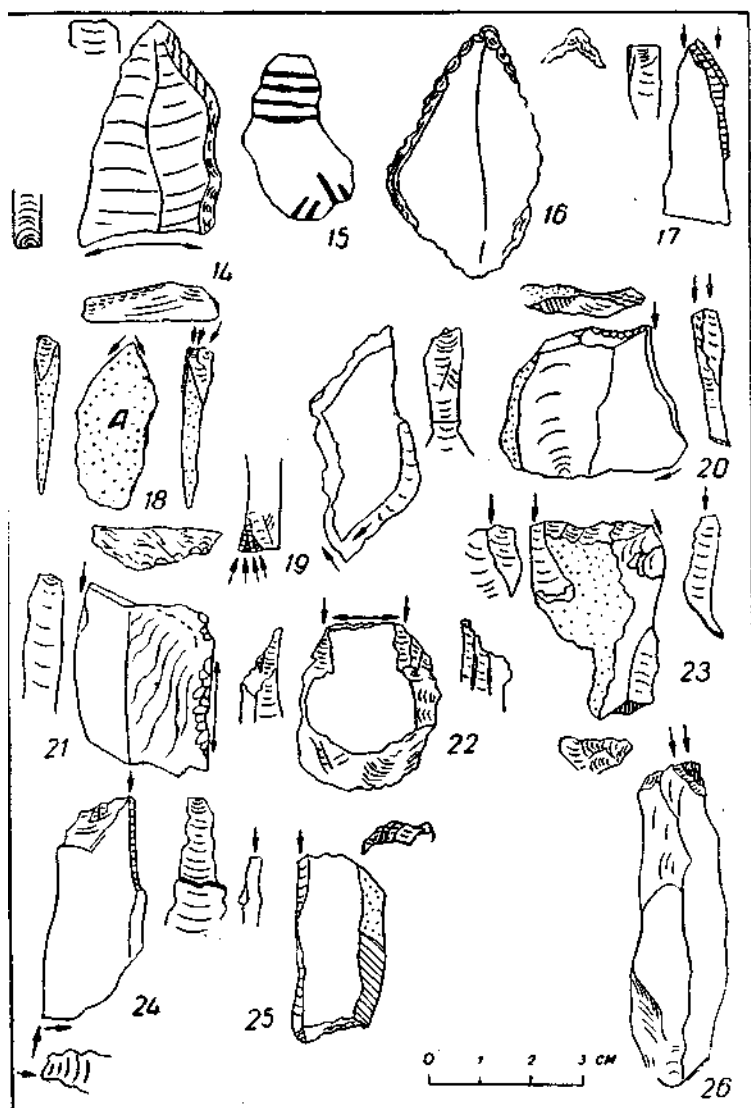

Рис. 14—26.

б) на нуклеевидном отщепке размером 3,2X2,6X1,5. Направление фасеток ретуши — от верхней стороны (рис. 22);

г) двойной боковой резец на отщепке с коркой. Размер 0,8X2,67X1,1. Направление фасеток со стороны нижней поверхности (рис. 23);

д) двойной, на отщепке, несколько попорченный огнем. Размер 4,8X2,1X1,3. Нижний резец клиновидный (рис. 24);

е) на основании сломанной пластинки. Размер 3,7X1,8X0,7. Ретушь образована фасетками с направлением от верхней поверхности (рис. 25);

ж) на пластинке. Размер 6,3X1,7X0,87 (рис. 26).

10. Ударные орудия: а) овальный пик из черного кремня с несколькими крупными белыми пятнами. Размер 6,9X3,9X2,0. Тип пиков из Льялова, а также ДС, 1926, IV, 13, XLIV, 15. В верхнем конце на верхней стороне имеются остатки корки. Основание отщепа с левой стороны, разрез неправильный — в виде плоской с одной стороны чечевицы. Обработан с обеих сторон отбоинами. Все края острые. На обоих концах следы употребления — маленькие отбоины, сглаженность, справа и слева заломы (рис. 27);

б) такой же пик из серого кремня, но меньших размеров — 5,7X4,4X1,9. Разрез — плоская снизу чечевица. Обработан с обеих сторон отбоинами. Обух тупой, частью с коркой, (рис. 28);

в) слабее обработанный пик и меньших размеров — 5,2X3,6X1,7. На части верхней поверхности — корка. Разрез — плоская снизу чечевица.

Интересно отметить пропорции основных размеров описанных выше трех пиков. Они равны 3:2:1. Особенно резко эти пропорции выражены в пике «в», в котором соотношение длины, ширины и толщины почти точно совпадает с отношением 3:2:1;

г) обломок (конеч) пика типа «а» (см. выше). Толщина 1,45 (если судить по указанному выше соотношению, данный пик должен был иметь размеры приблизительно 4,3X2,9X1,4). Разрез — правильная чечевица. Верхняя сторона имеет вдоль края ретушь, нижняя обработана расположенными пальце-видно отбоинами;

д) четыре орудия приблизительно одинаковой формы, напоминающие по виду нижнюю половину овального вытянутого (два экземпляра) или миндалевидного пика. Поперечное сечение как раз в средней части пика имеет форму чечевицы. Размеры: 5,5X3,0X1,6 (рис. 29); 4,1X2,8X1,5; 4,6X3,5X1,3 и 3,5X3,3X1,7. Края и низ (лезвие) острые у всех орудий, кроме последнего, у которого один край сбит почти вертикально;

е) листовидное острие, обработанное с обеих сторон. Размер 5,1X2,9X1,0. Разрез сделан в форме чечевицы;

ж) подобное же острие, обработанное и сверху и снизу отжимами, с полукруглым (не острым) основанием. Разрез — чечевица. Размер 4,5X2,2X1;

з) транше (резак). Размер 6,0X4,7X1,7. Сделано из отщепка, одна сторона которого (верхняя) внизу оставлена нетронутой. Вся остальная поверхность и нижняя сторона обработаны отбоями. Разрез — неправильный шестиугольник. Обух почти острый. Слева вверх, у обуха — плоский скол. Лезвие прямое, с закругленными углами (рис. 30).

Керамика представлена 9 обломками, из которых 6 весьма плохой сохранности. Из остальных обломков на одном изнутри сохранились полосы, характерные для керамики бронзовой эпохи; на другом — желтой окраски, изнутри черном, гладком — четыре ряда орнамента бронзовой эпохи типа ДС 1926, XLVII, 12 (горизонтальные ряды орнамента, напоминающего шнур), на третьем — орнамент в виде четок.

Приведенный выше кремневый материал, среди которого поздняя (бронзового века) керамика стоит совершенно обособленно, дает основание относить стоянку по кремню к стадии кампиньи, находки которой встречены и на других местонахождениях в окрестностях д. Журавель. Подтверждение такой датировки дали раскопки 1934 г., во время которых при большом числе характерного кремня совершенно не было найдено керамики, соответствующей по времени орудиям из кремня.

20. Урочище Затонец, к юго-западу от урочища Мел. Край нижней надпойменной террасы, идущий над Сожем в направлении реки с северо-востока на юго-запад. Высота террасы над Сожем 2,6 м в южной части, в северной — до 3,34 м.

Находки — вдоль края террасы,верху песчаных склонов и дальше от него метров на 25, по дороге, проходящей вдоль Сожа.

Кремень обычной окраски, в незначительной части тштинизованный или пережженный.

1. Отщепки с площадкой отбивания (11) или с раковистостью (5). Один из последних значительной величины (длинной 5,6), в форме листа, сглаженный песком, перевеваемым ветром, имеет аналогию в отщепке такой же формы с местонахождения у д. Горки, № 9 (рис. 31).

2. Обломки со следами обработки, 3.

3. Обломки пластинок, 6. Один из них шириной 1,1 имеет ретушь на конце. На другом, неправильной формы, на обоих краях — ретушированные выемки (рис. 32).

Керамика. Один светло-желтый обломок бронзовой эпохи с обычными неглубокими полосками на внутренней стороне.

20а. Урочище Затонец. Группа частично разрушенных курганов (49 насыпей) различной величины и сохранности. Часть курганов (до 25) вытянулась цепочкой вдоль бровки берега

нижней надпойменной террасы. Остальные находятся несколько дальше от берега к западу, два—еще дальше к западу, за дорогой, в лесу.

21. Урочище Затонец — урочище Черный Берег (луг). Несколько кремней на размыве низкого берега луга. Совершенно отлогий склон шириной около 20 м при высоте его до 1,85 м. Здесь же лежат один большой валун размером 2,0х1,5х0,5 м и несколько более мелких.

Кремень темный, с буроватым оттенком.

1. Отщепки с площадкой отбивания или с бугорком удара, 4.

2. Несколько обломков с различными следами того или иного вида обработки.

22. Северная часть урочища Шкутовская Гора. Верхняя площадка, не далее 16 м от край.

Кремень обычной окраски, частично патинизованный или обожженный (белый, трещиноватый).

1. Отщепки, 10.

2. Обломки пластинок, 4. Один из них с мелкой полоской ретуши на правом краю.

23. Обрыв над Сожем, который здесь подходит к самому берегу (правому) долины. Место это находится к северо-востоку от луга д. Езеры. Обрыв вдоль Сожа, с востока на запад, около 0,25 км длиной, высотой над Сожем не меньше 3,2 м.

В северо-восточной части обрыва, вверху, разрез:

1. Темный песчаный слой с мелкими угольками; в нем и чаще под ним, в слое 2, кремни—1,0—12,0;

2. Светлый, грязновато-желтый песок—13,0—20,0.

Ниже—мел, под ним—черная глина. Под обрывом можно было собрать обломки меловых раковин, белемниты.

Находки кремня—в северо-восточной и юго-западной частях обрыва.

Кремень серый, с пятнышками, частично (до половины всех находок) патинизованный. Часть всех кремней имеет следы пребывания в огне (побеление, трещиноватость, ломкость, хрупкость).

1. Нуклеусы с одной и двумя площадками, 2.

2. Отщепки с площадкой отбивания или при отсутствии ее с ударным бугорком, 43; из них 23 в разной степени патинизованы.

3. Отщепки с раковистостью, 16; из них 6 со слабой синеватой патиной.

4. Пластины: одна целая размером 5,8х1,8 и обломки шириной от 1,1 до 1,6.

Керамика. Один фрагмент посуды типа городищ, желтовато-красного цвета снаружи и внутри, с примесью дресвы, плохой выработки. Узенькие параллельные полосы внутри

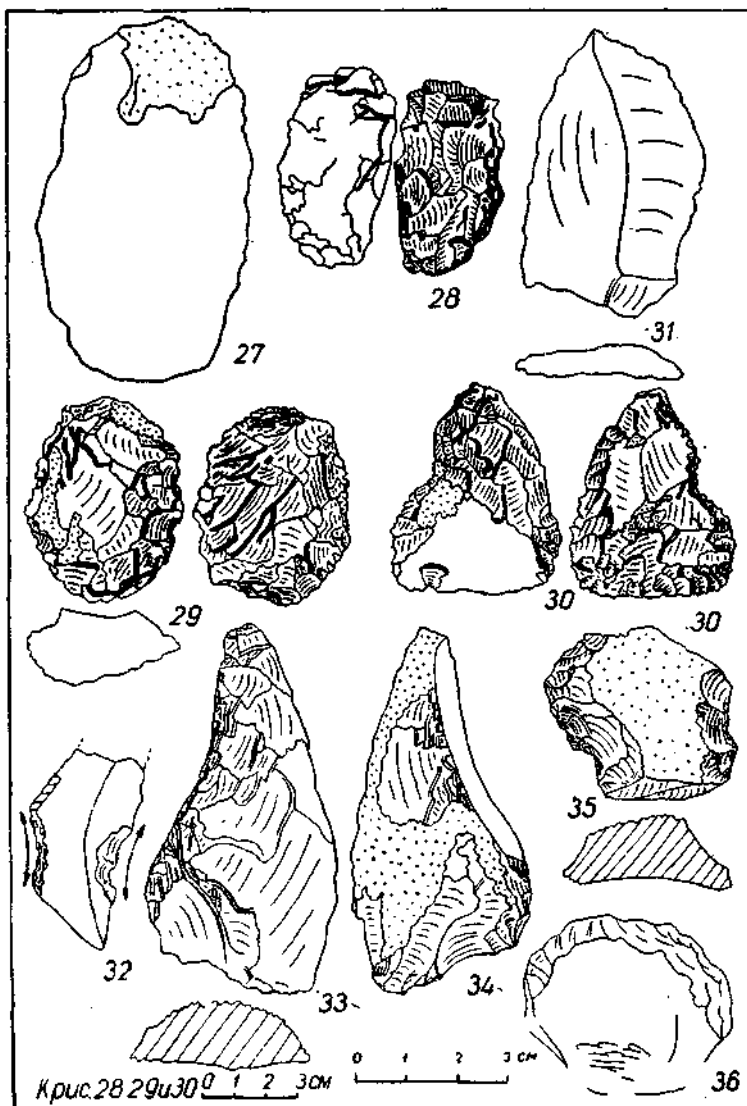

Рис. 27—36.

указывают, возможно, на то, что посуда была изготовлена на кружале.

Приводимое выше описание бедного кремневого материала никаких данных для суждения о времени данной культуры не дает.

24. То же местонахождение. Южная часть.

Кремень. Отщепки (6) и пластинка-обломок шириной 1,15.

Керамика. Один фрагмент серо-желтой глины с примесью зерен кварца. Снаружи-обработан небрежно. Изнутри — мелкие параллельные полосы, как при выработке посуды на кружале. Тип городищ.

25. Край большой поляны на берегу нижней надпойменной террасы против северной части луга д. Езеры. Никаких обнажений почвы здесь нет. Находки обнаруживались на самой поверхности почвы, на площади размером 30 (вдоль долины) X 40—45 м.

Кремень, частично с голубоватой патиной.

1. Нуклеус с одной площадкой отбивания. Длина 7,9.

2. Отщепки с площадкой отбивания (27) или с ракови-
стостью (5).

3. Пластинки — обломки, 2.

4. Ударное орудие на отщепке треугольной формы, сверху выпуклое, снизу плоское. Размер 6,4X3,4X1,7 (пропорции равны почти 3:2:1). Верхняя сторона обработана в нижней части (отжимами), нижняя — почти по всей поверхности (отбоинами). Следов употребления на лезвии в виде заломов и т. п. нет (рис. 33, 34).

Д. МОНАСТЫРЕК ЧЕРИКОВСКОГО РАЙОНА

Левый берег Сожа

25а. Возвышенность (с северной стороны Монастырька), на которой, как считает местное население, прежде был монастырь. В культурном слое, который резко отличается от подстилающих его песков, только обломки поздней посуды.

26. Урочище Дубовая Пуня, к северу от д. Монастырек. Это небольшая возвышенность, расположенная у канавы, проходящей из озера Синее в озеро Радимля. Возвышенность вытянута по направлению поймы Сожа, т. е. с северо-востока на юго-запад.

Кремень. Один отщепок.

27. Край нижней надпойменной террасы к северо-востоку от луки Сожа, на которой стоит Монастырек, на правом берегу ручья в 0,5 км от деревни. Находки—на буром песке на протяжении 15 м, по старой дороге.

Кремень обычный, с буроватым оттенком.

1. Отщепки, 4.

2. Обломки пластинок. Ширина одного 1,55, другого 1,28. Никаких других находок к северу от д. Монастырек, вплоть до озера Синее, на протяжении до 1,5 км не обнаружено.

28. Грива у озера Глушец, приблизительно к юго-западу от Монастырька. На южном крутом берегу озера расположены остатки гривы в виде четырех маленьких разрушенных возвышенностей. На одной из этих возвышенностей—находки.

Кремень. Два отщепка.

29. Урочище Высокая Грива. Одна из небольших возвышенностей или грив (может быть, дюн), которые идут одна за другой по лугу вдоль леса к юго-западу от Монастырька. Грива вытянута с севера на юг до 80 м. Находки—на незначительных обнажениях почвы.

Кремень. Отщепки с площадкой отбивания и проч.

К западу и юго-западу от Монастырька идут вдоль поймы одна за другой три луки. На первых двух никаких древних культурных остатков не обнаружено.

30. Берег третьей по порядку, считая от Монастырька, луки, расположенной на незначительном расстоянии от второй. Лука, обращенная своей выпуклой стороной к востоку, идет в направлении сперва от северо-северо-запада к юго-юго-востоку, а затем прямо с севера на юг. Северная часть берега более высокая, чем южная, и подымается сразу уступом над остальным пространством к северу и к северо-западу. Низина вдоль всей луки с запада, представляющая староречье Сожа, заросла, как и низины предыдущих двух луки, ольхой. Площадь берега занята старой пашней; дальше к востоку — лес. Вдоль бровки луки на протяжении метров 90, на старой пашне — находки кремня.

31. Между этой лукой (к югу или юго-востоку от нее) и стоянкой в урочище Кошельков Лес (см. ниже № 35) в некоторых местах—редкие кремни.

Кремень весь пережженный, кроме двух экземпляров.

1. Отщепки с площадкой отбивания (6) или с раковистостью (5).

2. Обломок пластинки.

ПОС. БАКОВ ЧЕРИКОВСКОГО РАЙОНА

Правый берег Сожа

В северо-восточной части пос. Баков, возле озера, выходит мел. Всюду масса раздробленного натурального кремня.

32. Юго-западная часть пос. Баков.

Кремень. Отщепки с площадкой и бугорком отбивания и с раковистостью, 2.

ПОС. ЧЕТЫРЕХДВОРКА ЧЕРИКОВСКОГО РАЙОНА

Правый берег Сожа

33. Огород с восточной стороны поселка.

Кремень. Обломок довольно массивной пластинки. Ширина 2,7, толщина 1,0.

34. Урочище Красная Грива, выше впадения в Сож его правого притока Лобчанка. Большая вытянутая от северо-северо-востока к юго-юго-западу грива, представляющая чуть ли не единственный для всего течения Сожа пример пойменного леса. Большой пойменный лес находится также несколько выше впадения Сожа в Днепр, между дд. Карповка и Абакумы.

На другой небольшой гривке (метрах в 75 против южного конца большей гривы), вытянутой с северо-востока к юго-западу, на ее западной стороне протяжением около 50 м поднят **кремневый** отщепок.

Правый берег долины Сожа к югу от урочища Красная Грива до впадения в Сож Лобчанки оказался без всяких находок кремня.

ПОС. НОВАЯ ЖИЗНЬ—Д. УШАКИ ЧЕРИКОВСКОГО РАЙОНА

Левый берег Сожа

35. Урочище Кошельков Лес. Поле—вдоль южного берега большой луки Заозерное (Завазерное). Лука длиной более 0,5 км представляет старицу (по-местному «старик») Сожа, превратившуюся в болото, заросшее лозняком и олешником. Берег луки, являющейся краем нижней надпойменной террасы, высотой до 1,6 м над лугом имеет направление с востока на запад, изменяющееся в конце на северо-западное. Кремни — вдоль почти всего края луки полосой шириной (в западной части) до 23—28 м.

Ближе к западному концу луки расположен размыв длиной до 30 м, выходящий в луг Заозерное. На размыве—значительное количество обработанного кремня. В 4,5 м от бровки берега луки в восточной стенке размыва записан такой разрез:

1. Темно-серый песчаный слой—1,0—10,0;
2. Светло-пепельный песок—11,0—15,0;
3. Белый песок—16,0—27,0.

Не будет лишним указать на следующее обстоятельство.. Обычно находки на хорошо сохранившихся стоянках, по крайней мере по Сожу, располагаются вдоль какого-либо водоема—реки, старицы, озера — длинной, но узкой полосой, ширина которой доходит до 30—40 м. То же наблюдается и на описываемой стоянке. Из этого можно сделать тот вывод, что она сохранилась до нашего времени в том или почти в том состоянии, в каком она находилась и в неолитические времена.

Лука или излучина, на берегу которой лежит стоянка, уцелела, следовательно, еще со времен неолита. В те времена по излучине протекал Сож, тогда как теперь она занята болотом и, вероятно, торфяником. Таким образом, здесь наблюдается почти нисколько неизменившаяся за несколько тысячелетий картина неолитического поселения и его окружения.

Кремень обычный, серый, с крапинками, частично красновато-бурый.

1. Нуклеусы с одной площадкой отбивания, 4.
2. Отщепки с площадкой отбивания или с раковистостью, 73.
3. Пластинки, обломки пластинок, 3.
4. Обломки со следами обработки, 8.
5. Скребки: а) на конце пластинки, 1; б) нуклеевидные, 2.

Один размером 4,6X4,1, полукруглый, высокий, типа ДС 1926, табл. XXVI, 12. Другой, размером 3,4X3,5, выпукловогнутый, с уцелевшей площадкой нуклеуса (рис. 35); в) округлые: один — на конце пластинчатого отщепа; один — на грубом отщепе, с коркой сверху, размером 5,2X4,4X1,8; два — на отщепках, размером 3,9X3,3X0,75 (рис. 36) и 5,5X4,0X1,4; последний имеет почти круглую форму, причем для рабочего края использованы $\frac{3}{4}$ окружности отщепка (рис. 37).

6. Резцеподобное орудие размером 5,5X3,5X1,6 типа, встреченного на стоянке в урочище Мел у д. Журавель. Орудие представляет плоский нуклеус с довольно грубо заретушированными обоими концами (как в угловых резцах). Резцовые сколы сделаны на одном конце слева, на другом — справа и слева. На обоих концах с нижней стороны — (Притупленность, получившаяся благодаря употреблению в работе (рис. 38, 39).

7. Ударные орудия:

а) на обломанной пластинке, с обитыми сторонами; лезвие обработано только с верхней стороны; размер 5,5X4,0X1,6;

б) несколько похожее на грубо сделанный скребок; верхняя сторона выпуклая; несимметричное лезвие имеет обработку (отбоинами) также и с нижней стороны; размер 4,9X3,9X1,9;

в). траншеподобное орудие размером 4,7X3,6X1,6 (у тыля) из грубоватого отщепа, с несколько выпуклой обратной стороной; край лезвия обработан узкой полосой ретуши; правый край — ретушью в соединении с обивкой; на левом краю и на тыльной стороне — корка; кремень подвергся обработке только после того, как и лицевая и обратная его стороны были уже патинизованы, из чего можно заключить, что самый отщеп имеет естественное происхождение; заломов внизу лезвия и на правой стороне нет: орудие, значит, не было скребком (рис. 40).

36. Урочище Ворлищи. Невысокая, плоская, неправильной формы возвышенность — грива среди луга, вытянувшаяся с юго-востока к северо-западу. Северный берег Ворлищ пред-

ставляет продолжение той же луки староречья Сожа, на которой к юго-востоку расположено местонахождение Кошельков Лес (см. выше № 35). К югу или юго-востоку от Ворлищ в $\frac{1}{3}$ км находится озеро Великое, а к северо-западу, метрах в 150, лежит местонахождение № 38 (см. ниже). Большая часть находок—на крайнем северо-западном мысу, на размыве с южной стороны рядом идущей по урочищу дороги.

Кремень буроватый, мелкокрапчатый. 7 отщепков с площадками отбивания.

Керамика. 1. Один обломок неолитической посуды желто-серого цвета. На внутренней стороне — полосы. Орнамент печатный, лапчатый, нанесенный при помощи перевитой веревочки и расположенный по диагоналям. Толщиной 0,72. Тип ДС 1926, VI, 3, 5, 6, 7.

2. Один фрагмент толщиной 0,47, желтый снаружи, серый изнутри, с примесью крупной дресвы, без орнамента. Вероятно, ранний железный век.

37. Урочище Засухи. Берег озера Засухи. Край пашни вдоль озера, примыкающей другой стороной к лесу. Направление берега—приблизительно восток—запад. Находки—на протяжении около 150 м.

Кремень серый, с крапинками, частично темно-красного оттенка.

1. Отщепки с площадкой отбивания (9) или с раковистостью (4).

2. Пластинки, 2. Одна из них—с ретушью правого края у конца.

3. Округлый скребок на отщепке, грубой обработки. Размер всего 2,2X2,5X0,67.

38. Возвышенность метрах в 75 от южного берега озера Великое и в 150 м к юго-востоку от западного мыса урочища Ворлищи. Окружена со всех сторон лугом, за которым с юга, метрах в 15—18, находится еще одно озеро. Общее направление гривы—юго-восток—северо-запад; размер 200X60 м. Находки—в восточной части, подымающейся до 1,62 м над лугом, на поверхностных размывах. В восточной части в одном разрезе выступает светло-коричневый песчаный слой толщиной не менее 18 см, в другом — светло-шоколадный с мелкими угольками песчаный слой толщиной в 15 см.

Кремень обычный, с пятнышками, со слегка буроватым оттенком.

1. Нуклеусы с одной (2) и с двумя (1) площадками отбивания.

2. Обычные отщепки с площадкой отбивания (36) или с раковистостью (7), или со следами обработки (10).

3. Часть обломанного с двух концов треугольного наконечника стрелы, с ретушью обеих сторон. Длина 2,45.

4. Скребки: а) на конце одной стороны продолговатого отщепка, типа остря ДС 1927, ХХІХ, 4, 5, ХХVІ, 5, и др.;

б) округлый на конце отщепка, толщиной всего 0,39 см.

5. Ударное орудие — пик типа ДС 1927, ХІІІ, 8; размер 9,3Х3,9Х2,8. Орудие несимметричное — выпуклое с верхней, плоское с нижней сторон. Обе стороны частично несут следы отжимов. Лезвие по углам закругленное. Отжимы есть у обуха на нижней стороне, благодаря чему обух имеет вид грубого долота (рис. 41, 42).

Керамика. 4 желтовато-серых обломка с параллельными полосами на внутренней стороне. На двух—чеканный, круглоямочный, размещенный параллельными рядами, орнамент.

39. Урочище Ляхова Гривка, к юго-востоку от урочища Ворлищи (см. № 36) и к юго-востоку, в 0,5 км от местонахождения № 38. Возвышенность эта вытянута приблизительно с запада на восток.

Кремень. Один отщепок с площадкой отбивания и пр.

40. Урочище Глинь (Сосновая Грива). Большой, с неровной поверхностью, песчаный останец нижней надпойменной террасы протяжением до $\frac{1}{3}$ км. Находки—на северо-восточном прямом берегу урочища, идущем в направлении северо-восток — юго-запад. Это — берег древнего староречья, которое проходит под ним в виде низины. На существование староречья указывает и более или менее прямое направление его берега, очевидно, так срезанного древним течением реки. Почва сверху—черный песчаный перегной. Находки кремней — на размыве берега протяжением 25—30 м.

Кремень обычный, с красновато-бурым оттенком.

1. Нуклеус с одной площадкой отбивания. Длина 3,6.

2. Отщепки с площадкой отбивания, 28.

3. Различные обломки, 8; часть со следами обработки.

4. Тонкие отщепки с мелкой краевой ретушью, 4.

5. Отщепок со следами обработки.

6. Плоские скребки с прямым рабочим краем или, возможно, пилки (на всех отсутствуют заломы). Сработаны на тонких отщепках. Ретушь плоская, мелкая, только на верхней стороне. Всего 5 скребков на отщепках, на четырех из которых имеются площадки отбивания. Длина и ширина скребков: 4,5Х0,42; 4,3Х0,85; 4,0Х0,8; обломок толщиной 0,37; размер 2,7>0,4.

Керамика. Один обломок посуды неолитического типа. Орнамент — густо размещенные незначительной величины неглубокие, плоские ямки.

41. Урочище Драбники. Возвышенность (грива) на северо-западном и северном берегу луга — староречья Сожа. Староречье не доходит до Сожа метров на 100, отделяясь от него полосой намывов. Ниже описываются находки восточного, меньшего бугра этого урочища, где они были обнаружены на

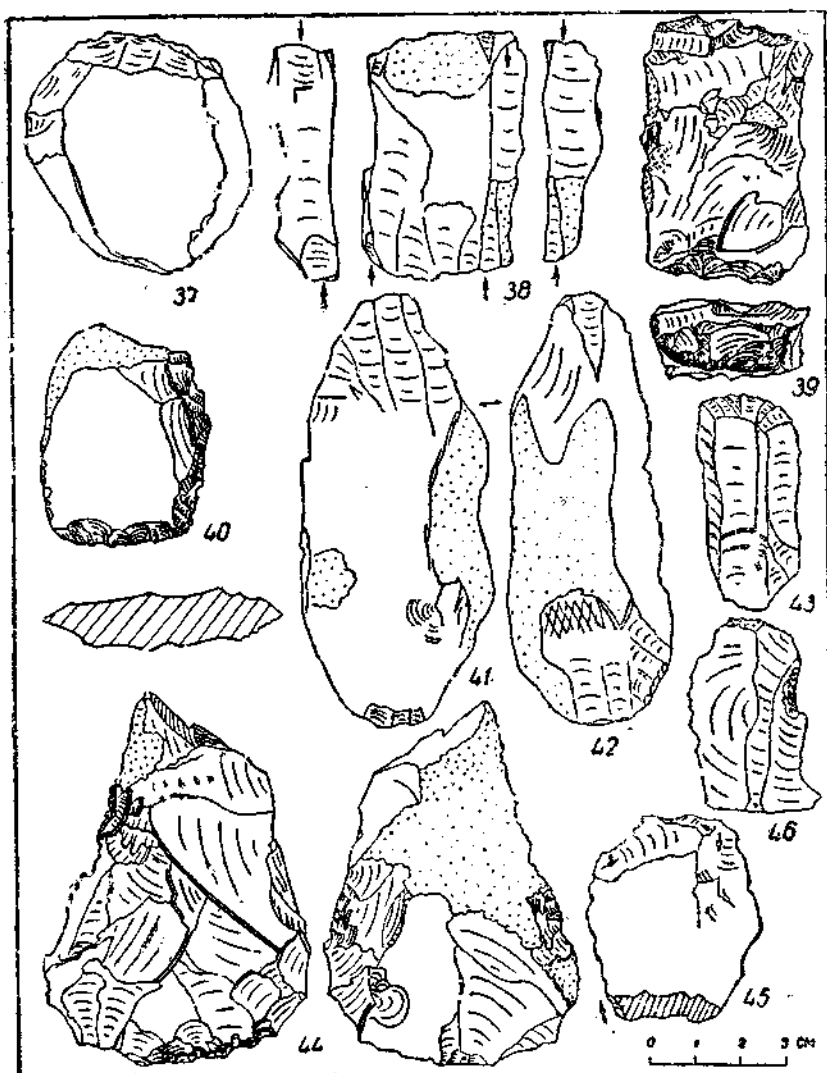

Рис. 37—46.

песках размыва «ад лугом на протяжении метров 20 (в сторону урочища Каленая Струга).

Кремень обычный. Некоторые экземпляры кремня имеют желто-бурю окраску.

1. Нуклеусы: один с одной площадкой, длиной 5,8; один с двумя площадками, длиной 9,6.

2. Отщепки с площадкой отбивания или с бугорком удара (10) или с раковистостью (2).

3. Отщепки и обломки со следами обработки, например с ретушью, 4.

4. Обломки пластинок, 2.

5. Округлый скребок на конце отщепка с коркой, размером 2,8X2,3X0,87.

6. Обломок ударного орудия. Слабо закругленное лезвие обработано мелкими отбойками. Вдоль одного из краев — сплошной вертикальный скол.

Керамика. Обломок посуды грязно-красного цвета снаружи. Примесь мелкого песка. Полосы снаружи и внутри.

42. Урочище Драбники. Находки—в других местах урочища.

Кремень. Один отщепок с площадкой отбивания.

Керамика. Обломок неолитической посуды с зубчато-чеканным орнаментом в один ряд, типа ДС 1926, таблицы XVIII, рис. 13, XXVII, рис. 10.

43. Урочище Березовая Грива, приблизительно в $\frac{1}{3}$ км к юго-западу, югу и юго-востоку от урочища Глинь или Сосновая Грива. Эта грива занимает южную часть берега староречья (Сожа), идущего приблизительно с севера на юг (луг Драбники) и поворачивающего затем на юго-запад и запад, где и расположено урочище Березовая Грива (или Заборочье). Староречье теперь представляет низменный луг, тянувшийся с северо-западной и северной сторон вдоль берега, который подымается над лугом лишь до 1,6 м. Находки кремней—на размыве размерами приблизительно 15X7 м, в 7—8 м от бровки. Находки встречаются вдоль берега староречья еще и далее к северо-востоку и северу на протяжении 0,5 км на песчаных обнажениях почвы.

Кремень обычный, с красновато-бурым оттенком.

1. Отщепки с площадкой отбивания (7) или с раковистостью (3).

2. Обломки со следами обработки, 1.

3. Обломки пластинок с частичной ретушью по краям, 2.

4. Скребки: а) округлый на конце отщепка и, что встречается крайне редко, на его основании. Размер 5,7X3,2X0,75;

б) на конце и на краях толстой обломанной пластинки. Ретушь грубая, нерегулярная; ширина 2,0, толщина 0,85.

Керамика бронзовой эпохи. 4 однотипных грязно-желтых обломка посуды, толщиной от 0,57 до 0,83. Орнамент на одном из них линейно-чеканный, размещенный рядами. В од-

ном ряду линии орнамента поставлены параллельно, а в другом расходятся врозь, под углом. Тип ДС 1926, XX, 18.

44. Северный берег возвышенности, идущей с востока на запад вдоль луга, за которым, метрах в 50 от возвышенности к северу, расположено озеро Засухи. Возвышенность длиною около 0,5 км, шириной до 150 м подымается над лугом всего на 2,5 м. Грива раньше была, вероятно, под лесом, так как заметны еще пни срубленных деревьев.

Находки—узкой полосой по темно-серому песку на протяжении около 100 м, вдоль бровки северного края возвышенности, но не на ее склонах.

В восточном конце этой гривы — размыв, без всяких находок. Здесь записан такой разрез:

1. Темно-серый песок с угольками (вероятно, от выжигания леса)—1,0—12,0;

2. Серовато-белый песок—13,0—24,0;

3. Буровато-желтый песок—25,0—34,0;

4. Желтый песок—35,0—60,0.

Кремень. 1. Нуклеус с одной площадкой. Длина 6,7.

2. Отщепки с площадкой отбивания (9) или с ракови-
стостью (6).

Керамика. 4 красных обломка, с примесью толченого камня, небрежной обработки. Толщина 0,7. По-видимому, эпоха городищ.

45. Урочище Лозский Борок, метрах в 75 к югу от предыдущего местонахождения, параллельное ему. Возвышенность весьма незначительной вышины (всего около 0,5 м над лугом), среди более низкого с северной стороны луга, плоская, вытянутая в направлении восток — запад. Занята пашней. Сверху всюду серо-белый песок. Находки — только в северо-восточной части. Встречается порядочно мелких булыжников и обломков кремня.

В размыве поперек северной части восточного конца возвышенности записан разрез:

1. Серый песчаный слой—1,0—5,0;

2. Светло-серый, пепельной окраски слой—6,0—11,0;

3. Тот же слой, только с едва заметными светлыми пятнами—12,0—22,0;

4. Такой же слой, как и 3, но только еще светлее — 23,0—31,0...

Только в слое 2 обнаружен черепок, единственный на стоянке, со шнуровым орнаментом.

Кремень темно-серый. Есть один отщепок светлой красновато-бурой окраски.

1. Нуклеус с одной площадкой отбивания. Длина 3,0.

2. Отщепки с площадкой отбивания или, во многих случаях, с коркой на ее месте и ударным бугорком, частично

с коркой вдоль всей верхней стороны, 76. На правом краю одного отщепка—ретушь.

3. Отщепки с раковистостью. На краю одного—небольшая полукруглая выемка, 9.

4. Обломки с теми или иными следами обработки, 13.

5. Отщепки с тонкими краями, на которые нанесена мелкая плотная ретушь, 7. Возможно, что эти отщепки могли употребляться в качестве скребков.

6. Скребки на отщепках с коркой: один с прямым, один со слабо вогнутым рабочим краем.

7. Наконечники стрел со стерженьком, неолитического типа, 2. Размеры: 2,7X1,4X0,45 и 3,3X1,5X0,75 (выпуклый с одной стороны, треугольный в разрезе). Поверхность обоих обработана сплошь.

8. Похожий на нож волынского типа отщепок с выгнутым наружу правым краем, обработанным (и с верхней и с нижней сторон) ретушью. Размер 3,5 (конец обломан) X 1,9X0,85.

Керамика. 10 обломков однотипной посуды эпохи бронзы, толщиной от 0,65 до 0,9. Цвет желтый, грязно-желтый, темно-серый. На некоторых изнутри—полосы.

Орнамент. В одном случае — шнуровой (не менее трех рядов). Тип ДС 1926, IV, 17, XXVIII, II, XXXVII, 14. Помещен на краю сосуда. Край прямой, с некоторой выпуклостью наружу. Диаметр его около 30,0; в другом — чеканный, плоский, прямолинейный, наклоненный в рядах. Всего 9 обломков. На трех из них линии чекана размещены по две с направлением в разные стороны (тип ДС 1926, XX, 18). На одном обломке есть сквозное круглое отверстие, суживающееся к внутренней стороне.

46. Поле на стыке правой поймы Сенны и левой — Сожа. Вдоль поймы Сенны—курганы, из них 9—вдоль самой Сенны, 5(2 целых и 3 едва заметных; поросли соснами)—вдоль озера Добретоно; далее, приблизительно к северу, через 0,5 км,—еще 3 кургана (немного распаханы; около них встречаются черепки); на острове между озером Добретоно и Сенной — 4 кургана, из них один большой.

Кремень. Один скребок на конце пластинки полосатого кремня, что следует особенно подчеркнуть. Ретушированы в виде вогнутых скребков также и края. Ретушь крупная.

Керамика: а) два обломка лепленной посуды (типа ранних курганов), толщиной 0,9;

б) три обломка славянской посуды. Окраска желтоватая или темно-серая. Примесь песка. Орнамент волнистый;

в) обломок славянской посуды с линейным орнаментом.

47. Правый берег Сенны, вдоль луга, начиная от дороги до озера Добретоно.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания (1) или с раковистостью (1).

2. Скребок на отщепке с прямым рабочим краем и с закругленными углами. Размер 4,5X3,7X1,64,

48. Урочище Вусти. Возвышенность в виде острова на Южном берегу озера Добрецово на расстоянии приблизительно 90 м от Сенны и 150 м от Сожа. Кругом ее размыты, кроме западного берега. Площадь занята старой пашней, неровная. Размер 170X75 м. Высота над лугом 1,6 м. Почва — очень темный песок (слой до 17 см толщиной). На этой возвышенности находятся 4 кургана.

Кремень обычный. I. Нуклеусы с одной площадкой отбивания, 2. Длина 6,9 и 3,8. Последний, длиной 3,8, сохранился целиком. Сохранилась и его площадка отбивания. Одна часть имеет на себе корку, другая, передняя, — шесть отжимов. Из последних три доходят до самого низа, имея, таким образом, длину не больше 3,8 см. Из этого можно, кажется, заключить, что для неолитического человека, в руках которого этот нуклеус находился, были для каких-то целей необходимы маленькие пластинки такого именно размера.

2. Отщепки с площадкой отбивания (10) или с раковистостью (5).

3. Обломки со следами обработки, 3.

4. Обломки пластинок, 3.

Керамика. Четыре обломка посуды неолитического типа. На трех из них — печатный орнамент (перевитая веревочка), размещенный по диагоналям. Окраска сверху желтая, изнутри желтоватая или серая. Примесь очень мелкого песка. Толщина от 0,7 до 0,77.

49. Плоская возвышенность к юго-западу от Сенны, высотой около 1,6 м; с западной стороны ее проходит дорога из поселка Новая Жизнь на юг, в д. Добрянка. На краю, идущем на протяжении около 110 м с запада на восток, — три отщепки кремня с площадкой отбивания.

На других возвышенностях незначительной величины и площади никаких находок обработанного кремня не обнаружено.

50. Урочище Кулешов Бугор, на восточном берегу Сожа (текущего здесь с северо-востока к юго-западу), к юго-западу от устья Сенны, метрах в 35—40 от последней. Со всех сторон луг. Неправильной формы возвышенность среди луга, площадью приблизительно 120X100 м, занятая старой пашней. Верх разливом не заливается. Высота ее над Сожем до 3,1 м.

В восточном конце гряды разрез:

1. Желто-серый песчаный слой—1,0—12,0;

2. Светло-серый песчаный слой—13,0—30,0;

3. Серо-желтый и песок—31,0—40,0...

Находки кремня — вдоль всего восточного края, из чего можно сделать следующие заключения: течение Сожа у запад-

ного берега бугра возникло уже после времени существования здесь стоянки находившейся на восточном краю возвышенности, вдоль которого могла протекать река — либо Сож, либо Сенна. Этой рекой, вероятнее всего, была Сенна, а не Сож, если принять во внимание небольшую длину — всего 40—50 м — имеющейся здесь с востока излучины, соответствующей, по-видимому, луке протекавшей тут небольшой реки. При ширине Сожа в 50 м его лука должна была бы иметь гораздо большую длину.

Юго-восточная часть бугра доставила на протяжении метров 70 вдоль луга находки не только кремня, да и нескольких небольших булыжников (на размыве). Последние находки указывают на существование здесь селища, что подтверждается и находкой черепков посуды славянского типа. Нахождение селища на юго-восточном берегу доказывает, что и в славянскую эпоху, при радимичах, река еще протекала у восточного края возвышенности.

Кремень обычного темно-серого цвета, в меньшей части с красновато-бурым оттенком. Патины нет.

1. Отщепки с площадкой отбивания (15) или с раковистостью (11).

2. Обломки со следами обработки, 5.

3. Пластинка, размером 4,4X1,0X0,41.

4. Скребок на конце пластинки, размером 4,6X2,2X0,73, Рабочий край несколько скошен вправо (рис. 43).

5. Довольно плоское ударное орудие типа ДС 1926, XIII, 9, Размер 7,7X5,4X2,3. Обух срезан наискось. В верхней части верхней стороны сохранилась корка. Остальная часть этой стороны и вся поверхность оборотной стороны обработаны отбойниками, довольно мелкими у лезвия (рис. 44).

Керамика славянская, связанная, конечно, с существовавшим здесь селищем. Пять желтовато-красных снаружи, светло-серых изнутри обломков. Среди них два обломка днищ, со следами подсыпки песку, производившейся при изготовлении посуды.

51. Урочище Барышнева Пристань, западная часть, ближайшая к устью Сенны. Край нижней надпойменной террасы, высотой над уровнем Сожа около 5 м. Ровное место над Сожем. Находки кремня и черепков (последних мало) встречались по склону к реке, особенно в верхней его части. Некоторое количество необработанного кремня.

В верхней части склона записан разрез:

1. Серый песок с гравием и угольками—1,0—8,5;

2. Серо-белый песок. На границе слоев 1 и 2 — черепок^ 9,0—15,0;

3. Желтый песок—16,0—28,0...

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания, (8) или с раковистостью, (4).

2. Округлый скребок на конце пластинки. Размер 3,7X1,6X0,59.

Керамика. 6 одинаковых обломков посуды неолитического типа. Толщина 0,85—1,00. Цвет грязно-желтый. Есть примесь битого камня. Имеется обломок края посуды — прямой, с закругленным обрезом, орнаментированный.

Орнамент — чеканные треугольные (в виде зубцов), маленькие, очень неглубокие ямки, размещенные в линию (несколько рядов). Ряды зубцов идут от обреза края наискось слева вниз вправо. На упомянутом крае посуды, кроме того, — узкие продолговатые ямки типа ДС 1926, XL, 1,7, и XLIII, 1.

51а. К югу от дороги из пос. Новая Жизнь в д. Ушаки — около 30 курганов.

51б. Кладбище в Ушаках. До 5 курганов.

Поле—между дд. Ушаки и Бакуновичи. Масса натурального кремня, большей частью мелкого. Встречаются небольшие желваки. Очень много кремней патинизованных. Между Ушаками и Бакуновичами — холмы, может быть, моренные. Ближе к Бакуновичам попадаются мелкие валунчики. Здесь наблюдается и мел, но он встречается и в других местах: около моста в Ушаках, за мостом по дороге в Бакуновичи.

Д. ТОЛКАЧЕВКА (АЛЕКСАНДРОВКА) СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Правый берег Сожа

Правый берег Сожа от устья р. Лобчанка (Лапчанка) вниз до местонахождения № 52 (см. ниже) оказался без всяких находок.

52. Поляна с курганами к юго-западу от устья Лобчанки.

Кремень обычный, пятнисто-серый. Один кремень совершенно черный, 5 патинизованы в различной степени.

1. Нуклеусы с одной (1, длина 4,2) и двумя (1, длина 4,7; рис. 45) площадками отбивания.

2. Отщепки с площадкой отбивания (15) или с раковистостью (16).

3. Отщепок с ударным буторком и изъёмом на нем, с коркой на основании и на конце, похож на пластинку. На левом краю, ближе к основанию, — выемка ретушью, длина 1,2. Размер 4,2X2,5X0,6 (рис. 46).

4. Пластинки в обломках, 8. На одном обломке около основания справа очень мелкая ретушь.

5. Пластинки с обитым краем: а) размер 3,2X0,8X0,3. Основание обломано. Направление фасеток ретуши — от нижней поверхности. Использование рабочего края привело к появлению заломов. Такие же заломы наблюдаются на аналогичных мадленских пластинках с обитым краем со стоянки в Мезине (рис. 47); б) размер 1,4X0,4X0,13. Кроме сплошной ретуши вдоль правого края пластинки, имеется также ретушь и на части левого края (рис. 48).

6. Скребки: а) округлый на конце отщепка. Ретушь неправильная. Размер 4,1X2,6; б) прямой, на двух краях отщепка неправильной формы (рис. 49); в) и а конце трехскатной пластинки, обломанной у основания. С левой стороны рабочей части — продольный скол, какой обычно наблюдается на скребках эпипалеолитических стоянок в урочище Латки Ветковского района на Соже и в урочище Коромка Рогачевского района на Днепре. Размер 2,0X2,1X1,0 (рис. 50).

7. Резец боковой, типа местонахождения в урочище Мел (см. выше, № 19). На конце—обычная заретушированная вогнутость, справа и слева от которой резцовые сколы. Патинизован, особенно на гранях; размер 3,75X2,1X1,0 (рис. 51).

53. Местонахождение метрах в 100 к востоку от большого кургана на обрыве над Сожем. В этом месте обрыв понижается.

Здесь много гравия и мелких камней величиной, например, с кулак. Обработанные кремни здесь на размыве.

Кремень. 1. Два экземпляра патинизованы, 1. Отщепки с площадкой отбивания, 6.

2. Обломок со следами обработки.

3. Двойной скребок на отщепке с уцелевшей по всей верхней стороне коркой. Один рабочий конец округлый, другой—почти прямой. Размер 6,2X3,4X1,5. Это орудие можно рассматривать, если исходить из его продольного профиля, и как топор. В пользу последнего предположения говорит и выпуклость нижней стороны, делавшая неудобным употребление этого орудия в качестве скребка (рис. 52).

54. Обрыв над Сожем метрах в 200 от дегтярного завода. Обрыв идет с востока на запад и имеет протяжение около 100 м. Это—край нижней надпойменной террасы высотой над уровнем Сожа до 3,2 м. В нем имеется такой разрез:

1. Светло-серый песчаный слой с гравием, более темный сверху—1,0—17,0;

2. Желтый песок, сверху с пятнами слоя 1—18,0—29,0...

В обрыве много натуральных кремней, среди которых попадаются и обломки со следами обработки.

Кремень обычной окраски. 1. Нуклеус с одной площадкой отбивания. Длина 5,7.

2. Обычные отщепки (с площадкой отбивания и проч.), 15.

3. Скребок на приблизительно четырехугольном отщепе (частично с коркой), на его трех краях: на одном крае прямой, на другом — округлый, на третьем — вогнутый. Размер 2,9X3,1X0,95.

54а. На краю этого обрыва находятся два кургана: один над северной частью, другой, больший,—над средней.

55. Обрыв над Сожем метрах в 150 к востоку от дегтярного завода, южнее курганов. Находки—верху обрыва.

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания (2) или с раковистостью (3).

2. Бесформенный отщепок с обивкой по краю.

56. Обрыв нижней надпойменной террасы у дегтярного завода к северо-северо-востоку от деревни. Протяжение обрыва вдоль Сожа, идущего здесь в направлении приблизительно с востока на запад, около 110 м. В обрыве такой разрез:

1. Буровато-серый песок—1,0—3,0;

2. Серый песок с мелкими угольками—4,0—17,0;

3. Серовато-белый песок, внизу с пятнами слоя 4—18,0—22,0;

4. Буро-желтый песок—23,0—32,0...

Кремень пятнисто-серый. 1. Нуклеус, по-видимому, сработанный. Отжимание от него пластинок производилось в двух направлениях, которые выходили из одного пункта. Благодаря этому на нуклеусе образовалась грань. Противоположный этой грани конец был использован для округлого скребка, с весьма крутой ретушью и с длиной рабочего края в 1,4 (рис. 53).

2. Обычные отщепки с площадкой отбивания и проч., 13.

3. Обломок с частичной ретушью.

4. Обломок хорошо отжатым трехскатной пластинки. Ширина 0,95, толщина 0,12.

5. Наконечник стрелы эппалеолитического типа из пластинки. Стерженек выделен, обработан оправа, слева, а на нижней поверхности — плоской боковой ретушью. На последней немного ретуши вверх левого края. Конец обломан. Размер 3,8X1,3X0,37 (рис. 54).

57. Обрыв над Сожем в $\frac{1}{5}$ км к востоку от д. Толкачевка. Это — подмытая идущим здесь с востока на запад Сожем южная часть дюны или, может быть, нижней надпойменной террасы. Высота ее над Сожем около 3,2 м. На обрыве к реке наблюдается такой разрез:

1. Светло-бурый навесной песок (от 18,0 до 50,0 см) — 1,0—18,0;

2. Серый песок со множеством угольков—19,0—26,0;

3. Светлый, серовато-белый (почти белый) песок—27,0—35,0;

4. Желтый песок—36,0—46,0...

Длина обрыва около 75 м. Находки в средней части обрыва.

Кремень обычный, пятнисто-серый. Патинизации нет.

1. Нуклеусы с одной площадкой отбивания, 2. Длина 3,8 и 5,6.

2. Отщепки с площадкой отбивания либо с ударным бугорком, 62. Все отщепки мелкие. Часть отщепков представляет отбросы самого начала обработки различных кремней, так как на всей поверхности этих отщепков сохранилась еще корка.

3. Отщепки с раковистостью, 42. И «а части этих отщепков сохранилась желвачная корка, сохранившаяся ввиду указанной выше причины.

4. Продолговатый отщепок с площадкой отбивания, с небольшой выемкой на конце.

5. Обломочки с ретушью.

6. Пластинки: 1 целая, 4 обломка.

7. Тонкий, плоский округлый скребок на отщепке со сплошной коркой сверху. Основание отщепка обломано. Тип ДС 1926, IX, 2. Ширина 3,2, толщина 0,4.

58. Правый берег долины Сожа с юго-западной стороны деревни.

Кремень. Несколько отщепков.

59. Берег долины Сожа на юго-запад от д. Толкачевка в направлении к лесной пристани, на расстоянии около 1¹/₄ км от деревни. Недалеко от пристани, на заросшем лесом склоне—**кремневая** пластинка.

60. Бывшая пристань, около 2 км к юго-западу от деревни. Высокий коренной берег Сожа в том месте, где он отходит от реки. Находки также и внизу склона.

Кремень преимущественно серый, с крапинками. Отщепки с площадкой отбивания (10) или с раковистостью (6). На одном из десяти бесформенном отщепке с остатками корки—вогнутая выемка, длина 0,65.

61. Берег Сожа метрах в 150 к юго-западу от предыдущего местонахождения.

Кремень обычный, с буrowатым оттенком на некоторых экземплярах, вероятно, от пребывания в воде или в железистом песке.

1. Отщепки с площадкой отбивания или с ударным бугорком (3), или с раковистостью (1).

2. Пластинки: одна целая, четырехскатная, размер 6,6X1,8; один обломок.

3. Вогнутый скребок на бесформенном отщепке. Размер 2,5X2,5. Длина рабочей части 0,975.

4. Обломок нуклеоподобного орудия типа овального пика из урочища Мел (см. выше № 19). Орудие, по-видимому, испорчено позднейшим приспособлением его для какой-то иной функции.

62. Край луки берега долины, приблизительно в 180—190 м к северо-западу от лесной пристани у Сожа (см. выше № 60).

Кремень серый, с крапинками.

1. Нуклеус с 2 площадками отбивания. Длина 5,3. С одной стороны сохранилась прежняя (еще до использования этого кремня человеком в качестве нуклеуса) плоская, с белой патиной поверхность; первые отжимы во всю длину нуклеуса, последние (три) только на половину длины.

2. Отщепки с площадкой отбивания (12) или с раковистостью (6). Один из последних с частичной ретушью.

3. Обломки пластинок, 4. На одном из них по краю, снизу, — мелкая ретушь.

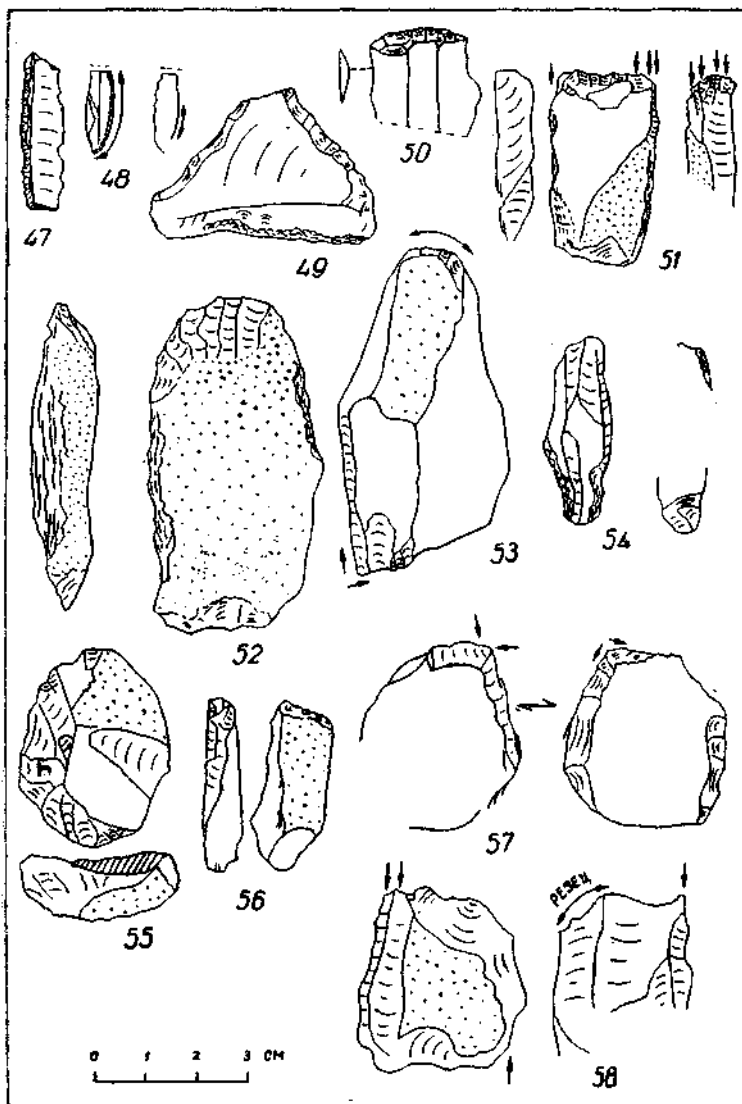

Рис. 47—58.

4. Пластинчатый отщеп, треугольный в разрезе. Размер 6,2X2,3X1,1. Частично обработаны плоскими ударами оба края снизу. Пилка (?).

63. Небольшой склон метрах в 40 к востоку от предыдущего места находок. Кремни—вверху склона.

Кремень весь белый, пережеженный. Отщепки с площадкой отбивания и проч. (1) или с раковистостью (2).

64. Край леса над поймой, около $\frac{3}{4}$ км к западу от предыдущего местонахождения, на левом (восточном) берегу небольшой речки. Находки—по обеим сторонам дороги в луг, на протяжении 15—20 м вдоль поймы параллельной речки. Здесь с восточной стороны дороги такой разрез:

1. Серый песок; от глубины 13,0 вниз встречается много угольков—1,0—23,0;

2. Тот же слой, только с крупными беловатыми пятнами 24,0—29,0...

Кремень без латинизации, частично пережеженный. 1. Отщепки с площадкой отбивания (10) или с раковистостью (4).

2. Округлый продолговатый скребок на отщепке. Размер 4,1X2,9X1,5 (рис. 55).

К западу от этого местонахождения берег долины Сожа (край нижней террасы), покрытый лесом, не дал на протяжении около двух километров никаких находок.

Д. ДОБРЯНКА (ХРИСТОФОРОВКА) СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Левый берег Сожа

65. Урочище Испуд, южнее урочища Барышнева Пристань. Лука Испуда проходит в направлении от северо-востока к юго-западу. В северном конце луки, на самом краю, на мысу, где находится урочище Барышнева Пристань, расположены два кургана на расстоянии друг от друга около 20 м.

Здесь же на мысу поднят один обожженный **кремневый** отщепок.

65а. Южнее, в 10 м против средней части луки — один куртан, а метрах в 75 к югу—еще один.

66. Место предполагаемого селища между урочищем Испуд с севера и Закота с юга, на юго-восточном берегу небольшого, протяжением около 110 м, узкого озера, отходящего к востоку от Сожа. На южном берегу озера три размыва. Еще южнее—поле. На расстоянии около 25 м к югу от берега озера, в обрыве одного из размывов высотой над уровнем воды в 1,8 м записан разрез:

1. Серо-белый песок—1,0—8,0;

2. Серый песчаный слой—9,0—18,0;

3. Темноватый песчаный слой—19,0—39,0;

4. Буровато-серый песчаный слой—40,0—50,0;

5. Светло-серый песчаный слой—51,0—55,0;

6. Серо-белый песок—56,0—59,0...

Слой 2-й 3 — с мелкими угольками.

Кремень обычный, темно-серый, а также и буроватый.

1. Отщепки с площадкой отбивания (1) или с раковистостью (1).

2. Пластинка с коркой вдоль правого края и с грубой небрежной ретушью вдоль всего левого края. Размер 5,6X1,9X X0,7.

3. Скребок округлый на небольшой пластинке, размером 3,2X1,3X0,7, обработанной со всех сторон. Доказательством тому, что это был скребок, служит наличие множества заломов снизу у всех краев.

Керамика. Обломки лепленной посуды красновато-серой окраски с примесью крупного песка. Два обломка плоского днища.

66а. К востоку от селища расположено 12 курганов. Расстояние от селища до ближайшего из них с запада Vs км. Курганы разбросаны вдоль южного конца луки частью в лесу, частью в поле.

67. Урочище Закота. Две гривы с восточной стороны Закоты.

Кремень обычный. 1. Искусственные (т. е. с остатками площадки удара и проч.) отщепки 7.

2. Обломок с обивкой, 1.

68. Урочище Закота. У дороги в д. Толкачевка и у южного берега нового озера, вдоль которого тянется полоса культурного слоя. Некрутые берега озера состоят целиком из серых и желтых песков. В южной части на культурном слое — песок. Среди находок встречаются куски кремня. Посреди этого местонахождения записан разрез:

1. Серо-желтый песок—1,0—4,0;

2. Темно-серый песок (культурный слой)—5,0—16,0;

3. Буровато-серый песок—17,0—42,0.

Кремень обычный. 1. Нуклеусы: а) с одной площадкой отбивания, 3. Длина 4,1; 4,2; 5,3;

б) аморфные, 2.

2. Отщепки с площадкой отбивания (56) и с раковистостью (19).

3. Обломки со следами обработки, 5.

4. Пластины: а) целые, 6, из которых 5 — двускатных. Длина от 3,7 до 9,7. Две пластины с частичной ретушью одного из краев; б) обломки, 9.

5. Наконечники стрел: а) листовидный, неолитического типа, тонкий, со сплошной обработкой обеих поверхностей, обломанным основанием, типиком с одного края и закругленным концом. Размер 4,8X2,2X0,47;

б) с выемкой в основании. Середина обеих поверхностей не тронута обработкой. Размер 1,6X1,2X0,35;

в) из пластинки с обломанным основанием, с выемками по обоим сторонам последнего (как у наконечников со стерженьком). Немного подправлен конец пластинки справа. Размер 3,3X1,4X0,4.

6. Скребки на отщепке: а) округлые, 3. Площадки отбивания имеются на всех трех. Один, размером 2,8X2,2X0,55, с коркой. Второй, длиной 5,3, на выступе треугольного отщепка. Третий почти овальной формы, значительной величины, размером 5,5X3,8X1,25, с превращением в скребки боковых краев и с обивкой на нижней стороне около основания;

б) вогнутый, размером 3,3X3,15.

7. Резцы: а) угловой на небольшом отщепе, с коркой сверху, похожем на пластинку. Резцовый скол произведен слева и несколько подправлен вверху. Размер 3,15X1,35X0,8 (рис. 56);

б) клиновидный на отщепке со сплошной коркой сверху, гладкий снизу. Крутые края превращены справа и слева в округлые скребки. На левом крае, вверху,—резец, грань которого образована двумя сколами, произведенными вдоль двух краев отщепка. Грань несет следы употребления. Размер 3,3X3,1X0,95 (рис. 57);

в) боковой на толстом отщепке, с коркой сверху и гладком на оборотной (нижней) стороне. Противоположные концы отщепка обиты или ретушированы, слегка вогнуты. На одном из них помещаются два боковых резца, «а другом — один боковой (тип местонахождения в урочище Мел; см. выше № 19). Резцовые сколы — от верха до самого низа. Размер 3,6X3,2X1,65 (рис. 58).

8. Ударные орудия: а) толстый пластиноподобный отщеп с обивкой краев сверху и закругленным (необработанным) концом. Размер 5,9X3,2X1,5;

б) нуклеоподобное орудие, приблизительно треугольное в разрезе, с тонким не совсем правильным лезвием. Тип ДС 1926, ХХІХ, 26. Длина 4,8.

Керамика. Пять желтых обломков посуды грубой работы, черных изнутри. Примесь крупного песка. Толщина 0,9—1,1. Среди них один край без шейки, с легким наклоном в середину.

69. Урочище Щемелевки. Песчаные возвышенности на обоих берегах небольшой речки, против северной части д. Добрянка. На возвышенностях—находки **кремня**, особенно на небольшой гриве приблизительно к юго-востоку от местонахождения в урочище Закота.

70. Урочище Городец. Мыс с крутыми берегами между идущим к северу Сожем и новым озером, что вымыто Сожем несколько лет назад. Высота оконечности мыса над Сожем 2,66 м. Начиная от Сожа, вдоль постепенно понижающегося к юго-западу северного берега озера замечен культурный слой, прослеживающийся на протяжении до 76 м. Далее (к юго-

западу) этот слой сливается с луговой почвой, прикрытой песками мощностью до 1 м. Здесь встретились кремни, несколько-некрупных обломков обожженных камней.

На самом мысу между Сожем и озером записан разрез:

1. Темно-серый песок с угольками—1,0—18,0;
2. Серый, более светлый песок—19,0—36,0;
3. Еще более светлый песок—37,0—66,0;
4. Светло-бурый песок—67,0—135,0;
5. Желтый песок—136,0—200,0...

Кремень красновато-бурый. Два отщепка с площадкой отбивания и проч.

71. Урочище Нижняя. Два размыва, заключенные между сторонами меандра (Сожа), обращенного вершиной луки к югу. Расстояние между обеими сторонами меандра метров 90. Размывы идут от запада к востоку. Между размывами уцелели две небольшие площадки луга, заросшие травой, с совершенно пологими склонами к Сожу. Высота уцелевшей в восточной части площадки размером 15X15 м всего 0,5 м над уровнем реки.

В южной части этой площадки записан разрез:

1. Светло-серый (грязно-белый) намывной песок—1,0—18,0;
2. Темно-серый песчаный слой с более или менее крупными угольками—19,0—28,0;
3. Несколько более светлый, серо-бурый песчаный слой—29,0—51,0...

Кремень обычный, с красновато-бурым оттенком. На некоторых кремнях наблюдается слабая патинизованность, 1. Отщепки с площадкой отбивания или с бугорком удара (24), или с раковитостью (8).

2. Обломки (3) и отщепы (4) со следами обработки (обивка, ретушь).

3. Обломки пластинок (5) шириной 1,8—2,09.

4. Скребки округлые, на обычных отщепках (с площадкой отбивания), 3. Один из них на краю большого желвака, размером 9,3X6,2X3,8, на котором сбоку имеется еще вогнутый скребок, причем нижние поверхности округлого и вогнутого скребков разные (рис. 59).

5. Резец на массивном отщепе, размером 6,0X2,9X1,3. Правый крутой край в корке. Резец образован рядом мелких отжимов или сколов как сверху, так и снизу. До превращения в резец отщеп имел уже патину, которая сохранилась на верхней и нижней его сторонах в тех местах, которые не были затронуты при изготовлении резца (рис. 60).

72. Урочище Крушинник, у озера Удуга, на земле д. Старинки, между урочищами Бележино (луг) и Корьма. Старая пашня вышиной всего около 1,6 м над водой, целиком зали-

ваемая в половодье. Всюду на поверхности масса крупных, часто пережженных камней диаметром 10,0—20,0 и кусков кремня.

Здесь записан разрез:

1. Буровато-серый песок—1,0—15,0;
2. Темно-серый песок—16,0—26,0;
3. Грязновато-серый песок—27,0—39,0...

Находки—вдоль протока на протяжении метров 120 и дальше, к востоку, метров около 200—250, полосой в ширину до 25 м, вдоль озера.

Кремень обычный, с красноватым или бурым оттенком.

1. Нуклеусы: а) с одной площадкой отбивания (3) длиной 3,6; 4,25; 4,5; б) с двумя (1).

2. Отщепки с площадкой отбивания или с ударным бугорком (40), или с раковистостью (18).

3. Обломки со следами обработки (ретушь, обивка), 6.

4. Пластинки в обломках, 5.

5. Отщепок (может быть, незаконченный наконечник стрелы) с необработанной нижней и сплошь обработанной верхней сторонами. Последняя имеет два ската, которые обработаны перпендикулярными к краям или к грани скатов отжимами, расположенными один возле другого. Основание и конец обломаны. Ширина 1,3, толщина 0,6.

6. Обломок пластинки с выемками на обоих краях возле основания для получения стерженька. Довольно широкий стерженок обломан. Ширина 1,4, толщина 0,24.

Керамика. А. Неолитический тип. Серо-желтые либо темные красные обломки посуды, частью с полосами на внутренней поверхности, в большей части с минеральной примесью. Толщина 1,12, 0,93 и даже 0,66.

Орнамент. 1) Чеканный, нескольких видов: а) зубчатый различных типов (крупный, мелкий, прямой, кривой), 9;

б) зубчатый типа ДС 1926, VI, 15 (косые зубцы), 1;

в) треугольный, мелкий, нанесенный довольно плоским тупым чеканом, типа, близкого к ДС 1926, VI, 16, 1;

г) мелкий точечный в соединении с мелким зубчатым. Точки идут в два ряда. Толщина 0,66. Этот тип приближается несколько к ДС 1926, VI, 10, 1;

д) ромбический плоский, нанесенный при помощи чекана в форме ромба со сглаженными несколько углами, 1;

е) неправильный ямочный, в одном случае размещенный диагоналями на краю сосуда, который имеет поперек своего закругленного обреза косые нарезки, 2.

2) Печатный, псевдозубчатый, 1.

Б. Обломки посуды курганного типа, сработанной на гончарном круге, 2.

73. Край леса к юго-востоку от конца озера. Совершенно отлогие склоны.

Кремень. Несколько отщепков.

74. Урочище Иванова Грива, к югу от д. Толкачевка и урочища Букота. Неправильно-округлой формы песчаный возвышенный остров среди луга с направлением западного берега юго-западо-запад—северо-востоко-восток, длиной около $\frac{1}{5}$ км. Высота юго-западной части около 1,6 м, северо-восточной — 1,8 м.

Кремни — с западного края острова, несколько поодаль от луга, сверху серого песка, представляющего здесь почву.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания (5) или с раковистостью (3). Один отщепок с ретушью на конце левого края и с выемкой на правом.

2. Дискотипный отщеп с коркой «а верхней поверхности, обработанный отбойниками по всей нижней поверхности. Размер 4,3Х4,0.

75. Возвышенность (грива) среди луга между Сосновой Гривой (см. № 78) и берегом поймы Сожа. Поверхность ее ровная, вспаханная. Направление возвышенности — с юго-запада на северо-восток.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания (1) или с раковистостью (1).

2. Обломанная пластинка; длина 6,0.

76. Возвышенность (грива) к востоку от предыдущего местонахождения, возле самого леса. Следы какого-то позднего жилища.

Кремень. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 3.

77. Невысокий плоский холм приблизительно на юг от урочища Букота. Покрит нестарым лесом.

Кремень. Один скребок.

78. Урочище Сосновая Грива. Неправильных очертаний возвышенность приблизительно к востоку от предыдущего местонахождения. Расположена на восточном берегу староречья Сожа, которое проходит в виде луки (выпуклостью к востоку) при общем направлении на юго-восток, далее на юг и, наконец, на юго-запад. Берег староречья занят частично лесом, частично пашней. Северный конец луки находится на расстоянии $\frac{1}{4}$ км к западу от Сожа, южный — $\frac{1}{8}$ км. На берегу северной оконечности староречья—один курган.

Кремень обычный. 1. Нуклеус с одной площадкой отбивания; длина 6,3.

2. Отщепки с площадкой отбивания (2) или с раковистостью (2).

Вдоль края луга как на север, так и на юг от д. Добрян - ка — никаких находок. Не оказалось их и на небольшой Хведотовой Гриве, ниже деревни по течению.

ПОС. ЧЕРНЕЦ СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Левый берег Сожа

Левый низкий берег долины р. Ельна при вступлении ее в долину Сожа не дал никаких находок.

79. Урочище Сидоровка (Штанки), приблизительно в $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ км к северу от поселка Чернец. Край нижней надпойменной террасы представляет здесь поле со слабым склоном к левому берегу Сожа, идущего в направлении от востоко-юго-востока к западо-северо-западу. Находки — кремни — по пашне, на площади около 50 кв. м, в большей ее части заливаемой в половодье.

79а. Урочище Казацкий Борок. На краю поля, возле луга, приблизительно к северу от следующего местонахождения (см. ниже № 80), небольшая группа курганов (около 5).

80. Местонахождение приблизительно в $\frac{1}{5}$ км к северу от пос. Чернец. Поле вдоль луга, край которого порос дубами и тянется в направлении северо-северо-запад—юго-юго-восток. Склоны от поля к лугу отлогие. Почва — серый песок. Находки—вдоль края поля полосой в длину до 30 м, в ширину до 20 м.

Кремень обычный, серый, а также серовато-желтый. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 6.

2. Отщепки с раковистостью или со следами обработки, 2.

3. Обломки пластинок, 2.

4. Неопределенного значения пластина.

5. Округлый скребок на довольно толстом отщепке. Высокая небрежная ретушь. Тип ДС VII, 11, IX, 3, 4. Размер 3,6X X3,4X1,4.

81. Местонахождение к северу от дамбы, с южной стороны ручья. Находки—на мысу.

Кремень серый. 1. Нуклеус с одной площадкой отбивания.

2. Слегка выгнутый скребок на конце грубого отщепка с несколько выпуклой нижней поверхностью. Очень мелкая ретушь.

82. Низкий берег Сожа к югу от дамбы.

Кремень буровато- или красновато-серый, 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 2.

2. Отщепки с раковистостью, 2.

ПОС. СИЛИНО ПОЛЕ СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Правый берег Сожа

83. У пос. Силино Поле нижняя надпойменная терраса Сожа, сплошь покрытая лесом, выдвигается в долину в виде большого суживающегося к югу мыса. Усадьбы поселка расположены на южной оконечности мыса, прямо к северу от д. Кремьянка (в 3 км) и Сожа (более 2 км), на северном (правом) берегу долины Прони и Сожа, достигающей здесь весь-

ма значительной ширины (около 3 км). Находки—в северной части поселка, вдоль луга.

Кремень. 1. Отщепки, получившиеся при обработке кремня человеком, с площадкой отбивания и с другими признаками их искусственного происхождения, а также со следами обработки, 12.

2. Обломок скребка.

84. Пос. Силино Поле. К юго-востоку от хутора Воронцова.

Кремень. 1. Нуклеус неправильной формы.

2. Отщепки с площадкой отбивания, ударным бугорком и раковистостью, 12.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 10.

4. Обломок пластинки.

5. Почти овальный неолитического типа скребок хорошей обработки. Сделан на отщепке с коркой. Размер 5,0X3,8X1,38.

Керамика. Два обломка посуды типа городищ, желтовато-серой окраски. Примесь крупно битого камня.

85. Урочище Бугор (Граковы Хутора).

Кремень. 1. Обычные отщепки, 6. Один из них треугольной формы, с частичной ретушью по краям.

2. Обломки с раковистостью, 7.

86. Урочище Гуторов Курган в Мирияновых Палядках. Невысокая грива к северо-северо-востоку от кладбища в д. Кремянка. Высота над лугом около 1,6 м. Длина с юго-запада на северо-востоко-восток около 100 м, ширина в восточной, более широкой части, до 50 м. Почва—темно-серый мелкий песок.

Кремень. 1. Один отщепок с площадкой отбивания и проч.

2. Прямой скребок сбоку отщепка (рис. 61).

87. Невысокая грива к северо-западу от местонахождения № 90 (см. ниже), вытянутая в направлении с северо-запада к юго-востоку.

Отщепок серого **кремня** с площадкой отбивания и проч.

88. Невысокая узкая грива к северо-западу от местонахождения № 90 (см. ниже).

Красновато-бурого кремня отщепок с раковистостью и со следами отжимов.

89. Урочище Шубалин, или Кабин. Большая по площади плоская возвышенность в $\frac{1}{4}$ км к северу от местонахождения № 90 вышиной над лугом около 1 м. По своему строению возвышенность имеет сходство с намывными береговыми валами. Таких валов здесь насчитывается четыре. Отсюда можно заключить, что возвышенность эта представляет не что иное, как остаток поймы очень древнего ее уровня. Поиски на ней дали находки кремней только на ее южном конце, находки, которые также подтверждают древнее происхождение этой возвышенности.

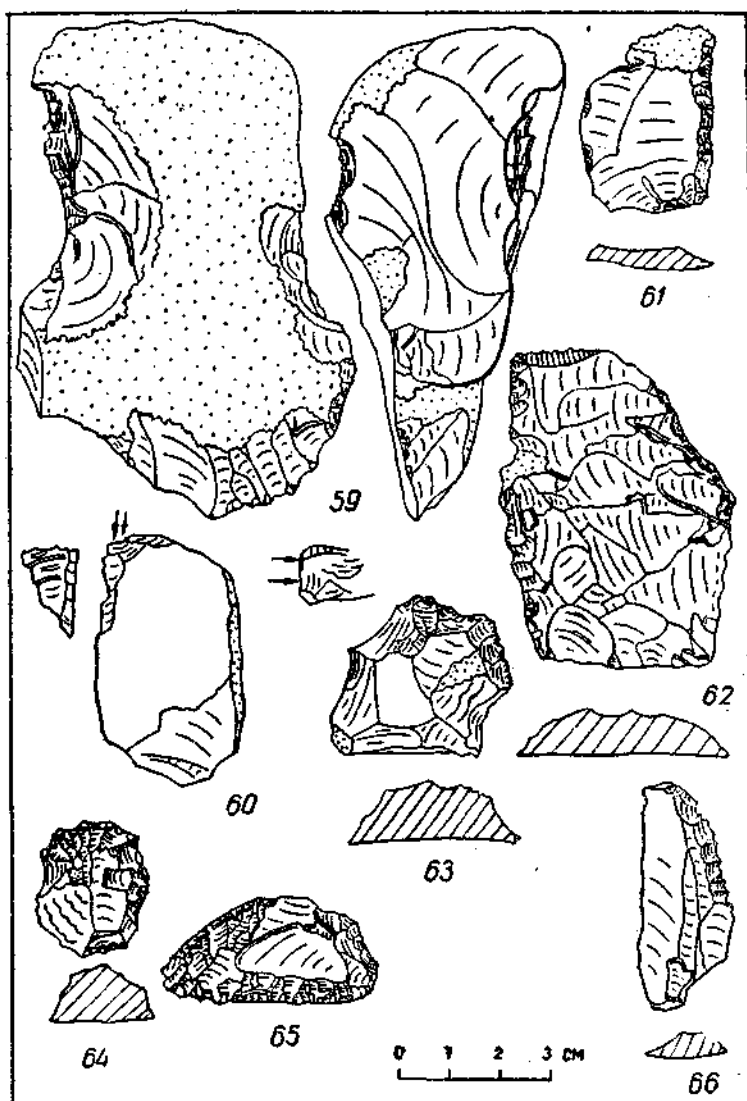

Рис. 59—66.

Кремень. 1. Один отщепок с обычными признаками искусственного происхождения.

2. Обломки со следами обработки, 2.

90. Бугор в 1½ км к северо-востоку от д. Кремянка, на северном берегу р. «Старый Сожа», как названа старица Сожа на трехверстной карте. Бугор вытянут почти с севера на юг. Длина его до 160 м, ширина посредине до 75 м, высота до 2,15 м в северной части. Снижается он тремя идущими от севера к югу уступами. Находки—на поверхности. Обнажений нет. Почва—темно-серый перегнойный песок.

Кремень темно-серый. 1. Отщепки с площадкой удара и проч., 2.

2. Обломки со следами обработки, 3.

3. Скребло по краю значительного отщепа. Размео 6,1X X4,4X1,05 (рис. 62).

91. Урочище Заспа. Грива в ½ км к северу от кладбища, в д. Кремянка. Вытянута с северо-северо-востока к юго-юго-западу. Длина до 60 м. Высота над водой до 2,1 м. Поперечный профиль—плоская дуга. С запада и востока—луг, с севера и юга—небольшие озера, к которым грива спускается склонами от 6 до 7,5 м шириной. Далее к северу и к югу идут параллельные узкие валы, которые имеют вид дуг, обращенных выпуклой стороной к гриве. Дальше за валами в обоих концах гривы—луг. Принимая во внимание такое дугообразное расположение валов, характерное для береговых валов меандрирующей реки, следует думать, что грива когда-то была гораздо длиннее и что оба ее конца были отмыты (может быть, даже в одно приблизительно время) течением Сожа. Течение Сожа, очевидно, шло у северной и у южной оконечностей гривы. Если это было в одно время, то получается так, что грива была как бы зажата между двумя сторонами меандра Сожа.

Почва — темный перегнойный песок.

Находки представлены кремнями, из которых два пережженных отщепка подняты на северном конце гривы.

Кремень. 1. Отщепки с обычными признаками их искусственного происхождения, 5.

2. Отщепки с раковистостью, 6.

3. Округлый (выгнутый) скребок на приблизительно круглом отщепке. По обеим сторонам рабочего выгнутого края—обработанные вогнутости (рис. 63.).

Г. СЛАВГОРОД МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Правый берег Сожа

92. Грива, частично разрушенная карьером для добывания песка, к юго-востоку от шоссе, на левобережном лугу р. Проня, между 2 и 3, считая от Славогорода, мостами на Проне. Большая часть гривы еще цела. Грива вытянута в направлении с

северо-западо-запада на юговостоко-восток. Длина карьера до 120 м, ширина—до 48 м. Здесь записан **разрез**:

1. Желто-серый песок—1,0—9,0;
2. Темно-серый углистый песок—10,0—14,0;
3. Светло-серый, слегка розоватый песок—15,0—27,0;
4. Грязно-желтый песок—28,0—37,0.

Рядом с разрезом слой 2 имеет мощность в 7,0 см.

Кремни—на песке северной части **карьера**.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания, ударным бугорком и раковистостью, 2.

2. Отщепки и обломки, частично с раковистостью, — отбросы производства, 13.

Керамика неолитического типа. Орнамент: а) зубчатый, штампованный, на 1 обломке, с параллельными полосами на внутренней поверхности, возникшими, вероятно, при сглаживании сосуда; б) ямочный, небольшого размера, различного вида, 2.

92а. Урочище Перевал. Грива среди луга по левому берегу Прони, несколько выше ее устья. Находки—на северо-западной стороне гривы.

Керамика. Три обломка грязно-желтого цвета славянской (курганной) посуды. Значительная примесь мелкой дресвы. Дно плоское, гладкое, вдавленное, что заметно по несколько выступающему выпуклому бортику.

Первые от Прони в направлении к востоку гривы (грива Сака и др.) не дали никаких находок.

93. Урочище Темная Грива. Состоит из двух отдельных возвышенностей: северной и южной. Длина северного бугра приблизительно 250 м. Южная часть бугра выше северной. Находки—на южном конце бугра, на песках, идущих приблизительно с востока на запад, длиной около 50 м, шириной до 14 м.

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч. (3) или с раковистостью (1).

2. Один обломок пластинки.

94. Урочище Темная Грива. Южная из двух возвышенностей, расположенных в этом урочище. Она представляет заметный еще издали бугор среди луга, метрах в 225 от Сожа и в 1,25 км к востоку от центра Славгорода. Бугор несколько вытянут в направлении северо-северо-восток — юго-юго-запад. Площадь его равна 125X115 м при высоте около 3 м. В рельефе бугра выделяются две возвышенности — северная и южная, между которыми находится понижение, заполненное в двух местах водой.

Обнажения наблюдаются вдоль юго-западного (на протяжении 40 м) и юго-восточного (площадью 30X15 м) краев.

На юго-западном углу бугра записан разрез:

1. Буроватый светло-серый песок—1,0—8,0;

2. Темно-серый углистый песок—9,0—27,0;
3. Темный песок—28,0—33,0;
4. Буро-серый песок—34,0—46,0;
5. Бурый песок—47,0—63,0.

Этот слой выступает по всему склону вверх и на юго-западном углу внизу, где, очевидно, когда-то был склон.

На юго-восточном углу бугра разрез:

1. Светло-серый песок—1,0—9,0;
2. Темно-серый углистый слой—10,0—15,0;
3. Более светлый серый песок—16,0—40,0...

Ниже описываются сперва находки на юго-западном углу южного бугра.

Кремень. 1. Отщепки, 28. Среди них 11 с площадкой отбивания и проч., 17 только с раковистостью.

2. Обломки со следами обработки, 2.

3. Обломки скребков на краю отщепков, 2.

Керамика. 13 обломков посуды неолитического типа. Окраска снаружи грязно-бурая, в разрезе темная. Значительная добавка битого камня (дресвы) и обильная растительная примесь в виде волоконцев (пустоты!). Толщина 1,10—1,03. Диаметр посуды, судя по одному обломку края, не меньше 32,0.

Орнамент неолитического типа — крупный лапчатый, расположенный по диагоналям. На одном обломке прямого края (с более или менее плоским обрезом) имеются два ряда этого орнамента, ниже которого — три глубокие точки (ямки), отделенные (по горизонтали, в ряду) одна от другой тремя лапчатыми ямками. Точкам (ямкам) соответствуют на внутренней стороне бугорки. Обрез этого края также орнаментирован штампом, обвитым веревочкой (лапчатый орнамент), отпечатки которого расположены в ряду наклонно.

Один обломок имеет орнамент в виде неглубоких овальных ямок, расположенных по диагоналям, в соединении с зубчаточеканным орнаментом. Тип ДС XVIII, 10, XXXII, 8.

95. Урочище Темная Грива. Находки—на обнажении юго-восточного угла южного бугра, имеющем площадь 30X15 м.

Кремень серый. Т. Отбойник в форме диска. По окружности, на самых краях, следы употребления этого орудия, как отбойника, в виде заломов. Размер 4,3X4,2X2,2.

2. Нуклеусы: а) с одной площадкой отбивания, неправильно-конической формы, 1. Противоположный площадке конец превращен путем мелкого, хотя и грубо-го ретуширования в выгнутовогнутый скребок. Размер 5,6X4,8X (ближе к площадке) 2,8;

б) с двумя площадками отбивания, 1.

3. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 24.

4. Отщепки и обломки с различными следами их искусственного происхождения (23), в том числе 4 со следами мелкой ретуши.

5. Обломки пластинок, 2.

6. Скрепки: а) округлый на продолговатом отщепке типа ДС, ХХІХ, 23, б) весьма слабо выгнутый на конце пластинки. Длина 2,3.

Керамика. Тонкие, толщиной 0,8—0,95, обломки, числом 13, кажется, от одного сосуда неолитического типа, весьма значительного диаметра. Обломки в разрезе темно-синего, почти черного цвета. Для изготовления посуды служил в данном случае, судя по цвету ее, по-видимому, речной ил, по-местному—«глей». Что касается верхних слоев стенок, то они и снаружи и изнутри имеют шоколадную или темно-бурую окраску либо, в других случаях, красновато-желтоватую. Внешние части стенок производят впечатление наклепанных уже после того, как посуда была в основном вылеплена. Наблюдается примесь к глине как минеральная (крупная дресва), так и растительная (следы растительных волокон). Внутренняя поверхность обломков имеет, как обычно, параллельные полосы.

Орнамент представляет соединение печатного лапчатого, расположенного по диагоналям, с зубчатым или гребенчатым чеканом. Лапчатый орнамент имеет вид вытянутых ямок. Ряды зубчатого чекана наносились на стенку сосуда как выше, так и под рядами лапчатого орнамента. Упомянутое объединение печатного лапчатого орнамента с зубчатым гребенчатым чеканом встречено среди всех материалов стоянок среднего и нижнего Сожа впервые. Оно представляет большой интерес в том отношении, что показывает на одновременность как будто и того и другого видов орнамента. Если бы это было так, то теряло бы основание предположение Ю. Айлио (J. Ailio) о происхождении зубчато-чеканного (гребенчатого) орнамента (Kammkeranvik) от лапчатого печатного орнамента (Wickelschnuornament).

Кроме описанных остатков керамики, было найдено еще два обломка такого же состава массы, но без орнамента.

96. Возвышенность, расположенная метрах в 180 к северу от Темной Гривы (через озеро) и вытянутая с севера на юг. Высота ее незначительна, всего до 1,8 м.

В северной части возвышенности разрез:

1. Буровато-серый светлый песок—1,0—6,0;
2. Темно-серый песок (культурный слой?)—7,0—20,0.

Метрах в 30—35 к востоку от этой возвышенности параллельно с ней проходит длинное, узкое озеро, которое далее проходит и с западной стороны Темной Гривы.

Находки—на песках размыва на протяжении метров 250 при ширине до 12 м. В одном месте (около центра) выступает пятно черного, углистой окраски, перегной, может быть, культурного слоя.

Кремень серый: несколько кремней буровато-желтой окраски.

1. Нуклеус, 1.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 13.
3. Отщепки и обломки с раковистостью, 14.
4. Отщепки со следами ретуши, 3.
5. Обломки пластинок, 4.
6. Скребки: а) на конце пластинки, 1; б) овальный на отщепке. Размер 2,5X2,0X1,0 (рис. 64); в) округлый на отщепке, типа ДС, XXIX, 23; г) выгнутый на выступе отщепка значительной величины.

7. Обломок верхней части какого-то наконечника или ударного орудия типа ДС, XIII, 4 и XXIII, 10. Обработан обивкой. Очень выпуклая верхняя сторона.

97. Небольшая грива, расположенная на расстоянии около $\frac{1}{3}$ км приблизительно к востоку от урочища Темная Грива. Узкая, с наибольшей шириной на юго-западе около 35 м, грива. Вытянута с северо-востока к юго-востоку в длину до 80 м. Расположена среди луга, на юго-восточном конце излучины с низкими берегами, представляющей, вероятно, остаток староречья. Выпуклость излучины обращена к северо-востоку. Сож протекает южнее, в 0,25 км, Проня — несколько дальше. Высота юго-западного конца над водой всего лишь 1,75 м. В половодье эта возвышенность, возможно, не заливается.

Находки — на поперечном размыве, площадью 16X6 м, на юго-западном конце гривы.

Здесь разрез:

1. Буровато-серый песок—1,0—7,0;
2. Темно-серый песок—8,0—19,0;
3. Несколько более светлый слой—20,0—28,0.

Кремень серый, частично белый (пережженный), 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., большей частью очень мелкие, 32.

2. Отщепки и обломки с раковистостью, в большинстве также очень мелкие, 34.

3. Отщепки и обломки с частичной мелкой ретушью, 6.

Керамика. А. 4 обломок посуды неолитического типа, желтые снаружи, черные в разрезе. Орнамент — зубчатый гребенчатый чекан (на трех обломках).

Б. 5 обломков тонкой (0,65—0,90) более поздней посуды, большей частью серого цвета. Край прямой, с круглым обрезом. Орнамент преимущественно из небольших ямок различного вида.

98. Группа из трех возвышенностей, идущих одна за другой на протяжении метров 180, в направлении с северо-запада на юго-восток. Расположены приблизительно к северо-востоку от урочища Темная Грива, вдоль лежащего с западной стороны озера. Склоны к озеру отлогие, шириной до 15 м. Самая большая возвышенность — средняя. Между возвышенностями террасоподобные снижения. Высота южной возвышенности 1,75 м, средней — 2,1 м.

па средней гриве разрез:

1. Серый песок 1,0—4,5;
2. Темно-серый песок 4,6—16,0;
3. Светло-бурый песок 17,0—21,0.

Находки—почти на всем протяжении склонов к западу, К озеру.

Кремень обычный, серых оттенков, хотя изредка встречается буроватая и желтая окраска:

1. Нуклеусы, 2.
2. Отщепки с площадкой отбивания, бугорком удара и раковистостью, 94.
3. Отщепки и обломки с раковистостью, большей частью маленьких размеров, 90.
4. Неопределенные обломки с ретушью, 5.
5. Обломки пластинок, 13. Один из них с частичной ретушью левого края и с выемкой на правом краю внизу.
6. Скребки округлые, на продолговатом отщепке, 2. Один размером 3,6X2,6; ширина другого 2,2.
7. Скребло на массивной плотной пластинке.
8. Наконечник дротика листовидной формы, красного кремня. Целиком обработан с обеих поверхностей. Основание прямое (неострое). Размер 7,1X3,1X0,8.
9. Три коротких пластинки (одна сломанная) с выгнутым ретушированным, частично или целиком, правым краем. У двух из них ретуширован также левый край, причем в одном случае и снизу. Ретушь мелкая, такого же характера (только мельче), как и на наконечнике дротика, описанном выше. Длина двух целых пластинок 4,0 (рис. 65), 4,3 (рис. 66).
10. Ударное орудие — топор. Размер 6,6X3,6X1,3. Обработан отбойниками на верхней поверхности и по краям—на нижней. Лезвие почти прямое, едва выгнутое и, если смотреть снизу, кривое. Край лезвия от нижней поверхности сделан пологим и потому получился тупым. Шлифования нет (рис. 67).

Керамика. А. 5 очень мелких обломков желтого цвета посуды неолитического типа. Орнамент: а) зубчатый гребенчатый чекан, 2 обломка; б) неглубокий ямочный, 1 обломок.

Б. 1 обломок, сработанный на гончарном круге посуды курганного типа с обычным орнаментом в виде параллельных линий.

99. Г. Славгород (бывший г. Пропойск). Около 1926 г. местный житель Лагутенок на расстоянии 2 — 3 м от берега во время рыбной ловли вытащил из Сожа между еврейским кладбищем с севера и дегтярным заводом с юга нижнюю челюсть с зубом какого-то слона, по-видимому, мамонта.

99а. Славгород. Дом над мельницей. С западной стороны Дома, ниже его, найдено два обломка посуды с примесью дресвы. Один из обломков принадлежал лепленому сосуду.

99б. Славгород. Предполагаемое городище в парке, над высоким, метров около 15, обрывом Сожа.

Керамика. Шесть обломков изготовленной на гончарном круге посуды курганного типа белого и красного цветов. Среди них — один венчик с отогнутым наружу краем, с желобками снаружи и изнутри края. Орнамент на нем в виде параллельных узких полосок (рис. 68). Два обломка плоских днищ со следами подсыпки песка.

99в. Славгород. Находки—ниже лесопилки.

Керамика. 5 обломков темно-серой славянской курганного типа посуды, изготовленной «а гончарном круге. 1 обломок лепленной посуды. Дно плоское, гладкое снаружи. Толщина 7,2-8,5.

Орнамент: а) нарезной, линейный, на двух обломках из параллельных линий, причем на одном в соединении с волнистым орнаментом; б) волнистый, на двух обломках в одну линию, на одном—в две.

100. Славгород. Овраг, второй вниз по течению (т. е. к югу) от паровой пристани. Южный мыс оврага на спуске к реке.

Кремень. Один отщепок с площадкой отбивания, ударным бугорком и раковистостью.

101. Незастроенный участок берега против еврейского кладбища (к востоку от него). Находки—на песках, на протяжении 45 м вдоль Сожа. Встречались редкие кремневые отщепки и керамика.

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 6.

2. Отщепки с раковистостью, 5.

3. Пластинки: а) одна целая, длиной 5,1; б) обломки.

Керамика. 4 обломка посуды серого цвета толщиной 0,5—0,79. Один прямой край с едва заметным отгибом наружу и с круглым обрезом. Другой обломок также, по-видимому, края посуды толщиной 0,5 орнаментирован двумя горизонтальными шнурами средней величины. Керамика, вероятно, бронзового века.

102. Старая «пікаварня», по-местному, в южной части города, над Сожем, к югу от предыдущего местонахождения. Эту часть города называют «фабрик». Метрах в 22—30 к северу, на песках верхней части высокого склона берега — находки кремневых отщепков и черепка (по-видимому, части дна) с мелким продолговато-ямочным орнаментом неолитического типа.

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 18.

2. Обломки с раковистостью, 12.

3. Пластика с ретушью правого края возле основания на нижней поверхности.

4. Обломок очень узкой пластинки, шириной 0,57, с маленькой выемкой правого края.

5. Скребок на конце пластинкоподобного отщепка. Размер 2,1X1,4.

Керамика. А. Обломок посуды неолитического типа толщиной 0,9, по-видимому, часть конического дна. Орнамент—в виде вертикальных продолговатых углублений, похожих на отпечатки ногтей.

103. Южная часть Славгорода вдоль крутого берега Сожа, за последним двором и оврагом. Это— место лесной пристани. Вдоль берега, несколько поодаль, проходит дорога в д. Клины. Высота берега Сожа здесь до 5 м; к югу она постепенно увеличивается и достигает примерно через 250 м, 15—17 м; еще далее к югу, в сторону спуска с горы по дороге в д. Клины, высота берега несколько уменьшается. Здесь расположен второй небольшой овраг. Поверхность берега над обрывом (вдоль обрыва — 300—400 м) ровная, покрытая серыми песками. Внизу крутых обрывов в северной части, у воды, вместе с галькой много желваков кремня, большей частью разбитых.

По всему берегу найдены кремневые отщепки, пластинки, целые и в обломках, один целый и один поломанный наконечники стрелы древнего типа. Остатки посуды встречались только в самой северной части обрыва, на протяжении 7—8 м, где поднят и неолитический треугольный наконечник стрелы.

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 2.

2. Отщепки с раковистостью, 2.

3. Пластика с ретушью левого края снизу около основания, а также на конце правого края сверху и левого—снизу. Размер 3,3X1,0X0,4.

4. Обломок скребка на конце пластинки.

Керамика неолитического типа: а) один обломок толщиной 0,75, желто-серого цвета. Орнамент лапчатый. Обломок найден на глубине 0,36 м. Тип ДС, L, 2. Очень ранний неолитический тип; б) семь обломков светло-желтой глины, толщиной 0,6—0,98, со штриховатостью снаружи и изнутри. Орнамент чеканный: а) зубчатый, гребенчатый, на 2 обломках, типа ДС, VI, 19, 23, 28; б) псевдозубчатый, короткий, в три зубца; 1 обломок, толщиной 0,55.

Говорить с уверенностью о наличии здесь определенного культурного слоя не приходится. Почти на всем протяжении берега, преимущественно в северной его части, как в обрезах берега, так и на верху его, на плоскости, выступают сплошные черной окраски слои, толщиной в среднем до 10,0 см. Кремни встречались как по склонам обрыва, на различных расстояниях

от верха, так и на самом верху берега, притом сверху указанных пятен черного слоя. В северной части записан разрез:

1. Темный песчаный слой—1,0—34,0;
 2. Грязно-желтый песчаный слой—35,0.
- В слое 2 встретились обломочки кремня и черепок посуды с гребенчатым орнаментом.

Анализируя весь собранный здесь материал, можно придти к следующему выводу. Находки в северной части этого местонахождения, давшие и кремневые поделки и керамику, принадлежат неолиту. Что касается материалов с остальной части, которые составляют 95% общего их количества, то подавляющая часть их относится к более раннему времени — эппипалеолиту.

104. Урочище Узлужье, между южным концом Славгорода и дорогой в д. Клины.

Кремень обычный. Пати́на наблюдается редко.

1. Нуклеусы: а) с одной площадкой отбивания, 6. Длина 3,3; 3,5; 3,6; 4,0; 4,1; 4,2; б) с двумя площадками, 1. Длина 4,2,

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 233.

3. Отщепки с раковистостью, 128.

4. Различные обломки со следами обработки (ретушь, обивка), 26.

5. Пластинки: 7 целых, 49 обломков. Наименьшая ширина: 0,7, наибольшая — 1,6 и 2,3. 12 обломков пластинок имеют сплошную или частичную ретушь краев.

6. Скребки: а) на отщепках грубого облика, с коркой: 3 округлых; один почти прямой, на продольном краю отщепа, начинающая от основания (с ударным бугорком) и до самого конца выгнутовогнутый неправильных очертаний на мелком отщепке; один из краев имеет небольшой выступ посередине вроде проколки; размер 2,1X2,3;

б) на конце пластинки: 2 округлых (вернее не на пластинках, а на пластинчатых отщепках); 3 более или менее прямых на узких большей частью пластинках; ширина пластинок 0,28, 0,30, 0,48.

7. Резцы боковые: а) на грубом отщепке; самый конец пластинки с резцом имеет ретушированную вогнутость размером 3,8X3,3; б) такой же резец еще более грубой обработки размером 2,4X2,2X17.

8. Наконечники стрел: один целый, другой сломанный. Размеры целого 6,7X2,1X0,7. Его грубый стерженек шириной 1,17 обработан справа, слева и немного на оборотной стороне внизу. Половина правого края самой пластинки наконечника ретуширована.

Керамика. А. 7 светло-желтых обломков неолитической посуды толщиной 0,7—0,8. Изнутри полосы. Один край сосуда приметно выгнутый наружу, с округленным обрезом.

Орнамент — некрупный зубчатый гребенчатый чекан в два зубца. На упомянутом краю под обрезом едва заметный ряд вдавлений.

Б. Один прямой край светло-серого сосуда (бронзового века). Незначительная примесь толченого камня; толщиной 0,78. Обрез закруглен. Орнамент типа ДС 1926, XLIX, 1, 6, 13 и L, 21, из нарезных параллельных линий, собранных в треугольники.

В. 2 обломка желтого и серого цветов. Орнамент — в виде чеканных нарезных линий, поставленных рядом.

105. Склон горы к лугу, т. е. к югу, по дороге в д. Клины. Находки — по склону восточнее указанной дороги.

Кремень с мелкими пятнышками.

1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 17.

2. Обломки с раковистостью (4) или со следами обработки (2).

3. Пластинки: а) две целых; одна из них с полукруглой выемкой посреди левого края снизу; б) три обломка; один с мелкой ретушью левого края, появившейся, может быть, в результате работы пластинкой.

4. Обломок тонкого полукруглого скребка на отщепке.

106. Урочище Рябовки, метрах в 200 к югу от описанного выше местонахождения на склоне горы по дороге в д. Клины. Это — продолжение горы, края верхней террасы, который уже описан выше. От урочища Рябовки Сож протекает на значительном расстоянии в направлении к юго-востоку. Под горой, имеющей в высоту метров 15, — очень узкое озеро Стерахов, идущее с севера на юг, и луг. На понижении у озера, метрах в 11—12 от его южной части к западу, — небольшое песчаное обнажение. Оно имеет размеры 17X10 м и пересекается с севера на юг дорогой (из Славгорода). С западной стороны обнажения такой разрез:

1. Серый песчаный слой—1,0—13,0;

2. Грязно-желтый песок...

Находки — по всей площади этого песчаного обнажения. Связь их с слоем 1 неясна. Найденные кремневые предметы эппалеолитического типа (резец, по-видимому, двойной, скребок на конце пластинки, эппалеолитический наконечник стрелы со сломанным стерженьком).

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 19.

2. Отщепки и обломки со следами обработки, 7.

3. Пластинки: а) целые, 2, длиной 6,0 и 6,5; б) обломки, 7.

4. Двойной скребок на тонком отщепке желтого кремня с целиком сохранившейся коркой.

Керамика. Небольшой обломок посуды, вероятно, бронзового века, сверху желтый, изнутри серый, толщиной 0,54. Орнамент состоит из двух штампованных довольно широких линий.

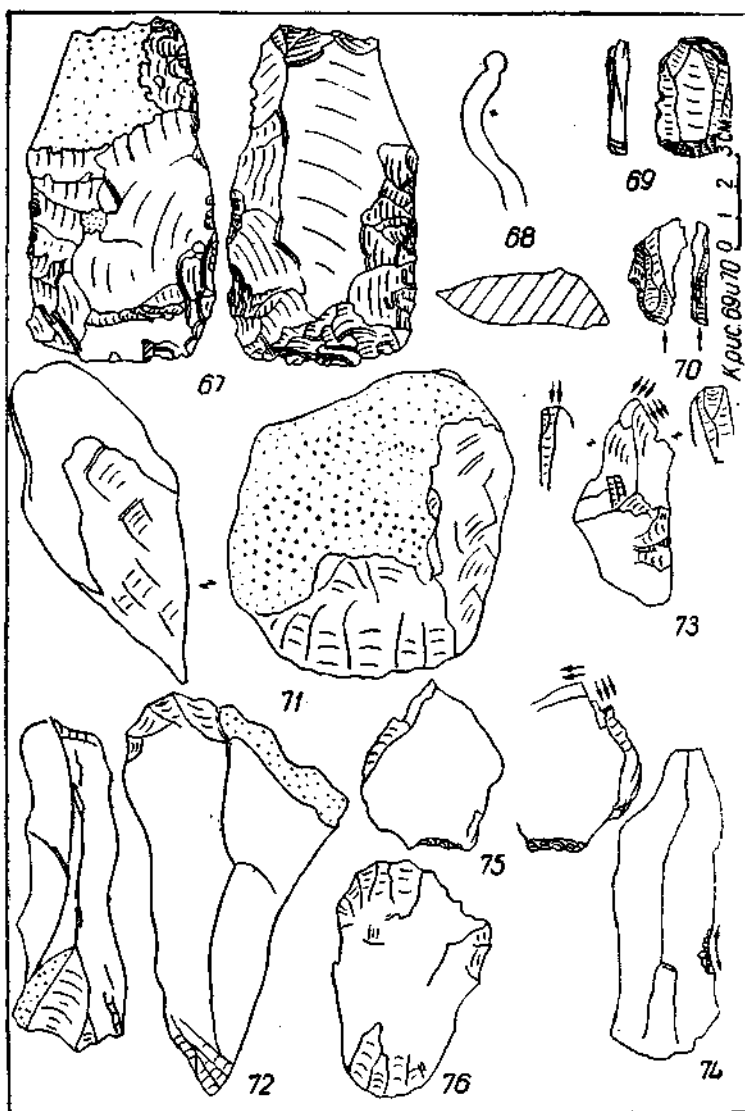

Рис. 67—76.

107. Урочище Рябовки. Описанная выше гора кончается в южной части (против южной половины озера) бугром с несколькими курганами (из них не менее трех весьма значительного диаметра). К югу от бугра снижение значительных размеров, с южной стороны которого более высокий, но небольшой по размерам бугор, кончающийся с юга крутым обрывом. Указанное снижение пересекается дорогой, идущей отсюда в гору на юго-запад, в направлении на пос. Кургановка. Находки—на южном склоне первого (северного) бугра, на небольших песчаных раздувах.

Кремень обычный. 1. Нуклеус с одной площадкой отбивания. Длина 3,1.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 35.

3. Отщепки и обломки, частично со следами обработки, 23.

4. Пластинки: а) целые, 3. Одна пластинка с легкой ретушью левого края снизу; б) обломки, 8.

Керамика. 5 обломков посуды неолитического типа. Большая часть желтой окраски, толщиной 0,9—1,0.

Орнамент: а) на 2 обломках лапчатый, б) на 2 — мелкоямочный.

108. Урочище Рябовки. Южный, более высокий бугор (см. выше № 107) к югу от снижения и дороги. На его северном склоне (т. е. со стороны ложбины) встречались находки эппалеолитического типа (скребок, боковой резец).

Кремень серый. 1. Отщепок с площадкой отбивания и проч.

2. Отщепки и обломки со следами обработки, 5.

3. Округлый скребок эппалеолитического типа на конце тонкой широкой пластинки. Размер 3,5X2,1X0,98 (рис. 69).

4. Боковой резец эппалеолитического типа. Поперек конца пластинки, у грани резца, — тонкая ретушь. Резцовых сколов два. Размер 3,0X13X0,5 (рис. 70).

Дальнейший осмотр правого берега долины Сожа на юго-запад от урочища Рябовки почти до самой р. Рудница не дал никаких находок.

109. Большой размыв на пойме правого берега Сожа метрах в 30—35 от реки, ниже (по течению) Славгорода, по дороге к паромной переправе на д. Клины, метрах в 100 выше острова на «старике» (старце) Сожа.

Кремень серый и желтовато-бурый.

1. Отщепки с площадкой отбивания (1) или с ударным бугорком и раковистостью (1).

2. Обломки незначительной величины, 2.

Д. КРЕМЯНКА СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Левый берег Сожа

110. Урочище Узвяжновье. Находки кремня — вдоль луки, между обрывом у Сожа и местонахождением у восточного конца озера (см. ниже № 111—113), к востоку от него.

Кремень обычный, серый.

1. Нуклеусы: а) один с одной площадкой отбивания; б) один обломок с двумя площадками.
2. Отщепки большей частью крупных размеров, с площадкой отбивания и проч., 25.
3. Отщепки с раковистостью, 3.
4. Неопределенные обломки со следами обработки.
5. Пластинки: а) целые, 2 (одна размером 6,0X1,5); б) обломки, 3. На одном обломке и на одной целой пластинке—частичная мелкая плоская ретушь.
6. Три неопределенного назначения орудия (может быть, отбойники) в виде массивных пластин, с частично сохранившейся коркой и со стесанными более или менее сторонами. Рабочая часть в виде лезвия имеет хорошую подправку ретушью и носит следы заломов. Размеры: 5,7X5,4X2,0; 6,0X5,1X2,1; 4,7X4,2X1,4.
7. Обломок (нижняя часть) наконечника стрелы из пластинки. Стержень обработан сверху слева и снизу слева.
8. Скрепки: а) 4 округлых на концах пластинчатых отщепков разных размеров: от 2,8 X 1,3 до 4,0X4,6. На двух сверху уцелела корка; б) округлый на конце неправильного тонкого отщепка. Ретушь мелкая. Размер 3,4X4,3X0,7; в) треугольный, ретушированный со всех краев.
9. Часть хорошо обработанного отбойника сверху и снизу миндалевидного пика. Разрез — чечевица. Тип ДС, ХЛП, 8. Толщина 1,47.

111. Мыс берега озера («старика» Сожа) приблизительно в 1 км к востоку от д. Кремянка. Это — небольшой, выдавшийся к северу мыс южного берега озера в его восточной части.

На самом краю мыса, с севера—небольшой размыв с находками на нем на протяжении вдоль берега 7—8 м, у края поля. Высота берега всего около 1,8 м над водой. Здесь записан разрез:

1. Шоколадно-бурый песок—1,0—6,0;
2. Темно-серый песчаный слой с угольками—7,0—15,0;
3. Буро-желтый песок—16,0—26,0...

Культурный слой (слои 1 и 2) измерен в части берега, нетронутой пахотой, которой занята площадь мыса.

Кроме размыва на северном берегу мыса, кремни (два пережженных на огне отщепка) встречены и на восточном его краю.

Кремень. 1. Нуклеус конический, с одной площадкой отбивания. Длина 3,3.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 12.
3. Отщепки и обломки с различными следами обработки, 9.
4. Пластинчатый отщепок с ретушированной выемкой 'на левом краю снизу.
5. Обломки пластинок, 6.

6. Скребки обычного типа на отщепках с коркой, 3.

112. Средняя часть южного берега того же озера, в $\frac{1}{3}$ км к западо-северо-западу от предыдущего местонахождения (см. выше № 111). Здесь находки были встречены на различных склонах берега озера, который имеет направление приблизительно с севера на юг. Высота берега над водой всего лишь 1,1 м. Песчаные склоны берега совершенно отлогие, плоские. Находки кремней всего в 0,4 м от воды, на протяжении метров 20.

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 25.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки (ретушь), 28.

3. Обломки оснований пластинок с ретушью правого или левого краев, 2.

4. Скребки: а) массивный полукруглый с коркой сверху и снизу. Нижняя поверхность образована не сколом, а обтесыванием. Тип ДС, XXVI, 12. Размер 6,9X5,9X2,9 (рис. 71);

б) двойной на неправильном треугольном отщепе. Один скребок округлый, другой—нуклеоподобный. Нижние поверхности каждого из них расположены в отношении друг друга перпендикулярно (рис. 72).

113. Южный размытый берег того же озера («старика» Сожа), немного восточнее от впадения его в Сож. Место находок— около 150 м к западу от предыдущего местонахождения (№ 112). На низком, около 1,6 м, берегу поле. Почва — темный, буроватый песок. Находки — у склона и на самом склоне берега, на протяжении метров 30—35.

Кремень обычный, частью бурый (от пребывания >в воде?).

1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 4.

2. Отщепки и обломки со следами обработки, 4.

3. Массивный отщеп размером 7,6X3,4X1,4.

4. Поврежденный скребок почти овальной формы на тонком отщепке с площадкой отбивания. Ретуширован по всем краям, кроме основания. Размер 4,3X2,6X0,5.

114. Пески метрах в 100 к западу от д. Кремянка и к востоку от Сожа. Выступ к выгону; склоны его обращены на запад. С юга — болото и олешник. Северная часть, протяжением около 130 м—без находок. Находки встречались вдоль западных склонов на протяжении метров 40, а также и на обнаженной, над склоном, площади культурного слоя, протяжением с севера на юг 8 м. Высота выступа над песками с запада до 2,45 м.

Над песками разрез:

1. Серый песок—1,0—21,0;

2. Темно-серый слой с угольками—22,0—29,0;

3. Светло-серый слой с угольками (внизу без угольков) — 30,0—45,0;

4. Буро-желтый крупный песок—46,0—65,0...

Склоны представляют голые желтые пески, сперва, вероятно, размытые водою, а затем раздутые ветром.

Кремень. 1. Нуклеус с одной площадкой отбивания. Длина 6,0.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 17.

3. Отщепки и обломки со следами обработки, 11.

4. Пластины: а) целая, длиной 5,1, неправильной формы. Легкая ретушь правого края в верхней его половине, т. е. ближе к концу; б) 7 обломков, большей частью тонких и узких. Один обломок с едва заметной ретушью, другой с маленькой выемкой снизу.

5. Резец срединный, на пластинчатом отщепке. Размер 4,0X1,9X1,18 (рис. 73).

Керамика. 1 край посуды, толщиной 0,64, серо-бурого цвета, вероятно, бронзового века. Орнамент в виде одного ряда приблизительно перпендикулярно поставленных плоских боковых вдавлений. Тип ДС, VI, 20.

115. Мыс над Сожем и озером (указан на трехверстной карте, ряд XVI, лист 9). Мыс занят пашней. Местами по склонам желтые и серые пески. В разрезе можно видеть:

1. Темно-серый песок—культурный слой—1,0—12,0;

2. Светло-бурый песок—13,0...

Находки—у края. Дальше в поле их нет.

Кремень серый. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 25.

2. Различные отщепки и обломки со следами обработки, 18.

3. Обломки пластинок, 5. Один узкий обломок, шириной 0,84, с очень мелкой ретушью одного края.

4. Грубая двускатная пластинка с короткой (длиной 0,9) выемкой на правом краю. Размер 6,5X2,1X0,9 (рис. 74).

5. Три округлых скребка на концах небольших отщепков (все с коркой сверху). Размеры: 4,0X3,0X0,9; 3,2X2,7X1,0; 3,3X2,5X1,1.

6. Резец срединный. Обе стороны резца образованы несколькими сколами (рис. 75).

7. Долотообразное орудие, более узкое к рабочему округлому концу, образованному при помощи стесывания верхней поверхности и скола нижней. Правый и левый края имеют ясные следы подправки и заломы. Размер 4,3X3,1X0,6 (рис. 76).

Керамика. Два крупных обломка посуды неолитического типа. Один из них светло-желтого цвета, с лапчатым орнаментом.

116. Урочище Хичево. Находки—в средней части.

Кремень обычный, серый. 1. Три нуклеуса, из которых два с одной площадкой отбивания. Длина 4,2, 4,6, 4,5. Последний

имеет треугольный разрез, заломы на одной грани; употреб-
лялся, возможно, и в качестве какого-то орудия.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 29.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами об-
работки, 23.

4. Обломки пластинок, 14. Наименьшая ширина 0,56, 0,63.
Три обломка с частичной ретушью по краям.

5. Скребки округлые на отщепках. Размеры: а) 3,0X1,8 (с
коркой) (рис. 77); б) 4,8X4,1 (без корки) (рис. 78).

6. Резцоподобное орудие (из нуклеуса?). Размер 4,4X3,1X
XI,4. Концы обиты. На каждом из них по одному резцовому
сколу (рис. 79).

117. Урочище Хичево. Находки—на западном краю.

Кремень обычный. 1. Нуклеус, обломок.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 6.

3. Обломки с раковистостью, 2.

4. Обломки пластинок, 2.

Керамика курганного типа, сработанная на круге. Глина с
примесью песка. Днище плоское. Орнамент в виде параллель-
ных полос (обычный курганный).

118. Небольшая возвышенность среди луга в 90 м к югу от
восточного конца дамбы, начинающейся на западе почти под
самым Славгородом и оканчивающейся на востоке недалеко
от д. Кремянка, приблизительно через 3 км. Примыкает к лугу,
высота над которым около 1,1 м. На пашне вдоль луга в на-
правлении от северо-востока к юго-западу на протяжении мет-
ров 30—35 при ширине около 10 м—находки.

Кремень. 1. Небольшой нуклеус. Длина 3,7.

2. Отщепки с обычными признаками, 13. Один с полукруг-
лой выемкой.

3. Отщепки и обломки со следами обработки (обивка, ре-
тушь и проч.), 16.

4. Пластинки в обломках, 5. Один из обломков имеет ча-
стичную ретушь слева.

5. Пластика неправильной формы (с площадкой отбива-
ния) с ретушью левого края на конце нижней стороны и в
нижней половине с верхней стороны, где обработка произве-
дена также и путем обивки.

6. Скребки округлые, на массивных отщепках с уцелевшей
коркой. Длина 4,9 и 5,2.

Находки продолжались к югу метров на 225. Они встре-
чались также еще и дальше к югу, на берегу низины, имею-
щей форму излучины, обращенной концами к западу, а выпук-
лостью к востоку.

119. Урочище Табалынки, к югу от урочища Хомкин Берег
(метров 75) и от дороги из Славгорода в д. Кремянка (также
метров 75). Длина этой узкой гривы от северо-востока к юго-

западу около 0,5 км, ширина в северном конце метров 30, в южном больше. Несколько раздувов (с фиолетово-серым песком), на которых и собраны находки.

Кремень. Два обломка белого пережженного кремня. Один из них имеет следы отжимов (на одной стороне позитив, на другой—негатив).

120. Урочище Хомкин Берег. Возвышенность у самого Сожа в том месте, где в него, упирается западный конец большой старинной (вероятно, еще времен крепостного права) дамбы, пересекающей против Славгорода поперек всю долину Сожа. Длина возвышенности с севера на юг до 240 м, ширина вдоль дамбы около 90—95 м, высота не более 1,6 м. На краю размыва, ближе к восточной части возвышенности и к югу от дамбы, разрез:

1. Серый песчаный слой—1,0—10,0;
2. Темно-серый песчаный слой с угольками; граница слоев 1 и 2 нерезкая—11,0—24,0;
3. Светло-серый песчаный слой—25,0—28,0...

Вдоль всей дамбы, к югу от нее, в возвышенности большая выемка шириной метров 30. Есть несколько разной величины размывов. Южная часть более ровная и низкая.

Находки—к северу и к югу от дамбы, вдоль восточного края, на протяжении приблизительно 75 м.

Кремень темно-серый. 1. Отщепки с площадкой отбивания, ударным бугорком и раковистостью, 9.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 8.

3. Обломки пластинок, 4.

4. Двойной скребок на двух боковых краях неправильного продолговатого отщепка с коркой. Обломан.

Керамика. 3 обломка грязно-желтой посуды неолитического типа. Плохо перемешанная глина с минеральной примесью.

Орнамент: а) редкий зубчатый чекан в соединении с некрупными и неглубокими продолговатыми ямками; б) ямочный, похожий на предыдущий, типа, близкого ДС, VI, 20 и XXV, 9.

121. Урочище Востров. Небольшие возвышенности (гривы) к востоку от Славгорода, в 0,75 км, а к югу от дамбы, метрах в 150—180. Находки—на большей из них, восточной. Вдоль восточного ее края проходит с севера на юг озерко, заворачивающее в южном конце к востоку. Судя по форме берегов озерка, оно представляет староречье Сожа.

Кремень обычный. 1. Отщепки с обычными признаками (3) или с раковистостью (1).

2. Обломок (половина) ударного орудия — миндалевидного пика, чечевицеобразного в разрезе. Обработка на обеих поверхностях (с частично сохранившейся коркой) крупными отбои-

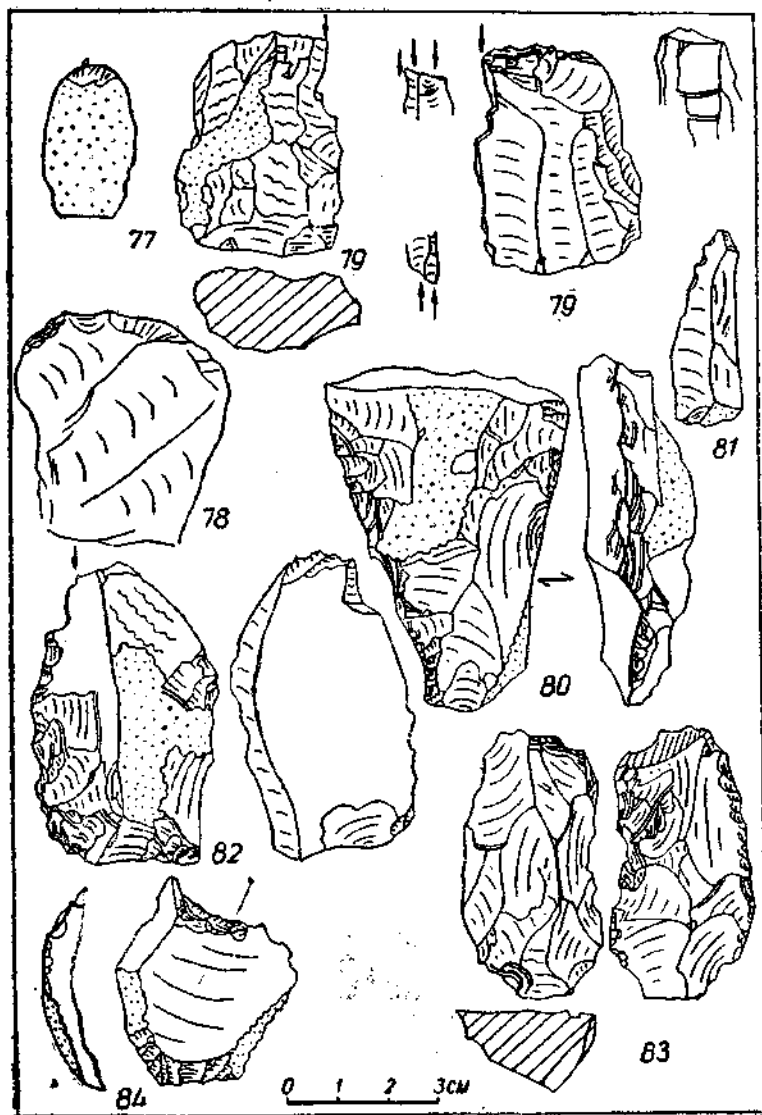

Рис. 77—84.

нами. Края острые, с заломами, указывающими, что и краями выполнялась какая-то работа (рис. 80).

122. Урочище Востров. Незначительной величины грива метрах в 100 к зал аду от предыдущего местонахождения, отделенная от последнего небольшим озерком, идущим с севера на юг. Длина гривы с северо-востока на юго-запад 50—60 м. В большом, до 15 м длиной и 1,2 м глубиной, размыве разрез:

1. Темно-серый песчаный слой—1,0—20,0;
2. Немного более светлый слой—21,0—38,0;
3. Бледно-желтый песок—39,0—44,0.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 1.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 10.

Керамика. 7 обломков неолитического типа красной посуды, черной изнутри. -На внутренней поверхности—полосы.

Орнамент: 1) печатный, лапчатый; 2) чеканный трех видов: а) похожий на псевдозубчатый, б) мелкий зубчатый, в) не- крупный ямочный.

123. Между дамбой, с севера, и урочищем Подрекотка, с юга.

Кремень темно-серый. 1. Два нуклеуса с двумя площадками отбивания. Один обломок нуклеуса.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 10.

3. Отщепки и обломки с различными следами обработки, 7.

4. Пластинки: а) 2 целых размерами: 3,9X1,8X0,41 и 3,9X2,2X0,43. Последняя имеет ретушированный, в виде равнобедренного треугольника конец; б) 2 обломка с мелкой ретушью по краю. У одного обломка в верхней части правого края полукруглая выемка.

124. Урочище Подрекотка над лугом Ивное. Поле, с восточной стороны ограниченное лесом. У самого луга приподымается над остальной площадью поля бугор, высотой до 2,4 м, вдающийся незначительно в луг в форме мыса.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 9.

2. Отщепки и обломки с различными следами обработки (частичная ретушь), 14.

3. Обломок пластинки.

4. Обломок тонкого округлого скребка.

125. Урочище Горки. Небольшая грива в 1/3 км к юго-востоку от урочища Макаренков Бугор, средняя из расположенных здесь трех грив. В разрезе сверху вниз:

1. Темный, почти черный, мелкопесчаный перегной—1,0 — 30,0;

2. Более светлый слой с буроватым оттенком—31,0—38,0...

Кремень. Один белый (пережженный) отщепок.

126. Урочище Ивное. Северная и северо-восточная часть большой луки староречья Сожа, которая имеет общее направление с севера на юг и на южном конце которой находится

урочище Белохвостово Поле (см. ниже № 128). Размывы края луки над болотом староречья.

Кремень темно-серый. Отщепки с площадкой отбивания, ударным бугорком и раковистостью (6) или только с одной раковистостью (2).

127. Урочище Ивное. Довольно высокая, покрытая редким лесом, гора с восточной стороны этого урочища, в 0,5 км к северо-востоку от урочища Белохвостово Поле (см. ниже № 128).

Кремень темно-серый. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 2.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или с разными признаками обработки (отбойны, ретушь), 3.

128. Урочище Белохвостово Поле. Мыс высотой около 1,2 м над лугом у южного края луга Сидоров Растереб. Находки—вдоль северного края мыса, западнее леса, «а протяжении несколько более 20 м.

Кремень серый, иногда с весьма большим количеством белых пятнышек. 1. Небольшой кремень, наполовину в корке, со сбитым верхом. Весь низ мелко побит. Служил, вероятно, в качестве отбойника. Нижняя поверхность плоская.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 15.

3. Отщепки с раковистостью или с разными следами обработки; из них один треугольный отщепок с мелкой ретушью по краю, 13.

4. Пластинки: а) 2 целых. Одна из них размером 3,8X1,2, с четырьмя маленькими полукруглыми выемками с левой стороны, ближе к концу (рис. 81); б) 3 обломка.

5. Округлый скребок на тонком отщепке типа ДС, 1,9, IV, 5.

6. Грубый резец на пластинчатом двускатном отщепе, размером 5,7X3,3X1,7. На одном конце вогнутость, целиком ретушированная, слева от которой находится резцовый скол сверху донизу. Следы негатива видны очень хорошо. На противоположном конце также имеется грань резца, образованная двумя небольшими сколами: меньшим — поперечным и большим — продольным (рис. 82).

7. Неопределенного назначения орудие, приблизительно треугольное в разрезе. Один конец сведен путем стесывания в лезвие. Размер 5,1X2,6X1,8 (рис. 83).

Керамика представлена одним обломком из желтой, довольно чистой от посторонней примеси глины, наиболее близкой по составу к посуде бронзовой эпохи. Орнамент на обломке—два-три ряда неглубоких, небольших ямок.

129. Местонахождение в 300 м к востоку от урочища Белохвостово Поле, на краю редкого леса, у луга.

Кремень. Небольшой нуклеус, длина 3,8.

130. Возвышенность к северу от следующего местонахождения (№ 131), отделенная от него небольшой лощинкой и вытянутая в направлении север—юг. Находки—на незначительных обнажениях на западной стороне.

Кремень. Несколько отщепков.

131. Низкое песчаное поле к востоку от «старика» Сожа, к северу от смолокурни (выше парома по дороге из Клинов в Славгород). Расстояние от «старика»—метров 90. Находки—вдоль западной стороны этого поля, на протяжении метров 30—35.

Кремень темно-серый. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 2.

2. Скребок на конце тонкого неправильной формы отщепка красновато-бурого кремня. На другом конце отщепка проколка со значительной полукруглой выемкой справа (эта выемка могла служить вогнутым скребком). Размер 3,9X3,4X0,63 (рис. 84).

3. Небольшое скребло на прямом краю отщепка. Размер 4,5X3,0X1,4.

132. Урочище Старик. Это — староречье Сожа (прорванный в узком месте меандр), расположенное к северо-востоку и востоку от парома по дороге из Славгорода в д. Клины. Находки—на северо-восточном берегу Старика.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 11.

2. Двойной скребок на отщепе с целиком сохранившейся сверху коркой. Все отжимы на рабочих частях скребков параллельны. Размер 5,3X3,8X1,1 (рис. 85).

133. Урочище Вуткин Курган. Вытянутая с северо-северо-востока на юго-юго-запад большая возвышенность прямо к западу от северного мыса урочища Ивное. Длина ее до 150 м, ширина около 75 м, в северном конце меньше. Кругом луг, в 0,25 км к востоку—лес. Очень толстый слой перегноя. Находки—на юго-западном мысу, на юго-западной и южной сторонах. На этом мысу записан разрез:

1. Темно-серый песчаный слой с угольками—1,0—28,0;

2. Бурый крупнозернистый песчаный слой—29,0—40,0...

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 5.

2. Отщепки с раковистостью или со следами обработки, 2.

3. Скребки: а) округлый на краю грубого отщепка с целиком сохранившейся сверху коркой; б) выгнутовогнутый на конце и на левом краю массивного отщепка. Вдоль всего правого края и справа от вогнутости—скол, так что получается, может быть случайно, сходство с резцом. Размер 6,0X4,7X2,2 (рис. 86).

Керамика. 2 обломка типа городищ с примесью дресвы.

134. Плоская длинная возвышенность к северо-востоку от урочища Ивенская Струга и к западу от озера Ивное. Кругом низкий луг. Вытянута с севера на юг метров на 135; ширина через выпуклый хребет 36 м. Верх половодьем не заливается. Возвышенность была когда-то покрыта дубами, на что указывает наличие еще четырех дубов и порядочного количества дубовых пней. Западный берег сильно размыт. Находки — на обнажениях восточного берега. На северном конце записав разрез:

1. Светло-серый песок—1,0—8,0;
2. Более темный серый песчаный слой—9,0—26,0;
3. Бурый (светло-шоколадный) песок—27,0—35,0.

Кремень. 1. Обычно отщепки, 5.

2. Округлый скребок на отщепке.

3. Трапеция (наконечник стрелы тарденуазского типа).

Размер 2,3X1,7X0,27.

Керамика. Один обломок посуды типа ранних городищ, грязно-желтого цвета, с минеральной примесью к глине.

135. Урочище Ивенская Струга. Неправильных очертаний, в общем треугольной формы, большая возвышенность среди поймы Сожа к востоку от озера Ивное, расположенного на северо-запад от «старика» Сожа, выше парома. Северный берег имеет длину до 240 м. Верх возвышенности в половодье не заливается. Редкие старые дубы. В самом северо-восточном углу записан разрез:

1. Серый песок—1,0—4,0;
2. Темно-серый песок с угольками—5,0—11,0;
3. Буровато-серый песок—12,0—31,0...

Против северо-западного угла, метрах в 5—6 от края возвышенности, в яме разрез:

1. Интенсивно-черный слой, без угольков—1,0—20,0;
2. Серый беловатый песок—21,0—25,0.

Находки—в юго-западной части возвышенности, на мысу, возле озера.

Кремень серый и реже красноватый. 1. Нуклеусы с одной площадкой отбивания. Длина 3,0, 4,07, 5,4.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 33.

3. Отщепки с раковистостью или со следами обработки, 23.

4. Обломки со значительными остатками ретуши, 7.

5. Пластинки в обломках, 8. Из этого числа 3 с ретушью.

6. Скребки: а) округлые, большей частью на тонких отщепках, 5. Часть с ударным бугорком и коркой сверху; б) прямой, едва вогнутый, на отщепке с коркой, типа ДС 1926, V, 18.

7. Скребло типа ДС, 1926, I, 10.

Керамика. А. Неолитический тип. 1. Толстые, около 1,0, светло- и темно-серой, а также желто-серой окраски обломки. Наружная сторона довольно гладкая, на внутренней—полосы.

Один прямой вертикальный край, с почти прямым горизонтальным обрезом. Часть одного конического дна.

Орнамент. 1. Чеканный: а) точечный, некрупный; б) овально-ямочный, крупный; 5 обломков от одного, по-видимому, сосуда; в) ямочный, крупный, 3 обломка, и более мелкий, 5 обломков; г) зубчатый, гребенчатый, разного вида: га) нанесенный большей частью нажимом чекана сбоку, 14 обломков; гб) нанесенный нажимом чекана сверху, 3 обломка; гв) более мелкий, изогнутый в виде слабой дуги, плоский, внутренние стенки гладкие, 16 обломков.

2. Печатный следующих разновидностей: а) лапчатый, нанесенный штампом, обвитым веревочкой, 1 обломок; б) веревочный, типа ДС 1926, VI, 15, 1 обломок.

Б. Тип бронзовой эпохи. 1. Один обломок с линейным чеканным орнаментом типа, близкого к ДС 1926, XX, 19. Линии орнамента размещены под углом.

2. 8 обломков тонкой, толщиной 0,55, темной посуды местного варианта фатьяновского типа. Орнамент шнуровой я штампованный, линейный. Шнуры размещены треугольниками. На краю (венчике)—один ряд горизонтального шнура. Обрез края округлый, с вдавлениями, расставленными наискось по отношению к стенке края. Тип ДС 1926, XX, 2, 6, XXIII, 12, и др.

В. Железный век. 1. 23 обломка посуды типа ранних городищ. Примесь битого камня. Два края, слабо отогнутые наружу (посуда, вероятно, в форме банки), с круглым обрезом. Обломки без орнамента; на одном орнамент в виде небольших редких четок.

2. 27 обломков посуды курганного типа с обычным для последнего линейным орнаментом во много рядов.

136. Урочище Ивенская Струга. Северный берег длиной до 240 м. Находки—на размыве в восточной части этого берега на протяжении метров 55—60.

Кремень серый. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 3.

2. Ударное орудие размером 4,5X3,6X1,3. Обе поверхности обработаны обивкой. Лезвие, а также и оба края острые. Углы лезвия закруглены. Обух притуплен (рис. 87).

Керамика. 4 обломка (из них одно днище), по-видимому, курганного типа.

Все данные, приведенные под № 135—136, ясно указывают, что Ивенская Струга неоднократно служила местом обитания людей. Здесь хорошо представлена неолитическая эпоха, фатьяновская культура в местном варианте (Днепровско-Деснинская фация), эпоха ранних городищ с лепленой керамикой, наконец, славянская курганная эпоха.

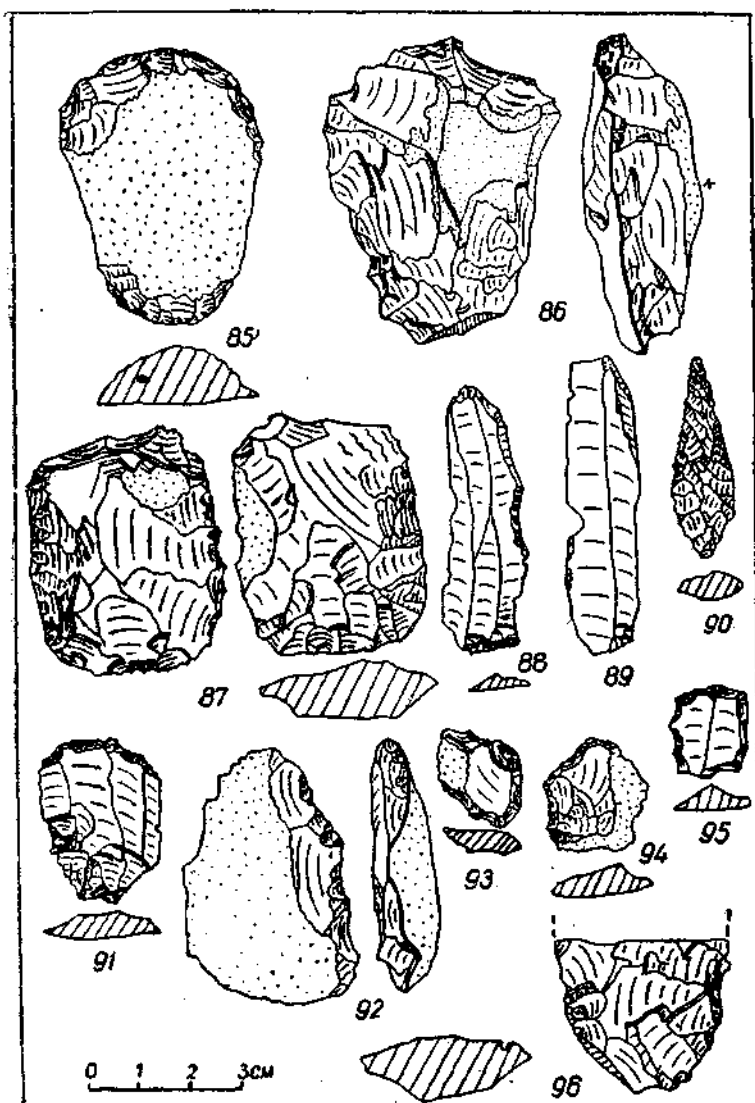

Рис. 85—96.

Д. РУДНЯ СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Правый берег р. Сож

Д. Рудня расположена по обоим берегам р. Рудница, правого притока Сожа. Рудница впадает в Сож недалеко от деревни, к востоку от нее. Эта Рудница, по-видимому, является той рекой, о которой говорится в следующем месте «Повести временных лет»: «Въ лето 6492 (984 год). Иде Володимеръ на Радимичи. И бѣ у него воевода Вльчей Хвост, и посла Володимеръ пред собою Волчаа Хвоста; и сръте и на рьць Пищань, и побьди Радимичи Вльчей Хвост; тьмъ же и Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: Пищанци вльчья хвоста быгаютъ»¹.

Название речки «Рудница» возникло, несомненно, позднее и является производным от названия деревни «Рудня». Последнее появилось, вероятно, в XVII—XVIII вв., когда на Могилевщине всюду возникают многочисленные, особенно в южных районах, «рудни» — железоплавильные заводы, перерабатывавшие местную болотную руду и основанные на использовании крепостного труда. Такие же «рудни», «рудницы» появляются в это время во множестве и в восточном Полесье. Все они передали свои названия возникшим возле них поселениям, существующим с этими названиями и в настоящее время. Если, таким образом, имя «Рудница», которое носит данная речка, является поздним, то гораздо, по-видимому, древнее другое ее имя — Пищань, Песчанка. Это имя встречается в форме «Пищань» в «Атласе» Могилевской губернии 1777 г., рукопись которого — 13 карт — хранилась в 1913 г. в Военно-Уч. архиве Генерального штаба. С этим именем «Пищань» и со ссылкой на указанный «Атлас» приводит П. Л. Маштаков р. Рудница в своем труде «Список рек Днепровского бассейна» (СПБ, 1913, с. 122). «Опыт описания Могилевской губернии» (кн. 1, Могилев-на-Днепре, 1882, стр. 3, кн. 2, там же, 1884, стр. 56) отождествляет летописную Пищану с Песчанкой (Рудницей) в окрестностях Славгорода, отмечая, что это — «в настоящее время (т. е. в 1884 г.) совершенно незначительная речка Песчанка, имеющая вид ручья; она вытекает из болота, прозываемого Долгим Островом». На карте масштаба 1 : 200000 (лист N—36—X) эта речка приведена без имени.

Таким образом, и в 1777 и в 1884 гг. действительно р. Рудница носила еще имя Пищани или Песчанки. С большим основанием можно утверждать, что и в более старое время, раньше 1777 г., она также носила имя Песчанки, или Песчани и что, наиболее вероятно, воевода Волчий Хвост встретил в 984 г. и разбил радимичей на теперешней р. Рудница под Славгородом.

¹ Летопись по Воскресенскому списку, СПб, 1866, стр. 296.

137. Местонахождение между урочищами Мостище и Попово Поле, на левом берегу Рудницы.

Кремень обычный. 1. Нуклеусы, 2, длиной 3,8 и 4,6.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч. (отбросы производства кремневых орудий), 9.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 3.

4. Обломки пластинок, 3.

5. Скребки: а) целый, округлый на конце пластинчатого отщепа; местами подправлены также края отщепа; размер 4,6X3,2; б) сломанный, с почти прямым рабочим краем.

6. Наконечник стрелы эппипалеолитического типа с обломанным концом. Короткий стерженек с уцелевшей площадкой отбивания. Размер 3,6X1,1X0,46.

7. Пилка на обоих краях пластинки. Зубчатость ее рабочих краев хорошо заметна. Рабочие края обработаны и сверху и снизу. Размер 3,0X1,7 и 0,45.

138. Между урочищем Попово Поле и местонахождением в урочище Ровок и край поля вдоль долины Рудницы.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч. (отбросы производства), один из которых с ретушью, 10.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 6.

139. Урочище Ровок. Западная сторона.

Кремень обычный. 1. Нуклеусы: а) с одной площадкой отбивания, 2; б) с двумя, 1.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 43. Один из них со следами ретуши.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 42. Два из них имеют по краю нижней поверхности узкую полосу тщательной мелкой ретуши.

4. Пластины: а) 6 целых, длина от 3,64 до 5,76. Две пластины длиной 5,63 (рис. 88) и 5,76 (рис. 89) имеют выемки на краях, первая—продолговатую, слегка вогнутую на правом краю верхней поверхности, вторая — полукруглую с правой стороны нижней поверхности.

5. Наконечник стрелы неолитического типа с треугольным насадом (стерженьком). На обеих поверхностях — и верхней и нижней — сплошная обработка. Размер 3,8X1,2X0,53 (рис. 90).

6. Скребки на отщепках: а) округлый на конце пластинчатого четырехгранного отщепа, длиной 3,09 (рис. 91); б) выгнутовогнутый, длиной 5,0 (рис. 92); в) неправильно округлые, 3, длиной 1,7 и 2,2 (рис. 93, 94).

7. Скребок, слабо выгнутый, на конце пластинки. Сломан. Ширина 1,49 (рис. 95).

8. Обломок овального ударного орудия (топора). Поперечный разрез в форме чечевицы. Обработано обивкой. Одна

поверхность более выпуклая, чем другая. Ширина 3,3, толщина 1,19 (рис. 96).

Керамика. А. 3 обломка посуды неолитического типа. Орнамент на одном зубчатый чеканный (гребенчатый).

Б. 2 обломка посуды бронзовой эпохи. Из них один край со скошенным внутрь обрезом и с орнаментом на внутренней (!) стороне в виде трех наклонных линейных вдавлений.

В. 7 обломков типа, городищ.

140. Урочище Ровок. Восточная сторона.

Кремень. 1. Нуклеусы, 2.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч. — отбросы при обработке кремня, 10.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 14.

4. Пластинки: а) целая с легкой ретушью левого края возле основания; б) обломки, 14. Из них один имеет довольно крутую ретушь на одном краю (рис. 97), другой — сплошную неровную и небрежную ретушь на обоих краях и на конце.

5. Скрепки округлые обычного неолитического типа на конце массивного отщепка, 2. Размер 4,5X3,5 и 4,8 и 3,4.

6. Скребок округлый, эпипалеолитического типа, на конце пластинчатого отщепка с двумя гранями. Размер 2,9X2,5 (рис. 98). Обломок, размер 2,6X2,7, аналогичного скребка.

7. Наконечник стрелы неолитического типа в форме вытянутого ромба. Обработка обеих поверхностей сплошная. Размер 4,2X1,3X0,61 (рис. 99).

8. Однобокое, с более выпуклой верхней стороной овальное оружие, рабочая часть которого находится на краю и узнается по заломам. Размер 5,6X3,0X1,8. Скребло (?).

Керамика. 10 обломков желто-красной посуды бронзовой эпохи. Мелкая примесь битого камня. Одно плоское днище. Орнамент: а) зубчатый, нанесенный нажимом штампа сбоку, на 1 обломке; б) мелкочешуйчатый, рядами, на 6 обломках.

141. Мыс при стыке пойм Сожа и правого берега Рудницы. Нижняя надпойменная терраса.

Кремень. 1. Нуклеус с одной площадкой отбивания. Длина 4,6.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч. (обычные отбросы при производстве кремневых орудий), 7. 2 отщепка с ретушью.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 5. Один из них, размером 3,4X2,0, с более узким концом, имеет крутую ретушь обоих краев и представляет, может быть, проколку.

4. Пластина с мелкой ретушью правого края. Длина 4,6.

Керамика. 4 обломка посуды курганного типа. Орнамент — в виде параллельных узких полос.

142. Пески вдоль дороги, идущей по полю к югу, в 1 км на юго-восток от д. Рудня, метрах в 100 от поймы. Находки — вдоль дороги на протяжении метров 60, причем больше всего их было в средней части площади с находками. Здесь с западной стороны дороги такой разрез:

1. Светло-желтый песок—1,0—29,0;
2. Темно-серый песчаный слой с очень мелкими угольками—30,0—54,0.

Сверху этого темного слоя (слой 2) лежали маленькие отщепки, которые находятся, очевидно, в связи с этим слоем.

Кремни встречались также и на песках дороги, которая несколько южнее пересекается с указанной выше дорогой и отходит в направлении приблизительно на юго-восток в луг.

Кремень темно-серый со светло-серыми пятнышками, 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 69.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или с разными следами обработки, 32.

3. Маленькие обломки пластинок, 10. На одном ретушь по обоим краям.

4. Наконечник стрелы редкого вообще на Соже типа. Выделен короткий стерженек. Ретушированы левый край и конец, причем последний подправлен и с левого края нижней поверхности. Размер 2,1X1,2X0,34 (рис. 100).

143. Разные места вдоль поймы Сожа к юго-востоку от д. Рудня вплоть до оврага Вапельня, расположенного на половине расстояния между дд. Рудня и Гайшин. Редкие находки.

Кремень обычный, изредка со слабой патиной. 1. Нуклеусы, 2. Один длиной 4,4, с одной площадкой отбивания.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 13.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 7.

4. Пластины: а) 3 целых, размером 3,0X1,0; 2,2X0,33, 5,6X1,7; б) 7 обломков.

5. Слабо выгнутый скребок на конце отщепка. Длина 4,2.

Керамика. Один обломок посуды фатьяновской стадии бронзовой культуры. Тип урочища Коковня Чечерского района, ДС 1926, VIII, 1 и урочища Замостевье Ветковского района, ДС 1926, XX, 2, 10.

144. Урочище Вапельня. Северная сторона оврага. Находки — (значительное количество кремня, несколько черепков) над обрывом берега долины Сожа.

Кремень обычный, с голубоватой патиной.

1. Нуклеус. Длина 4,1.

2. Отщепки с площадкой отбивания, ударным бугорком и проч., 27. На трех имеется частичная ретушь.

3. Отщепки и обломки с различными следами обработки, 23. На одном частичная ретушь.

4. Пластинки: а) 2 целых, длина 4,7 и 5,3; б) 3 обломка.

Керамика. Тип древнейших городищ, 8 обломков. Значительная толщина—1,43—1,46.

Цвет желтовато-серый. Крупная примесь битого камня. Небрежная и грубая обработка наружной стороны посуды (штриховатость). Один край с отогнутым наружу круглым обрезом, непосредственно под которым узкая шейка; ниже ее круто наружу отходит стенка. Дно плоское. Стенка от него поднимается наклонно.

145. Урочище Гривка. Небольшая возвышенность среди луга, к востоку от д. Рудня и приблизительно в 0,75 км на юго-восток от мыса пойм Сожа и Рудницы. Вытянута с северо-северо-запада на юго-юго-восток при общей длине около 85 м. Высота над лугом 2,85 м. В половодье грива заливается приблизительно до высоты 1,4 м. Это ясно видно по горизонтальной полосе оставленных половодьем остатков дерева и травяного мусора. Со всех сторон низкий осоковый луг, более высокий только с западной и северной сторон. К северо-западу от Гривки маленькое озерко. Поверхность имеет вид плоского купола, склоны которого постепенно сходят к лугу и поросли травой и небольшим количеством кустов дуба, вяза. Находки—на обнажениях, которые расположены в двух местах: на северо-западном краю гривы большее обнажение (размером 30X11 м) и на северо-восточном краю меньшее. В двух разрезах на большем обнажении наблюдалась такая последовательность слоев:

1. Темно-серый песчаный слой с частыми угольками; внизу его тощий черепок—1,0—26,0;

2. Более светлый, буровато-серый песок, без угольков — 27,0—56,0;

3. Темно-желтый песок—57,0—71,0...

Ниже этих разрезов по обнажению выступают светло-желтые пески, которые, очевидно, и представляют основание этих разрезов и, вероятно, слагают весь бугор Гривки.

Находки встречались в нижней половине большого обнажения (описание их дается ниже).

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 12.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки. Несколько.

3. Пластинки: а) 2 целых. У одной из них оба края обработаны мелкой плоской ретушью в узких фасетках. Пилка (?); б) обломок.

4. Скребок на продолговатом краю отщепка. Размер 4,3X3,2.

Керамика. А. Неолитический тип с обычными признаками. Орнамент чеканный (штампованный): а) зубчатый, частично в соединении с мелкоямочным; ряды орнамента взаимно пере-

секаются; 27 обломков от одного, по-видимому, сосуда; б) зубчатый, весьма некрупный, вместе с мелким ямочным на прямом тонком (0,47) краю сосуда со слегка округленным срезом, который также орнаментирован двумя рядами маленьких ямок; в) ямочный; ямки с острыми углами; 7 обломков; г) ямочный, мелкий; 8 обломков.

Б. Тип бронзовой эпохи. 1. Тип урочища Замостевье Ветковского района, ДС 1926, XX, 2, 10. 30 обломков, почти все серовато-черного цвета, толщиной в среднем 0,5. Два края с обрезом, имеющим скос внутрь, а также 9 обломков от разных, неодинаковых краев. Два обломка дна, судя по которым дно должно было быть плоским, а не круглым. Типичный для такой посуды орнамент в виде треугольников встречен только на одном обломке. В остальных случаях орнамент складывается из вертикальных линий, по которым проходят горизонтальные шнуры. Любопытен край сосуда, в котором имеется преднамеренно проделанное отверстие.

2. Более поздний тип. Серо-желтые обломки толщиной 0,65—0,80. Примесь мелкого песка или мелко битого камня. Полосы на наружной и внутренней поверхностях. Слабо отогнутый наружу край с тонким округленным обрезом. Орнамент края — штампованные, плоские, почти вертикальные линии; под ними находится горизонтальный ломанный ряд, составленный из отдельных штампованных черточек. Дно на 4 обломках плоское с выступающей наружу спайкой стенки с самим дном.

3. 3 обломка несколько лучше выделанной посуды с орнаментом, образованным шнуром.

В. Тип ранних городищ. 10 обломков посуды из глины с примесью некрупно битого камня небрежной обработки.

Г. Славянский тип посуды, сделанной на гончарном круге; 19 обломков.

Найдено, кроме того, два обломочка шлаков или железной руды.

Данное описание керамики ясно указывает на то, что урочище Гривка было обитаемо в различные эпохи, начиная с неолита. Такими же являются и другие местонахождения этого же района, которые также были обитаемы в различные времена.

146. Урочище Гривка. Обнажение на северо-восточном краю. Размеры 18X9 м. Покрыто беловатым песком. Разрез в стенке северной части обнажения показал такую последовательность слоев:

1. Темно-серый слой, внизу на 5,0 см углистый (и по цвет) и по содержанию: угольки) —1,0—18,0;

2. Темно-серый песок, несколько светлее, чем в слое 1—19,0..

Здесь находки были незначительны.

Кремень. 1. Нуклеус, обломок.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 5. На округлом конце одного отщепка заметны следы употребления его в качестве скребка.

3. Отщепки со следами обработки, 2. Весь левый выгнутый край одного из них тщательно ретуширован (рис. 101).

Керамика. А. 1 обломок посуды времени позднего неолита либо, скорее всего, ранней бронзы: край сосуда с псевдозубчатым, четочным орнаментом, который имеется и на внутренней поверхности.

Б. 1 обломок посуды славянского курганного типа. Дно со следами подсыпки (при изготовлении сосуда) снизу песка.

147. Урочище Курган. Расположено к востоку не более $\frac{1}{3}$ км от урочища Гривка (№ 145, 146) и к северу, в $\frac{1}{2}$ км от Сожа. Большая дюноподобная возвышенность с неровной поверхностью, со снижениями и подъемами, покрытая травой, редкими деревьями и кустами дубняка. Курган имеет в южной своей части меридиональное направление с отклонением в северной части несколько к востоку. Длина с севера на юг, около 375 м, ширина 150—180 м. Высота 4,85 над уровнем луга. Поперечный разрез дюны имеет форму высокой крутой дуги.

В северном конце к Кургану с восточного края примыкает гривка, параллельная с ним, меньшая по высоте. Вообще выступы, более низкие, чем основная возвышенность, есть в нескольких местах. Склоны западного и восточного краев мягкие, постепенные. У восточного и южного краев проходит озеро Мертвица. Южный и западный края подмываются в разлив до высоты 1,4 м, т. е. до такой же высоты, как и урочище Гривка. На всем этом пространстве находится сплошное обнажение. Находки здесь собраны в различных местах. Следует отметить, что посреди возвышенности и на ее восточном краю встречено всего только по несколько отщепков.

Редкие находки встречались все время вдоль размылов почти всего западного края. Ниже описываются находки в северной половине западного края.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 5.

2. Отщепки с раковистостью, 3.

3. Обломки пластинок, 3.

4. Скребки: а) выгнутовогнутый на отщепке, длиной 2,6; б) округлый на конце пластинки; ретушь более или менее правильная; размер 3,9X1,5X0,45 (рис. 102).

5. Обломок наконечника дротика, хорошей обработки, шириной 3,2, толщиной 0,77 (рис. 103).

Керамика. 5 обломков посуды неолитического типа. Толщина 0,7 — 0,75. Цвет желтовато-серый снаружи, черный в изломе. Примесь битого камня. Орнамент: а) штампованный, зубчатый (гребенчатый) в соединении с точечным (на краю сосуда, почти прямом, с плоским обрезком, который изнутри

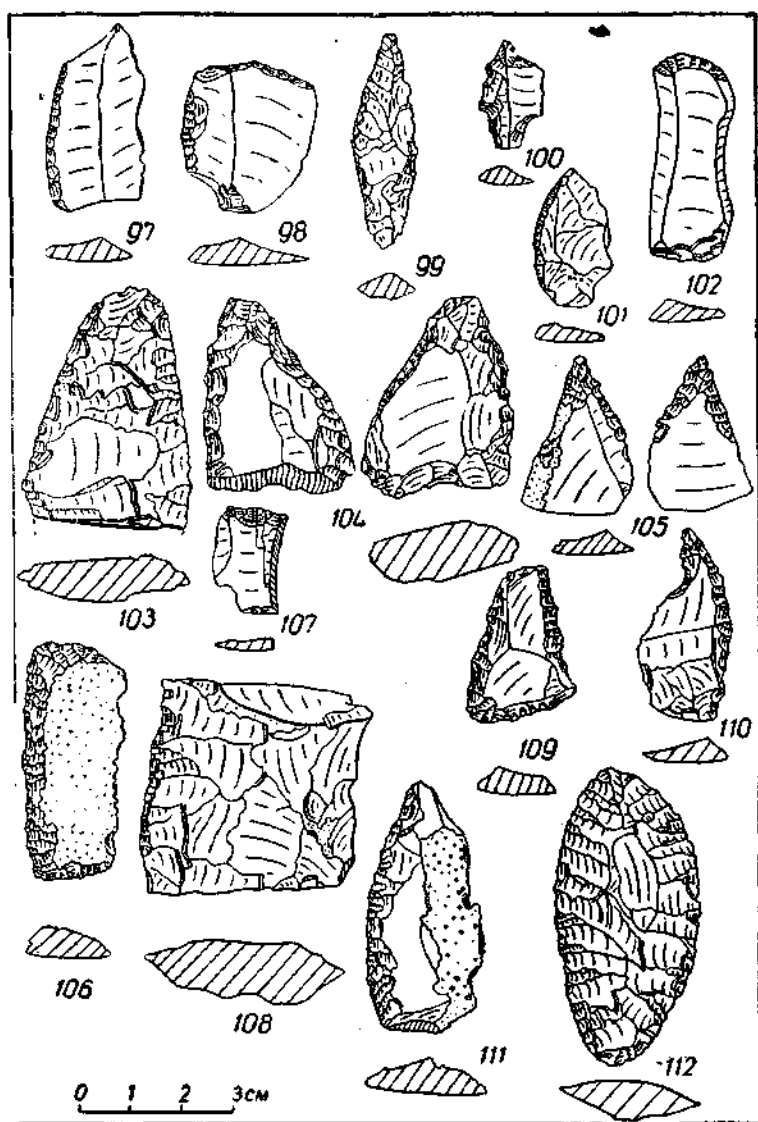

Рис. 97—112.

орнаментирован весьма малыми вдавлениями и имеет также полосы); б) линейные косые вдавления; в) треугольные ямки.

148. Урочище Курган. Южная половина западного края.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 7.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 6.

3. Пластинки, обломки, 7. Один из них с частичной ретушью Неолитического типа на обоих краях.

4. Неопределенного назначения треугольное орудие с ретушированными со стороны обеих поверхностей толстыми краями. Размер 3,7X2,9X0,95 (рис. 104).

5. Проколка на конце отщепка. Длина 3,0 (рис. 105).

6. Двойной скребок, слабо выгнутый, на концах пластинчатого отщепа с коркой. Правый край целиком обработан ретушью неолитического типа. Размер 4,5X1,9X0,72 (рис. 106).

7. Резцоподобное орудие на небольшом отщепке. Оба его конца подправлены ретушью. Скол для получения резца сделан: слева. Размер 2,0X1,3X0,26 (рис. 107).

8. Нуклеевидное орудие. Плоский сбитый обух, округлый в профиле. Прямое, если смотреть снизу, лезвие, обработанное отбойными. Поперечный разрез приблизительно чечевицеобразный. Размер 5,5X4,3X2,05.

Керамика. А. Неолитический тип, 10 обломков. Орнамент: а) на 2 обломках зубчатый, чеканный (гребенчатый); б) на 6 обломках не крупный ямочный.

Б. Тип городищ, 2 обломка.

В. Курганный тип, 3 обломка. На одном обломке орнамент в виде параллельных узких полос.

149. Юго-восточный край урочища Курган. Здесь находки на небольшом обнажении размером 17X6 м, в 5 м от озера Мертвица. Обнажение—размыв—покрыто серовато-желтыми песками. В северо-восточной части обнажения разрез:

1. Темно-серый песчаный слой с угольками—1,0—37,0;

2. Более светлый слой без угольков—38,0—51,0;

3. Еще более светлый, серо-бурый слой—70,0...

Слои 1—3 не имеют между собою резких границ и связаны друг с другом постепенными переходами.

Верхняя граница слоя 1 находится на высоте 1,6 м над лугом. Это—весьма хорошо выраженный культурный слой. Находки (черепки лишь неолитического типа, отщепки кремня) встречались не только на поверхности обнажения, но и в культурном слое.

Кремень. 1. Нуклеусы, 2. Один из них с одной площадкой отбивания. Длина 3,6 и 5,0.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 22.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 21.

4. Обломки пластинок, 6.

5. Обломок слабо выгнутого скребка.

Керамика. А. Неолитический тип. Обломки посуды серо-желтого или желтого цвета, иногда со сглаживанием внутренних поверхностей, которое, однако, не захватывает целиком обильных на них извилин — следов растительных волокон.

Орнамент разнообразен. 1. Чеканный: а) зубчатый (гребенчатый) разных видов, 13 обломков; один прямой край; б) зубчатый (гребенчатый) в соединении с разного вида ямочным, 10 обломков; 3 прямых края; в) ямочный, большей частью некрупный, в различных вариантах, 28 обломков; г) ямочный, крупный, яйцевидный, 1 обломок; возможно, что этот тип является более древним, чем остальная масса описываемой керамики; г) узколинейный, произведенный нажатием штампа сбоку, 3 обломка; один прямой край с плоским обрезом и с добавлением глубокого точечного орнамента.

2. Печатный, лапчатый, размещенный по диагоналям; 4 обломка.

Б. Славянские черепки, возможно, поздние; 15 обломков.

150. Урочище Антипов Берег. Правый берег староречья Сожа приблизительно к югу от урочища Курган.

Кремень. 1. Обычные отщепки с площадкой отбивания и проч., 3.

2. Отщепки со следами обработки, 2. На одном ретушь.

3. Обломок ударного орудия с чечевицеобразным поперечным разрезом. Орудие было обработано обивкой (преимущественно на одной стороне). Концы обломаны (рис. 108).

Керамика. А. Обломок неолитической посуды с зубчатым штампованным орнаментом.

Б. 4 обломка посуды бронзовой эпохи. Толщина 0,45—0,57. На двух — орнамент в виде прямых плоских штампованных линий.

Найден обломок железной руды или шлака.

151. Урочище Антипов Берег. Берег предполагаемого староречья Сожа. Восточная часть.

Кремень. 1. Отщепок с площадкой отбивания и проч.

2. Отщепки с раковистостью или со следами обработки, 2.

Керамика. 5 обломков посуды бронзовой эпохи. Посуда незначительной толщины, с мелкой минеральной примесью. В одном случае псевдозубчатый четочный орнамент.

152. Местонахождение к югу от урочища Антипов Берег. (см. № 150, 151).

Керамика. Два обломка посуды бронзовой эпохи толщиной 0,62 и 0,72. Орнамент состоит из штампованных прямых, параллельных в рядах линий, в одном случае размещенных елочкой.

153. Урочище Уборок на расстоянии не менее 0,5 км к северу от паромы в урочище Вапельня. Большой (длиной около

¹/₃ км) останец нижней надпойменной террасы, вытянутый в направлении приблизительно север—юг. Покрыт кустами дуба, орешника, березы, липы. Находки—на песчаных краях останца. **Кремень.** Отщепки, большей частью с площадкой отбивания и проч., 6.

153а. Окрестности д. Рудня. Одним из ее жителей был найден каменный шлифованный топор длиной 10,25 см, шириной ближе к лезвию 4,9 см и в обухе 3,8 см, толщиной на уровне отверстия 4,85 см. В разрезе четырехугольник с закругленными углами и несколько выпуклыми боками. Отверстие имеет ширину на одном конце 2,13 см, на другом 2,10 см. Лезвие в профиле выгнутое наружу, вниз; углы его закругленные. Обух тупой. Шлифование по всей поверхности орудия.

Д. КЛИНЫ СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Левый берег Сожа

154. Урочище Мстиж— урочище Тухли, к западу от мельницы д. Клины. Мыс протяжением до 65 м без древесной растительности, вдается в луг к западу от леса и к северу от устья р. Немыльня. Находки—с западной стороны мыса и на юго-западном углу мыса, на песках размыва.

Кремень. 1. Обычные отщепки, 14.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 11.

Керамика. Два грязно-желтых снаружи, черных изнутри и в разрезе обломка посуды неолитического типа. Орнамент—зубчатый чекан.

155. Небольшая грива при впадении Немыльни в Оож, в 150 м к северу от Сожа. Вытянута в направлении приблизительно с востока на запад всего до 52 м. Находки — на ее северном краю.

Кремень. Три пережженных отщепка, которые могли получиться как отброс при производстве орудий из кремня.

156. Между устьем Немыльни (к югу от него) и дорогой, идущей из Климов на запад. Местонахождение вытянуто с востока на запад метров на 135; ширина незначительная.

Кремень. 1. Обычные отщепки — отбросы производства кремневых орудий, 19. Два из них со слабыми следами ретуши.

2. Мелкие отщепки и обломки с раковистостью или с какими-либо следами искусственной обработки, 23. На двух слабые следы ретуши.

3. Обломки пластинок, 4.

157. К югу от хуторов около мельницы на Немыльне.

Кремень. 1. Обычные отщепки, 4.

2. Грубая пластинка размером 5,0X2,3X0.85.

158. Дюна к северу от кладбища, расположенная на обращенном к долине краю нижней надпойменной террасы. Здесь записан такой разрез:

1. Светло-серый песчаный слой — 1,0 — 44,0;
2. Темно-серый песчаный слой с угольками—45,0—55,0;
3. Серый, более светлый слой—56,0—60,0;
4. Желтый песок—61,0—115,0...

Разрез этот находится на более высоком месте дюны, против которого на песке не было никаких находок. Последние встречались исключительно на западной стороне дюны на пространстве 30X10 м. Поперек всей дюны, с севера на юг, раздвиг метров на 35—40.

Кремень обычный. 1. Нуклеусы, 6. Из них четыре с одной площадкой отбивания, один с двумя.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 84. Среди них 3 с незначительными следами ретуши.

3. Отщепки и обломки со следами обработки, 51.

4. Пластинки: а) 4 целых; наибольшая длина 5,3; б) 5 обломков.

Керамика поздней бронзовой эпохи. Два тонких — 0,63 — обломка, светло-серые снаружи, темно-серые изнутри. Минеральная примесь в незначительном количестве. Орнамент прямолинейный чеканный. Линии его размещены наклонно в рядах и так, что если в одном ряду они наклонены вправо, то в другом они имеют наклон влево. Таким образом, получается узор в елочку. Тип ДС 1926, XX, 9, 12, 15.

159. Дюна по дороге из Клипов прямо на запад, к лугу в долине Сожа, метрах в 150 от последнего. На вершине дюны, к северу от дороги и против южного конца большой излучины Сожа у устья Немыльни наблюдался такой разрез:

1. Серовато-желтый песок, местами слоистый—1,0—53,0.

2. Темно-серый песчаный слой с очень мелкими угольками и с остатками крупных, не целиком сгоревших угольев—54,0—62,0.

3. Серовато-желтый песок с мелкими угольками — 63,0 — 70,0.

4. Желтый песок—71,0...

Кремень. 1. Нуклеус с двумя площадками отбивания. Длила 6,37.

2. Отщепки с обычными признаками искусственного происхождения, 13.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 12.

160. Небольшой бугор метрах в 125 к югу от той же дороги. Небольшие находки на вершине бугра. Здесь записан разрез:

1. Не очень темный серый песчаный слой с угольками — 1,0-7,0;

2. Серовато-желтый песок, как в слое 3 предыдущего разреза (см. № 159)—8,0—12,0;

3. Желтый песок—13,0—20,0...

Кремень. 1. Отщепки с обычными признаками их искусственного происхождения, 4.

2. Отщепки и обломки со следами различного вида обработки, 6.

161. Урочище Алес (Растереб). Большое болото, начинающееся на севере от кладбища в Кликах и идущее к юго-западу. В этом направлении большая лука берега болота, обращенная своей выпуклой стороной к востоку, заканчивается большим мысом. Судя по форме излучины, с одной стороны, и наличию у ее берега болота, с другой, можно высказать предположение, что это болото — старый Сож, а лука — его древний берег. Вдоль берега здесь проходит с севера на юг большая дюна, имеющая длину до 1,4 км и обозначенная на трехверстной карте. Высота берега местами от 2,4 до 3,2 м. Находки обработанного кремня—на песчаных склонах берега, а также на тропинке, идущей по берегу.

Кремень. 1. Обычные отщепки с площадкой отбивания и проч., 7.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 9.

162. Урочище Алес (Растереб). Восточный, юго-восточный и южный берега болота (см. № 161).

Кремень. 1. Отщепки с обычными признаками их искусственного происхождения, 7.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 3.

3. Пластинки, 3. Наибольшая трехгранная, размером 7,5X1,5. Один обломок пластинки.

163. Урочище Алес (Растереб). Крайний юго-западный мыс большой излучины берега болота. Раздув протяжением около 24 м (восток—запад) на северной стороне мыса.

Кремень. 1. Обычные отщепки с площадкой отбивания и проч., 5.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 3.

3. Неправильной формы двубокий скребок на отщепке. Длина 2,8 (рис. 109).

Керамика. Два желтых обломка посуды типа древнейших городищ. Обломки имеют примесь дресвы.

164. Озеро Удузское. Мыс над озером.

Кремень. 1. Обычные отщепки с площадкой отбивания и проч., получившиеся как отброс при обработке кремня, 6.

2. Небольшие отщепки и обломки с раковистостью. или со следами обработки, 6. Из них 2 со слабыми признаками ретуши.

165. Озеро Черное. Мыс с северной части озера, на восточном его берегу.

Кремень. 1. Обычные отщепки, отброс производства, 18.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 15.

3. Обломки пластинок, 3.

4. Проколка на конце пластинки. Размер 3,7X1,8X0,42 (рис. 110).

5. Пилка (?) на отщепке с площадкой отбивания и проч. На правом краю корка, на всем левом выпуклом краю ретушь. Размер 4,8X2,4X0,83 (рис. 111).

6. Пилка в форме листа с обработкой верхней и нижней поверхностей. Хорошо обработаны также оба (правый и левый) рабочих края. Размер 5,6X2,7 (рис. 112).

7. Нижний конец ударного орудия. Обработано по краям (т. е. справа и слева) и на конце отбоинами. Ширина 3,4, толщина 1,1 (рис. 113).

166. Озеро Черное. Восточный берег озера, к югу от предыдущего местонахождения (см. выше № 165), в разных местах.

Кремень обычный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 4.

2. Отщепки и обломки, частично со следами обработки, 4.

167. Урочище Балабневская Грива. В $\frac{3}{4}$ км от Сожа, среди луга (урочище Козел). Возвышенность, вытянутая от северо-запада к юго-востоку, длиной около 170 м, шириной до 75 м. Ближе к юго-западному концу разрез, в котором сверху до глубины 21,0 см виден темный песчаный слой. Находки — на песках юго-западного края гривы, на незначительных разрывах.

Кремень. 1. Обычные отщепки с площадкой отбивания и проч., 4.

2. Обломки с несомненными следами обработки.

3. Обломок пластинки.

168. Урочище Уталаз. Значительной величины, до $\frac{1}{3}$ км в поперечнике, останец нижней надпойменной террасы среди низкого луга, в $\frac{3}{4}$ км к востоку от Сожа и приблизительно к юго-востоку от паромы в урочище Вапельня (см. № 170). Останец имеет направление с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Вышина его во всех частях довольно значительна. Поверхность останца бугристая. Склоны покрыты кустами дуба, орешника, ольхи. Кремни встречались в различных точках останца Уталаза: а) на заросших кустами песчаных обнажениях в северной части (один кремневый отщепок); б) вдоль восточного края (кусочки кремня, отщепки); в) на бугре на южном конце останца, причем здесь кремни встречались около межевого столба и были, вероятно, выброшены при рытье ямы для последнего.

Кремень обычный, темно-серый, иногда с красноватым оттенком, частично пережженный. Отщепки и обломки с площадкой отбивания и проч., 6. Один из них с ретушированной глубокой выемкой на конце, противоположном площадке отбивания.

169. Урочище Ицков Закал. Это — берег поймы Сожа у самой реки, против северной половины Гайшина и против местонахождения на правом берегу к югу от Гайшинского кладбища (см. № 179). Сож здесь течет приблизительно с северо-востока на юго-запад. Вышина берега над водою 1,6 м. Разрез дает такую картину:

1. Буровато-серый песчаный слой—1,0—10,0;
2. Беловатый, с рыжими пятнами песчаный слой—11,0—19,0;
3. Светло-серый песчаный слой—20,0—24,0;
4. Серовато-белый (более светлый, чем слой 3) песчаный слой—25,0—29,0;
5. Светло-серый (как слой 3) слой—30,0—34,0;
6. Темно-серый (ниже с буроватыми пятнами) песчаный слой с угольками в верхней части; окончание слоя не прослежено—35,0—49,0...

Здесь, на полосе склона, на протяжении около 30 м на берегу, у воды, попадались обработанные **кремни**.

Д. ГАЙШИН СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Правый берег Сожа

170. Урочище Вапельня на южном берегу большого оврага в 2,5 км к северу от Гайшина. Куполообразная груда песков метрах в 22—25 от Сожа длиной вдоль реки метров около 180 при ширине около 80 м. Главная масса находок—к востоку от дороги в Славгород в нескольких местах на песчаных раздувах. Площадь сильно раздута, и всюду выступают пески, особенно в южной, самой высокой части, где, например, дно раздува лежит на 1,9 м ниже, чем нетронутый ветром верх почвы. В южной части записан такой разрез:

1. Сероватый, грязно-белый песок с некоторой слоистостью—1,0—85,0;
2. Темно-серый песчаный слой с массой мелких угольков, с буроватыми пятнами в нижней части, культурный слой с кремнями—86,0—101,0;
3. Светло-серый песчаный слой—102,0—110,0;
4. Желтовато-белый песок—111,0—153,0...

Вся площадь раздутых песков перед этим разрезом, к югу, усеяна мелкими осколками кремня.

Метрах в 4 к северо-западу культурный слой (слой 2) достигает 40,0 см толщины.

Далее к югу, на протяжении около 150 м с восточной стороны вдоль дороги в Гайшин, встречаются нечастые кремни,

причем в трех местах ясно выступает культурный слой толщиной около 10,0 см; окраска аналогична окрасив слоя 2 в приведенном выше разрезе.

Кремень серый, изредка серо-красный и красный. 1. Нуклеусы, из которых три с одной и один с двумя площадками отбивания. Длина 3,3—5,3.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 15.

3. Пластинки как в обломках (10), так и целые. У одного из последних, длиной 3,8, основание ретушировано по нижней стороне на обоих краях.

4. Неправильный скребок на продолговатом отщепке с коркой сверху. Размер 4,5X2,1.

5. Небольшой отщепок размером 3,1X1,9, с полукруглой выемкой на одном конце. Скребок (?).

6. Разцеподобные орудия: а) выгнуто/вогнутый скребок имеет резцовый скол справа от вогнутости. Размер 2,4X2,3;

б) толстая узкая пластина, с коркой сверху, превращена с одного края в слабо выгнутый скребок. С его правой стороны имеется несколько сколов, образующих рабочую грань резца (бокового), с другой стороны которого (противоположной скребку) находится один скол, образующий срединный резец. Такой же резец и на противоположном конце пластины. Размер 4,2X2,0X1,35;

в) на отщепке с коркой сверху сколы: меньший поперек, больший вдоль левого края отщепка. Размер 2,8X1,8X1,0.

7. Треугольный отщепок не совсем правильной формы, размер 2,1X1,0X0,3, ретуширован с одной стороны на основании и с обеих сторон по краям. Служил, может быть, наконечником стрелы.

Керамика только бронзовой эпохи. 1. 6 обломков желтого или красного цвета, толщиной 0,5—0,55, с некрупной минеральной примесью, частично с резкими полосами снаружи и внутри. Край прямой с незначительным скосом обреза внутрь. Дно плоское, малого диаметра, с отходящей круто вбок стенкой, по чему можно предполагать, что целый сосуд имел форму невысокой миски с прямым краем и небольшим плоским дном. Орнамента ни на одном обломке нет.

2. 8 обломков толщиной 0,7. Полосы на поверхностях отсутствуют. Стенки изнутри гладкие, черные, блестящие. Орнамент—в виде шнура в несколько рядов.

3. Серого или красного цвета три обломка с линейным плоским или боковым штампованным орнаментом.

171. Урочище Вапельня. Песчаные раздувы к западу от дороги. Находки—в нескольких местах.

Кремень. 2 отщепка с площадкой отбивания и проч.

172. На расстоянии 150 м к северу от следующего местонахождения (№ 173)—находки кремня.

Кремень. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 10.

2. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 14.

3. Обломки узких пластинок, 3.

173. В $\frac{1}{4}$ км к северу от оврага Чемеричного, на обрыве над Сожем песчаный раздув длиной с севера на юг около 52 м, шириной до 13 м. В стенке южной его части выступает культурный слой. Здесь имеется следующий разрез:

1. Навеянный ветром серо-белый песок с угольками — 1,0—26,0;

2. Темно-серый песчаный слой с мелкими угольками — 27,0—40,0;

3. Желтый песок—41,0.

В верхней и средней частях слоя 2—кремни. Это,—безусловно, культурный слой.

Вся площадь раздува в изобилии усеяна мелким кремнем.

Кремень. 1. Нуклеус с одной площадкой отбивания. Длина 3,5.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 20.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 11.

4. 17 обломков пластинок большей частью незначительной ширины — от 0,6 до 2,4. Из них два с ретушью, причем один обломок несет тщательно выполненную ретушь вдоль одного из краев снизу.

5. Основание пластинки с выделенным путем выемок широким (0,72) стерженьком. Стерженек представляет, вероятно, обломок наконечника стрелы, по-видимому, эппипалеолитического типа.

174. Чемеричный Ров, первый овраг к северу от Гайшина, Находки—на левой (северной) стороне оврага.

Кремень. Один отщепок.

Керамика. 2 обломка посуды с примесью дресвы. Один из них частью с полосами.

175. Чемеричный Ров. На мысу, образованном правым (южным) берегом оврага и краем долины Сожа, следы селища железного века.

Кремень. 1. Один обычный отщепок.

2. Округлый скребок на конце отщепка.

Керамика. Один обломок сделанной на гончарном круге посуды курганного типа с орнаментом в виде параллельных полос.

176. Урочище Наддача.

Кремень. 1. Нуклеусы с одной (1) и с двумя (1) площадками отбивания.

2. Отщепки обычного типа, 19.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 6.

4. Округлый скребок на отщепке необычно малых размеров—всего 1,5X1,6X0,6 (рис. 114).

Керамика. А. Бронзовая эпоха. 1. Обломок прямого края со срезом внутрь. Орнамент—вверху почти вертикальные линии, нанесенные, вероятно, перевитой веревочкой. Под ними горизонтальный шнур в один ряд, ниже которого нарезаны под углом параллельные линии.

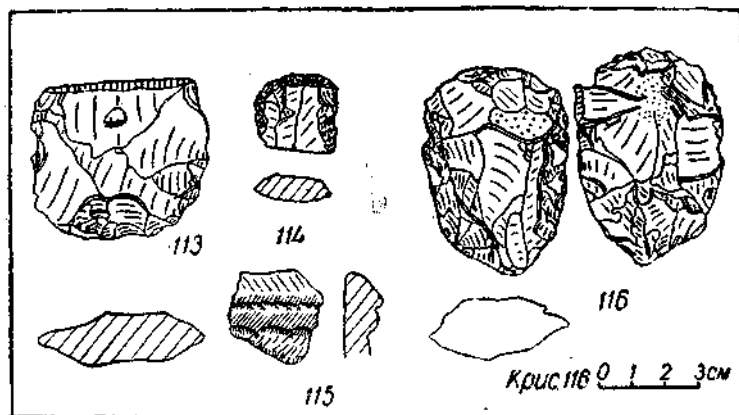

Рис. 113—118.

2. 6 обломков посуды из хорошо отмученной глины. Орнамент на 1 обломке в виде штампованных прямых линий, параллельных в наклонных рядах, размещенных елочкой.

3. 2 обломка желтой посуды толщиной 0,9, особого типа. Орнамент, по-видимому, на всей поверхности посуды в виде параллельных линий, в одном случае взаимно пересекающихся друг с другом. Аналогичного типа керамика встречена у южного конца д. Журавель, выше по Сожу, между Чериковом и Славгородом; возле д. Глинка, а также на Днепре.

Б. 7 обломков серого или желтого цвета посуды типа ранних городищ с примесью крупно битого камня. Один край с отогнутым наружу обрезом.

177. К северу, метрах в 110 от кладбища, где Сож подходит к коренному берегу. Несколько разбитых желваков кремня. На горе, по полю — находки кремня, которые встречаются и далее к северу за курган (см. ниже), вдоль обрыва.

Кремень. 1. Отщепки обычного типа, 10. Один из них с частичной ретушью одного края.

2. Различные отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 7.

3. Один обломок пластинки.

4. Обломок какого-то острья, представляющего конец пластинки с ретушированными краями.

Керамика. А. Два обломка посуды неолитического типа. Орнамент: а) на 1 обломке — плоские штампованные ямки; б) на 1 обломке — лапчатый печатный.

Б. Один обломок посуды типа городищ.

177а. Здесь в одном месте следы разрушенного погребения с трупосожжением в виде мелких кусочков костей.

Над самым обрывом находится курган диаметром в 14,25 м.

178. Между Чемеричным Рвом (овраг) и курганом, на небольшом раздуве над обрывом к Сожу, два мелких черепка, близких по составу глины. Один из них представляет край, имеющий срез внутрь и орнаментированный горизонтальным шнуром (бронзовая эпоха, рис. 115).

179. К югу, в 75 м от кладбища, метрах в 15 от Сожа, на высоте 0,8 м найдено несколько кремней. Среди них один отщепок с площадкой отбивания и проч. и три неопределенных обломка.

Д. ДУБНА СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА

Левый берег Сожа

180. Мыс между урочищем Алес (Растереб) с севера и урочищем Збище с юга.

Кремень обычный, почти без патины. 1. Нуклеусы с одной площадкой отбивания, 3.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 141.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 33.

4. Пластинки целые (4) и их обломки (10).

5. Скребки: а) округлый, на конце отщепка с коркой, целый, длиной 2,6; б) обломочек такого же, очень тонкого (0,35) скребка.

6. Срединный резец (?). С одной стороны рабочей грани резца — 3 резцовых скола, с другой — 1. Размер 3,0X2,6X0,8.

7. Близкое к миндалевидному пику по форме и пропорциям ударное орудие грубой обработки. Поперечный разрез приблизительно формы чечевицы. Лезвие, если смотреть снизу, изогнутое. Размер 7,5X3,8X2,9.

181. Урочище Збище. Пески к северу от д. Дубны, на восточном берегу озера Святое. Южная часть песков. На уцелевшем от раздувания ветром «столбе» с северной стороны дороги такая последовательность слоев:

1. Светло-желтый песок — 1,0 — 64,0;

2. Светло-серый песок — 65,0 — 110,0;

В разрезе на террасе наблюдались следующие слои:

1. Темно-серый песчаный слой с кремнями — 1,0 — 15,0;

2. Грязно-бурый песок — 16,0 — 23,0;

3. Желтый песок — 24,0...

Находки—на площади 170 (С—Ю)X80 м. Главная масса находок—на площади шириной метров 35.

Кремень. 1. Нуклеусы с одной (3) и двумя (1) площадками отбивания.

2. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 4.

3. Отщепки и обломки с раковистостью или со следами обработки, 12.

4. Пластинки: а) целые, 10. Наибольшая длина 6,7. Одна пластинка с частичной ретушью; б) обломки, 16. Один из них с частичной мелкой ретушью левого края.

5. Скребки: а) округлые на конце отщепка обычного вида и размеров, с коркой. 5 целых, 1 поломанный; б) овальный (ясно-серого кремня с белыми пятнышками). Размер 2,8XХ2,6X1,05; в) округлый на конце тонкой пластинки.

6. Проколка. Длина 5,4.

7. Острие из белого кремня. Конец подправлен на обоих краях снизу. Нижняя половина пластинки ретуширована сверху по обоим краям, а снизу—целиком по всей поверхности. Размер 5,2X1,4X0,4.

8. Двойной боковой резец. Размер 2,5X1,5X0,7.

9. Ударное орудие (пик), клиновидное, суженное к обуху. Поперечный разрез в форме чечевицы. Обработано отбойниками. Размер 6,8X3,9X2,2 (пропорции пика почти 3:2:1).

10. Орудие с острым обухом и долотовидным, в виде желоба, лезвием, несколько похоже на предыдущее. Размер 5,9X3,7X2,1 (почти те же пропорции).

Кремневая индустрия этого местонахождения явно распадается на две группы. Первая группа более ранняя, вероятно, эппалеолитического возраста и включает в себя резец, скребки б, в, острие (белого камня). Вторая более поздняя группа с ударными орудиями соответствует позднему неолиту, с чем, однако, не увязывается керамика, относящаяся определенно к еще более позднему времени—эпохе бронзы.

Керамика. Следует отметить отсутствие неолитической керамики. Керамика бронзовой эпохи представлена несколькими типами.

А. Тип урочища Коковня Чечерского района, ДС 1926, № 17 и урочища Замостевье Ветковского района, ДС 1926, № 40. Обломки толщиной 0,5—0,6, желтого или серого цвета. Края, 3, прямые, т. е. вертикальные, с округлым обрезом, которым несколько и отличается керамика урочища Збище от керамики урочищ Коковня и Замостевье, края которой имеют скошенный внутрь обрез.

Орнамент складывается из вертикальных штампованных линий и тонких шнуров под ними (в одном случае и над ними). На одном краю сосуда под прямыми вертикальными линиями вместо шнуров помещены ромбы, образованные пересечением тонких нарезных линий.

Б. 14 обломков посуды желтого цвета с полосами на наружной и внутренней поверхностях. Толщина 0,75 — 0,85. Посторонняя примесь к глине незначительна. 3 обломка орнаментированы параллельными (числом до трех) крупными шнурами. Два прямых края, из которых один — со скосом обреза внутрь — орнаментирован редкими мелкими ямкам под обрезом.

В. Серый обломок с орнаментом в виде вертикальных, едва наклоненных штампованных линий, под которыми помещены три зигзагоподобные, с перерывами, линии.

Г. 4 серо-черных, с примесью крупной дресвы, обломка посуды типа древнейших городищ. Среди них один край с толстым плоским обрезом.

Д. 8 обломков тонкой славянской курганной посуды с волнистым орнаментом в два ряда (на двух обломках). Один типичный тонкий край.

182. Урочище Збище на восточном берегу озера Святое. Находки—по обеим сторонам дороги.

Кремень. 1. Обломки пластинок с частичной ретушью одного или двух краев. Один из обломков с широким целым неровно округлым концом, обработанным плоской ретушью сверху и снизу. Незначительная ретушь имеется снизу справа и на другом конце.

2. Широкий округлый скребок желто-серого кремня. Размер 4,7X4,3.

3. Ударное грубо обработанное отбойниками орудие типа пика с острыми краями и острым узким обухом. Размер 8,0X4,5X2,1 (отношение приблизительно 4 : 2 : 1).

183. Восточный берег озера Святое между урочищем Збище и курганами. Большие раздувы в песчаных склонах, вдающиеся в берег. Ближе к северному концу разрез:

1. Грязновато-белый песок—1,0—22,0;

2. Темно-серый слой с угольками—23,0—36,0;

3. Очень светлый серый песчаный слой—37,0—49,0;

4. Желтый песок—50,0...

На раздувах вместе с кремнями (неолит, может быть, и бронза) встречается масса булыжников (остатки очагов) и черепков посуды типа курганов и старых городищ. Это последнее обстоятельство ясно говорит о наличии в данном месте селища как более раннего, так и более позднего времени, на что указывает и группа курганов, расположенная немного южнее.

Следует отметить, что как на данном местонахождении, так и на следующем наблюдается масса кремня в обломках, нуклеусах (десятки, если не сотни), отщепках, кусках; всюду встречаются также и булыжники.

Кремень серый; три обломка желто-красного цвета. 1. Несколько отбойников различных размеров.

2. Нуклеусы, 10. Из этого числа 7 — с одной площадкой отбивания, 1 — с двумя.

3. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 5.

4. Различные отщепки и обломки, частью со следами обработки, 5.

5. Пластины: а) целые, 3. Одна из них длиной в 3,3 с небрежной ретушью обоих краев и конца; б) обломки, 6.

6. Скрепки: а) округлые на конце массивного отщепа с коркой, отбитого, по-видимому, специально для выделки скребка. 4 отщепа крупных (например, 5,0X3,6X2,1), 4 мелких, плоских;

б) на конце небольшого тонкого пластинчатого отщепа;

в) сбоку пластинчатого отщепа, длиной 4,5;

г) на конце тонкой пластинки.

7. 3 плоских обитых орудия в виде резцов: а) двойной резец; размер 4,9X3,1; б) размер 4,3X3,4; короткий резцовый скол сбоку небольшой выемки на конце (боковой резец?); в) размер 5,4X3,3; косой скол справа от ретушированной выемки (боковой резец?); на другом конце орудия долотообразное уплощение; г) размер 3,9X2,8X1,5; скол с правой стороны подправленного верхнего края (боковой резец?).

8. Пилка из толстого отщепа, с зубчато обработанным рабочим краем. Размер 4,9X3,1X1,3.

9. Орудие из пластинки, с отчетливо выделенным стерженьком неопределенного назначения. Это орудие не могло быть ни наконечником стрелы (тупой конец), ни буравом (против чего говорит тупой и плоский стерженок с сохранившейся еще значительной площадкой отбивания и ударным бугорком с «изъёмом»). Длина 3,4.

10. Обломок какого-то наконечника, более выпуклого с верхней стороны. Поперечный разрез в форме чечевицы. Толщина 1,4.

11. Овальное ударное орудие размером 3,9X2,6X0,8. Обработано отбоями по всей верхней поверхности и на верхней половине нижней поверхности. В основании сделана полукруглая выемка с небольшим острием возле нее.

12. Миндалевидное орудие типа пика с более выпуклой верхней стороной. Чечевицеобразный поперечный разрез. Обработка отбоями. Все края пика острые. Размер 6, IX X4,2X1,8 (т. е. отношение приблизительно 3:2:1), как у пиков с местонахождения в урочище. Мел (см. выше № 19; рис. 116).

Керамика. А. Неолитический тип. 27 мелких обломков большей частью светлой желтой посуды, черной в разрезе. Орнамент — зубчатый (гребенчатый) чекан, прямой и изогнутый, плоский и боковой, т. е. нанесенный нажатием штампа сбоку.

Б. Тип бронзовой эпохи. 1. Один обломок посуды фатьяновской стадии в местном варианте типа урочищ Коковня и Замостевье. Орнамент состоит из вертикальных нарезных линий.

2. Один обломок с крупным шнуровым орнаментом в 3 ряда.

3. Два обломка с орнаментом из штампованных прямых линий.

Обломки посуды 2 и 3 относятся, очевидно, к более позднему (по сравнению с посудой 1) времени.

В. Тип ранних городищ и селищ. 8 толстых обломков. На двух обломках орнамент из перекрещивающихся линий. Сюда же следует присоединить 5 желтых обломков от невысокого, по-видимому, сосуда с обильной примесью дресвы. Из них 3 обломка прямого, с легким наклоном внутрь, края и часть днища, кругом Которого внизу стенки идет сплошной ровик.

Г. 10 обломков славянской курганный посуды. На одном обломке волнистый орнамент.

183а. Курганы в 0,25 км к северу от устья дубенской речки, впадающей с востока в озеро Святое, несколько ближе к его южному концу. Курганы расположены над некрутым обрывом к озеру. Всего здесь около 20 курганов. Кроме того, есть несколько распаханных, которые заметны по большим желтым пятнам по полю. На первом с юга разрушенном кургане найдена привеска в виде уточки и много мелких косточек.

184. Между курганный группой (см. выше № 183) с севера и дубенской речкой с юга. От курганов до устья этой речки приблизительно 0,25 км. Находки здесь состоят главным образом из кремня при почти полном отсутствии керамики. Кремни встречаются как внизу склона к озеру, так и над обрывом, идя вдоль него полосой метров в 20—22. В одном месте много одинаковых обломков от одного сосуда. На всем своем протяжении берег озера представляет размытый песчаный склон. Северная часть над склоном представляет всхолмленную, покрытую лесом площадь, в то время как южная часть является ровной. Недалеко от речки на площади местонахождения выступает культурный слой, в разрезе которого наблюдается не менее 14,0 см темного перегноя с угольками.

185. Находки—в южной части восточного берега озера Святое, к северу от речки.

Кремень. 1. Нуклеусы (10), из которых 7 с одной площадкой отбивания.

2. Отщепки с площадкой отбивания, 22. Один из них обработан в форме наконечника стрелы.

3. Отщепки с раковистостью и обломки (10), из которых 5 со следами обработки.

4. Пластинки: а) целые (5), длиной не больше 5, 2, и б) обломки, 15.

5. Скребки: а) 6 округлых на концах толстых некрупных отщепков, частично с коркой, плохой обработки. Один из скребков на длинном узком отщепке длиной 5,5 имеет на противоположном конце орудия (основание отщепка) нечто вроде стерженька; б) два широко-округлые на отщепах. Размеры: 5,1X4,1X2,0 и 5,0X4,7X0,85; в) на конце пластинчатого отщепка.

6. Поломанное скребло на нуклеевидном отщепе.

7. Наконечник стрелы неолитического типа, обработанный по всей поверхности, с широким, слабо выделенным стерженьком.

8. Наконечник дротика (половина отломана) не особенно тщательной обработки (отжимами) обеих поверхностей целиком. Размер 4,3 (длина уцелевшей части) X2,9X0,78.

9. Ударные орудия: а) два в виде вытянутых треугольников, выпуклых на верхней стороне и вогнутых на нижней. Обработаны обивкой. У одного из орудий, размером 7,1X3,8 (у основания)X 1,17, конец закругленно-острый. Основание (треугольника) у обоих орудий сбито поперек. Длина второго (неоконченного) орудия 5,3;

б) три неправильно-овальных клина с одним более узким концом. Поперечный разрез в форме чечевицы. Все края острые. Размеры двух симметричных клиньев: 4,5X2,6X1,4 (совершенно острое лезвие) и 4,9X3,1X1,4 (лезвие притупленное). Третий, поврежденный, клин размером 5,6X3,3X1,5. Есть еще обломок клина с лезвием;

в) овальный пик типа ДС 1926, XI, 1, 3, 4, сильно поврежденный (обломан один конец). Размер 6,6X5,2X2,46;

г) три орудия в виде равнобедренного треугольника, у которых в рабочий край превращены широкие основания. Ширина оснований 4,5, 6,0, 6,1, при высоте треугольника соответственно 3,7, 4,1, 4,3;

д) небольшой округленно-треугольный клин сожского типа; см. ДС, X, 5. Поверхности обработаны целиком. Края притуплены. Размер 3,2X2,5X1,3;

е) два орудия в виде нуклеусов с одной площадкой отбивания, у которых противоположный площадке конец сведен путем стесывания в более или менее округлое лезвие. Размеры: 5,4X3,6X2,3 и 5,5X3,9X2,6 (отношение 4:3:2).

Керамика. А. Неолитический тип, 26 обломков. Орнамент зубчатый (гребенчатый), преимущественно в виде одно- и двузубчатого штампа идет не горизонтально, а наклонно, почти под прямым углом к обрезу края. Есть и многозубчатый

мелкий штамп. Край слегка отогнут наружу, с орнаментом в виде вдавлений с внутренней стороны обреза.

Б. 4 обломка посуды типа ранних городищ и селищ.

В. Обломки посуды славянского (курганного) типа с орнаментом в виде параллельных полос и волнистых линий.

186. Урочище Кавыч. Возвышенность в 0,25 км к северу от обозначенного и на трехверстной карте рукава, который отходит от озера Святое на запад. Занято частью дубовыми кустами, частью старой пашней. На западном конце возвышенности, в 0,25 км на запад от озера—находки: кремни, черепки.

Кремень красновато-бурый, темный. 1. Отщепки с площадкой отбивания и проч., 5, в том числе один с юго-восточного края этой возвышенности.

2. Обломки со следами искусственной обработки, 2.

187. Урочище Кавыч. Середина восточной части возвышенности, у озера.

Кремень. 1. Один отщепок с площадкой отбивания и проч.

2. Попорченное массивное скребло на краю отщепа. На другом краю помещается срединный резец, образованный двумя перпендикулярными в отношении друг к другу сколами.

188. Западный берег озера Святое. Мыс с южной стороны отмеченного на трехверстной карте рукава, который отходит от озера на запад и представляет собою, вероятно, старый Сож. Здесь на значительном размыве, по-видимому, на пойме, найдены два **кремня**, а также остатки керамики типа городищ- и славянского (курганного) типа. Находка первых дает основание предполагать существование здесь селища раннего железного века.

189. Западный берег озера Святое. Находки—с западной стороны дороги.

Кремень. Один обломок со следами отжимов.

Керамика. 7 обломков посуды неолитического типа с полосами на внутренней поверхности. На пяти обломках—орнамент в виде зубчатого штампа.

190. Озеро Святое. Западный берег. С северо-восточной стороны дороги—один обломок отесанной **кремневой** пластинки с площадкой отбивания, бугорком удара и раковистостью.

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ

**КЛАД ЛАТЕНСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ**

При раскопках, проводившихся славянской экспедицией ИИМК АН СССР в 1954 г. на городище в д. Горошково Речицкого района Гомельской области, был обнаружен уникальный клад бронзовых и серебряных браслетов эпохи раннего железа.

Городище в Горошкове — один из памятников своеобразной культуры в южной Белоруссии, относящийся к предзарубинецкому времени. Группа городищ этого типа была впервые обнаружена в 1951 г. экспедицией, руководимой П. Н. Третьяковым¹. Подобные городища принадлежали земледельческому населению, занимавшемуся, кроме того, скотоводством и охотой. Характерные жилища, керамика и другие особенности материальной культуры позволяют говорить об обнаружении в южной Белоруссии новой культуры, условно называемой, по одному из первых открытых городищ, Милоградской.

Описываемый клад был найден при исследовании мысовой части городища в неглубокой яме прямоугольных очертаний со столбами по углам, которая представляет собой остатки одной из служебных надворных построек. Постройка находилась в непосредственной близости (1 м) от столбового срубного наземного жилища и расположенных от нее на расстоянии от 6 до 10 м еще трех таких же жилищ. В постройке четко прослеживается вход в виде выступа на одной из длинных стен. Основная группа украшений обнаружена у стены против входа на глубине 0,4—0,5 м от поверхности. Она представляла собой комплекс из 8 компактно вложенных один в другой браслетов. Сюда относятся²:

1) бронзовый литой замкнутый браслет (диам. 60 мм). Орнаментирован рубчиками, чередующимися с четырьмя группами тройных утолщений (табл. 1, рис. 1);

¹ П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 88.

² Вещи перечисляются в той последовательности, в какой они залегали в культурном слое.

2) бронзовый (с высоким процентным содержанием меди) литой замкнутый браслет. Орнаментирован чередующимися группами мелких рубчиков и зерни (10 групп). По-видимому, шарики зерни напаяны после отливки украшения, на что указывают места двух отвалившихся в древности шариков (табл. 1, рис. 2);

3) большой бронзовый литой браслет с заходящими один на другой концами (диам. 98 мм). Концы суживающиеся, прямо срезанные. Браслет в сечении круглый. Надевали его, по-видимому, на верхнюю часть руки или на ногу (рис. 3);

4) бронзовый пластинчатый спиральный браслет из свернутой в $5\frac{1}{2}$ оборотов тонкой полоски (диам. 60 мм). По наружной поверхности проходит продольное ребро (сечение браслета треугольное). Один конец браслета обрезан прямо, другой загнут в колечко (рис. 4);

5—6) два бронзовых массивных замкнутых браслета (диам. каждого 65 мм). Снаружи браслеты сплошь украшены орнаментом из зубчиков, каждый из которых напаян отдельно (рис. 5—6);

7) бронзовый литой замкнутый браслет (диам. 60 мм). Концы браслета спаяны. Браслет в сечении круглый (рис. 7);

8) бронзовый литой браслет с неровными и расщепленными концами, заходящими один на другой (диам. 60 мм). Браслет в сечении овальный (рис. 8).

На браслетах нет никаких следов ткани или какого-либо другого материала, в котором вещи могли быть упакованы.

Недалеко от описанных выше браслетов, также внутри постройки, ближе к выходу, обнаружены при выборке заполнения ямы на глубине 0,45 м еще 3 браслета, разбросанных недалеко друг от друга:

9) маленький бронзовый браслет (диам. 42 мм) с несомкнутыми концами. Изготовлен из овальной в сечении проволоки. Один конец браслета обрезан прямо, другой обмотан бронзовой полоской, укрепленной на конце браслета при помощи пайки (рис. 9);

10) маленький серебряный браслет (диам. 40 мм) с широко разомкнутыми концами. Изготовлен из овальной в сечении проволоки (рис. 10);

11) половинка серебряного браслета из овальной в сечении проволоки. Конец его утолщен и закруглен (рис. 11).

Условия находки говорят о том, что вещи были спрятаны наспех. Часть браслетов более мелких, по-видимому, выпала по дороге. Одинаковый уровень залегания групп из 8 и из 3 браслетов, отдельно лежавших на уровне пола постройки, говорит о том, что вещи не были закопаны. Поспешность и недостаточная тщательность, с какой вещи были спрятаны, по-

звояет предполагать внезапно возникшую для населения го-
родища угрозу¹.

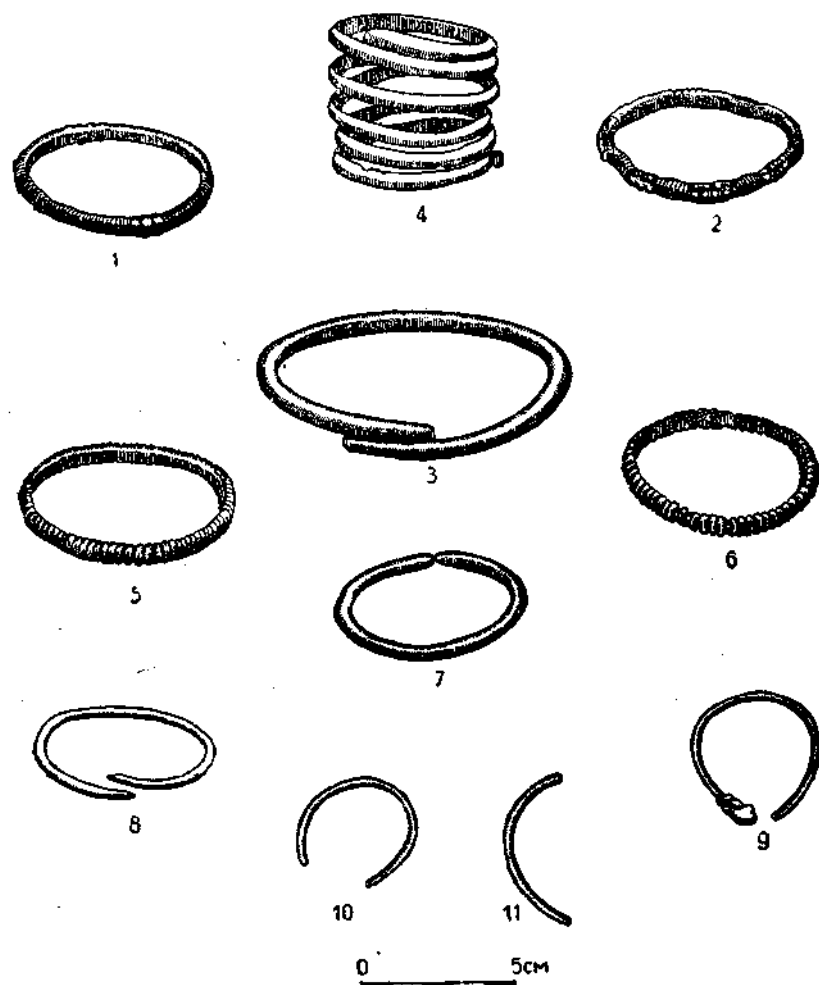

Табл. I.

Большое количество близких аналогий описанным брасле-
там имеется в западных древностях в то время, как среди
южных находок сходных вещей известно мало. Можно упо-
мянуть здесь находку бронзового литого браслета с зернью на

¹ Во время раскопок 1954 г. при разрезе вала на его вершине был
обнаружен скелет мужчины, погибшего во время обороны городища.

городище Юхновской культуры¹ и некоторые типы браслетов из раскопок скифских курганов на р. Сула².

Типы браслетов, близкие к горошковскому комплексу и также орнаментированные, были распространены в Западной Европе еще в позднегальштатское время. Можно здесь указать на встречающиеся в погребениях Гальштатта массивные браслеты с чередующимися рубчатыми утолщениями³, близкие по типу к браслету 1 из Горошкова, или же браслеты гальштатского времени из Австрии⁴ и Баварии⁵, сплошь покрытые рубчиками, подобные браслетам 5 и 6 из горошковского клада. В позднегальштатское время также известны массивные, круглые в сечении браслеты с заходящими друг на друга концами, носившиеся в верхней части руки или на ноге, совершенно аналогичные горошковскому браслету 3⁶.

В латенскую эпоху эти формы и приемы орнаментации выступают более широко. В частности, имеются близкие аналогии браслетам горошковского клада среди памятников лужицкой культуры, подвергшейся на своем позднем этапе сильным латенским влияниям. Можно привести здесь только некоторые из них⁷. Не все указанные браслеты идентичны находке в Горошкове по своей форме, но они могут быть сравниваемы благодаря применению одних и тех же характерных приемов орнаментации. Все перечисленные аналогичные находки отно-

¹ М. В. Воеводский, Городища Верхней Десны, КСИИМК, XXIV стр. 74.

² В. А. Ильинская, Курганы скифского времени в бассейне р. Сула, КСИИМК, 1954, стр. 24—41, рис. 14—15.

³ Nils Aberg, Vorgeschichtliche kulturkreise in Europa, Kopenhagen, 1936, табл. XVIII, 5.

⁴ Там же, табл. XIX, 2.

⁵ J. Naue, L'époque de Hallstatt en Bavière, R. A., 1895, II, p. 58, fig. 5, no J. Déchelette, Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, t. II, Paris, 1913, p. 834, рис. 337, 5.

⁶ Grupa górnoląsko-malopolska kultury łużyckiej w Polsce, cz. II (Materiały), Kraków, 1948, табл. CIII, № 1—2.

⁷ Alois Procházka, Gallska kultura na vyškovsku (La Tène středomoravsky) slavkov u Brna 1937, т. XVII, p. 10; т. II, p. 8; т. XIX, p. 7; т. XVII, p. 5; т. XV, p. 6; т. VI, p. 18; т. XVI.

⁸ Grupa górnoląsko-malopolska kultury łużyckiej w Polsce, cz. II (Materiały), Kraków, 1948, т. CVI, p. 12—13.

⁹ P. Vouga, La Tène, Monographie de la commission des fouilles de la Tène, Leipzig, 1923, т. VIII, p. 10.

¹⁰ J. Kostrzewski, Wielkopolska w czasach przedhistorycznych, p. 475, 477.

¹¹ J. Déchelette, Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine (second age du fer ou époque de la Tène), т. IV, Paris, 1927, p. 731, 519; p. 726, p. 517; p. 726, p. 517, 6.

¹² Ilona v Hunyady, Die Kelten im Karpatenbecken, Tafelband, Leipzig, 1912, т. IX, S. 28.

¹³ Martin, Jahn, Schlesischer altertumsverein in Breslau, Quellschriften zur ostdeutschen vor-und fruhgeschichte, Band I, Die kelten in Schlesien, Leipzig, 1931, S. 23, рис. 22—24.

Archeologické rozhledy, Ročník V, 1953, sešit 2, стр. 185, obr. 82.

сятся к эпохе раннего Латена (La Tène I). Этим временем, т. е. 500—400 лет до н. э., и следует датировать горошковский клад. Дополнительными материалами, подтверждающими датировку клада, служат находки других металлических вещей на городище. Часть их также свидетельствует о связях с Западом (фибула в виде согнутой орнаментированной железной иглы¹, (табл. 2, рис. 1), наконечник латенского дротика² (табл. 2,

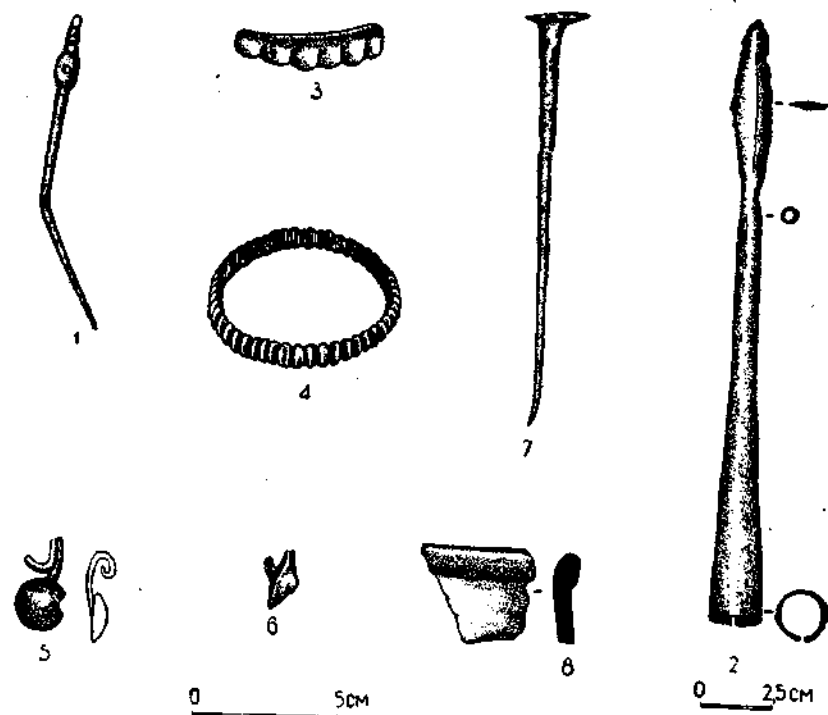

Табл. 2.

рис. 2), часть бронзовой гривны или браслета, украшенного округлыми выпуклостями³ (табл. 3, рис. 3), бронзовый брас-

¹ T. Sulim irski. *Kultura wysocka*, Kraków, 1931, табл. XXV, рис. 20

² J. Déchelette, т. IV, *Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine* (second age du fer où époque de la Tène), Paris, 1927, p. 551, fig. 430, p. 4, 5.

³ Там же. стр. 651, рис. 478 и 5.

⁴ P. V o u g a. *La Tène*, Monographie de la station, publiee au nom de la commission des fouilles de la Tène, Leipzig, 1921, т. X, p. 10, т. XIV, p. 9.

⁵ Grupa górnośląsko-małopolska kultury łużyckiej w Polsce, część U (materiały), т. XCVIII, p. 11.

⁶ Martin Jahn, *Schlesischer Altertumsverein in Breslau, Quellen-schriften zur ostdeutschen vor-und-frühgeschichte*, Band I, *Die Kelten in Schlesien*, Leipzig, 1931, стр. 23, рис. 21, 1.

лет, аналогичный браслетам 5—6 из клада (табл. 2, рис. 4). В то же время другая часть говорит о связях с Причерноморьем (скифские типы серег; табл. 2, рис. 5 и 6), булавка с широкой гвоздевидной головкой (табл. 2, рис. 7), бортник амфоры (табл. 2, рис. 8).

Возможно, что вещи горошковского клада происходят из западных районов и попали на городище, может быть, путем обмена из областей Лужицкой культуры. Об этом говорят близкие аналогии, происходящие с территорий Чехословакии и Польши. Однако с полной уверенностью относить перечисленные вещи к импорту нельзя. Против того, что эти вещи привезены, говорит сочетание некоторых элементов орнаментации на браслетах горошковского клада, которые не находят совершенно точных аналогий на Западе.

Кроме того, есть данные, указывающие на то, что жители городища занимались металлургией. Об этом свидетельствует находка тигля с остатками окислившейся меди.

Не исключено, следовательно, что в этом случае имеется дело с браслетами местного производства, близко следующими образцам украшений, применявшихся в сопредельных областях.

А. Г. МИТРОФАНОВ

ГОРОДИЩЕ В ВЯЗЫНКЕ

Городище в Вязынке стало известно в науке только недавно.

Впервые это городище осмотрел в 1952 г. К. М. Поликарпович, который на его площадке собрал обломки глиняных сосудов, покрытых штрихами.

В этом же году автором статьи на городище были произведены небольшие раскопки.

Вязынковское городище находится в 2,3 км севернее станции Радосковичи, в 0,1 км от хутора Вязынка и в 0,15 км от Лома, где родился народный поэт Белоруссии Янка Купала. В народе городище известно под названием «Замэчка».

Замэчак расположен на невысоком (3,5—4 м от его основания) холме 2-й надпойменной террасы левого берега р. Вязынка. Несколько вогнутая с небольшим наклоном к западу площадка имеет форму овала длиной (по линии север—юг) 62 м, шириной (запад—восток) 51 м. Она распахивается.

Восточный склон городища довольно крутой, западный, наоборот, пологий и сильно распахан. Остальные склоны (северный и южный) более круты, чем западный, но менее, чем восточный. Юго-западный склон и часть площадки в этом месте испорчены большой расплывшейся ямой, теперь хорошо задернованной. Сильно испорчена ямами также часть северного склона, где сохранилась небольшая терраса. В северо-восточной части городища заметны остатки невысокого вала и неглубокого рва.

Северные, северо-восточные и восточные склоны городища поросли редким кустарником (орешник, береза, ива, осина, рябина) и отдельными деревьями (рябина, осина).

Раскопки 1952 г. начаты в относительно лучше сохранившейся юго-восточной части площадки, обращенной к реке. Раскоп, размеры которого первоначально равнялись 100 кв. м, в ходе работ был увеличен до 284 кв. м. Для выяснения устройства городища и его защитных сооружений были проложены

три траншеи, две из которых (№ 1, 2) прорезали восточный склон и одна (№ 3)—западный.

Стратиграфия городища не отличается большой сложностью. В процессе исследований было зафиксировано большое количество разрезов, и везде чередование слоев оказывалось одинаковым. На большей части раскопа отчетливо выступают три очень близких друг к другу по структуре слоя:

1. Сверху залегает мелкозернистый песчаный, подвергающийся распашке слой темно-серой окраски, имеющий вид современного перегноя. Толщина этого слоя колеблется от 0,1 — 0,15 до 0,3—0,4 м. В восточных квадратах раскопа (у восточного края) он включает в себя много углей. Находок в его составе (по-видимому, по причине распашки) встречалось очень мало: попадались мелкие обломки штрихованной керамики, современные черепки, куски современного кирпича и куски изразцов, попавшие в слой, несомненно, вместе с удобрением.

2. Описанный выше горизонт сменяется нетронутым, песчаным в своей основе, культурным слоем интенсивно-черной окраски. Он густо насыщен угольками и, на отдельных участках—кусками глиняной обмазки с отчетливыми отпечатками бревен и следами пальцев. На южной границе раскопа (ближе к южному краю площадки) в слой гумуса вклиниваются тонкие (0,05—0,10 м) песчаные и супесчано-глинистые прослойки.

Этот культурный слой, мощность которого колебалась от 0,1—0,15 до 0,5—0,6 м, является основным, давшим остатки в высшей степени интересного комплекса жилищ и большой набор изделий из железа и особенно из глины.

3. Непосредственно под слоем гумуса, но не на всей площади раскопа, а на отдельных участках, залегает мало чем отличающийся от предыдущего слой темно-серой окраски и местами серой с коричневатым оттенком, содержащий много керамики, костей животных, пряслиц и других вещей.

Исключительный интерес представляет стратиграфия восточного участка раскопа, где отчетливо прослеживаются первоначальные оборонительные сооружения (вал и бревна от стены) и насыпанный мощный слой светло-желтой и желтой супеси, а местами суглинка.

Остановимся подробнее на описании слоев этого участка. Верхний перепаханный слой, окрашенный в темно-серый цвет, сменяется здесь мощным (несомненно, насыпанным) горизонтом светло-желтой супеси, толщина которого на восточной границе раскопа (непосредственно у склона) достигает 1,2—1,3 м. Он плотен, переходит местами в суглинок, полностью лишен находок, но содержит угли и золу. Этот слой супеси прорезает глубокая яма, заполненная углями и остатками недогоревшего дерева, несомненно, столба. Ближе к середине раскопа супесь выклинивается. Супесь была насыпана не только

на край, но и на склоны, чем была увеличена их высота и усилена крутизна.

Под супесью обнаружены развал недогоревших толстых бревен от защитного сооружения и первоначальный вал. Последний насыпался, по-видимому, в два приема, что доказывалось характером насыпи вала. Она состоит из двух горизонтов: верхнего слоя желтовато-серой супеси, перемешанной с желтым крупнозернистым песком и углями, и нижнего слоя, отделенного от верхнего углистой прослойкой, также супесчаного светло-желтой окраски.

Оборонительная стена, как видно по ее остаткам, была построена на гребне вала из толстых (0,2—0,25—0,3 м) бревен (судя по сохранившейся коре ели и сосны), уложенных, по-видимому, одно на другое горизонтально и сдерживаемых столбами, два из которых уцелели.

Изучение разрезов восточного участка раскопа и траншей

1—3 позволяет сделать следующие выводы.

Поселение в Вязинке возникло на низком холме размытой 2-й надпойменной террасы левого берега Вязинки и первоначально не имело искусственных земляных оборонительных сооружений. Лишь вдоль края поселения была построена деревянная стена, остатки которой (угли и не до конца сгоревшие бревна) прослеживаются в песчано-углистом слое, находящемся под валом. Судя по незначительной толщине песчано-углистого слоя, период, когда поселение было еще слабо укрепленным, продолжался недолго. Оборонительная стена и вместе с нею жилые и хозяйственные постройки погибли, вероятно, от пожара.

Вскоре после возникновения Вязинковского поселения вдоль его края был насыпан земляной вал, размеры которого сейчас установить невозможно. На гребне вала была построена вторая оборонительная стена, которая, как и первая, была уничтожена пожаром. На втором этапе жизни возникла необходимость в производстве значительной подсыпки вала и в сооружении новой, очевидно, более мощной оборонительной стены. Как и первый период, второй этап жизни на городище закончился большим пожаром, уничтожившим оборонительную стену, возможно, и жилища и все другие постройки.

Позднее, в третий (вероятно, в последний) период жизни, на городище оно было подвергнуто существенной переделке. Последняя, несомненно, была связана со стремлением увеличить размеры площадки и усилить оборонительные возможности поселения. С этой целью на городище приносилось откуда-то со стороны очень большое количество земли, которая насыпалась по краям и склонам поселения, чем значительно расширялась площадка, повышались края и увеличивалась их крутизна. В качестве материала для подсыпки выбирался тя-

желый грунт, чаще супесь, но нередко и суглинок. Такой грунт при насыпании ложился плотным слоем и предохранял край иг склоны городища от оползания. Не исключена возможность, что супесь насыпалась по краю городища в виде вала, на гребне которого была построена новая оборонительная стена. Позднее стена сгорела, а вал (вероятнее всего, в недавнее время) был распахан.

Следует отметить, что работы, связанные с подсыпанием вала, площадки и склонов городища, а также со строительством больших оборонительных стен, были очень трудоемкими и, разумеется, были под силу только большой группе людей, объединенных стремлением защитить себя от нападений враждебных соседей. Таким образом, самый характер и устройство городища в Вязинке свидетельствует о том, что оно было заселено сравнительно большим коллективом. Вероятнее всего, это городище заселяла большая патриархальная семья.

Переходим к описанию остатков жилищ и вещей, встреченных в процессе исследований. Выше уже отмечалось, что в верхнем перепаханном слое встречено очень мало вещей; остатков жилищ в этом слое не обнаружено вовсе. Но во втором (сверху), основном, слое, равно как и в третьем, были обнаружены следы очень интересных жилищных комплексов и большое количество разнообразных вещей.

Границы жилищ во втором слое прослежены по большому количеству глиняной обмазки с отпечатками пальцев и оттисками толстых бревен. Куски обмазки, несомненно, упавшие со стен жилых домов, залежали в рассматриваемом слое сравнительно прямыми полосами, которые в сочетании друг с другом образовывали несколько правильных четырехугольников. На вскрытой площади находились три жилых помещения.

Жилище 1 имело большие, чем другие два, размеры. Судя по кускам глиняной обмазки, длина его была не менее 11,0 м, ширина не менее 4,4 м. Внутри дома, в центре (несколько ближе к северной стене), находился открытый очаг, состоящий из слоя красновато-желтого крупнозернистого песка, обложенного по краям камнями. Камни предохраняла от развала слабо обожженная глина, положенная в виде дугообразного валика с северо-восточной стороны очага. Форма очага овальная, вытянутая с северо-востока на юго-запад, длиной (северо-восток—юго-запад) 1,8, шириной (юго-восток—северо-запад) 1,2 м. Около очага и на небольшом удалении от него, т. е. внутри помещения 1, найдено большое количество керамики, много пряслиц, железные нож, серп и шило, обломки глиняных тигельков для плавки бронзы и глиняная буса. Такие же вещи встречены и за пределами жилища, но на небольшом расстоянии от него.

Жилище 2 оказалось почти квадратным. Оно имело в длину 5,2 м при ширине в 5,0 м. Внутри его, как и внутри предыдущего помещения, ближе к южной стенке (в юго-восточном углу дома) находился очень хорошей сохранности очаг 2, имеющий обычное для городищ центральной Белоруссии устройство. Он состоял из слоя крупнозернистого красновато-желтого песка толщиной, в 0,15—0,2 м, обложенного по краям камнями. Камни были защищены глиной, положенной вдоль, очага в виде дугообразного валика. В песке встречены угли и тонкие зольные прослойки. Открытая часть очага 2, через которую выгребались угли и зола, как и у всех остальных очагов, обращена к юго-западу. Форма его овальная. Размеры: по длинной оси (юго-запад—северо-восток) 1,3 м, по короткой (северо-запад—юго-восток) —1,1 м.

В пределах жилища 2 встречены обломки керамики и глиняные пряслица. Других вещей в жилище обнаружено не было.

Жилище 3 помещалось восточнее жилого помещения 2 и было несколько больше его. Длина его около 6,3 м, ширина 5,0 м. Ближе к южной стенке жилища 3 помещался очаг 3, сохранность которого значительно хуже предыдущих очагов. Размеры сохранившейся части очага следующие: длина (юго-запад—северо-восток) 1,4 м, ширина (северо-запад—юго-восток) 1,3 м. От него сохранился лишь слой красновато-желтого крупнозернистого песка 0,08—0,1 м толщиной и глина, предохранявшая очаг от разрушения. Камни, которыми был обложен очаг 3, сохранились лишь в южной и северо-восточной его частях. Внутри жилища 3 обнаружено большое количество камней, находившихся на одном уровне с очагом. Камни лежали близко один к другому и в местах наибольшего скопления образовывали две аморфных небольших размеров площадки. Одна из площадок находилась в юго-восточном углу жилища 3, в 1,2 м от очага 3, а другая—в 1,5 м от этого же очага, ближе к западной стене. Камни обеих площадок залегали в основном в один ряд; многие были расколоты и сильно обожжены. В промежутках между камнями встречено много углей и золы.

Вокруг очага 3, в границах жилища 3 (внутри дома), встречены масса обломков керамики, 35 глиняных пряслиц, 3 железных серпа, из которых один целый и два в мелких обломках, 2 обломка грузиков дьякова типа, глиняная буса.

Весьма важно подчеркнуть тот факт, что все три жилища непосредственно примыкают друг к другу. Северная стена жилища 1 является одновременно южной стеной жилища 2 и 3, а восточная стена жилища 2—западной стеной жилища 3. Таким образом, можно предполагать, что все три жилища, имея единое перекрытие, составляли по существу одну большую постройку, разделенную на три самостоятельных помещения.

В третьем, нижнем, слое непосредственно на материке также были встречены остатки жилищ, но они выступали менее отчетливо, чем во втором, среднем, слое. В этом горизонте обнаружены остатки двух жилищ. От одного из них сохранился лишь очаг 4, имеющий овальную форму. Он состоит из слоя красновато-желтого песка, в составе которого имелись угольки и зола. Юго-западная сторона его открыта, длина (по линии юго-запад—северо-восток) 1,5 м, ширина (по линии северо-запад—юго-восток) 1,1 м. Очаг 4 несколько отличался от всех остальных очагов тем, что под из песка обложен по краям не камнями, а дугообразным валиком из слабо обожженной глины; камнями он обложен лишь частично.

В нижнем горизонте встречен очаг 5. От него уцелел лишь слой сильно пережженного красновато-желтого песка толщиной в 0,15—0,2 м и несколько обожженных до дресвы камней, лежащих сверху очага 5. Форма его почти круглая; размеры по линии запад—восток 1,48, по линии север—юг 1,45 м.

Границы жилищ, частями которых являлись два последних очага, полностью проследить не представилось возможным. Правда, в северо-западном углу раскопа при окончательной зачистке подстилающего желтого материкового песка выявилась канавка глубиной в 0,1—0,2 м, шириной в 0,15—0,2 м. Она заполнена была темно-серым песком с угольками. Эта канавка на расстоянии 3,3 м шла в северо-восточном направлении, а затем резко, под прямым углом, поворачивала на северо-запад, занимая в длину 4,4 м. Не исключена возможность, что эта канавка образовалась в результате того, что нижний венец стоявшего здесь непосредственно на материке деревянного дома был опущен на 0,15—0,2 м в землю. Такое предположение подкрепляется наличием трех ям от столбов, две из которых («а» и «б») примыкали непосредственно к канавке, а через третью («в») проходила сама канавка. Размеры этих ям следующие: диаметр ямы «а» 0,28 м, глубина 0,4 м; диаметр ямы «б» 0,34 м, глубина 0,35 м; диаметр ямы «в» 0,64 м, глубина 0,4 м. Внутри дома, где находился очаг 4, встречены еще две ямы—«г» и «д», назначение которых остается неясным. Возможно, что они являются ямами от вертикально стоявших столбов, поддерживавших перекрытие дома. Диаметр ямы «г» 0,42 м, глубина 0,45 м; диаметр ямы «д» 0,46 м, глубина 0,35 м.

Перейдем к описанию малых и больших ям, обнаруженных в большом количестве при окончательной зачистке подстилающего материкового песка. Встреченные ямы делятся на две группы.

В первую группу входят небольшие по диаметру (но в большинстве случаев глубокие), заполненные темно-серым либо черным гумусом, в составе которого попадались угольки и мелкие камни. В плане ямы этой группы круглые, в вертикаль-

ном разрезе либо цилиндрические, либо конические с округлым дном. Их диаметр колеблется в пределах от 0,2—0,25 до 0,65—0,7 м, глубина—от 0,25—0,3 до 1,2—1,3 м. В связи с тем, что многие ямы лишь частично захватывали раскоп, делать какое-либо определенное заключение о назначении ям очень трудно. Окончательный вывод можно будет сделать только тогда, когда будет вскрыта значительная площадь. Сейчас пока можно лишь высказать предположение относительно тех ям, которые расположены внутри жилищ; вероятно, они имеют прямое отношение к жилищам и являются ямами от вертикально стоявших столбов, поддерживавших перекрытие жилых помещений. Некоторые из ям, например 12, 13, 14, расположенные внутри жилища 2, могли быть от столбов, на которых покоилась какая-то конструкция (для сидения, стол и т. п.). Не исключена возможность и того, что часть столбов, от которых остались после их разложения ямы, поддерживала стены домов. Вместе с этим представляется несомненным предположение о том, что ямы не являются одновременными, а относятся к нескольким строительным периодам.

Во вторую группу входят три ямы довольно больших размеров. Яма А диаметром в 1,6 м, глубиной в 0,6 м встречена в квадратах Д/2 и Е/3. Ее стенки отвесны, дно плоско. Она была заполнена однородной массой темно-серого мелкозернистого песка, в составе которого были замечены мелкие угли, черепки глиняных сосудов. Вверху ямы обнаружено несколько кусков глиняной обмазки от стен бревенчатого дома. Эта яма относится, несомненно, к начальной поре существования городища. Доказательством этому служит то, что:

а) она была заполнена массой темно-серого гумуса, т. е. слоем земли, из которого состоит нижний горизонт городища;

б) яма перекрывается слоем, содержащим большое количество глиняной обмазки от стен жилища 1, т. е. она была перекрыта стеною этого жилого помещения.

Вторая яма—Б—встречена на квадратах Ж/3, Ж/4, 3/3, 3/4, И/3, И/4. Она была вскрыта в материковом слое красной глины. В плане эта яма имеет форму правильного овала длиной (по линии запад—восток) 5,25 м, шириною (по линии юг—север) 3,8 м.

В заполнении ямы Б встречено несколько слоев:

1) верхний темно-серый, почти черный песчаный слой, содержащий много обожженных мелких камней, кусков глиняной обмазки, обломков керамики и несколько штук глиняных пряслиц;

2) тонкий слой интенсивно-черного цвета с большим количеством углей;

3) горизонт очень плотной желтой супеси с углями, золой, мелкими камнями и кусками обожженной глины;

4) нижний песчано-углистый слой, в который вклинивается прослойка сильно пережженного песка;

5) материковая красная глина.

Дно ямы Б неровно, причем его отдельные точки находятся на разных уровнях. Разница в уровнях точек дна местами достигает 0,65—0,7 м. Данное обстоятельство не дает права говорить о том, что яма Б являлась жилищем типа землянки. Вместе с этим нельзя утверждать, что она является одновременно большому жилищу 1, так как стена этого жилища перекрывает яму Б, а ее западная граница выходит за пределы этого помещения. Яма Б, по-видимому, была вырыта значительно раньше постройки 1 и имела, возможно, какое-то хозяйственное значение.

По-видимому, хозяйственное назначение имела и яма В. Она выявлена в северо-западном углу раскопа. Почти круглая в плане, эта яма имела 2,7 м в длину при 2,65 м в ширину.

В заполнении ямы встречены тонкие прослойки: интенсивно-черный гумус, темно-серый песок, суглинок желтого цвета с темными пятнами, серая с зеленоватым оттенком супесь с углями, желтый песок с углями, песчано-углистая прослойка.

Во всей толще заполнения ямы В встречены черепки глиняной посуды, два верхних камня от зернотерок, обломки глиняных пряслиц и несколько кусков шлака.

Заканчивая описание стратиграфии Вязынковского городища, необходимо еще раз подчеркнуть, что несмотря на наличие трех горизонтов (верхнего—перепаханного, среднего—интенсивно-черной окраски и нижнего—темно-серого, прослеживаемого не на всей площади раскопа) культурный слой городища представляется единым. Остатки материальной культуры из городища в силу своей полной однородности не могут быть распределены по горизонтам.

Основную массу находок, как и обычно на подобных городищах, составляют обломки глиняной посуды. По своему характеру, технике изготовления, формам и орнаменту глиняная посуда не отличается от керамики других городищ центральной Белоруссии. Внешние стенки сосудов, а часто и внутренние, покрыты штрихами; в глиняном тесте большое количество минеральных примесей. Формы сосудов те же, что и в других городищах. Преобладают остросереберные горшки, многие из которых орнаментированы защипами, ямками, насечками. Есть сосуды баночной формы.

Из других находок на городище близ Вязынки следует отметить 132 глиняных пряслица. Среди них выделяются такие же формы, что и в других городищах изучаемой территории. Орнамент пряслиц городища у Вязынки, как и керамики, не отличается от орнамента пряслиц городищ с аналогичной

культурой. Кроме пряслиц, на Вязинке встречены два грузика дьякова типа и четыре глиняные бусы.

Изделий из железа на Вязинковском городище встречено мало: 2 серпа малых размеров (кроме того, 2 серпа в мелких обломках), пять шильев и один нож с изогнутой спинкой. Как и другие предметы, они несут те же черты, что и изделия с подобных городищ и, судя по аналогиям, могут быть датированы приблизительно II—IV вв. н. э.

Большой интерес вызывают встреченные на Вязинке зернотерки для размола зерна. Всего здесь найдено четыре нижних и шесть верхних камней от зернотерок.

Переходя к характеристике хозяйственной деятельности населения Вязинковского городища, необходимо прежде всего подчеркнуть, что в общественном производстве большую роль играло подсечное земледелие. Наличие последнего на городище доказывается фактами нахождения серпов и зернотерок.

Какую роль в хозяйстве обитателей городища близ Вязинки играли скотоводство и охота, сейчас сказать нельзя, так как сохранность костей на этом городище очень плохая. Те сравнительно немногочисленные костные остатки, которые были встречены почти исключительно в нижнем горизонте Вязинки, определению специалистов еще не подвергались. Однако, если судить по данным определения костного материала, аналогичных по культуре и времени городищ (Лабенщина, Банцевщина, Новоселки, Кимия и др.), то с уверенностью можно говорить, что и скотоводство, и охота в экономике населения городища близ Вязинки занимали важное место.

Мы имеем многочисленные доказательства существования на Вязинковском городище развитого домашнего ремесла. Железо, например, добывалось из болотной руды непосредственно на городище. Об этом свидетельствуют находки шлаков, обломков глиняных печей-горнов и, что особенно важно, трех железных болванок. Из железа местные кузнецы-общинники путем горячейковки изготавливали серпы, ножи, шилья и другие изделия.

Бронзовых изделий на Вязинке не найдено. Однако это не дает оснований утверждать, что жителям городища не была известна бронза. О том, что бронза и бронзолитейное дело были знакомы населению этого городища, говорят найденные обломки глиняных тигельков.

На городище было развито плетение, прядение и ткачество. Об этих отраслях домашнего ремесла свидетельствуют пряслица из глины, а также отпечатки тканей и плетенок типа рогожи на днищах нескольких обломков глиняных сосудов.

Наряду с другими домашними ремеслами было развито гончарное дело. Сосуды лепились из глины на плоской подставке от руки способом ленточно-кольцевого налепа. Обращают на себя внимание большие по диаметру, но тонкостен-

ные сосуды, покрытые штрихами. На городище встречено, кроме того, несколько миниатюрных сосудов, один из которых найден почти целым.

Таким образом, уже раскопки 1952 г., проведенные в сравнительно небольшом масштабе, позволили сделать ряд важных выводов о хозяйственном и общественном устройстве, а также материальной культуре населения Вязынковского городища.

ВЫВОДЫ

1. Перед нами выступает укрепленный поселок патриархальной домашней общины, население которого вело сложное земледельческо-скотоводческо-охотничье хозяйство. На городище были развиты разнообразные домашние ремесла: добыча и обработка железа, обработка бронзы, гончарное дело, прядение, ткачество и др.

2. Жилища насельников городища у Вязынки были наземными и строились из толстых бревен ели и сосны. Внутри каждого дома находился открытый очаг. По-видимому, с внутренней стороны в целях сохранения тепла стены домов обмазывались глиной.

3. Материальная культура изучаемого городища имеет полное тождество с культурой других городищ средней Белоруссии. Черты сходства проявляются во всех элементах материальной культуры—в орудиях труда, пряслицах, керамике и т. д.

4. По комплексу вещей (керамика, пряслица, серпы, нож с изогнутой спинкой и др.) городище в Вязынке можно отнести ко времени II—IV вв. н. э.

И. Г. ПРОНИНА и В. Е. ГАРУТТ

**ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ
III В. ДО Н. Э.—V В. Н. Э. НА ТЕРРИТОРИИ
МИНСКОЙ ОБЛАСТИ БССР**

*(Зоологический институт Академии наук СССР, кафедра
зоологии позвоночных Ленинградского гос. ордена Ленина
университета им. А. А. Жданова)*

Летом 1950 г. Институтом истории Академии наук БССР проводились раскопки древних городищ на территории Минской области. Были раскопаны городища близ дд. Кимия и Новоселки Борисовского района (II—V вв. н. э.) и у д. Лабенщина Заславльского района (III в. до н. э.—V в. н. э.). Работы проводились под руководством научного сотрудника Института истории Академии наук БССР А. Г. Митрофанова.

При раскопках найдено большое количество костей различных животных (млекопитающие, птицы), которые были переданы для определения и дальнейшей научной обработки авторам настоящей статьи.

Почти все кости найдены сильно раздробленными. Это крайне осложняло работу по определению и не давало возможности производить многие измерения. Неопределимых костей оказалось не более 20%. Однако их принадлежность к видам, приведенным в списке, не вызывает сомнения.

Определение производилось на сравнительном материале коллекций остеологической и орнитологической лабораторий Зоологического института Академии наук СССР.

Костные остатки животных из древних поселений сохраняются в настоящее время в фондах сектора археологии Института истории Академии наук БССР.

ЕВРОПЕЙСКИЙ, ИЛИ БЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ

Остатки оленей найдены во всех трех городищах. Представлены костями конечностей и фрагментами черепов взрослых животных, кости молодых особей не обнаружены.

Таблица 1

Сводная таблица остатков животных из поселений III в. до н. э.—V в. н. э. на территории Минской области

Виды животных	Кимия		Новоселки		Лабенщина	
	кост.	особ.	кост.	особ.	кост.	особ.
		% ¹				% ¹
1—Свинья дикая и домашняя (<i>Sus scrofa ferus</i> L. et <i>Sus scrofa domestica</i>)	32	4	18	4	67	5
2—Косуля (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	2	1	4	2	3	2
3—Олень обыкновенный (<i>Cervus elaphus</i> L.)	12	3	15	3	10	4
4—Лось (<i>Alces alces</i> L.)	14	2	20	2	17	2
5—Бык (<i>Bos taurus</i> L.)	34	2	71	6	39	4
6—Овца домашняя (<i>Ovis aries</i> L.)	2	2	7	5	7	3
7—Лошадь (<i>Equus caballus</i> L.)	12	2	9	3	28	3
8—Куница лесная (<i>Mustela martes</i> L.)	—	—	—	—	4	2
9—Хорек обыкновенный (<i>Putorius putorius</i> L.)	—	—	—	—	1	1
10—Барсук обыкновенный (<i>Meles meles</i> L.)	—	—	1	1	1	1
11—Выдра речная (<i>Lutra lutra</i> L.)	—	—	—	—	2	2
12—Медведь бурый (<i>Ursus arctos</i> L.)	2	1	4	1	6	2
13—Собака домашняя (<i>Canis familiaris</i> L.)	—	—	—	—	3	2
14— <i>Canis sp.</i>	1	1	1	1	1	1
15—Лисица (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	1	1	—	—	13	2
16—Кошка домашняя (<i>Felis domestica</i> L.)	—	—	—	—	2	2
17—Белка (<i>Sciurus vulgaris</i> L.)	—	—	—	—	1	1
18—Бобр (<i>Castor fiber</i> L.)	1	1	13	4	11	3
19—Глухарь (<i>Tetrao urogallus</i> L.)	—	—	1	1	1	1
20—Тетерев (<i>Lagopus tetrix</i> L.)	1	1	1	1	5	4
Всего	114	21	165	34	222	47

¹ % от общего числа особей в данном поселении.

Для человека лесных поселений олень служил объектом охоты, давая ценное мясо, шкуру и рога. Обращает на себя внимание находка в Новоселках оленьего атланта (первого шейного позвонка), на нижней стороне которого хорошо заметны насечки — следы удара топора или большого ножа, нанесенные, по-видимому, при отделении головы животного.

На территории Белоруссии этот олень был распространен очень широко, однако, вследствие усиленной охоты в конце XVIII — в начале XIX столетия был полностью истреблен (Цалкин, 1951; Сержанин, 1951).

Благородный олень, существующий в Белоруссии в настоящее время (Беловежская пуща, Вяловский заповедник), был завезен в шестидесятых годах прошлого столетия из Германии и реакклиматизирован.

КОСУЛЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ

Кости косули в небольшом числе найдены во всех трех городищах. Сравнительно мелкие размеры этой косули дают нам право отнести ее к европейскому виду (*Capreolus capreolus* L.), а не к сибирскому (*Capreolus ouyargus* Pallas). Последняя отличается от европейской более крупной величиной и сильнее развитыми рогами.

В Белоруссии косуля встречается и в настоящее время.

ЛОСЬ

Известен из всех трех городищ. Представлен так же, как и благородный олень, костями конечностей и обломками черепов. Для жителей городищ лось служил охотничьим животным, давая ценное мясо, шкуру, пригодную для выделки кожи, и рога.

Распространен в Белоруссии и в настоящее время.

БЫК

Кости домашнего быка найдены в городищах Кимия, Новоселки и Лабенщина. Наибольшее количество этих остатков происходит из Лабенщины (71 кость не менее, чем от 6 особей). Найдены обломки черепов, из которых некоторые с роговыми стержнями, отдельные роговые стержни, нижние челюсти, зубы, обломки костей конечностей.

Большинство остатков быков принадлежит животным средних размеров, хотя наряду с этим имеется несколько обломков костей конечностей, принадлежащих крупным формам, возможно, дикому быку-туру (*Bos primigenius* Boj) или какой-то крупной породе домашнего скота (но во всяком случае не зубру). Более точное определение по обломкам костей невозможно.

Приводим промеры обломка проксимального конца правой лучевой кости крупного быка из Лабенщины (рис. 1) и сравниваем с таковыми тура, серого украинского скота и зубра. (*Bison bonasas* L.)

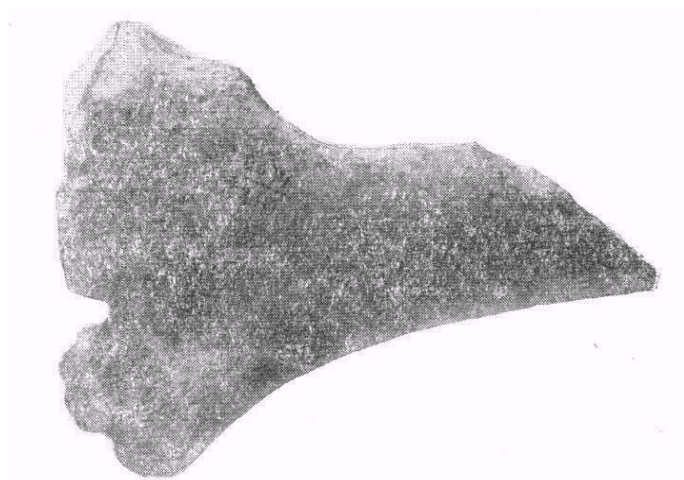

Рис. 1. Обломок лучевой кости быка из Лабенщины.

Таблица 2

Лучевая кость (*Radius*)

Промеры	Бык из Лабенщины	Тур из Шотландии	Серый украинский скот		Зубр	
Наибольшая ширина проксимального конца	98	100	108	84	97	90
Толщина проксимального конца у внутреннего края ноги	46	52	56	45	49	46
Толщина проксимального конца у внешнего края ноги	30	36	39	27	35	33

Среди обломков черепов быков наиболее полным являлся кусок лобной части с правым роговым стержнем, происходящий из поселения Новоселки (рис. 2).

Приводим промеры этого образца¹.

Длина рогового стержня по кривизне 227 мм.

Прямая длина рогового стержня (от верхушки до ближайшей точки на поверхности лба) 160 мм.

Обхват стержня рога у его основания 166 мм.

¹ Промеры взяты по схеме, предложенной В. И. Громовой (1931).

Наибольший диаметр основания стержня рога 59 мм.
Наименьший диаметр основания стержня рога 42 мм.
Для характеристики этого рогового стержня вычисляем также некоторые индексы (в %):
а) степень изгиба стержня, т. е. отношение прямой длины стержня к его длине вдоль кривизны... 70,5;

Рис. 2. Кусок лобной части с роговым стержнем быка из Новоселок.

б) массивность стержня, т. е. отношение обхвата стержня у основания к длине стержня вдоль кривизны... 73,1;

в) сплюснутость основания стержня, т. е. отношение наименьшего диаметра основания стержня к его наибольшему диаметру... 71,1.

Роговой стержень принадлежит вполне взрослому животному и, очевидно, самцу. Об этом свидетельствует сильно уплотненная костная ткань стержня с хорошо выраженным, так называемым «жемчужным» венчиком в его основании (Громова, 1931, стр. 309). Поверхность стержня несет на себе довольно глубокие и длинные борозды.

Роговые стержни некоторых быков из других поселений тонкие, короткие и не имеют у своего основания жемчужного венчика. Они могли принадлежать самкам или молодым самцам.

По своей форме и изгибу рога быков из городищ обнаруживают некоторое сходство с рогами дикого быка-тура, однако, по размерам они значительно уступали последним. В. И. Громова (1931) дает размеры рогов тура: у самцов длина стержней вдоль большой кривизны колеблется в пределах 460—480 мм, у самок—333—330 мм. У быка из Новоселок эта длина составляет всего 227 мм. Рога быков из городищ уступали по своим размерам также и рогам серого украинского скота. Все же эта лесная порода может быть названа длиннорогой. Рога лесных быков характеризуются сильным захождением концов вперед, а также довольно значительной сплюснутостью своего основания (71,1%).

Сходство рогов быков из городищ с рогами туров, по-видимому, не является случайностью; можно предполагать, что в данном случае мы имеем особую лесную породу рогатого скота, полученную в результате одомашнивания лесного тура.

Роговой стержень быка из Новоселок несет у своего основания (несколько выше жемчужного венчика) насечки, нанесенные каким-то рубящим орудием. По-видимому, эти насечки сделаны топором при попытке человека сбить роговой чехол.

ОВЦА ДОМАШНЯЯ

Представлена во всех трех городищах довольно мелкой формой. Найдены обломки черепов с роговыми стержнями, отдельные зубы, обломки длинных костей конечностей, кости стопы и кисти.

Не исключена возможность присутствия в поселениях также домашней козы. Однако кости скелета этого животного (кроме черепа) плохо отличаются от овечьих. При наличии же костей, сильно раздробленных, различить эти виды было совершенно невозможно.

ЛОШАДЬ

Фрагментарные остатки костей лошади известны из всех трех исследованных городищ. Найдены обломки черепов и нижних челюстей, отдельные зубы, куски лопаток, длинных костей конечностей и фаланги.

Наибольшее число костей принадлежит относительно мелкой лошади, хотя в городищах Лабеншина и Кимия были обнаружены отдельные кости и крупной формы.

О наличии мелкой лошади в Лабенщине мы находим указания также у В. И. Громова (1930), который исследовал фаунистические остатки из раскопок этого поселения в 1927 г.

Остатки лошади из данных городищ принадлежат, по-видимому, домашней форме, хотя не исключена возможность принадлежности их или части их и дикой форме—лесному тарпану (рис. 3).

Известно, что в начале нашей эры в лесах Восточной Европы существовала дикая лошадь. Ветуляни (1952) показывает, что она являлась потомком степного тарпана (*Equus colalus gmelini* Aní), жившего в ледниковое и послеледниковое время на степных просторах Европы. Под влиянием послеледниковых климатических изменений степной тарпан преобразуется в экологически лесной вид, названный Ветуляни лесным тарпаном (*E. caballus gmelini* Ant. forma *silvani* Vet.).

Наряду с лесным тарпаном продолжала существовать и степная форма, дольше всего уцелевшая на территории южной

России и Украины. Последний экземпляр степного тарпана был убит в 1875 г. на Украине у Айгайпанского пада (Херсонская обл.).

Последним представителем лесного тарпана были дикие лошади, сохранившиеся в Беловежской пуще еще во второй половине XVIII в., а потом до начала XIX в.—в зверинце За-

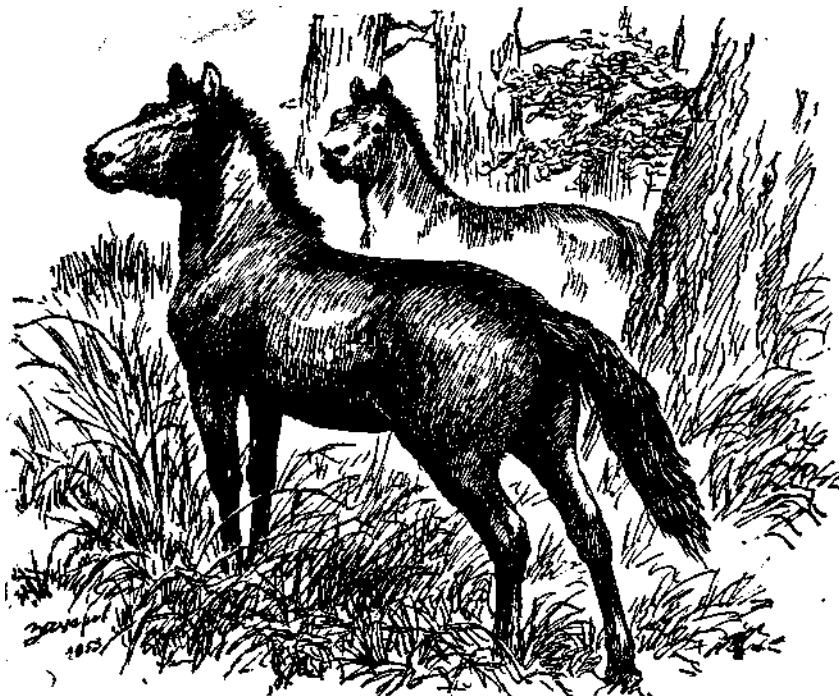

Рис. 3. Лесной тарпан.

мойских, откуда были переданы крестьянам (соседних деревень), которые их стали приручать (Ветуляни, 1952).

Что касается костных остатков лошадей из городищ, то решить вопрос о том, кому они принадлежат — дикому тарпану или его одомашненному потомку — очень трудно, так как скелеты примитивных пород домашних лошадей почти совершенно не отличаются от скелетов диких животных. К тому же мы не располагали для своей работы ни полными скелетами лошадей из городищ, ни даже сохранившимися целиком их костями.

Следует отметить факт использования человеком из городищ мяса лошади в пищу. Об этом свидетельствует сильная раздробленность костей этого животного.

Таким образом, вопрос о принадлежности остатков лошади из городищ может быть решен в дальнейшем только косвенным путем. Во всяком случае при наличии у жителей городищ хорошо развитого подсечного земледелия вполне обоснованно предположение о существовании у них домашней лошади и об использовании ее в качестве тягловой силы для передвижения бороны-суковатки.

Использование человеком домашней лошади для перевозки тяжестей и в качестве тягловой силы в земледелии известно еще со времен бронзы.

КАБАН ДИКИЙ И ДОМАШНЯЯ СВИНЬЯ

Остатки этих животных известны из всех трех городищ (Кимия, Новоселки, Лабенщина).

Различение костей дикого кабана от костей домашней свиньи производится главным образом на основании отличий в их размерах, так как кости кабана значительно крупнее костей домашней формы.

Найдены кости как взрослых особей, так и молодых. При определении костей молодых животных часто бывает трудно решить, дикой или домашней форме они принадлежат.

Дикий кабан являлся охотничьим животным для обитателей городищ. Наибольшее количество костей кабана выявлено в Новоселках, тогда как кости домашней свиньи представлены там в небольшом числе. Наоборот, в Лабенщине преобладают кости домашней свиньи, а кости дикого кабана единичны.

Разведение домашних свиней было, по-видимому, сильно развито в городищах. (Как указывает Бибилова (1950), это животное было, очевидно, наиболее выгодным для разведения в условиях лесной полосы с плохими пастбищами. Подтверждением этого служат многочисленные находки костей домашних свиней в Пекуновском, Кондратьевском и Пижемском городищах и на Панфиловской стоянке (Бибилова, 1950).

Можно предполагать, что в условиях лесной полосы свинья явилась первым, после собаки, одомашненным животным.

КУНИЦА ЛЕСНАЯ

Остатки найдены в городище Лабенщина и представлены: плечевой костью, двумя обломками лопаток и частью костей таза.

Кости скелета лесной куницы (*Martes martes* L.) плохо отличаются от костей куницы каменной, или белодушки (*Martes foina* Erxl.), обитающей в южных районах нашей страны. Присутствие в Лабенщине остатков типично лесных животных свидетельствует о наличии лесных массивов, в которых: скорее всего могла существовать куница лесная.

ХОРЕК ОБЫКНОВЕННЫЙ

В Лабенщине найдена большая берцовая кость хорька. Длинные кости конечностей обыкновенного хорька (*Putorius putorius* L.) и хорька степного (*Putorius evermanni* Lesson) очень сходны, так что различить их практически невозможно. Наличие лесного ландшафта в районе поселения дает нам право отнести эти остатки к обыкновенному, или лесному хорьку.

ОБЫКНОВЕННЫЙ БАРСУК

В Новоселках и Лабенщине найдены обломки нижних челюстей барсука. Это животное встречается обычно в лесных и лесостепных районах, но населяет места исключительно сухие. Роет норы, для которых избирает южные склоны с сухой песчаной почвой. Занимая одно и то же место в течение многих лет, барсук создает под землею целый лабиринт с многочисленными входными отверстиями, тупиками и гнездовыми камерами, которые используются нередко и другими зверями (например, лисицами).

Возможно, таким образом, что остатки барсука в Новоселках и Лабенщине не современны самим поселениям, а являются более поздними, попавшими в эти слои через норы.

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ

Остатки медведя известны из всех трех поселений. Найдены обломки плечевой, большой берцовой и бедренной костей, кости стопы и кисти, а также отдельные зубы.

CANI SP.

Во всех трех городищах найдены фрагменты костей какого-то крупного хищника из псовых: волка или крупной домашней собаки. Так, в Кимии найден обломок большой берцовой кости, в Новоселках—часть таза и в Лабенщине—обломок коренного зуба. Кости волка плохо отличаются от костей крупной домашней собаки. При наличии же незначительных фрагментов таких костей точное определение совершенно невозможно.

СОБАКА ДОМАШНЯЯ

Остатки домашней собаки, по величине несколько более крупной, чем современный шпиц, известны из городища близ Лабенщины. Найдена нижняя челюсть с зубами и обломки длинных костей конечностей.

Присутствие домашней собаки в поселениях может быть установлено также по следам их погрызов на костях животных из кухонных отбросов.

ЛИСИЦА ОБЫКНОВЕННАЯ

Найдена в городищах Кимия и Лабенщина.

Лисица населяет сильно разреженные сухие леса, перемежаемые лугами и полянами, долины рек, окрестности деревень. Роет норы, но иногда использует норы других животных, например барсука. Ценна для человека своим мехом.

Все остатки лисицы из городищ Кимия и Лабенщина или, во всяком случае, большая часть их, по-видимому, являются не современными этим поселениям. Лисицы могли попадать в почву в более позднее время через норы и там погибать. Во всяком случае, некоторые кости лисицы сильно отличаются по степени своей сохранности от остальных костей из поселений: они более прочны и светлы по окраске.

ДОМАШНЯЯ КОШКА¹

Большой интерес представляет находка в городище близ Лабенщины остатков мелкой кошки, которая была определена авторами как домашняя.

По данным А. Г. Митрофанова, кости кошки были найдены на южном краю городища на глубине свыше полметра в песчано-углистом слое, среди древних мусорных отбросов. Последние перекрывались супесчаным насыпным горизонтом, в котором обнаружены остатки оборонительной стены. Проникновение остатков кошки в древний песчано-углистый слой в более позднее время через норы лисиц или барсуков исключается, так как следов таких нор в этом слое на данном участке раскопа замечено не было².

Остатки кошки из Лабенщины представлены следующими костями:

1) правая локтевая кость молодой особи. Сохранилась не полностью: локтевой бугор (*tuber olecrani*) несколько разрушен, крючковидный отросток (*processus coracoideus*) и отросток венечный (*processus coronoideus*) обломаны. Отсутствует также дистальный эпифиз. Кость алая, ткань рыхлая и губчатая;

2) левая половина нижней челюсти с одним коренным зубом М₁. Остальные зубы не сохранились. Челюсть принадлежит вполне взрослой особи. Об этом свидетельствует плотная

¹ Раздел о домашней кошке написан И. Г. Прониной и является частью подготавливаемой ею специальной статьи по вопросу о происхождении домашней кошки на территории СССР.

² Следы нор барсуков и лисиц были обнаружены на данном участке раскопа лишь в более глубоких слоях почвы.

костная ткань челюсти и хорошо выраженная скульптура ее поверхности, а также степень развития коренного зуба с несколько истертым режущим краем (рис. 4).

Ввиду плохой сохранности локтевой кости последняя не могла быть использована для детального сравнительного исследования, и все наши выводы сделаны на основании изучения нижней челюсти.

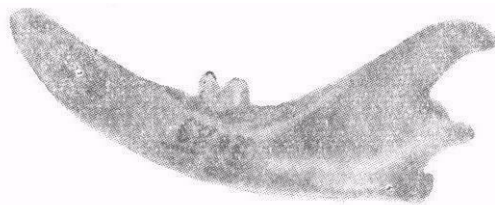

Рис. 4.

В качестве сравнительного материала нами были взяты нижние челюсти современных домашних кошек из Ленинграда, домашних кошек из старой Москвы (XIII—XV вв.), Новгорода (XIII—XIV вв.), из города Белая Вежа (Саркел, X—XII вв.), а также челюсти дикой лесной кошки (*Felis sylvestris* Sch.)¹.

Лесная дикая кошка населяет лесные области Центральной и Южной Европы, а также Малой Азии. На территории СССР она в настоящее время встречается на Кавказе, в южной части Урала и в Карпатах. Однако в прошлом ареал распространения этой кошки был более широким. Так, еще два—три десятилетия назад лесная кошка встречалась в плавневых лесах низовьев Днестра в Одесской области и в лесах Каменец-Подольской и Житомирской областей (Корнеев, 1952).

В литературе имеются указания, что в прошлом столетии лесная кошка была известна в Прибалтике, в пределах Белозерского уезда Новгородской губернии, Вытегорского уезда Олонецкой губернии, Шенкурского уезда Архангельской губернии, в Павловском уезде Воронежской губернии, в Калужской губернии (Огнев, 1935). Цалкиным (1952) описан череп дикой лесной кошки, найденный при раскопках в Пскове (культурные слои XI—XV вв.).

В Белоруссии лесная дикая кошка в настоящее время истреблена полностью, хотя еще в начале XX в. она встречалась там довольно часто. По данным Федюшина (1929), в Борисовском районе БССР экземпляр этой кошки был убит в 1927 г.

По размерам дикая лесная кошка крупнее домашней. Так Сатунин (1914) указывает, что дикая форма приблизительно

¹ Черепа кошек из старой Москвы и из Новгорода были любезно предоставлены нам для работы В.Н. Цалкиным.

на одну треть больше домашней, голова и туловище короче и толще.

По данным Миллера (1912), краниологические различия между дикой лесной и домашней кошками крайне невелики и ограничиваются главным образом размерами. Особенно показательным в этом отношении, хотя и трансгрессивным, признаком служит, по его мнению, величина зубов. К подобным же выводам приходит и Цалкин (1952) в результате исследования черепов кошек из древнего Пскова.

Ниже приводится таблица абсолютных размеров нижних челюстей различных кошек.

При сравнении абсолютных размеров челюсти кошки из Лабенщины и челюстей домашней и дикой лесной кошек того же возраста обращают прежде всего внимание небольшие размеры экземпляра из Лабенщины. Эта кошка мельче не только дикой лесной кошки, но и большинства исследованных нами домашних кошек.

Кошка из Лабенщины характеризуется сильно укороченной лицевой частью черепа и слабо развитой по сравнению с диким лесным видом зубной системой. Чтобы нагляднее показать эти особенности, ниже приводим несколько индексов.

Приняв во внимание небольшие размеры кошки из Лабенщины, а также слабо развитую зубную систему, мы имеем основание отнести эту кошку к домашней форме.

Более слабое развитие зубов домашних кошек становится понятным, если учесть, что эти животные получают часто готовую и уже размягченную пищу (вареное мясо и рыбу, молоко), а если и охотятся на живую добычу, то исключительно на мелких животных (грызунов, мелкую птицу). Наоборот, дикие лесные кошки охотятся только за живой добычей, поедая как мелких грызунов и птиц, так и крупных животных. Иногда они нападают на молодых косуль и благородных оленей, которым вскакивают на спину и перегрызают горло (Бобринский, 1932).

Находка остатков домашней кошки в поселении Лабенщина не является единственной. Так, В. И. Громов (1930) отмечает присутствие костей мелкой кошки, которую он определяет как домашнюю (?) в верхних слоях городища близ д. Лахтеево Смоленской области.

По данным В. И. Громова, это городище относится к VI—VIII вв. Однако А. Г. Митрофанов считает его более древним и отождествляет по времени с городищем близ Лабенщины.

Наиболее древние остатки домашней кошки известны из Египта, где это животное было одомашнено, по-видимому, еще за 2000 лет до н. э.

В Европе домашняя кошка появилась в самом начале нашей эры и ее древнейшие остатки были обнаружены на тер-

ритории СССР при раскопках греческой колонии Ольвии на юге Украины (Пидопличко, 1952). Возраст этих находок около 2000 лет назад.

В Италии домашняя кошка получила распространение в I—II вв. н. э. В Венгрии кости домашней кошки найдены в могильнике, относящемся к IV — V вв. (Клетт и Гольдгоф, 1911). В Германии кошка становится известной только в VIII в., а в Англии она была редка еще в X в. (Пококк, 1907; Келлер, 1913).

Что касается происхождения домашней кошки, то этот вопрос до настоящего времени не является окончательно разрешенным. Предком египетской домашней кошки была, по-видимому, так называемая нубийская, или буланая дикая кошка (*Felis maniculata*) из Африки (Нубия, Судан, Абиссиния и т. д.).

На территории Турции, Ирана, Афганистана, Азербайджана, Советской Средней Азии, а также Китая, Монголии распространена так называемая степная, или пятнистая кошка (*F. ornata* Gray s. *F. ocreata* Gmelin.). Последняя чрезвычайно близка к африканской буланой кошке, и некоторыми исследователями обе формы даже отождествляются.

Из Египта домашняя кошка была завезена, очевидно, человеком в Южную Европу, откуда она постепенно начала распространяться дальше. Возможно также, что в Азии имело место одомашнение дикой степной кошки.

Появление в первые века н. э. домашней кошки в лесных городищах Восточной и Северо-Восточной Европы не может быть объяснено привозом ее туда из Египта или из Южной Азии. Распространение домашней кошки происходило относительно медленно, и трудно допустить, что она уже в первые века н. э. могла достигнуть поселений, расположенных в глухих непроходимых лесах, в стороне от торговых путей. Вернее предположить, что в этих городищах существовала кошка, полученная путем одомашнения местной лесной дикой формы. Во всяком случае этот вопрос может быть решен окончательно только при наличии большой серии скелетов или хотя бы черепов кошек из городищ Восточной Европы.

В литературе имеют место высказывания по поводу возможности происхождения домашней кошки не только от африканской дикой кошки, но и от дикой европейской формы.

Так, Л. С. Берг (1951, стр. 55) говорит, что можно «высказать предположение, что европейские домашние кошки происходят от европейской дикой кошки, подобно тому как африканские домашние—от африканских диких. В области Средиземного моря могли скрещиваться домашние кошки как европейского, так и африканского происхождения».

Промеры	Лабенщина, IV—V вв.	Домаш			
		Белая Вежа, X—XII вв.			
		№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Длина челюсти от переднего края альвеол резцов до венечного отростка	53,6	62,5	57,6	57,6	63,0
Длина челюсти от переднего края альвеол резцов до суставного отростка	51,0	62,3	55,5	54,7	61,1
Длина челюсти от переднего края альвеол до углового отростка	51,1	61,6	54,4	54,0	60,4
Длина коренных	17,8	18,8	17,9	18,0	19,9
Длина хищного зуба	5,9	6,9	6,9	7,6	7,8
Длина диастемы	5,6	8,8	6,5	6,5	7,1
Диаметр альвеолы клыка	4,0	5,6	4,1	4,7	6,3
Наибольшая толщина челюсти	5,6	5,5	4,3	4,9	5,7

Индексы	Лабенщина, IV—V вв.	Домаш					
		Белая Вежа, X—XII вв.				Новгород, XIII— XIV вв.	
		№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 1	№ 2
1) Отношение длины альвеолярного ряда к длине челюсти от ее переднего края до венечного отростка (в %)	33,2	30,1	31,0	31,2	30,0	30,5	28,8
2) Отношение длины M_1 к длине челюсти от ее переднего края до венечного отростка (в %)	12,3	11,0	11,8	13,2	10,9	11,9	10,5
3) Отношение длины M_1 к длине диастемы (в %)	105,4	78,4	106,0	117,0	88,0	103,0	107,0

Таблица 3

КОШЕК														
НЯЯ КОШКА										Дикая лесная кошка				
Новгород, XIII—XIV вв.			Москва. XIII—XV вв.				современная из Ленинграда							
№ 1	№ 2	№ 3	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	ЗИН 16213	ЗИН 9468	ЗИН 9467	ЗИН 9363	ЗИН 9343	ЗИН 9344	ЗИН 9426	ЗИН 1401
56,4	31,0	61,0	58,0	58,2	61,4	59,3	54,5	57,9	68,9	60,3	68,9	62,3	60,0	66,3
55,2	57,5	59,1	53,2	56,3	58,7	55,0	54,2	55,0	67,0	60,8	68,1	61,6	56,9	63,9
55,2	—	59,1	53,5	56,2	58,6	55,1	54,2	56,4	68,2	60,2	70,6	62,1	56,2	65,8
17,2	17,6	18,2	17,0	17,9	19,0	17,3	17,5	20,5	19,7	18,5	23,9	21,4	21,4	22,3
6,7	6,4	6,2	6,7	6,5	7,3	6,2	6,4	8,0	7,5	6,6	9,6	8,6	8,9	8,9
6,5	6,0	7,3	5,5	6,0	6,1	6,2	6,4	5,5	8,0	7,9	6,9	7,0	5,0	6,9
3,8	5,4	5,0	4,0	4,9	5,0	4,0	3,1	5,3	6,0	5,0	6,3	5,0	5,0	6,4
5,0	5,0	5,3	4,7	5,1	6,0	4,6	5,1	5,6	7,2	5,5	6,3	5,4	5,0	6,2

Таблица 4

ная кошка										Дикая лесная кошка			
Москва, XIII—XV вв.					современная из Ленинграда								
№ 3	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	ЗИН 16213	ЗИН 9468	ЗИН 9367	ЗИН 9363	ЗИН 9343	ЗИН 9344	ЗИН 9426	ЗИН 1411	
29,8	29,3	30,7	30,9	29,1	32,1	31,3	28,6	30,6	34,7	34,4	35,7	33,6	
10,2	11,5	11,2	11,9	10,4	11,7	13,8	10,9	10,9	13,9	13,8	14,8	13,4	
85,0	122,0	95,0	111,0	100,0	100,0	—	73,7	83,6	139,0	123,0	178,0	129,0	

Животные, остатки которых были найдены при раскопках городищ у Новоселок, Кимии и Лабенщины, могут быть разделены на две группы: диких и домашних.

Среди диких животных мы имеем представителей, характерных для лесного ландшафта (бурый медведь, лесная куница, белка, лось, глухарь, тетерев и др.). Однако некоторые из животных характерны не только для сплошных лесных массивов (смешанных или лиственных), но и для лесов, перемежающихся незначительными открытыми пространствами (благородный олень, косуля, лисица, барсук и др.). Наличие таких животных, как бобр, выдра, лось, может служить указанием на присутствие водоемов: реки или озера.

Таким образом, видовой состав диких животных, найденных при раскопках, позволяет в какой-то мере восстанавливать физико-географические условия времени существования поселений.

Охота на диких животных играла немаловажную роль для человека из древних городищ и служила дополнительным источником получения мяса, меха, кожи, рогов и костного материала. В поселении Лабенщина имел место также промысел пушного зверя (лисица, выдра, куница, хорек, белка, барсук).

Подсечное земледелие, существовавшее у жителей лесных поселений, при относительно низком уровне развития производительных сил и большой трудоемкости самого процесса обработки участков для посевов не могло являться постоянным и надежным источником существования. Отсутствие же достаточного количества хороших пастбищ в лесных условиях ограничивало до некоторой степени развитие животноводства, и оно поэтому не могло полностью обеспечить потребности населения. Этим, по-видимому, и объясняется та большая роль, которую, наряду с земледелием и животноводством, играла охота в жизни обитателей лесных городищ.

ЛИТЕРАТУРА

Берг Л. С. Несколько замечаний о происхождении домашней кошки. «Природа» № 12, 1951, стр. 53—55.

Бибикова В. И. 1950, Фауна Пекунского городища. Материалы и исследования по археологии СССР, № 13, стр. 133—147.

Бобринский Н. А. Дикie кошки СССР. «Пушные звери СССР» № 14, 1932, стр. 1—47.

Ветуляни Т. 1952, Проблема тарпана на фоне новейших работ Академии наук СССР по истории лошадей в Старом Свете. «Зоологический журнал», т. XXXI, в. 5, стр. 727—735.

Громов В. И. 1930, Аб фауне гарадзішч БССР і Смаленскай губ. Зап. аддзелу гуманіт. навук, кніга II. Працы Археалагічнай Камісіі Беларускай Акадэміі навук, т. II, стр. 213—217.

- Громова В. И. 1931, 'Первобытный бык, или тур (*Bos primigenius* Boj) в СССР. Ежегодник зоологического музея Академии наук СССР, т. XXXII, № 3, стр. 293—342.
- Келлер К. 1913, Происхождение наших домашних животных, Петербург.
- Клетт и Гольдгоф. 1911, Наши домашние животные, Петербург.
- Корнеев О. П. 1952, Визначник звірів УССР, Киев, стр. 1—216.
- Миллер Г. 1912 (Miller). Catalogue of the Mammals of western Europe. London), стр. 1—1019.
- Новиков Г. А. 1951, Отряд хищных (*Garni vora*). В книге Доппельмаира Г. Г., Мальчевского А. С. Новикова Г. А. и Фалькенштейна Б. Ю., «Биология лесных зверей и птиц».
- Огнев С. И. 1935, Звери СССР, т. III, Хищные и ластоногие.
- Пидопличко И. Г. 1952, Похождения свійських тварин. Киев.
- Пококк Р. 1907 (Pocock). On English domestic Cats. Proc. Zool. Soc. London, стр. 143—168.
- Сатунин К. А. 1914, Определитель млекопитающих Российской Империи, в. I, Рукокрылые, насекомоядные и хищные, Тифлис, стр. 1—184.
- Сержанин И. Н. 1951, Формирование фауны млекопитающих Белоруссии в послеледниковый период. Сборник научных трудов Института биологии Академии наук БССР, в. II, стр. 96—111.
- Федюшин А. В. 1929, Динамика и географическое распространение охотничьей фауны БССР. Минск, стр. 1—80.
- Флеров К. К. 1952, Кабарги и олени. Фауна СССР. Млекопитающие, т. I, в. 2, стр. 1—255.
- Цалкин В. И. 1951, Об аборигенном олене Западной Белоруссии. ДАН СССР, т. I, XXVII, № 3, стр. 521—523.
- Цалкин В. И. 1952, О распространении дикой кошки в историческое время. «Зоологический журнал», т. XXXI, в. 2, стр. 326—328.
-

В. Р. ТАРАСЕНКО

ДРЕВНИЙ МИНСК

(по письменным источникам и данным археологических раскопок 1945—1951 гг.)

ГЛАВА I

ДРЕВНИЙ МИНСК ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

1. Первые известия о Минске.

Вопрос о местонахождении его в XI в.

Минск—один из древних городов Белоруссии. До недавнего прошлого обстоятельства и время возникновения города оставались неясными и вызывали у историков споры и разногласия.

Причиной этого является крайняя скудость письменных сведений о древнем Минске. До начала археологических раскопок Институтом истории Академии наук БССР на минском Замчище, т. е. до осени 1945 г., в распоряжении историков имелось лишь несколько кратких упоминаний о Минске в древнерусских летописях. Самое раннее из них относится к 1067 г. Под этим годом летопись повествует о взятии и разрушении князьями Ярославичами—тогдашним киевским великим князем Изяславом и его братьями Святославом Черниговским и Всеволодом Переяславским—Минска, принадлежавшего в то время полоцкому князю Всеславу Брячиславичу. Всеслав вел длительную вооруженную борьбу с Ярославичами. Эта борьба, ставшая традиционной для всех полоцких Изяславичей, являлась ярким выражением княжеских усобиц и уже начавшегося процесса феодального дробления Древнерусского государства.

В летописи об этом событии рассказывается в следующих выражениях: «В лето 6575 (т. е. 1067 г.—В. Т.) заратися Все'слав, сын Брячиславль, Полочъске, и зая Новъгород. Ярославичи же триє,—Изяслав, Святослав, Всеволод,—совокупивше вой, идоша на Всеслава, зиме суци велице. И придоша ко

Меньску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менеск, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты, и поидоша к Немизе, и Всеслав поиде противу. И совокупишася обои на Немизе, месяца марта в 3 день; и бяша снег велик, и поидоша противу собе. И бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеша Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа. По семь же, месяца нуля в 10 день, Изяслав, Святослав и Всеволод, целовавше крест честный к Всеславу, рекше ему: «Приди к нам, яко не створим ти зла». Он же, падеявсья целованью креста, перееха в лодьи черес Днепр. Изяславу же в шатер предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолинська, преступивше крест. Изяслав же привед Всеслава Киеву, всади и в поруб с двема сынома».¹

В этом летописном отрывке мы находим изложение основных событий, развернувшихся в процессе борьбы полоцкого князя Всеслава с тремя братьями Ярославичами на территории Минска и в его окрестностях. Борьба эта завершилась сначала поражением и бегством Всеслава, а затем захватом его Ярославичами.

В отрывке не указывается точного места битвы, происшедшей между войсками Всеслава и братьев Ярославичей. Ничего не сказано в летописи относительно того, куда направился Всеслав после поражения в битве «на Немизе».

Летописный текст не дает еще права говорить, относится ли выражение «поидоша к Немизе» к реке или к населенному пункту.

Исходя только из летописного текста, трудно решить, тождественна ли Немига, как называется небольшая речка, впадающая в Свислочь на территории современного Минска, с летописной Немизой.

Наконец, летописный текст не дает никаких, указаний на то, откуда пришел к месту битвы Всеслав.

Это заставило историков привлечь для изучения и такой исторический источник, как выдающееся художественное произведение Древней Руси «Слово о полку Игореве», написанное спустя около 120 лет после событий, о которых рассказывает летопись.

Несмотря на неодновременность написания летописного текста и «Слова о полку Игореве», автор «Слова» обнаруживает прекрасное знакомство с историческими фактами, о которых рассказывается в летописи. Что касается вопроса о тождественности Немиги с Немизой, то приходится признать, что язык, которым говорили в Древней Руси, за несколько десятилетий, отделяющих время написания летописного тек-

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевской летописи, ч. I, изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 111—112.

ста от времени написания «Слова о полку Игореве», не мог коренным образом измениться.

В тексте «Слова» говорится, что полоцкий князь, взяв Новгород, «расшибе славу Ярославу, скочи вълком до **Немиги** с Дудуток». Дальше, в описании самой битвы говорится:

«На Немизе снопы стелют головами, молотят чеи харалужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. **Немизе кровави брезе**, не бологом бяхуть посеяни, посеяни костью русских сынов»¹.

В приведенном отрывке «Слова» изменение в корне слова звука «г» на «з» (Немиги в родительном падеже, Немизе в предложном) закономерно и вполне отвечает нормам древнерусского языка. Поэтому можно отождествлять Немигу с Немизой. Судя по словам «Немизе кровави брезе», в «Слове», Несомненно, говорится о реке, на берегах которой разыгралась битва Всеслава с братьями Ярославичами.

Однако это еще не дает права отождествить Немигу «Слова» с нынешней речкой Немигой в Минске.

Текст летописи говорит, что Ярославичи после взятия и разрушения ими Минска «поидоша к Немизе». Современная Немига течет в пределах теперешнего Минска и впадает в Свислочь в границах наиболее древней части города. Таким образом, Ярославичам после взятия Минска идти к Немиге не было нужды, так как, взяв город, они уже находились на обоих ее берегах.

Создается положение, при котором историк, пытающийся разрешить этот вопрос, становится перед необходимостью признать, что либо Немига «Слова о полку Игореве» не имеет ничего общего с небольшой речкой (по существу, ручейком), впадающей в Свислочь в центре старого Минска, либо древний Минск находился в XI в. где-то в другом месте.

Некоторые историки, признавая, что современный город вырос из древнего летописного Меньска, искали летописную Немигу значительно севернее. По их предположению, встреча войска Всеслава полоцкого с войском Ярославичей должна была произойти на пути движения Всеслава от Новгорода, куда и дошла до него весть о походе Ярославичей на Минск,

Правда, в «Слове о полку Игореве» имеется указание, откуда пришел к месту сражения Всеслав: «... скочи вълком до Немиги с Дудуток». Однако где находились эти Дудутки, в точности неизвестно. К. В. Кудряшов² предложил такое решение вопроса о местонахождении Дудуток «Слова».

Анализируя приведенный выше отрывок из «Слова», в котором упоминаются Дудутки, К- В. Кудряшов приводит

¹ «Слово о полку Игореве», изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 25.

² Кудряшов К. В. Половецкая степь. Записки Всесоюзного географического общества, новая серия, т. 2, 1948.

целый ряд названий поселений, расположенных недалеко от Минска и сходных по корню с Дудутками: Дуды на север от Новогрудка; Дуды в районе среднего течения Березины, притока Немана; Дудичи на р. Птичь (в 40 км южнее Минска); Дудичи к северу от Мозыря, на р. Ненач. Но, по мнению К. В. Кудряшова, ни один из этих географических пунктов нельзя отождествить с дудутками «Слова», поскольку все они либо находились за западными пределами Полоцкого княжества при Всеславе Брячиславиче (оба поселения Дуды), либо были расположены к югу от Минска (оба поселения Дудичи).

«Между тем,—пишет К. В. Кудряшов, — по ходу событий Всеслав полоцкий после захвата Новгорода должен был идти к Немиге (т. е. к Минску) с севера. Следовательно, Дудutki необходимо искать к северу от Минска. Правильнее поэтому признать мнение о том, что Дудutki — местечко близ Новгорода, где в карамзинское время был монастырь, называвшийся «на Дудутках»¹.

Как уже указывалось автором ², часть прежних русских историков (Карамзин, Татищев, Арцыбашев) полагали, что летописная Немига — не что иное, как Неман. Другие (Неволин, Надеждин) предлагали искать летописную Немигу к северу от Минска, называя либо р. Неманицу близ г. Борисова, либо р. Немойту близ г. Сенна.

Считая, что Всеслав Брячиславич во время похода Ярославичей на Минск находился под Новгородом или под Полоцком, куда он мог возвратиться после взятия Новгорода для пополнения своей дружины (т. е. в обоих случаях севернее Минска), эта группа историков предполагала, что встреча дружины Всеслава с войсками Ярославичей обязательно должна была произойти к северу от Минска.

Все перечисленные историки, считая возможным признавать, что летописный Минск находился там же, где расположен современный город, искали летописную Немигу в другом месте.

Впрочем, можно указать, что среди историков были и такие, как В. Е. Данилевич, которые пытались согласовать данные летописи с данными «Слова о полку Игореве». Признавая, что местонахождение древнего Минска совпадает с расположением современного города под этим названием и что речка Немига, упоминаемая в этих источниках, тождественна с минской Немигой, В. Е. Данилевич высказал лишь новое

¹ Кудряшов К. В. Половецкая степь, стр. 79—80.

² Тарасенко В. Р. К истории города Минска (на основе археологических раскопок минского Замчища 1945—1948 гг.), «Изв. АН БССР» № 6, 1948, стр. 38.

соображение о возможности существования, наряду с рекой, также и поселения, носившего название Немиги¹.

Однако эта попытка не была убедительной и не могла внести ясность в разбираемый вопрос.

В 30-х годах XX в. историк А. Н. Ясинский, исходя из отсутствия в Минске находок материальных остатков древнее XVI — XVII ст.ст., выдвинул гипотезу, что древний Минск первоначально возник километрах в пятнадцати к западному-западу от современного Минска — у теперешней деревни Городище Строчицкого сельсовета Минского района.

Здесь, на правом берегу небольшой р. Менска, километрах в 2 от впадения ее в р. Птичь, до настоящего времени сохранилось большое раннефеодальное городище XII — XIII вв. Это городище упоминается в документе приблизительно 1580 г.

Название р. Менка, а по ней и города Менск историк А. Н. Ясинский связывал со словом «мена» (летопись, как известно, Минск называет Менском, Меньском или Менеском). Гипотеза А. Н. Ясинского стала широко известной среди белорусских историков и археологов. Некоторым она казалась правдоподобной, тем более что до Отечественной войны неоднократные попытки археологов найти вещественные доказательства существования в районе впадения Немиги в Свислочь центра древнерусского «града» оказались безрезультатными.

Решить спор о месте расположения древнего Минска возможно было лишь путем организации в районе впадения Немиги в Свислочь систематических археологических раскопок, которые и велись Институтом истории Академии наук БССР в 1945—1951 гг.

Прежде чем говорить о результатах этих раскопок, необходимо выяснить ряд других вопросов, связанных с древними Минском и Немигой, а также отметить главнейшие упоминания в летописи, связанные с событиями из истории древнего Минска после 1067 г.

По вопросу о Немиге К. В. Кудряшов отмечает, что в районе Минск—Киев имеются реки, которые по своим названиям близки к Немиге или Немизе; таковы, например, названия рр. Неман и Немигелька (впадает справа в р. Птичь в среднем ее течении).

Однако К. В. Кудряшов отмечает, что если отождествлять Немигу с Неманом, до верховьев которого около 50 км на юг от Минска, то это будет противоречить летописным данным. Ведь по смыслу летописного рассказа, Ярославичи вышли из Минска не для того, чтобы уклониться от столкновения с

¹Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия, Киев, 1896.

Всеславом путем удаления от него на юг к Неману, а, наоборот, двинулись навстречу полоцкому князю, который быстро шел по направлению к Минску с севера, от Новгорода или Полоцка. Если же Немигой считать Немигельку, то и в этом случае придется предположить, что Ярославичи отступили перед Всеславом от Минска к югу. В действительности же Ярославичи стремились к решительной встрече с полоцким князем и к его разгрому, как это явствует из рассказа о последующих событиях, вплоть до взятия в плен Всеслава.

В заключение К. В. Кудряшов пишет: «Гораздо больше оснований отождествить с Немигой «Слова» ту самую реку Немигу, которая является притоком реки Свислочи и на обоих берегах которой расположен Минск»¹.

Правда, в настоящее время Немига представляет собою небольшой ручей, который только в половодье становится более многоводным, пополняясь потоками, стекающими в него со всех сторон. Интересно, что в актах г. Минска начала XVII в. упоминаются Немига и Немизская улица².

Однако сами по себе небольшие размеры современной Немиги не должны служить препятствием к признанию ее тождества с рекой, которую летопись и «Слово о полку Игореве» отметили как место кровопролитной битвы войска Ярославичей с войском Всеслава Брячиславича. Следует напомнить также замечание, высказанное по этому поводу В. Е. Данилевичем еще в 1896 г., который писал, что судить о величине прежней Немиги по тому, что осталось от нее теперь, нельзя и можно предположить, что эта почти высохшая речонка прежде была больше³.

И теперь, хотя Немига еще в 20-х годах XX в. была заключена в деревянную трубу, вывод которой сделан у моста через Свислочь, сохранилось и хорошо заметно старое русло, впадающее в Свислочь, метрах в 100—150 к северу.

Вместе с тем упоминание в летописи при описании битвы 1067 г. между Всеславом и Ярославичами на Немизе (т. е. Немиге) может служить подтверждением того, что эта битва происходила не в месте впадения Немиги в Свислочь, т. е. не в пункте, где расположен был детинец летописного «града» Меньска. В противном случае, естественно, в описании летописью этой битвы фигурировала бы не Немига, а более крупная р. Свислочь.

Следовательно, если считать современную Немигу тождественной с летописной, остается признать, что битва, о кото-

¹ Кудряшов К. В. Очерк истории Полоцкой земли... стр. 79.

² Россия, т. IX, стр. 142; Труды Московского предварительного Комитета (к IX Археологич. с-ду), стр. 233—234; Собрание древних грамот и актов городов Минской губ., 1848.

³ Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли...

рой рассказывается в летописи, произошла не в устье Немиги, а где-то выше по ее течению.

Вот почему, если даже войска Ярославичей первоначально и находились в устье Немиги, выражение летописца «поидоша к Немизе» может объясняться вовсе не как их движение к устью этой реки, но как переход его к среднему и верхнему ее течению на расстоянии 2—3 км от города. Услышав о приближении Всеслава, Ярославичи, уже взяв Минск, должны были двинуться навстречу, и столкновение обеих ратей могло произойти вблизи Минска на берегах Немиги, но выше Минска по ее течению.

Вопрос о происхождении названия города Минск поднимался уже давно. П. М. Шпилевский в работе «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» указывает, что народное предание относит возникновение Минска к глубокой древности, то считая основателем его некоего Минча или какого-то богатыря Менеска, от которых город будто-бы и получил свое название, то сближает название Минска с словом «мена», откуда возникший здесь потом город получил название Менска, переделанное со временем в Минск.

Наконец, П. М. Шпилевский приводит третье предположение, что свое название Минск получил от р. Немига, при впадении которой в р. Свислочь он расположен. Название этой реки в древности могло произноситься Менига, от которого и произошло слово Менск и, наконец, Минск¹.

Наименование поселений по названиям рек в славянских странах встречается нередко. В связи с этим нужно указать на одно любопытное обстоятельство: значительное количество городов как в Белоруссии, так и за ее пределами расположено у устьев малых рек, при их впадении в более крупные. При этом наблюдается совпадение названий городов с корнями названий не крупных, а именно этих небольших речек. Примеров подобного рода можно привести очень много. Ограничимся только несколькими, наиболее известными в БССР: м. Чечерск на р. Чечера, при ее впадении в Сож; г. Пинск на р. Пина, вблизи ее впадения в Припять; г. Полоцк на р. Полота, у ее впадения в Западную Двину; г. Витебск на р. Витьба, при ее впадении в Западную Двину; г. Бобруйск на р. Бобруйка, при ее впадении в Березину.

В свете этих фактов новое значение приобретает изложенная выше старая догадка о связи наименования Минска (в древности Менеска или Менска) с названием р. Немига.

Относительно данных топонимики, в которых фигурирует корень слова «мен», А. Н. Ясинский в его утраченной в на-

¹ Шпилевский П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю, СПб, 1858, стр. 124—126.

стоящее время рукописи указывал, что возле городища у д. Городище Строчицкого сельсовета протекает р. Менка. В другом месте своей рукописи он высказывает предположение, что «могла существовать и другая Менка, впадавшая в Свислочь». Относительно Немиги А. Н. Ясинский, ссылаясь на Воскресенскую летопись¹, указал, что между Оршею и Друцком по старинному географическому отрывку поставлен город Немига (в отрывке «Немиза»). Относительно же первоначального названия Немиги А. Н. Ясинский также высказывает догадку, что этим ранним наименованием была Менига, а может быть, Минега (?)².

Возникает вопрос, почему же в таком случае названия городов, стоящих в устьях малых рек при их впадении в более крупные, совпадают, как правило, с наименованиями мелких речек, а не тех больших рек, в которые эти малые реки впадают? По-видимому, это объясняется тем, что нельзя было назвать город по имени крупной реки, так как в этом случае на ней неизбежно оказалось бы несколько городов с одинаковыми наименованиями.

Остается разобраться со второй догадкой о связи названия города и речки со словом «мена», так как третье объяснение происхождения названия города от каких-то легендарных богатырей Минча или Менеска явно надуманно и неправдоподобно.

Выше уже указывалось, что в IX — XIII вв. ныне даже пересохшие речки были более глубокими и полноводными. Устья мелких рек при их впадении в более крупные образовывали естественные заливы, представлявшие собою удобные пристани для стоянки лодок с товарами. Эти пристани, естественно, сопровождалась складскими помещениями, в ближайшем соседстве с которыми возникали и пункты обмена, т. е. создавался рынок, селились ремесленники и князь или боярин, вообще крупный феодал создавал свой укрепленный двор (детинец, кремль). Это — известная картина образования ремесленных и торговых центров или, иными словами, древних городов. Она вполне согласуется с тем, что нам известно о древнем Минске, в частности с характером местности и с очертаниями течений минских рек, при слиянии которых возник город. Из прежних историков о реках как о путях сооб-

¹ ПСРЛ, т. VII, Летопись по Воскресенскому списку, СПб, 1856, стр. 240.

² Резюме рукописи труда акад. А. Н. Ясинского «Менск—Немига—Дудutki», сделанное К. М. Поликарповичем в 1937 г. Рукопись хранилась в Институте истории АН БССР и погибла во время немецко-фашистской оккупации Минска в 1941—1944 гг.

щения в Полоцкой земле (в древности) писали В. Е. Данилевич¹ и Н. П. Барсов².

Свислочь, входящая в систему рек Днепровского бассейна и приближающаяся своими верховьями к бассейну Немана, могла быть использована в качестве одного из таких торговых путей. Н. П. Барсов³ прямо указывает на Минск как на один из порубежных городов Полоцкого княжества. Такое положение Минска не могло не усиливать его торгового значения.

Во всяком случае совершенно ясно, что в XI—XIII ст.ст. Минск был городом, связанным как водными, так и сухопутными путями с такими важными центрами Древней Руси, как Киев, Полоцк, Смоленск (через Оршу), а также Туров, Пинск, Гродно (Гродно).

2. ЛЕТОПИСНАЯ ИСТОРИЯ МИНСКА В XII И XIII вв.

Поскольку первое упоминание о Минске относится к 1067 г., когда летопись повествует о взятии и разрушении Минска Ярославичами, имеются все основания предполагать, что возникновение города относится к более раннему времени.

После разрушения в 1067 г. Минск, по-видимому, сравнительно быстро оправился, особенно по возвращении князя Всеслава Брячиславича, начавшего опять владеть своей «отчиной». Однако период мирного развития города продолжался недолго. В 1084 г. Минск за нападение Всеслава на Смоленск вновь подвергается опустошению со стороны Владимира Мономаха. По свидетельству летописи, в городе не осталось «ни челядина, ни скотины»⁴.

Всеслав Брячиславич умер в 1101 г. Летопись отмечает его кончину словами: «В лето 6609 (1101 год) преставися Всеслав, полоцкий князь, месяца априля в 14 день, в 9 часе, в среду»⁵.

После смерти Всеслава Брячиславича Полоцкое княжество раздробилось на уделы. Меньск достался одному из сыновей Всеслава — князю Глебу. С этого времени город становится столицей особого удельного княжества.

Однако распад Полоцкого княжества не прекратил давней взаимной вражды киевских князей Ярославичей и потомков князя Изяслава Полоцкого, соединенной с обоюдным стремлением к расширению своих владений. К 1104 г. относится сви-

¹Данилевич В. Е. Пути сообщения Полоцкой земли до конца XIV столетия. Юрьев, 1898.

²Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии, Варшава, 1885.

³Там же, стр. 134.

⁴«Повесть временных лет» по Лаврентьевской летописи, ч. I, стр. 160.

⁵Там же, стр. 182.

детельство летописи о первом столкновении Глеба Всеславича с Ярославичами в лице тогдашнего киевского великого князя Святополка Изяславича. Летопись рассказывает о событиях 1104 г.: «В лето 6612 (1104)... Сего же лета исходяща, посла Святополк Путятю на Менеск, а Володимер сына своего Ярополка, а Олег сам иде на Глеба, поемше Давыда Всеславича; и не успеха ничто же, и възвратишеся опять»¹.

Глеб Всеславич удержался на минском «столе» не более восемнадцати лет. Летопись так повествует о причинах и обстоятельствах падения Глеба: «В лето 6624 (1116). Приходи Володимер (Мономах, великий князь киевский. — В. Т.) на Глеба (Глеб Всеславич, князь минский.—В, Т.): Глеб бо бяше воевал дреговичи и Случеск пожег, и не каяшеться о сем, ни покоряшеться, но боле противу Володимеру глаголюще, укаряя и. Володимер же... поиде к Меньску² с сынми своими и с Давыдом Святославичем, и Олговичи. И взя Вячеслав Ръшю (Оршу) и Копысу, а Давыд с Ярополком узя Дрютеск (Друцк) на щит, а Володимер сам поиде к Смоленску; и затворися Глеб в граде. Володимер же нача ставити исьбу у товара (товар—укрепленный стан, лагерь. — В. Т.) своего, противу граду. Глебови же, узрившю, оужасеся сердцем, и нача ся молити Глеб Володимеру, шля от себе послы. Володимер же съжали си темь, оже проливашеться кровь в дньи постыныя великого поста, и вдасть ему мир. Глеб же, вышед из города с детми и с дружиною, поклонися Володимеру и молвиша речи о мире, и обещася Глеб по всему послушати Володимера. Володимер же, омирев Глеба и наказав его о всем, вдасть ему Менеск, а сам възратися Киеву»³.

Анализируя этот летописный отрывок, можно сделать следующие выводы: города Орша, Копысь и Друцк были в то время уже укреплены и принадлежали к владениям минского князя; в 1116 г. Минск наравне с такими городами, как Друцк, Орша и Копысь, политически тяготел к Полоцку, так как князь Глеб Всеславич был посажен на минский стол полочанами, и все три города также входили в то время в состав Полоцкой земли; наконец, от Смоленска через Оршу к Минску в начале XII в. шли сухопутные дороги, по которым и проходил описанный летописью поход.

Летописный отрывок 1116 г. ничего не сообщает об условиях мирного договора, заключенного Владимиром Мономахом с Глебом Всеславичем минским. Однако имеются все основания предполагать, что в результате поражения Глеба

¹ «Повесть временных лет» по Лаврентьевской летописи, ч. I, стр. 185.

² Хотя в Ипатьевском и Хлебниковском списках написано «Смоленску», но следует читать «Меньску» (Повесть врем, лет, Изд. АН СССР, 1950, ч. 2, приложения, стр. 202).

³ «Повесть временных лет» ч. I, стр. 200—201.

территория Минского княжества сильно сократилась. Так, Друцк становится вскоре стольным городом особого княжества, а Орша и Копысь отходят к Смоленскому княжеству.

Как видно из грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславича 1150 г., в середине XII в. Копысь, как, вероятно, и Орша, находился в составе владений Смоленского княжества.

Хотя летописи не сообщают прямо о дальнейших действиях Глеба Всеславича, но, по-видимому, он недолго соблюдал условия мирного договора 1116 г. с киевским великим князем. Следует предположить, что он попытался продолжать борьбу с целью вернуть себе утраченные владения. Но борьба эта окончилась для Глеба Всеславича трагически.

Так, о событиях следующих лет Ипатьевская летопись сообщает: «В лето 6625 (1117)... Того же лета въведе Глеба из Меньска Володимер»...

«В лето 6627 (1119) Володимер взя Менск оу Глеба оу Всеславича, самого приведе Киеву. Тем же ле(те) преставися Глеб в Киеве Всеславичь семтября в 13»¹.

Следует теперь же отметить, что время с 1101 по 1119 г., хотя и охватывает весьма краткий период в истории древнего Минска, представляет особый интерес, потому что является периодом, когда этот город, впервые ставший столицей особого княжества, переживал бурный процесс своего роста и развития.

Дальнейшая история Минска отражает процесс феодального дробления Древнерусского государства, выражением которого являлись бесконечные княжеские неурядицы.

После смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславича в начале XII в. и пленения, а затем и смерти первого минского князя Глеба, сына Всеслава, борьба потомков полоцкого князя, Всеславичей, с киевскими Ярославичами не утихает. Наряду с этим мы видим и борьбу между собой отдельных представителей князей из рода полоцких князей Всеславичей. В нее втянуты были и князья смоленские и черниговские. Очень важные данные для понимания истории Минска 20-х годов XII в. мы находим в рассказе о борьбе киевских князей с полоцкими. В 1127 г. в летописи рассказывается о походе на Полоцкую землю киевского великого князя Мстислава Владимировича. Во время похода союзники Мстислава — братья его Вячеслав и Андрей Владимировичи (Мономаховичи) — окружили другой кривичский город на р. Свислочь — Заславль, один из укрепленных городов на рубеже земель полоцких кривичей и дреговичей. Город был захвачен победителями, а тогдашний заславльский князь Брячислав Давыдович взят в плен. Важным и интересным обстоятельством является то, что

¹ ПСРЛ, т. II, Ипатьевская летопись, 1923, стр. 282.

Мономаховичи совсем не затронули во время своего похода Минска, находящегося между Заславлем и Борисовом. С. М. Соловьев говорит об этом так: «Минск, по всей вероятности, отошел к Ярославичам еще при Мономахе, который отвел в неволю князя его Глеба; иначе Мстислав не направил бы войско свое мимо Минска на города дальнейшие; быть может, Всеславичи не могли забыть потери Минска, и это было главным поводом к войне»¹. Этот вывод С. М. Соловьева является наиболее вероятным.

Во время этой войны киевское войско совершило нападение на Полоцкую землю. Киевский князь Мстислав Владимирович составил коалицию с князьями дреговичскими, смоленскими, черниговскими и с горками. С четырех концов громадная военная сила брошена была на южные рубежи Полоцкой земли: на Заславль—из Турова, Гродно, Клецка и Владимира; на Борисов и Стрежев — из Чернигова; на Логойск — из Курска, совместно с торками; наконец, на Друцк—из Смоленска. Все эти войска, в один и тот же день, 4 августа, совершили нападение на названные города. Логойск и Заславль были взяты и опустошены. Относительно других городов летопись ничего не сообщает. По-видимому, их постигла та же участь. Общим результатом этой войны было то, что полочане вынуждены были изъявить свою покорность киевскому князю.

В 1129 г., когда великий князь киевский Мстислав Владимирович изгнал многих князей полоцких из их родовых владений, Минское княжество было присоединено к Киевскому и вместе с Полоцким отдано было Мстиславом сыну его Изяславу. Однако в дальнейшем вследствие раздоров между князьями киевскими и черниговскими полоцкие князья вновь утвердились в своих владениях.

Из дальнейших исторических событий, оказавших влияние на судьбы Минска в XII и в первой половине XIII в., следует упомянуть следующие. В 1146 г. Изяслав, сын Мстислава, сел на великокняжеский престол в Киеве. В Минске в то время княжил, по-видимому, с согласия самого великого князя Ростислав, сын умершего в неволе князя Глеба. В 1150г. Ростислав после изгнания из Полоцка Рогволода (зятя Изяслава) призван был жителями Полоцка на княжение. Минск достался Володарю, второму сыну Глеба. Однако в 1158 г. Ростислав был изгнан из Полоцка, и полоцким князем вновь стал Рогволод. Это послужило поводом для новой затяжной междоусобной войны. Ростислав жестоко отомстил полочанам за свое изгнание и при этом сильно разорил земли Полоцкого княжества. Рогволод, со своей стороны, осадил Минск и,

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, изд. 3, М., 1862, т. II, стр. 93, Ипат. лет., ПСРЛ, т. II, стр. 288—289.

хотя не смог его взять (как видно, город был сильно укреплен), все же успел принудить Глебовичей к заключению мира. Володарь добровольно уступил Минск Ростиславу, а сам поселился в Городке. Еще два раза Рогволод пытался отнять у Ростислава Минск, а потом задумал отнять у Володаря Городок. Ни то, ни другое ему не удалось: он должен был возвратиться на свое прежнее княжение в Друцк, так как полочане призвали к управлению князя Всеслава Васильковича. После смерти Ростислава Минском владел Володарь. Таким образом, в течение XII в. Минск переходил из рук в руки потомков Всеслава Брячиславича, постоянно враждовавших между собою¹.

В первой половине XIII в. Русь подверглась опустошительному татаро-монгольскому нашествию.

В конце XIII либо в XIV в. Минское княжество вместе с другими западнорусскими землями подпадает под власть литовских великих князей. Впрочем, минские князья упоминаются еще вплоть до конца первой четверти XIV в. в качестве вассальных («подручных») литовских великих князей. Так, Новгородская летопись указывает, что в 1326 г. минский князь вместе с князем полоцким приезжали в Новгород в качестве уполномоченных от имени литовского великого князя Гедимины для ведения мирных переговоров.

Во второй четверти XIV в. термин «Минское княжество» исчезает из документов.

Таким образом, после присоединения к Литовскому Великому княжеству Минск потерял свое прежнее значение. С этого времени летописи упоминают о Минске лишь изредка и вскользь.

ГЛАВА II

ДРЕВНИЙ МИНСК ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

1. История раскопок на минском Замчище

Район Замчища в Минске как возможное место нахождения раннефеодального Менеска, т. е. как его городище, привлекал внимание археологов еще в 20-х годах XX в. В то время он был густо застроен большими каменными домами. Поэтому понятно, что поверхностные осмотры его не могли дать положительных результатов. Во время войны этот район города был совершенно разрушен. Осмотр Замчища и окружающего рельефа местности археологом К. М. Поликарповичем в 1945 г. дал возможность установить, что эта местность носит некоторые такие черты, которые в древности делали ее весьма удобной для размещения на ней укрепленного поселения,

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. II, стр. 194, 195 и след.

города. От Татарской улицы к востоку до самой р. Свислочь тянется узкая длинная гряда. Вдоль обеих сторон гряды расположены участки поймы рр. Свислочь и Немига, занятые отчасти лугом. В районе Татарской улицы гряда отделена от высокого берега долины Свислочи ложиной, представляющей старую долину Немиги. Прилегающая к Свислочи часть гряды (мыс) и могла быть, по предположению К. М. Поликарповича, местом древнерусского города Менеска. Исходя из такого предположения, сектор археологии Института истории Академии наук БССР поставил летом 1945 г. перед институтом вопрос о проведении раскопок на Замчище.

В течение семи лет раскопки велись на одной из двух возвышенностей, расположенных одна за другой вдоль правого берега Свислочи, вблизи впадения в нее Немиги.

Одна из этих возвышенностей, называемая Замчищем, находится к югу от старого устья Немиги и представляет юго-восточное окончание вышеописанной гряды. Средняя высота ее 8,15 м над уровнем Свислочи. Вторая возвышенность меньших размеров находится метрах в 150 к северу от первой и окружена со всех сторон лугом, кроме восточной стороны, прилегающей к Свислочи.

Замчище, как выяснилось при прорытии глубокой траншеи, за пределами его западной границы представляет собой расширяющееся у берега Свислочи окончание мыса. Мыс этот возвышается над окружающей местностью и ориентирован с запада на восток перпендикулярно течению реки. Средняя ширина этого мыса около 30—45 м. К западу и северу от Замчища местность представляет луг—пойму Свислочи, даже и в настоящее время заболоченную, а в древности, несомненно, труднопроходимую. Конечно, защищать от вражеского нападения этот мыс было гораздо легче, чем создать оборону путем насыпания земляного вала и сооружения других укреплений вокруг города на легко доступной местности. Поэтому выбор данного пункта для построения укрепленного «града» совершенно понятен.

Производство раскопок на минском Замчище с самого начала встретилось со значительными трудностями. Вся поверхность Замчища оказалась покрытой обломками кирпичей, строительным щебнем, кусками ржавого железа, остатками кирпичных фундаментов бывших на Замчище зданий, разрушенных во время Отечественной войны 1941—1945 гг., и т. д. Вблизи северного края Замчища немецко-фашистские захватчики соорудили железобетонный дот, а поперек площадки Замчища вырыли идущие с северо-запада на юго-восток окопы полного профиля. Кроме того, в центральной части площади Замчища ими же были вырыты две глубокие ямы. В одной из них, более крупной по размерам, оккупанты разместили

зенитные пушки и склад снарядов, а дно заложили битым кирпичом.

Все это не могло не привести к значительной деформации поверхности Замчища и к смещению содержащихся в нем культурных напластований. Впрочем, как выяснилось впоследствии, культурные слои, содержащие остатки древнерусского города XI—XIV вв., залегают на значительной глубине от уровня современной поверхности Замчища и поэтому более уцелели от разрушения, чем позднейшие, верхние. Эти древнейшие культурные напластования были прикрыты сверху слоями с остатками материальной культуры, относящимися в нижней своей части к временам позднего средневековья (XVI—XVIII вв.), а в верхней части—к XIX—XX вв.

Прежде чем характеризовать минское Замчище как археологический памятник в целом на основании семилетних его раскопок, очертим вкратце последовательность производства раскопочных работ и расширение раскопочной площади с 1945 по 1951 г. Отметим также первые находки, позволившие установить существование здесь поселения, датирующегося XI—XIV ст.ст.

Пробные раскопки, проведенные 19 — 20 сентября 1945 г. первоначально на малой (северной) возвышенности, показали, что здесь никаких древних культурных остатков не имеется. Поэтому исследования перенесены были на расположенную южнее большую возвышенность, носящую название Замчища (см. рис. 1—2).

При исследовании дна одной из имевшихся на поверхности больших ям в перемешанной земле стали попадаться вещи, которые можно было датировать началом XIX, а может быть, и XVIII в. После удаления слоя перемешанной земли ясно наметились мощные культурные напластования. Разборка нижнего культурного слоя, производившаяся, правда, на небольшом участке, дала вещи уже более древние, и границах от XVIII до XI—XII ст.ст. Опуская описание найденных здесь остатков материальной культуры из верхних слоев, характеризующих эпоху позднего средневековья, остановимся лишь на находках из нижнего культурного слоя. Наиболее интересным оказался культурный слон, залегающий на глубине между 3,5 и 5 м от современной поверхности.

Общий облик найденной в этом слое керамики, имеющей волнистый и линейный орнамент, курганный.

В нижней части этого культурного слоя найдены были следы деревянного бревенчатого настила, а под ним наряду с обломками глиняных сосудов курганного типа три куса круглых с отверстиями в центре каменных жерновов. Круглые вращающиеся жернова такого типа нередко встречаются в верхних культурных слоях белорусских городищ X—XIII вв.

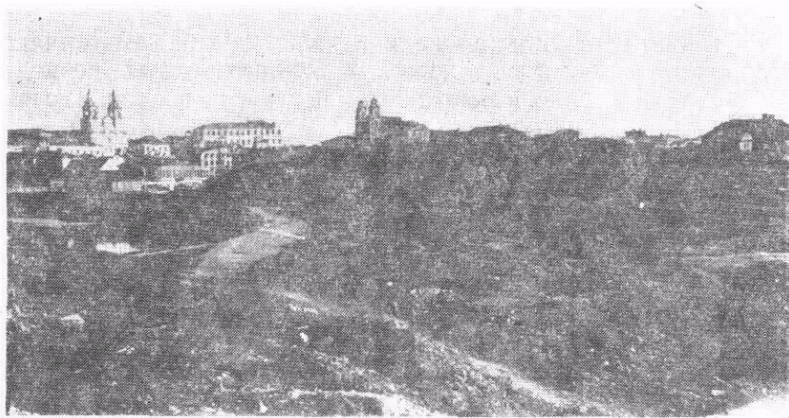

Рис. 1. Минское Замчище. Вид с севера.

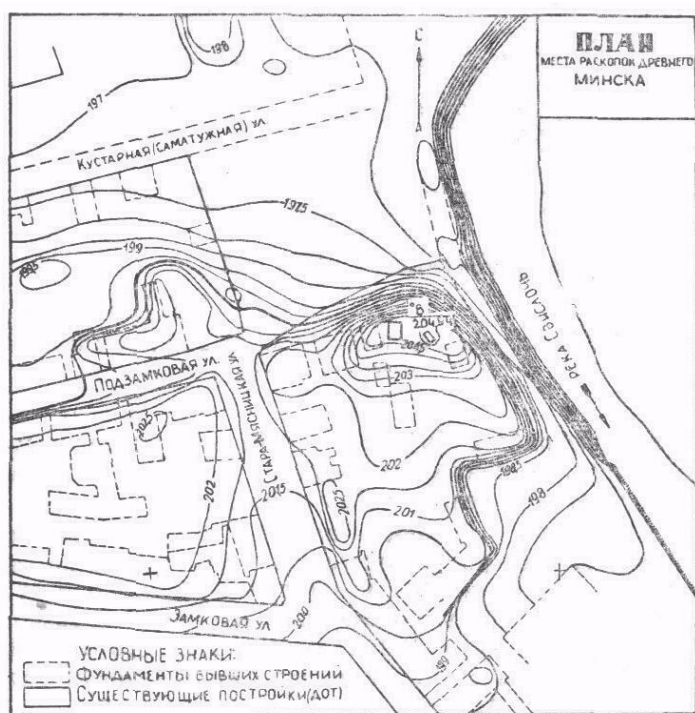

Рис. 2. План минского Замчища.

В том же культурном слое найдены были куски витых стеклянных браслетов и железный рыболовный крючок.

Разведки 1945 г. установили наличие на минском Замчище следов поселения, относящегося к домонгольскому периоду. Это уже тогда дало возможность поставить вопрос, не являются ли эти находки остатками материальной культуры древнего летописного Минска XI—XIV вв.

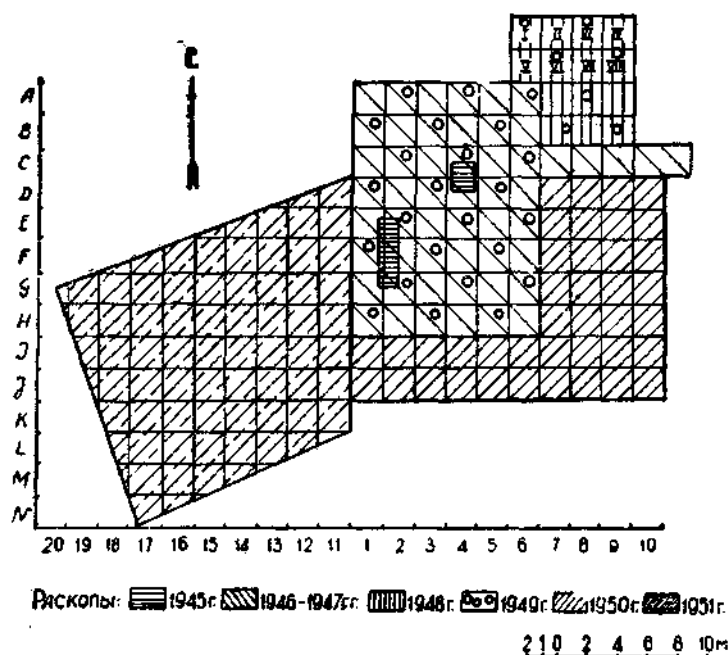

Рис. 3. Расположение по годам раскопов в центральной части минского Замчища.

Раскопочные работы 1945 г. были только разведочными и сосредоточились на центре Замчища — в позднейших яме и траншее, прорытой с севера на юг (10X2 м).

Позже эти яма и траншея вошли в границы большого раскопа 1946 г. Этот раскоп, вытянутый с севера на юг имел размеры 16X12 м (т. е. 192 кв. м) при глубине 4,5 м от поверхности (рис. 3). Дальнейшее углубление той же раскопочной площади размером до 150 кв. м производилось и в 1947 г. Наибольшая глубина 5,5 м была достигнута в северо-восточной части этой площади.

Глубина раскопа доходила в среднем до 5,2 — 5,3 м. С целью расширения исследуемой площади Замчища небольшой раскоп 1948 г. площадью в 100 кв. м был заложен впритык

к северо-восточному углу котлована раскопов 1946 и 1947 гг. Глубина раскопа достигала в разных местах от 5,95 до 7,2 м.

В 1949 г. исследования велись на площади раскопов предыдущих лет, т. е. раскопов 1946 г., 1947 и 1948 гг., составлявших один общий раскоп. В этом году площадь общего раскопа 1949 г. составила 240 кв. м. Раскоп был доведен до материка, залегание которого варьировало между 5,95 и 7,2 м. Длина раскопа составила 20,0 м, ширина 18 м.

В 1950 г. раскопками охвачена была площадь до 150 кв. м. Она примыкала непосредственно к восточному и южному краям раскопа 1949 г., а в северной части граничила с юго-восточным углом раскопа 1948 г. Длина этого раскопа (восток—запад) 20 м, ширина 14 м.

Наконец, в 1951 г. раскопки производились на площади в 300 кв. м, примыкающей непосредственно к западной части раскопа 1949 г. Раскоп 1951 г. имел направление северо-восток—юго-запад. Размеры раскопа такие: длина 20 м, ширина 18 м.

Расширение раскопной площади в этом направлении вызывалось необходимостью завершить вскрытие основания каменного храма, восточная часть которого была вскрыта ранее—в 1949—1950 гг. В раскопках минского Замчища участвовали: Л. В. Алексеев (1949—1950), Л. И. Вертинский (1951), В. И. Голубович (1945), Е. Г. Галанова (1949—1951), Л. С. Клейн (1948), И. А. Комяго (1946—1950), А. Е. Лукьянов (1946—1950), Д. А. Михайловский (1949—1950), А. Г. Митрофанов (1948), А. Я. Митянин (1951), Г. И. Пех (1946—1948), В. В. Порхачев (1951), Е. А. Цегак-Голубович (1945), Р. В. Шматова (1950—1951).

Таким образом, исследованные до нижнего горизонта культурного слоя пространства всех раскопов образовали сплошную площадь раскопок, достигшую ко времени их завершения размеров 560 кв. м.

2. Стратиграфия раннефеодального Минска

Систематические раскопки в Минске были начаты в 1946 г. На площади раскопок в слоях XVII — XVIII вв. на глубине 1,5—2,0 м обнаружено было кладбище, в котором выявлено 10 сравнительно поздних захоронений, ориентированных головой на запад. Все погребения были без каких бы то ни было вещей. Часть костяков, несомненно, женских и некоторая часть мужских явно принадлежала людям зрелого или преклонного возраста, что дает основание считать эти костяки остатками обычного гражданского (не воинского) кладбища. Сохранность костяков плохая; от деревянных дощатых гробов остались лишь незначительные следы. Некоторые погребения разрушены погребениями, впущенными сверху позднее.

Ниже остатков кладбища на уровне от 2,0 до 2,25 м (в северной части раскопа) и от 2,50 до 2,75 м (в южной части раскопа) залегала каменная мостовая начала XVI в., а на уровне 2,75—3,0 м находились уже бревенчатые настилы-мостовые (рис. 4). Первый из них (верхний) может быть да-

Рис. 4. Бревенчатые настилы в юго-восточной части раскопа.
Вид с северо-востока, сверху.

тирован началом XIV в., поскольку лишь под ним начинаются домонгольские культурные слои с характерной славянской керамикой, стеклянными браслетами, шиферными пряслицами и другими вещами, типичными для XI—XIII вв.

При углублении площади раскопок на метр, с 2,75 до 3,75 м, резко уменьшаются в числе, а в нижней части слоя и совершенно исчезают находки, характерные для XVI—XVII ст.ст.: покрытая поливой керамика, печные изразцы, глиняные курительные трубки и т. п. Подробнее о каменной мостовой надо сказать следующее.

В середине южной части общей площади раскопа (рис. 3) на уровне от 2,0 до 2,75 м находилась мостовая из мелких камней. Среди камней мостовой найдены были три круглых каменных ядра, использованных, очевидно, при ее сооружении. Выше мостовой в культурном слое встречена было много вещей XVI—XVII вв.—покрытые зеленой глазурью печные изразцы с типичным для этого времени орнаментом, обломки посуды с такой же зеленой глазурью, наконец, несколько медных солидов, Яна Казимира (1648--1668 гг.). Поэтому можно думать, что каменная мостовая была сооружена в XVI ст.

Эта датировка подкрепляется находкой в слое земли на

мостовой (на 0,15 м выше камней) монеты Сигизмунда-Августа I (1506—1548).

В процессе раскопок, помимо выявления жилых и хозяйственных сооружений, а также уличных мостовых, были обнаружены находки, расположение которых в определенных культурных слоях Замчища позволило уточнить датировку как самих этих слоев, так и находившихся в них мостовых, различных построек и сооружений, а также установить связь находок отдельных вещей с остатками жилых построек. Можно отметить, что уже на глубине 2,75 — 3,0 м между первым сверху и вторым бревенчатым настилами впервые начали встречаться такие типичные для древнерусских городищ предметы, как пряслица из розового шифера, стеклянные разноцветные браслеты, а также стеклянные и настовые бусы.

На всей площади раскопа было выявлено, что напластования XI—XIV вв. залегают, начиная от глубины 2,75 — 3,75 м от современной поверхности вплоть до глубины в 5,95 м и более. Эти ранние культурные слои отделялись от залегавших выше культурных слоев XV — XVIII вв. прослойкой чистого речного песка толщиной в 0,3 м, насыпанной, очевидно, с целью выравнивания поверхности Замчища в первой половине XVI в. Под нею залегал уже слой земли интенсивно-темной окраски со значительным количеством персгоя и с голубоватым налетом вивианита. Прослойка эта покрывала значительные по своим размерам деревянные конструкции, о характере которых будет сказано ниже.

Преемственность и непрерывность человеческого обитания¹ на минском Замчище выступают в раскопках чрезвычайно отчетливо. Культурные слои XI—XIV ст.ст. залегают на глубине от 2,75 до 5,95 м от репера, находящегося в самой высшей точке современной поверхности Замчища, на северном краю последнего. Таким образом, мощность этих слоев древнерусского города превышает 3 м. Если считать общую мощность культурных наслоений вплоть до материкового слоя, то последние достигали в северо-восточном углу раскопа 7,2 м. Это лишь немногим уступает самому богатому по находкам из раскопанных до настоящего времени на землях Белоруссии древнерусских городов Старому Замку в Гродно, где общая мощность культурных напластований достигает 8 м.

По характеру находок отдельных предметов и целых конструкций оба эти памятника—и древний Минск и древнее Гродно—являются весьма схожими¹.

¹См. J. Jodkowski. Grodno wczesnośredniowieczne w świetle prac wykopaliskowych dokonanych na królewskim Zamku Starym w Grodnie w latach 1932 i 1933. Warszawa, 1934; Z. Durczewski. Stary zamek w Grodnie w świetle wykopalisk dokonanych w latach 1937—1938, Grodno, 1939, отгиск из „Niemen” № 1, 1939; Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИД СССР, № 41, 1954.

В культурных слоях Замчища, начиная с глубины в 2,75 м вплоть до 4,0 м от поверхности, выявились очертания сплошных деревянных настилов и срубных построек, расположенных в различных местах в четыре яруса друг над другом и являющихся остатками древнерусского деревянного «града» (рис. 5).

Рис. 5. Дощатый настил и остатки срубных домов. Снято с северо-востока, сверху.

Уровень первого (верхнего) настила—от 2,75 до 3,75 — 3,78 м. Уровень второго сверху настила—от 2,8—2,85 до 3,81 — 3,84, третьего—от 2,95—3,0 до 3,87—3,95 и, наконец, четвертого—от 3,15—3,20 до 3,74—3,97 м.

Колебания в высотах поверхности всех четырех настилов объясняются падением уровня древней поверхности Замчища к юго-западу.

Этим же объясняется и большая глубина залегания как деревянных настилов, так и каменной мостовой начала XVI в. в юго-западной части общего раскопа в сравнении с глубиной залегания тех же настилов в северо-восточной его части (рис. 6).

Культурные слои, залегающие на уровне от 2,80 до 3,97 м, т. е. в пределах второго, третьего и четвертого настилов, могут быть датированы второй половиной XII и XIII вв.

В пользу этой датировки можно привести следующие соображения: в них была обнаружена основная масса всех находок стеклянных браслетов (444 экз.) и шиферных пряслиц (50 экз.).

При расчистке земли между бревнами I и II, а также III и IV настилов-мостовых была повсюду обнаружена масса древесной щепы, бересты и сосновой коры, много пищевых отходов в виде скорлупы лесного ореха, косточек вишни и сливы, обугленных семян конопли и т. п., а также обломки костей. Кроме того, найдено было много обрезков выделанной кожи и остатки мягких кожаных башмаков типа туфли¹.

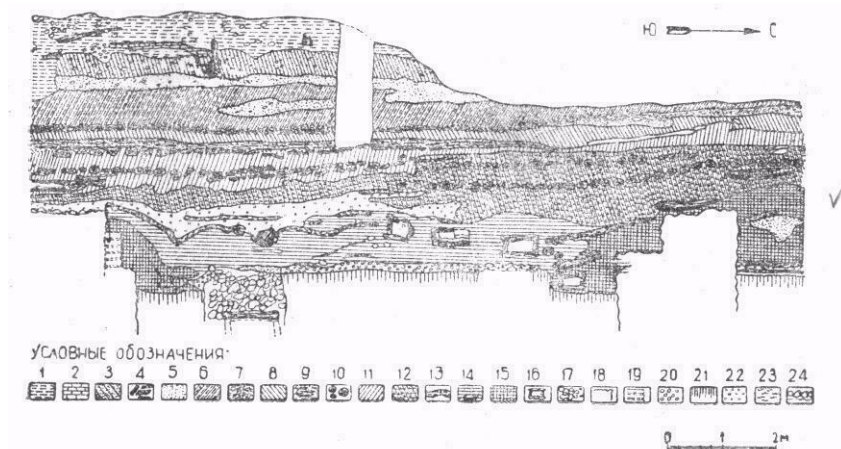

Рис. 6. Вертикальный разрез, поперечный направлению алтарных полукружий каменного храма, вскрытого на минском Замчище:

- 1—слой с остатками современных разрушенных зданий;
- 2—фундамент разрушенных современных зданий;
- 3—светло-коричневый песок с кусками кирпича;
- 4— куски перегнившего дерева;
- 5—песок желтый;
- 6 — черный слой с камнями и кусками кирпичей;
- 7—каменная мостовая;
- 8—плотный темно-серый слой с углями, кусочки кирпичей;
- 9—светло-серый песок со сгнившими досками;
- 10—бревна настила;
- 11—темно-серый слой с супесью и мелкими камнями;
- 12— коричневый слой с щепками и навозом;
- 13—угольный слой;
- 14—темный песок с известью и камнями;
- 15—серый песок с камнями и известью;
- 16—гробы;
- 17—развал камней;
- 18—стена храма;
- 19—облицовка стены храма из плиток известняка;
- 20—древняя почва;
- 21—серый материковый с зеленоватым оттенком песок;
- 22— темно-коричневый слой;
- 23 — слой серой глины;
- 24—каменное основание столба в северной половине храма.

Как характерную особенность культурных слоев, залегающих ниже первого (верхнего) яруса деревянных мостовых, т. е. слоев XI—XIII вв., можно отметить следующее обстоятельство: все предметы, особенно обломки костей, куски кожи и металлические вещи были покрыты голубоватым налетом.

¹ Типа, зафиксированного в одновременных культурных слоях в гродненских раскопках. См. Н. Н. Воронин, Древнее Гродно., стр. 61, рис. 26, 1—5.

вивианита. Обильное выделение вивианита следует, по-видимому, связывать с залеганием в этих слоях множества костных остатков, содержащих фосфор.

Под деревянными настилами-мостовыми ниже четвертой сверху мостовой были обнаружены на уровне 4,03 — 6,75 м фундамент и сохранившиеся только в своих нижних частях стены каменного храма.

Они оказались в самом центре общей площади раскопа. Остатки храма имели в длину 16 м, в ширину—12 м, что дает общую площадь храма в 192 кв. м. Так как общая площадь всего раскопа была равна 560 кв. м, то площадь храма составляет приблизительно $\frac{1}{3}$ всей раскопанной площади.

Уцелевшая (т. е. нижняя) часть храма была обнаружена и целиком вскрыта на протяжении раскопок 1949—1951 гг.

Описание основных архитектурных особенностей храма, насколько это возможно было установить на основании сохранившихся его остатков, дается ниже (в разделе 4). Сейчас мы остановимся лишь на стратиграфических данных, которые позволяют установить время сооружения этого архитектурного памятника.

Анализ культурных напластований, примыкавших к стенам храма с востока, севера и юга, показал, что за несколько десятков лет до сооружения храма, т. е. в XI в., здесь существовало лишь небольшое поселение. Культурный слой, содержащий эти остатки, лежит на глубине 5,2—5,32 м и пререзается опущенным глубоко в землю фундаментом храма, заканчивающимся внизу на глубине 6,75 м. Выше уровня 5,2 м внутри храма ясно прослеживается у стены слой желтого материкового песка, выброшенного, очевидно, наружу при рытье рва канавы для фундамента храма. Этот тонкий культурный слой в 0,12 м толщиной с сохранившимися в нем следами первого поселения на Замчище может быть отнесен к XI ст. Верхняя граница фундамента и самый низ стены храма лежат на глубине 5,2 м.

Древнейшим культурным слоем в северо-восточной части Замчища был слой, залегающий на глубине 5,95 м непосредственно на материке, состоящем из крупнозернистого желтого песка.

Находок, говорящих о развитии ремесленного производства, в этом древнейшем культурном слое, отложившемся, по-моему, до начала XII ст., не обнаружено. Были найдены обильные остатки пожара в виде угольков и золы, обломки деформировавшейся под воздействием огня глиняной посуды, сработанной на гончарном круге, но еще весьма грубой, с обильной примесью дресвы, и несколько железных гвоздей.

Необходимо отметить, что в центральной части Замчища все находки в слоях от 4,03 до 5,95 м обнаружены на пространстве внутри стен и фундамента каменного храма (рис.7). Верх уцелевшей части северной стены достигал 4,03 м глубины от репера. Таким образом, весь этот внушительный слой земли толщиной в 1,92 м является земляным заполнением

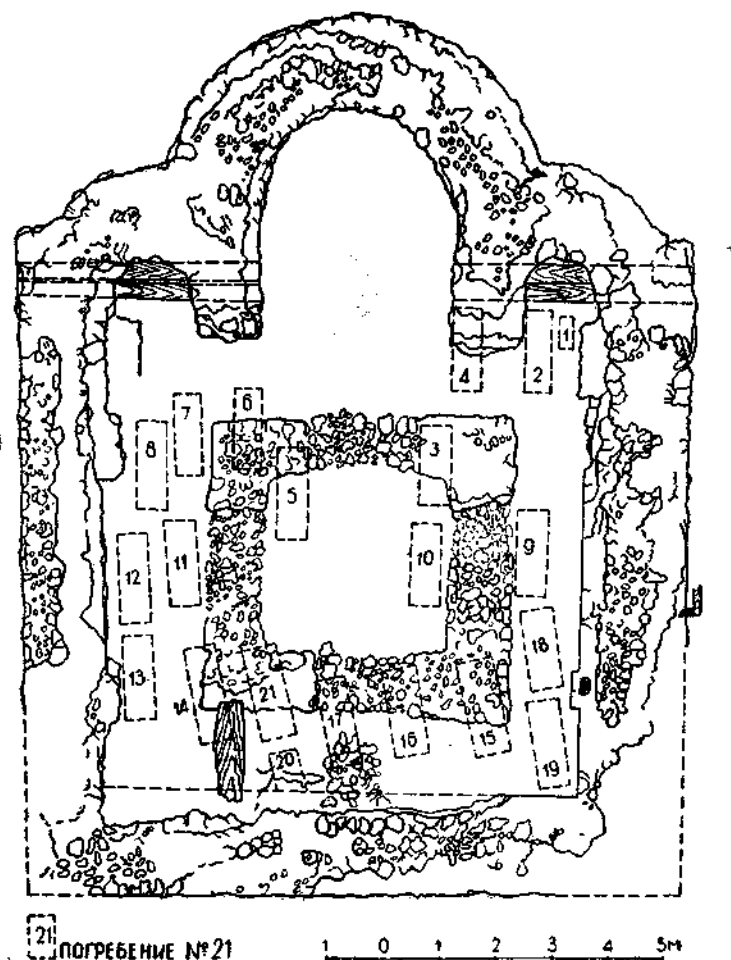

Рис. 7. План остатков каменного храма XII в. с нанесением погребений.

площади внутри храма. Если выше 4,03 м вертикальные разрезы почвы (см. рис. 6) имеют ярко выраженное ленточное строение культурных слоев, то ниже этого уровня земля внутри храма перемешана с известью и другими следами развала

здания храма. Кроме того, поверхность внутри храма сплошь занята была погребениями, в большинстве случаев размещавшимися на уровне 4,4—4,5 м, т. е. выше той поверхности, на которой происходило строительство храма. Это 21 погребение внутри храма (рис. 7) было произведено уже после того, как храм либо был прекращен постройкой, либо уже был разрушен. В то же время эти погребения не могут быть моложе второй половины XII в. В противном случае древнейший (четвертый сверху) деревянный настил, сплошь перекрывавший площадь залегавшего ниже храма (так же, как и лежащие выше более поздние третий, второй и первый настилы) были бы нарушены, чего в действительности не было.

По времени этот слой древнейшего Минска можно сопоставить с могильником и бытовыми остатками в урочище «Николка». Оно находится среди заболоченного луга в 250 м, севернее Замчища. Эта местность привлекла наше внимание прежде всего сведениями, почерпнутыми из документов истории феодального Минска, а также сообщениями старожилов. И те и другие сведения говорили о том, что здесь в прошлом находилась Никольская церковь, которая, согласно легенде, якобы «провалилась сквозь землю»¹. На почти ровной поверхности «Николки» были разбросаны крупные валуны, «вросшие» глубоко в землю. В центре лужайки находилась небольшая (до 1 м высотой) земляная насыпь овальной формы, напоминавшая курганные насыпи.

Раскопки установили наличие здесь могильника. Могильник возник еще в домонгольский период, но продолжал служить для захоронений и значительно позже.

Одно из ранних погребений могильника (их всего 10) определяется пряслищем овручского типа из розового шифера и датируется временем от XI до середины XIII в.

Переходя к началу XII в. в истории Минска, необходимо остановиться на вопросе о времени существования храма.

Среди всех культурных напластований, вскрытых на Замчище, можно выделить, таким образом, следующие слои сверху вниз:

1) слой XX—XVI вв., лежащий выше каменной мостовой; более дробного выделения слоев сделать в настоящее время не представляется возможным;

2) слой с каменной мостовой внизу; начало XVI и XV в.;

3) слой с четырьмя настилами, ограниченный сверху каменной мостовой и снизу остатками храма, а также творила и мастерской для отесывания каменных плиток в северо-восточной части раскопа XIV—XII вв.,

¹Сообщение об этих документальных и словесных данных, говорящих о существовании здесь храма, получено было нами от А. Д. Палееса.

4) слой, в котором находились остатки храма, относящиеся предположительно к первой половине XII в.;

5) слой с остатками первоначального поселения-крепости, а может быть, боярской усадьбы XI в.

3. Планировка древнего Минска

Улицы и мостовые

Верхняя часть деревянных конструкций, вскрытых во время раскопок минского Замчища, залегала в центре Замчища на глубине 3,4 м от поверхности. Конструкции эти состояли из нескольких слоев бревен, разделенных лишь незначительным слоем земли.

Назначение настилов с самого начала их вскрытия было понятным. Очевидно, они были не чем иным, как бревенчатыми или дощатыми мостовыми. Часть последних могла быть, впрочем, пешеходными мостками. По времени сооружения эти настилы следует относить, по соображениям, указанным выше, к остаткам древнерусского города XII — XIV вв., следы которого на минском Замчище сохранились на значительной глубине.

Бревенчатые мостовые, следы которых имеются на минском Замчище, залегали в четыре последовательно расположенных друг над другом яруса. Самые ранние (т. е. нижние) из них не могут быть отнесены ко времени позже половины XII в.

В процессе раскопок выяснилось, что на всем протяжении общей площади раскопа с севера на юг простирается более широкий, чем остальные, бревенчатый настил, представлявший собой, по-видимому, главную улицу внутри детинца древнерусского «града». Планировка этой улицы сохранялась в продолжение XII—XIV ст.ст. без существенных изменений, так как по мере обветшания более древней мостовой над ней по тому же самому плану сооружалась новая мостовая. Это подтверждается тем, что в разных пунктах Замчища было обнаружено четыре яруса настилов той же главной улицы. Такое же положение в боковых переулках и на небольшой замощенной площадке, выявленной западнее главной улицы и вплотную примыкавшей к этой улице.

Настилы расположены были друг над другом. Второй сверху настил представляет собой, очевидно, результат ремонта одного из участков мостовой, представленной в раскопе третьим настилом.

Мостовые главной улицы детинца настилались следующим образом. Обычно поперек 2—3 длинных круглых лежней укладывались бревна-полукругляки или плахи. Они делались из расколотых вдоль стволов, положенных плоскими частями кверху. В округленных нижних частях бревен делались вы-

емки, которыми эти бревна опирались и закреплялись на лежащих внизу на земле продольных лежнях. Этим достигалась как прочность всего сооружения, так и удобство езды по мостовой.

Именно таким образом сооружен был третий сверху настил, но позднее поверх него сделано было дополнительное сооружение. Оно состояло из таких же поперечных плах, но

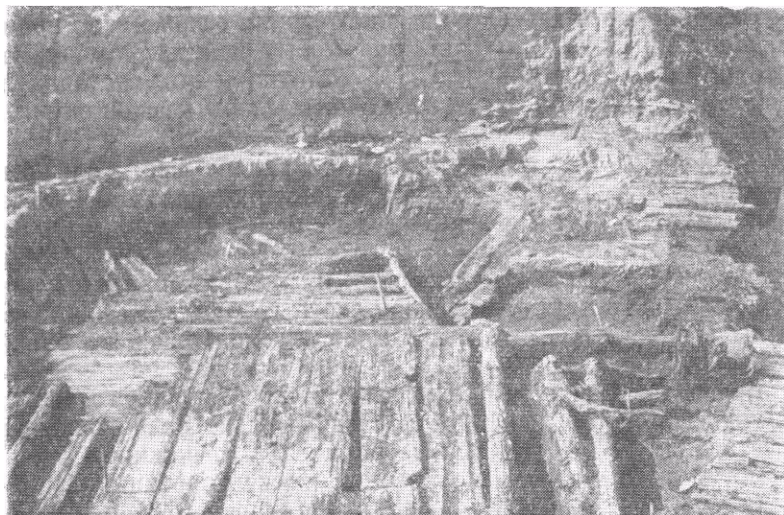

Рис. 8. Замошенная площадка верхнего яруса, примыкающего с запада к настилу главной улицы детинца. Вид с юга.

положенных уже плоской частью вниз. Сверху этот участок мостовой был прикрыт неголстыми продольными лежнями, для которых по краям поперечных бревен, обращенных уже выпуклой своей частью вверх, сделаны были соответствующие вырубы. Хотя мостовая при этом становилась уже негладкой, прочность ее не уменьшалась. Этот-то позднейший верхний слой бревен, обращенных своими выпуклыми полукруглыми половинами кверху, и является вторым сверху настилом (рис. 8, 9).

Если перейти теперь к положению всех четырех ярусов мостовых в плане и определить их направления по странам света, то главной улицей, как уже отмечено, следует считать ту, которая представлена на уровне всех четырех настилов мостовыми, простиравшимися с севера на юг, т. е. параллельно берегу р. Свислочь, в центре раскопа. От этой улицы в северо-восточном направлении ответвлялся также замощенный более узкий переулок. Южнее также имеется ответвле-

ние от главной улицы в направлении северо-востоко-восток длиной в 14 м (рис. 10).

Этот второй переулок, почти параллельный первому, уходит в восточную стенку раскопа.

Мостовая южного переуллка, имевшая направление на северо-востоко-восток, соединялась в ее юго-западо-западном конце с соединенным настилом-мостовой второго и третьего

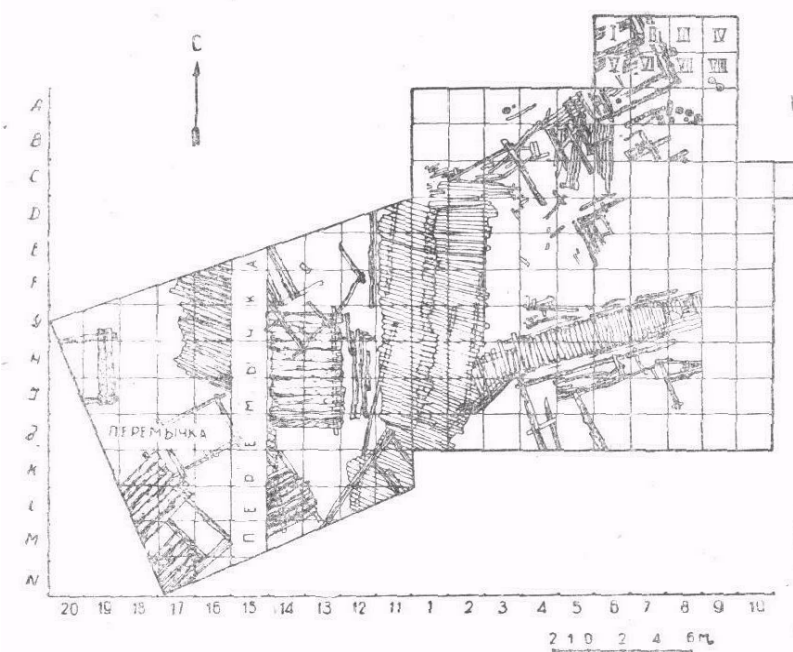

Рис. 9. Расположение настилов мостовых улиц и переулков в раскопах 1946-1951 гг. в центральной части минского Замчища на уровнях 38-4,6 м глубины от репера (2-й и 3-й настилы).

ярусов главной улицы. После снятия настила переуллка оказалось, что под ним сохранились остатки еще одного настила. Начинаясь с юго-западо-запада, нижняя мостовая переуллка связанная с четвертым настилом главной улицы и сохранившаяся хуже верхней; обрывалась на полпути, имея в длину около 7 м и в ширину 1,8 м.

Поверхности всех настилов, главной улицы и переулков взятых в отдельности, не были горизонтальными. Уровни поверхностей улиц и переулков города в различных точках сильно отличались друг от друга. Так, например конец юж-

ного переулка идущего с северо-востоко-востока на юго-западо-запад, имел уровень мостовой в северо-востоко-восточном конце в 3,55—3,65 м, а в месте соединения с главной улицей на юго-западо-западе—3,85—3,95 м, т. е. имел ясный уклон к юго-западо-западу. То же самое можно сказать и относительно главной улицы, имевшей заметный уклон к югу (разница высот севера и юга составляла 1,2 м).

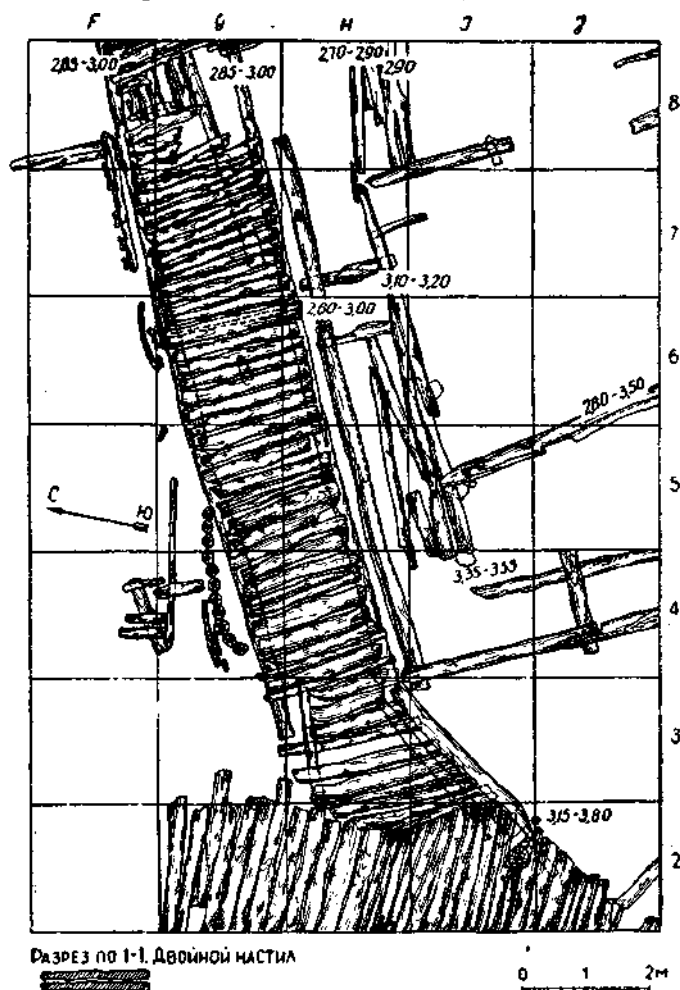

Рис. 10. План настила южного переулка, вскрытого в юго-восточной части раскопа. С юга остатки срубов.

Интересно отметить, что именно ниже первой сверху мостовой главной улицы детинца стали уже попадаться обломки стеклянных браслетов и пряслица из розового шифера. Это

позволяет допустить, что если верхняя из этих мостовых была сооружена только в XIV в., то мостовые, лежащие ниже, т. е. вторая, третья и четвертая, относятся целиком к XII и XIII вв. В прослойках земли, отделяющих разновременные ярусы мостовых (первый от второго и третий от четвертого), сохранились не только остатки конского навоза, что может считаться доказательством движения по ним конного транспорта, но и большое количество сосновой щепы и бересты, являвшихся, видимо, строительным мусором, который остался на месте от времени сооружения этих мостовых.

Это является доказательством того, что санитарное состояние древнего Минска, как и всех других раннефеодальных городов не только на Руси, но и в иных странах, не стояло на высоком уровне. Мостовые не подметались и загромождались всякими отбросами. Когда более древняя мостовая настолько ветшала, что дальнейшая починка ее представлялась уже невозможной, либо она скрывалась под толстым слоем всяких отбросов, то ее даже не удаляли: поверх ее просто настилали новую мостовую, быть может, лишь кое-где выравнивая поверхность путем присыпки земли, щепы и навоза. Все это хорошо согласуется с известными нам фактами страшных эпидемий, нередко обрушивавшихся на все феодальные города, скученные в узком пространстве городских стен и чрезвычайно загрязненные.

Первый сверху настил датируется временем не позднее XIV в., второй и третий — XIII, а четвертый, наиболее ранний,—второй половиной XII в. Большая часть обломков стеклянных браслетов (278) и шиферных пряслиц (37) приходится на слой между третьим и четвертым сверху настилами, а также на слой ниже четвертого сверху настила, остальные (164 браслета и 13 пряслиц) —между первым и вторым, и только два обломка стеклянных браслетов, видимо, случайно оказались выше первого настила.

Говоря о верхней, самой поздней из мостовых главной улицы, необходимо отметить, что в центральной части раскопа эта мостовая состояла из досок, частью плохой сохранности. Ее продолжение к юго-западному углу раскопа было сооружено из массивных бревен.

Сохранность этой мостовой в целом оказалась худшей, чем сохранность более ранних (2, 3 и 4 сверху) настилов. По своему расположению, как упоминалось, верхние (т. е. более поздние) настилы повторяют планировку более ранних из них, залегавших ниже, с небольшим лишь смещением к западу.

Материалы раскопок показали, что к западу от главной улицы в центре детинца над руинами храма находилась почти квадратная по форме площадка, как и уличная мостовая, залегавшая в четыре яруса, друг над другом каждый. Поверх

каждой из этих площадок обнаружены были обильные остатки конского навоза. Вероятно, здесь находились коновязи. Еще далее на запад от этой замощенной деревом площадки о севера на юг проходила, также выше уровня храма, улица, параллельная главной улице детинца. От северо-западного угла площадки в направлении на юго-восток простирался еще один уличный настил, более узкий, чем главная улица.

Рис. 11. Дощатая мостовая верхнего яруса настила боковой улицы в юго-западной части раскопа. Вид сверху.

Характер прокладки уличных настилов, вскрытых в юго-западной части объединенного раскопа, был следующий: по направлению намеченной улицы первоначально клали на землю три длинных бруса-лежня. На них с помощью специальных вырезов закреплялись поперечные бревна-полукругляки так же, как и в мостовой главной улицы, обращенные своей плоской частью кверху, или доски-тесины, а иногда даже жерди. В верхнем уличном настиле, начинавшемся от юго-западного угла замощенной бревнами площадки, лежавшие поверх лежней поперечные доски оказались сильно вогнутыми вниз, вероятно, под тяжестью толщи земли (более чем в 3,5 м) и находившихся здесь позднейших каменных зданий (рис. 11).

Таким образом, удалось не только уточнить сведения о характере и приемах сооружения настилов-мостовых, представленных в раскопках, но и реконструировать уличную планировку раскопанной части минского детинца в XII—XIV вв.

Храм

Раскопки Замчища позволили сначала, в 1946—1948 гг., выявить, главным образом, остатки города и материальную культуру XV—XVIII вв. По мере дальнейшего углубления раскопа были выявлены остатки древнерусского города Мелнеска XII—XIV вв. и лишь на очень небольших участках раскопной площади, в северо-западном и северо-восточном ее углах, на большой глубине были выявлены культурные остатки в виде более простых деревянных строений, древность которых восходит, по-видимому, еще к XI ст.

Не останавливаясь на позднейших культурных напластованиях (XV — XX ст.ст.), перейдем к рассмотрению жилых сооружений, хозяйственных, производственных и иных построек XI—XIV вв., начиная с древнейших культурных напластований.

В самом древнем слое, залегавшем в северо-восточной части Замчища на глубине 5,95 м, непосредственно на материке обнаружены были остатки легких деревянных построек, погибших, видимо, от огня. Углы этих построек состояли из массивных бревен-кругляков, снабженных продольными вырезами, вкопанных вертикально в землю, в которые вставлялись, вероятно, горизонтальные доски или бревна {последние не сохранились}. Уцелели остатки дощатых заборов, доски которых были вертикально забиты заостренными концами в землю. Внутри этих построек сохранились следы глинобитных полов и печей. Следы таких же построек были обнаружены и в северо-западном углу раскопа.

Выше этого древнейшего слоя—XI в. — были обнаружены культурные остатки, имеющие уже другой характер. Так, здесь были найдены следы мастерской для отесывания известняковых плиток в форме кирпичей. Плитки залежали в виде большого скопления и служили для строительных целей. Рядом со скоплением плиток, а частью и под плитками находилось творило, или яма для гашения извести (площадью в 25 кв. м) трапециевидной формы, обращенной основанием к северо-западу (рис. 12). Края творила ограничены досками, которые были укреплены вертикально забитыми в землю деревянными колышками. Толщина слоя извести в восточной части творила достигала 0,45 м, а в противоположном его конце — всего 0,1 — 0,12 м. Выше творила над его юго-западной частью находилась груда крупных валунных камней.

Камни, вплотную примыкавшие друг к другу, расположены были в плане в виде дуги, обращенной выпуклой стороной своей к центру раскопа, т. е. к юго-западу. Концами своими дуга уходила как в северную, так и в восточную стенки раскопа.

Поверхность камней прикрыта была серой массой глины, заметно обожженной на огне.

При углублении в землю вокруг камней до их основания (на уровне 5,20 м) выяснилось, что камни лежали на слое желтовато-серой извести, вкрапленной отдельными кусочками в землю в промежутках между камнями.

Вверху в продолжении линии разреза.

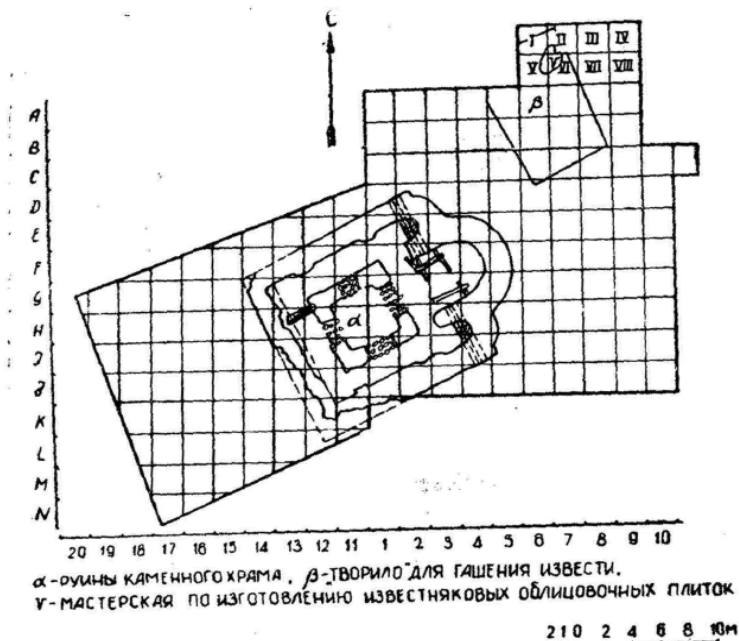

Рис. 12. Размещение остатков каменного храма, творяла и

мастерской облицовочных плиток в объединенном раскопе 1946—1951 гг.

Отдельные камни не были скреплены между собою каким-нибудь связующим составом и лежали на ровной поверхности, а не в яме-котловане, как этого можно было бы ожидать, если бы они составляли часть фундамента. Часть камней кладки, представляющей остатки развала, покоилась на слое извести.

В этом скоплении камней можно видеть, вероятно, строительный материал, заготовленный для построения храма.

В залегающих выше культурных напластованиях XII и XIII ст.ст. выявлен был ряд срубных жилых домов с глинобитными и дощатыми полами. Полусферической формы печи в домах были сложены из камней, скрепленных глиной, и имели

глинобитный под. Между этими домами проходили деревянные уличные настилы-мостовые.

От срубов обычно сохранилось только по одному — два нижних венца. Верхняя поверхность бревен как срубов, так и мостовых — с ясными следами огня.

На уровне I настила находились 8 остатков срубов, на уровне II и III — 9 и на уровне IV — 5, а всего 22 постройки. Большинство из них является жилыми домами.

Наиболее густое заселение детинца древнего Минска относится, как это видно из приведенных данных, ко времени существования II и III уличных настилов, т. е. к концу XII — началу XIII в.

Всего в границах общей раскопчной площади 1945 — 1951 гг. на уровне II и III настилов было зафиксировано девять остатков срубных построек. Часть этих срубов сохранилась очень плохо: виден, например, один угол строения, а все остальное не сохранилось. В таких случаях невозможно даже судить о размерах постройки.

Поэтому приходится ограничиться лишь характеристикой 5 строений, остатки которых могут дать некоторый материал для суждения о характере деревянного зодчества XII—XIII вв. в древнем Минске, когда застройка города достигла наибольшего развития.

Среди этих 5 строений одним из наиболее сохранившихся является жилой дом, находившийся в северо-восточном углу раскопа. Судя по сохранившимся у самого дома запасам пластической белой глины это было жилище гончара. Расположение дома было по направлению с юго-запада на северо-восток, несколько косо по отношению к проходящей здесь мостовой северного переулка. Входная дверь в дом располагалась вблизи юго-западного угла постройки, о чем свидетельствуют остатки крыльца в виде дощатого настила, прилегающего одним концом к мостовой переулка, а другим — к срубу. Слева от двери внутри дома уцелел под глинобитной печью, несколько возвышающийся над уровнем пола, доски которого хорошо сохранились. Печь в плане имела округлую форму. Свод печи не сохранился, но, очевидно, был куполообразным подобно форме печей, выявленных Н. Макаренко при раскопках славянского городища Монастырище VIII — IX вв.¹ При такой конструкции печи последняя должна была иметь сверху отверстие для выхода дыма. Отверстие для топки, очевидно, находилось в направлении к центру избы, т. е. с северо-востока, так как здесь уже не было дощатого пола, следы которого имеются и посередине и вдоль северо-западной стены дома.

¹ Воронин Н. Н. Жилище. История культуры Древней Руси, т. I, М.—Л., 1948, стр. 204 и 205, рис. 124.

«Изба гончара» была в плане квадратной; размеры ее внутренней площади 4Х4 м. Запасы белой глины обнаружены в деревянной миске, находившейся в земле, рядом с крыльцом, перед входом в дом.

Параллельно сохранившимся бревнам двух нижних венцов сруба, на расстоянии 0,5 м от стен избы были уложены пятиметровые сосновые бревна, состоявшие из круглых древесных стволов с несодранной корой и грубо обрубленными ветвями. Концы этих стволов у юго-восточного угла избы были скреплены с помощью выруб в лежавшем внизу вдоль юго-восточной стены стволе. В этот выруб входил конец второго ствола, лежавшего вдоль северо-восточной стены дома.

Назначение этих стволов понятно: они являлись, несомненно, основанием земляной завалинки у дома. Отсутствие следов завалинки в юго-западном углу дома вполне объясняется наличием здесь входа в дом, так как против двери, естественно, завалинки не было.

Южнее жилища гончара между северным и южным переулками в том же слое выявлены были остатки двух деревянных построек: ближе к мостовой южного переулка—хлев и в 4 м севернее, в северо-восточной части раскопа — кожевенная мастерская.

Принадлежность первой из этих построек к хозяйственным постройкам доказывается скоплением в этом пункте овечьего

навоза. Но от постройки сохранился лишь один северо-западный угол. Поэтому ни размеров, ни устройства этого хлева установить было невозможно.

О наличии кожевенной мастерской говорит большое количество найденных обрезков выделанной кожи. Кроме обрезков кожи, в этом месте были обнаружены остатки обуви типа *туфель* с мягкой подошвой и кожаными завязками, кожаный чехол для большого ножа или кинжала, а также шилья и ножи (рис. 13). Рядом находились остатки дощатого пола какого-то строения, окруженного дощатым забором.

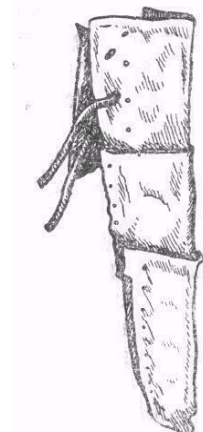

Рис. 13 Кожаный чехол от ножа или кинжала.

На досках сохранившейся части пола была найдена массивная плоская деревянная колода, видимо, производственного назначения, а также много кусков еловой и сосновой коры.

Данный комплекс находок позволяет предположить здесь остатки кожевенной мастерской (рис. 14). Это, несомненно, лишь часть помещения мастерской. Продолжение ее к югу совершенно уничтожено траншеей фашистских оккупантов.

К югу от мостовой южного переулка, шедшего с северо-востока на юго-западо-запад к главной улице, обнаружены были следы каких-то строений. Строения эти состояли из двух длинных срубов, разделенных внутри на три отдельных помещения. Меньший, внутренний, более древний, сруб (длиною в 7 м), от которого сохранились лишь 3 нижних венца,

Рис. 14. Остатки кожевенной мастерской в северо-восточной части раскопа.

явно погиб от пожара, о чем говорит обугленность верхней их части; больший, внешний сруб, имел в длину 9 м. Оба сруба, простираясь вдоль мостовой переулка, бревна которой в одном месте также сохраняют следы пожара, вскрыты не полностью, южная часть обоих строений уходит в стену раскопа. Во всяком случае, можно сказать, что второй, больший сруб, стены которого охватывают сгоревший меньший, относится к более позднему времени. Внутри этих срубов не были обнаружены следов печей, а бытовые предметы ограничивались всего только одним пряслицем и 3 черепками глиняных сосудов. Трудно предположить, чтобы это были остатки городских стен, потому что они стоят слишком близко к центру детинца и находятся далеко от его края.

Наиболее вероятным будет предположить, что это остатки двух последовательно сооруженных (сначала меньшего, а потом большего) деревянных жилых домов, более крупных, чем другие, хотя доказательств этому пока у нас нет.

Характер жилого дома имеют и остатки сруба, сохранившегося лишь частично, расположенного к западу от главной улицы. Углом своим этот сруб, ориентированный также с юго-запада на северо-восток, опирается на дощатую вымостку, прилегающую с запада к мостовой главной улицы детинца. От этого сруба сохранились лишь нижние венцы юго-восточной стены и частично юго-западной и северо-восточной. Поэтому определить ширину этого дома невозможно. Длина дома достигала 6 м, т. е. значительно превосходила описанный выше «дом гончара». Наиболее характерной особенностью этого очень плохо сохранившегося сруба является его членение на две неравные части внутренней стеной. Иначе говоря, дом, остатки которого имеются здесь, был, по-видимому, пятистенным. При этом большая, северо-восточная часть дома была жилой, а меньшая, юго-западная, вероятно, представляла холодные сени.

Впоследствии, видимо, при постройке самого позднего (первого сверху) настила и вымостки у его западного края бревна этого сруба частично были уничтожены, частично несколько сдвинуты, а длинное бревно юго-восточной стены дома переломано. Естественно, что при этом ни остатков печи, ни следов пола не могло сохраниться. Однако, как ни плохо сохранились остатки этого сруба, они указывают на то, что наряду с обыкновенными, квадратными в плане, четырехстенными домами существовали и пятистенные жилые дома, что, очевидно, находилось в зависимости от социального положения их хозяев.

Срубным сооружением, довольно хорошо сохранившим свои очертания и относящимся к слою, соответствующему времени существования 2—3 настилов, т. е. к концу XII—началу XIII в., является небольшой сруб размером 3X3 м, находившийся в 8 м к западу от края замощенной площадки, примыкавшей к мостовой главной улицы детинца. Ориентировка и этого сруба—с юго-запада на северо-восток, т. е. примерно такая же, как и всех остальных построек.

Исследование культурных слоев во втором небольшом раскопе, всего в 16 кв. м, заложенном в 40—45 мк юго-западу от основного раскопа, показало, что и здесь, как и в центральной части Замчища, имеются почти столь же мощные культурные слои, вплоть до древнейших. В частности, в этом раскопе обнаружено было 10 ярусов дощатых настилов, расположенных друг над другом. Рядом с западным краем верхнего настила вскрыто было 23 плотно прилегающих друг к другу деревянных кола, вбитых вертикально в землю (рис. 15).

На верхнем настиле сохранились остатки какого-то деревянного сооружения, возможно, метательного орудия типа баллисты и расположенные рядом три круглых каменных ядра.

Эти остатки деревянных сооружений стратиграфически датируются временем не раньше XIV, а может быть, и XV ст.ст.

Ниже верхнего настила был открыт изумительной сохранности бревенчатый сруб.

Хорошая сохранность его позволяет установить некоторые детали. Так, в самом верхнем из 10 сохранившихся его вен-

Рис. 15. Общий вид остатков оборонительных сооружений в малом раскопе 1948 г. на юго-западном краю Замчища.

Слева колья частокола, справа три каменных ядра, в центре остатки метательного орудия.

нов оказалось вырубленное топором прямоугольное отверстие для выхода дыма. Внутри сруба сохранилось несколько длинных досок. Пространство внутри этого сруба было заполнено землей с обильной примесью навоза и перегноя, имевших большое значение для сохранности бревен сруба.

Мощные слои этого раскопа, расположенные под верхним настилом, относятся, очевидно, ко времени между XI и XIII вв. В них было много предметов, говорящих о развитии ремесленного производства: сапожная деревянная колодка, многочисленные обрезки кожи, остатки кожаной обуви, обломки бочонка и обручей, маленький глиняный тигелек с натеками металла на его стенках и железный ухватик для держания тигелька над огнем (рис. 16). Находки двух обломков цветных стеклянных браслетов и двух шиферных пряслиц датируют этот слой XII—XIII вв.

Жилые срубные дома в слоях XII — XIV вв., как выяснилось в процессе раскопок, часто возобновлялись постройкой

на прежнем месте после того, как пожар уничтожал более ранние жилища. В некоторых случаях эти жилые дома отстраивались три раза на том же месте.

Нижние венцы некоторых жилых домов стояли прямо на земле, возможно, даже были опущены в землю. В других случаях углы дома опирались либо на массивные вертикально вкопанные деревянные столбы, либо на крупные камни.

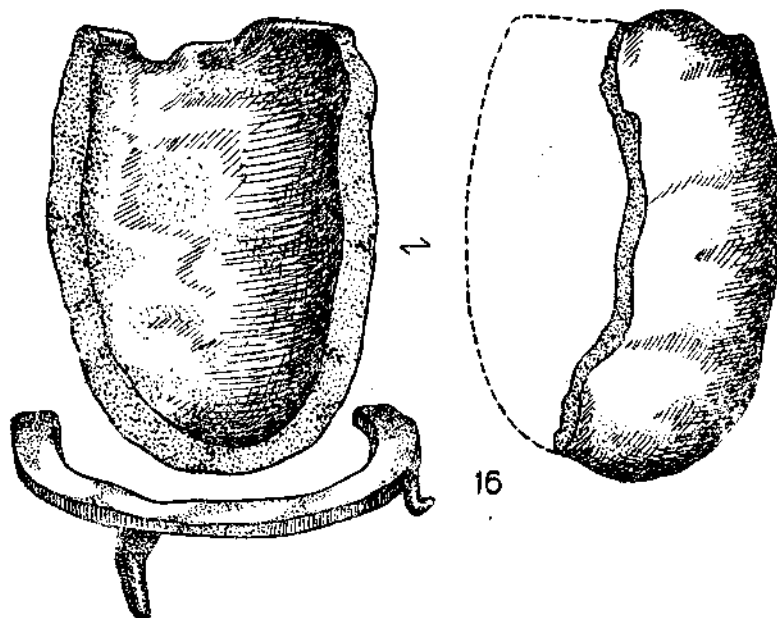

Рис. 16. Глиняный тигелек с железным ухватиком к нему.
($\frac{4}{5}$ нат. вел.).

В двух случаях внутри домов были обнаружены обугленные зерна пшеницы, проса, льна и конопли.

Все дома, остатки которых были выявлены в слоях XII — XIV вв., за одним лишь исключением, были рублены «в обло» или, как говорят в Белоруссии, «на простой угол». И только один жилой дом в центре раскопа, находившийся уже в слое XIV в., был срублен «в лапу». Концы бревен каждого венца этого дома не выдавались наружу, а небольшие выступы одного из них плотно входили в вырубы другого, так что снаружи получался гладкий угол.

Переходим к рассмотрению вскрытых раскопками на дещинце древнего Минска остатков каменного храма. Открытие в Минске руин храма явилось полной неожиданностью, так как никаких письменных указаний о нем не имеется. В связи с этим следует остановиться на вопросе о времени существования храма и его строителях.

Сопоставляя археологические данные со свидетельством летописи о первом минском князе Глебе Всеславиче, получившем стол в Минске после смерти отца, полоцкого князя Всеслава Брячиславича в 1101 г. и о свержении Глеба и захвате его в плен киевским великим князем Владимиром Мономахом в 1119 г., приходится признать, что наиболее вероятным строителем минского храма является князь Глеб. Он стремился вести широкую завоевательную политику, нападал на Слуцк, Смоленск и, вероятно, построил в Минске каменный храм с целью поднять значение Минского княжества.

Летописные данные говорят, что после пленения князя Глеба в 1119 г. и вплоть до возвращения в Минск в качестве князя его сына Ростислава в 1146 г. город управлялся непосредственно киевским великим князем, вероятно, через его наместников. Разрушение минского храма, возможно, должно было подчеркнуть утрату Минском его положения как стольного княжеского города и могло произойти при поражении и пленении в 1119 г. Глеба Всеславича.

К периоду с 1119 по 1146 г. следует относить устройство кладбища внутри стен разрушенного или прекращенного постройкой каменного храма.

Новую планировку города с прокладкой первых деревянных мостовых, перекрывших сверху территорию храма, следует связывать с возвращением в Минск в 1146 г. Ростислава Глебовича, которое произошло, очевидно, с разрешения киевского князя Изяслава Мстиславовича. Такая датировка не противоречит как археологическим данным, так и летописи.

По целому ряду особенностей своего архитектурного оформления храм чрезвычайно оригинален.

Остатки стен храма состоят из валунных камней крупных и средних размеров (рис. 17). Отдельные камни имели в диаметре приблизительно от 0,12 до 0,4 м. Они были цементированы между собой известью желтовато-серого цвета, т. е. техника кладки стен храма полубутовая. Тем самым выяснилось назначение творила, или ямы для гашения извести.

Алтарь храма ориентирован, как это было обычным для всех древнерусских храмов, на восток, но с отклонением до 15° к северу.

Стены храма имеют значительную толщину, в пределах 1,5—1,6 м (рис. 18). Уцелевшее начало стены храма залегает, начиная от 4,03 м глубины от репера. Общая высота сохранившейся части стены храма вместе с фундаментом у алтарной ее части достигает 2,57 м. Фундамент стены храма был впущен довольно глубоко в землю. Он перерезал наиболее ранний на Замчище культурный слой, который находился непосредственно на древней почве, погребенной под всеми позднейшими культурными наслоениями, на уровне 5,2 — 5,3 м. Фундамент был углублен в материк, состоящий из крупно-

зернистого желтого песка. Низ фундамента, впущенный в материк, залегал здесь на глубине 6,6—6,75 м от поверхности. Таким образом, из 2,57 м на стену падает 1,17 м, на фундамент—1,40 м.

Удалось также проследить следующую особенность в технике сооружения фундамента: на наружной стороне фундамента, на извести, покрывавшей поверхность его камней, от-

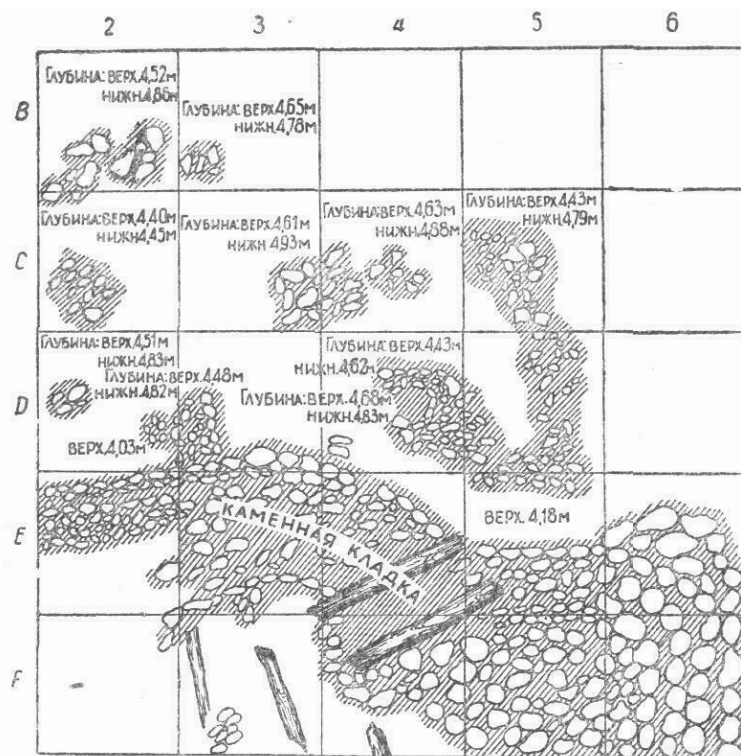

Рис. 17. План остатков каменной кладки стен храма, вскрытых в 1949 г., вместе с развалом камней.

четливо заметны были следы тонких досок, забитых вертикально в землю у стенок рва (канавы), вырытого для закладки фундамента. Нижняя часть этих досок была заострена в форме треугольника, очевидно, для удобства при забивании в землю и уходила глубже, чем фундамент, на 0,1 — 0,25 м, т. е. до глубины 6,85 м.

Доски этой опалубки должны были предотвращать просачивание извести, скреплявшей камни фундамента, в стенки котлована и обеспечить большую прочность здания храма.

Храм имел три нефа: центральный с алтарным полукружием—абсидой и два боковых.

При расчистке внутренней части центральной абсиды храма как раз посреди ее был обнаружен зарытый вертикально в землю камень в виде тщательно отесанной прямоугольной плиты, достигающей 0,5 м длины.

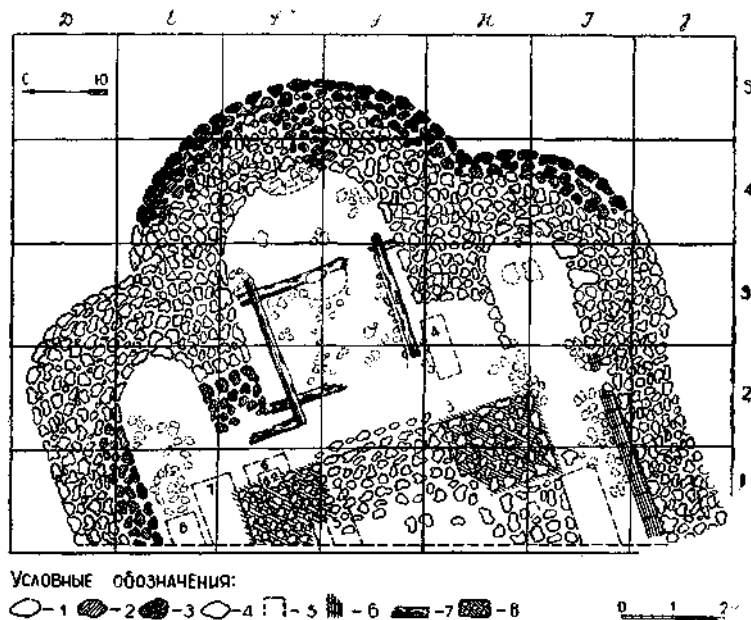
Центральное полукружие заметно выступает вперед. В этом полукружии, в алтаре, находился «камень заложения» (обычно помещавшийся под престолом, в центре алтаря). Концы стен алтарного полукружия несколько выдаются на запад, т. е. в середину церкви.

Рис. 18. Внутренняя поверхность храма с основаниями четырех столбов и соединительными перемычками из камней между столбами на уровне 5,4 м. Вид с запада, сверху.

Храм квадратный (12X12 м), плюс выдающаяся вперед алтарная абсида, что даст общую длину храма с востока на запад в 16 м. В средней части храма ясно видны прямоугольные основания четырех каменных столбов, состоящие из плотно сцементированных известью камней булыжника, но меньших, чем камни стен, и более тщательно отесанных. В каждом из четырех столбов в их углах, обращенных к центру храма, имеются явственно различимые прямоугольные выемки. Между четырьмя столбами, соединяя их друг с другом, залегает каменная кладка, состоящая из свободно лежащих на земле валунов. Вместе с основанием самих столбов кладка эта дает в плане почти точный квадрат, каждая сторона которого составляет 3,5—3,75 м.

На восточном конце южной кладки стены храма обнаружен был фрагмент внутренней облицовки стены, состоящий из гладко обтесанных и плотно скрепленных между собой известью брусков известняка или плиток кирпичеобразной формы. Эта облицовка распространяется почти на все протяжении южной стены и на южный конец западной. Размеры плиток такие: 29,5X20X9,5 и 19X14,5X5,5 см.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

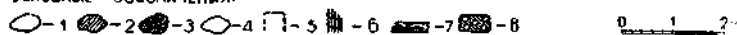

Рис. 19. План алтарной части каменного храма, вскрытой в 1950 г., с четырьмя бревнами внутри центральной абсиды: 1 — камни первого ряда сверху; 2 — камни второго ряда; 3 — камни третьего и последнего рядов; 4 — камни развала; 5 — очертания гробов; 6 — облицовка из плиток известняка; 7 — бревна; 8 — площадь, являющаяся основанием столбов, внутри которой камни скреплены известью.

Кроме того, выявлены были ясные следы трех лопаток (выступов, расчленявших в вертикальном направлении внутреннюю поверхность стен храма), одной на южной и двух на северной стенах. Лопатки эти были расположены против внутренних столбов храма.

Верхняя часть храма находилась на уровне четырех полуистлевших деревянных балок. Две из этих балок, покоившиеся на каменных подушках, примыкавших к боковым стенам абсиды, были расположены параллельно стенам, но вследствие подковообразной формы алтарной абсиды не были строго параллельны друг другу (рис. 19). Другие две балки такой же

степени сохранности, соединенные с первыми двумя с помощью вырубов на концах, располагались более или менее параллельно друг другу. В плане вся эта деревянная конструкция образовывала трапецию, обращенную своей узкой стороной или вершиной на запад, а более широкой стороной или основанием на восток.

Любопытно строение каменных подушек, на которых покоились эти балки. Первоначально подушки производили впечатление большой прочности и казались выступами самой каменной кладки стены храма, обращенными внутрь абсиды. Позднее, когда земляное заполнение абсиды было расчищено до глубины 5,75 м, выяснилось, что каменные подушки внутри абсиды, также состоявшие из слегка подтесанных камней, были скреплены известковым раствором, но в нем оказалась значительная примесь песка, что уменьшало скрепляющие свойства раствора. Удалось установить, что подушки эти не представляли единого целого с каменной кладкой фундамента и стен храма. Как уже было отмечено, часть каменной кладки, которая составляла собственно фундамент, была обшита как снаружи, так и изнутри здания храма своеобразной опалубкой. Последняя состояла из плотно пригнанных одна к другой тонких досок, следы которых хорошо заметны в виде отпечатков досок на извести.

Вдоль южной и северной стен абсиды находились подушки из валунов, которые имели в высоту и в ширину по 0,45 м, в длину 2,7 (южная) и 3,2 м (северная). Подушки в абсиде начинаются, считая от нижнего их уровня, с высоты 5,35 м и заканчиваются вверху на уровне 4,9 м. После того как земля, на которой лежали подушки, была убрана, они под влиянием собственной тяжести стали распадаться. Нижнюю часть подушек на уровнях 5,35—5,2 м и стену основной кладки фундамента четко разделяют следы дощатой опалубки, а именно прослойка извести с остатками древесины и отпечатками истлевших досок.

Каменные подушки, весьма близкие по своей структуре к алтарным каменным подушкам, имеются и с внутренней стороны стен храма, южной, северной и западной (там, где эти подушки сохранились и не разрушены позднейшими погребениями внутри храма).

Внутренняя облицовка, состоящая из гладко отесанных и плотно скрепленных между собой известняковых брусков или плиток кирпичеобразной формы, также опиралась снизу на каменную подушку, аналогичную по своей структуре алтарным. При этом выяснилась одна любопытная деталь в сооружении облицовки. Известняковые плитки при сооружении облицовки применялись двух типов — утолщенные и более тонкие. Размещались они в такой последовательности: сперва шел ряд более массивных, ниже ряд более тонких, затем

опять более массивных и так далее. Укладывались они подобно кладке кирпичной стены—широкой частью горизонтально. Швы между каждыми двумя плитками нижнего ряда приходились посередине плитки верхнего ряда. Сохранившаяся часть облицовки состоит всего из 4—6 рядов облицовочных плиток известняка. Каждая плитка тщательно обработана зубилом (рис. 20).

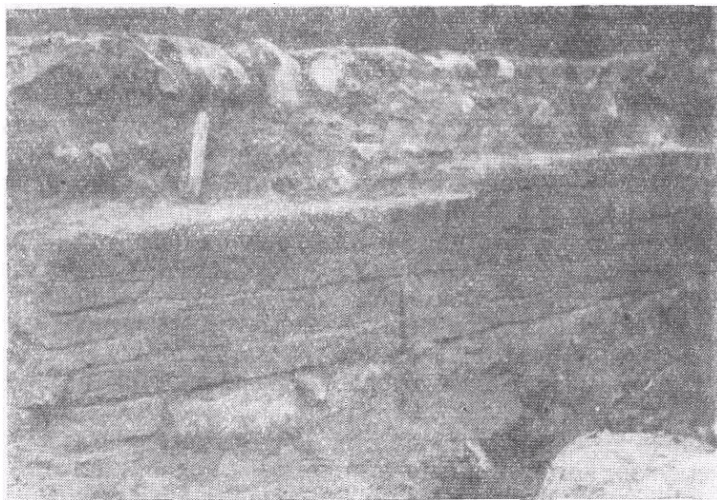

Рис. 20. Вид облицовки из плиток известняка на внутренней стороне южной стены храма. Вид с севера.

Все эти детали оформления внутренней стены храма свидетельствуют об оригинальных архитектурных приемах у строителей храма.

Каменные подушки у внутренних стен храма достигают высоты 0,9 м, в то время как каменные подушки внутри алтарной абсиды имеют высоту лишь в 0,45 м. Ширина же тех и других одинакова и составляет 0,45 м. Когда у восточного конца подушек внутренних стен, южной и северной, была удалена земля, на которую они опирались, подушки также легко стали разрушаться под действием собственной тяжести, как и подушки внутри абсиды. Эти данные позволяют допустить в качестве наиболее вероятного предположения, что эти каменные подушки, как находившиеся внутри алтарной абсиды, так и являвшиеся основанием облицовки, одновременны друг другу.

Можно утверждать, что поскольку облицовка является частью архитектурного оформления храма, каменные подушки, на которых покоится облицовка, тесно и непосредственно связаны со строительством храма. Следовательно, нужно по-

лагать, что и подушки внутри алтарной абсиды храма тоже тесно связаны с его архитектурой.

Выше упоминалось, что на каменных подушках алтарной абсиды лежали два бревна, составляя вместе с двумя поперечными бревнами нечто вроде сруба.

Считать эти бревна нижним венцом сруба от какого-то позднейшего бревенчатого сооружения (например деревянной часовни, построенной на месте разрушенного или оставшегося недостроенным каменного храма) мешает то обстоятельство, что в плане все эти четыре бревна представляют не квадрат и даже не прямоугольник, а скорее напоминают трапецию. Причиной такого расположения бревен является непараллельность боковых частей стены алтарной абсиды, вдоль которых были уложены два продольных бревна, так как очертания самой абсиды в плане напоминают подкову. Установленная же выше связь каменных подушек внутри алтарной абсиды со строительством храма совершенно опровергает версию о принадлежности остатков бревен позднейшей часовне, поскольку каменные подушки внутри алтаря должны были служить основанием этих бревен, а может быть, и основанием исчезнувшей облицовки стен алтаря. Отсюда следует, что бревна эти также неразрывно связаны с сооружением храма.

При зачистке внутренней части обеих (северной и южной) боковых абсид на глубине 6 м были обнаружены во внешних стенах последних три горизонтальных деревянных бруса, пересекающих кладку фундамента почти на полную толщину каменной кладки (т. е. на 1,3 м) с внутренней стороны абсид.

Эти брусья, плотно примыкающие друг к другу в горизонтальном положении, может быть, продолжают и внутри самой центральной абсиды в поперечном направлении. Концы их были впущены в фундамент выше его основания через преднамеренно оставленные в фундаменте отверстия.

За то, что эти брусья являлись одной из конструктивных особенностей архитектуры храма, говорит тот факт, что они лежали не просто на земле, а на тонком слое мелких камней. Кроме того, поверх этих брусьев в обеих боковых абсидах прослежен был слой более крупных колотых камней, скрепленных между собою известью желтоватого цвета.

Наконец, необходимо отметить, что на южной облицованной известняковыми плитками стене храма при окончательной зачистке внутренней его поверхности удалось выявить основание лопатки. Два таких же основания лопаток против обоих (переднего и заднего) северных столбов были обнаружены и на северной стене храма (рис. 21).

В отличие от основания лопатки на южной стене храма, имевшего правильные очертания, остатки обеих лопаток на

северной стене имели неправильную форму и были сложены из таких же слегка подтесанных камней, как и сама каменная кладка стен храма. Очевидно, облицовка этих лопаток, как и самой северной стены, не сохранилась. Однако уровень основания северных лопаток такой же, как и лопатки южной стены, т. е. находится на глубине 5,4 м.

Рис. 21. Общий вид остатков каменного храма, вскрытого на минском Замчище. Вид с востока, сверху.

Таким образом, как было отмечено, из 2,57 м (в среднем), уцелевших от кладки храма, 1,4 м кладки по вертикали приходятся на фундамент, а 1,17 м—на стену. Можно предположить, что после разрушения храма или после того, как он остался недостроенным, в течение двух—трех десятилетий площадь внутри его стен использована была в качестве кладбища.

При расчистке земляного заполнения внутри храма было обнаружено 21 погребение на уровнях от 4,7 до 6,0 м (рис. 22). В северной абсиде храма размещены два погребения в гробах из массивных сосновых досок, обтесанных при помощи топора: у самой стены храма—детское, а рядом с ним, к югу — женское. Оба гроба в плане прямоугольные, в разрезе (в торце) дают квадрат. Доски обоих гробов скреплены путем помещения ребра поперечной доски в выруб продольной. На концах доски гробов скреплены были специальной деревянной планкой с вырезом. Железные гвозди при скреплении досок гроба не были применены, хотя в земле внутри храма такие гвозди встречались неоднократно.

Нижние доски детского гроба оказались покрытыми снизу смолой. Крышки обоих гробов и боковые их стенки снаружи были обернуты берестой.

Детский костяк плохо сохранился: кости почти полностью разложились, вещей и остатков одежды незаметно.

Рис. 22. Погребения внутри храма, примыкающие к его западной стене. Вид с юго-востока, сверху.

Женское погребение, оказавшееся наиболее интересным среди всех погребений внутри храма, сохранилось гораздо лучше. Череп и крупные кости скелета уцелели. Сохранились две косы, уложенные вокруг головы. На голове оказались венчики: один из цветов птармики (*ptarmica vulgaris* L.)¹, другой из полотна. Вокруг шеи находилось ожерелье из кожи, у талии—шерстяной пояс с медной или бронзовой подковообразной пряжкой, обшитой шерстяной материей. Такая же шерстяная ткань небольшими кусочками попадалась вдоль всего костяка. На ногах погребенной были мягкие кожаные туфли, одна из которых, левая, хорошо сохранилась. На передней ее части заметен проколотый и, вероятно, прошитый нитками эсвидный узор.

Изучение этого женского костяка в камеральных условиях показало, что он принадлежал молодой девушке либо подростку 14—17-летнего возраста² и что смерть ее последовала,

¹ По определению А. П. Пидопличко.

² По определению проф. Д. М. Голуба.

очевидно, в результате гнойного воспалительного процесса в правой ушной полости или костного туберкулеза.

Условия нахождения этих двух погребений не позволили сразу же установить, одновременны ли они храму, внутри стен которого они были обнаружены. Только в дальнейшем удалось выяснить, что погребения относятся к более позднему времени.

Кроме этих двух погребений, в том же слое, в центральной части храма, было обнаружено еще шесть погребений, из которых три оказались детскими. Все шесть погребений являются, несомненно, более поздними и не имеют прямой связи с каменным храмом.

В западной половине храма было обнаружено еще 13 погребений. Два более поздних погребения найдены вне храма. Таким образом, общее число всех погребений равно 23. Но считая двух погребений вне храма, которые стратиграфическими данными датируются временем не ранее XIII ст., остальное 21 погребение впущено в землю на территории храма после разрушения храма или когда постройка его была прекращена.

Все захоронения, находившиеся внутри храма, были совершены не позднее второй половины XII ст. Это доказывается тем, что над всей площадью храма и поверх погребений выявлено было четыре яруса уличных настилов, остатки срубных жилых домов и хозяйственных построек. Все эти остатки позднейшего деревянного города сплошь перекрывали, нигде не прерываясь, сверху территорию храма и погребения,

Такие перерывы были бы неизбежны, если бы захоронения внутри храма совершались после сооружения самой ранней бревенчатой мостовой, датирующейся временем не позднее конца XII в.

Гробы всех погребений сделаны из массивных сосновых досок и по технике изготовления аналогичны погребениям в северной абсиде. Все гробы были обернуты берестой и лежали головами на запад. Руки покойников были скрещены натруди. Вещей, кроме плохо сохранившихся остатков одежды и обуви, при костяках не оказалось. Самые костяки также в большинстве своем плохо сохранились. Вся площадь западной половины храма сплошь заполнена погребениями. Местом внутри храмовой стены, видимо, настолько дорожили, что не останавливались перед частичным разрушением кладки стен храма для того, чтобы можно было поместить большее количество гробов. Можно с полным основанием утверждать, что именно по этой причине оказалась полностью разрушенной облицовка всей северной и большей части западной стен храма. Один из гробов оказался даже вдвинутым своим западным концом в специально выдолбленное углубление в западной стене храма. Позднее он был обрублен с восточного конца, причем кости

ног скелета были смещены к голове. Целью этого было освободить место еще для одного, вероятно, зарытого несколько позже гроба и расположенного ближе к середине храма,

Наличие кладбища, возникшего уже после законченного или незаконченного строительства храма, говорит о том, что и после этого территория храма продолжала считаться

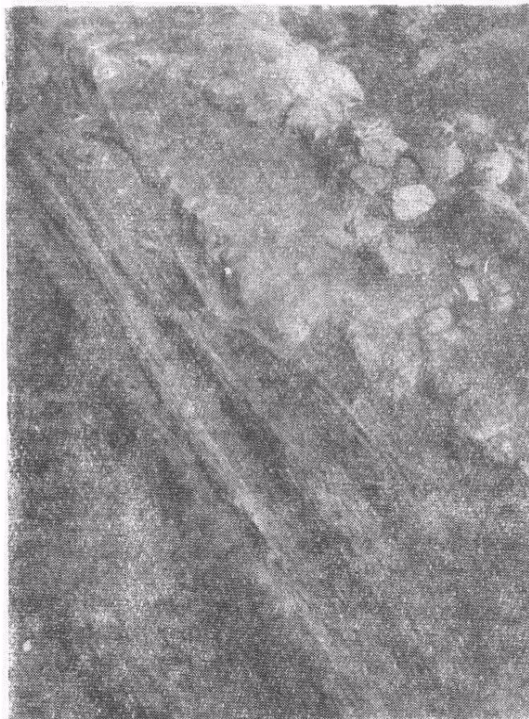

Рис. 23. Гать из древесных комлей, примыкающая к центру западной каменной стены храма с наружной его стороны, Вид с юга, сверху.

«святым местом», которое могло использоваться для захоронения жителей города. Кладбище это, видимо, посещали родственники, о чем говорят дощатая кладка поверх сохранившейся северной части стены и часть гати из древесных комлей, примыкающая к остаткам западной стены храма (рис. 23).

К юго-востоку от храма на глубине 3,5—3,75 м от репера были найдены два дощатых сосновых гроба с костяками. Оба гроба, как и гробы внутри храма, были сбиты без применения железных гвоздей. Покойники положены были головами на запад с руками, скрещенными на груди (рис. 24).

Оба эти погребения находились сразу же под верхним настилом мостовой южного переулка, от которой их отделяла лишь тонкая прослойка перемешанной земли. Поскольку оба эти погребения перекрыты верхним настилом, следует пред-

Рис. 24. Общий вид двух погребений вне храма. На первом плане, ниже погребений—стена храма. Вид с северо-запада, сверху.

полагать, что время их не может быть моложе начала XIII ст. В то же время они явно не связаны с каменным храмом, верх стен которого залегает в этом месте гораздо ниже (на глубине 4,25-4,03 м). Стены храма проходят в 1,5-2,0 м западнее погребений. Гробы оказались завернутыми в большие куски бересты. Более или менее удовлетворительно сохранились черепа и крупные кости скелетов, мягкая кожаная обувь в виде туфель с кожаными же шнурками-завязками, кожаные „параманды“ с крестами на груди, сплетенные из кожаных шнурков. Очень плохо сохранились остатки нижней, льняной, и

верхней, шерстяной, одежды. Это, несомненно, христианские православные захоронения.

4. Хозяйство древнего Минска

Раскопки, проводившиеся в течение семи лет, доставили большое количество всякого рода находок, попавших в культурные слои за время существования города. Находки отличаются большим разнообразием и позволяют характеризовать жизнь города на протяжении нескольких столетий.

Среди различных отраслей ремесленного производства, которыми характеризуется жизнь Минска XI—XIV вв., на первом месте следует поставить обработку железа.

Следами обработки и изготовления на минском детинце-предметов из железа являются весьма частые в слоях XII—XIV вв. находки железных шлаков. Они могли остаться на месте при ковке железных изделий в кузницах.

В Древней Руси наиболее распространенными и характерными для раннефеодального времени и как орудия труда, и как оружие были, конечно, топоры.

Широкое применение железных топоров хорошо прослеживается по материалам минских раскопок. При раскопках в слоях XII—XIII вв. был обнаружен один обломок железного топора, а также многочисленные следы употребления топоров и тесел в строительном деле. Следы такого употребления прекрасно заметны в виде рубки, отесывания и зарубок, сделанных топором и теслом на бревнах сохранившихся срубных построек, на мостовых и на различных деревянных поделках (бочках, гончарном круге и других).

Характерными для Минска орудиями труда являются обыкновенные ножи (рис. 25). Всего их найдено 21, из них 8 в слоях XII—XIII вв. Ножи небольших размеров, сильно изношены, что связано с их долговременным употреблением. Один железный нож имел отверстие для подвешивания к поясу.

Ножам как бы сопутствуют найденные рядом точильные бруски из камня, большей частью из серого песчаника. Всего обнаружено 17 брусков, из них 9 в слоях XII—XIII вв.

К изделиям из железа принадлежат серпы, гвозди, ножницы для стрижки овец, шилья, иглы для шитья, рыболовные крючки, замки, дверные скобы и т. п. Железные кованые гвозди разных размеров встречаются часто. Их найдено всего 158, из них в слоях XII—XIII вв.—37, а в слоях XI в.—6. Большинство из них имеют круглые шляпки (см. рис. 26).

Редкими среди минских находок были железные иглы. Единственная найденная железная игла имела 5,5 см в длину и диаметр ушка в 1,5 мм.

Из предметов сбруи можно указать на железные удила (рис. 27), а также на железную пряжку от сбруи и железные шпоры.

Имеются находки 5 замков (целых и в обломках), сделанных из железа, и 12 ключей. Все замки цилиндрические как с вставляющимися дужками, так и с дужками, соединенными с корпусом замка на шарнире.

Среди висячих замков с дужками, скрепленными с корпусом замка на шарнире, отличается от всех других по своему устройству найденный на глубине 4—4,25 м (XII в.) массивный, цилиндрической формы, обмедненный железный замок с двумя внешними и двумя срединными обручами, скрепляющими его корпус (рис. 28). Интересен и длинный трубчатый висячий замок («путный»), найденный на глубине 5,2—5,25 м (рис. 29). Ключи имеются как от врезных дверных замков, так и от цилиндрических висячих, обычно небольших размеров. Среди ключей от внутренних врезных замков обращают на себя внимание железный ключ в 12,8 см длиной с широ-

Plate 1 displays a collection of archaeological artifacts, numbered 25 through 34. The items include:

- 25: A small, dark, pointed object, possibly a flint arrowhead or a small knife.
- 26: A long, thin, pointed object, possibly a spearhead or a long knife.
- 27: A large, curved, and somewhat irregular object, possibly a bone handle or a large knife.
- 28: A small, circular object with a handle, possibly a ring or a small wheel.
- 29: A small, circular object with a handle, similar to 28 but with a different shape.
- 30: A large, irregular object with a handle and a circular base, possibly a large knife or a tool.
- 31: A large, irregular object with a handle and a circular base, similar to 30 but with a different shape.
- 32: A small, curved object, possibly a bone handle or a small knife.
- 33: A small, curved object, possibly a bone handle or a small knife.
- 34: A large, irregular object with a handle and a circular base, possibly a large knife or a tool.

Как типичные ключи к висячим замкам можно отметить три ключа, изображенные на рисунке 32.

О наличии в древнем Минске обработки железных и стальных изделий, а может быть, и поделок из цветных металлов свидетельствует найденное в слое конца XII—начала XIII в. небольшое по своим размерам круглое каменное точило (диаметром в 6 см, толщиной 1,2 см, с диаметром отверстия 1,7 см) с квадратным отверстием в центре. Такие точила применялись древнерусскими кузнецами и слесарями при изготовлении орудий труда и оружия, имеющих острые режущие и рубящие лезвия.

234

(Белая Вежа)¹. Минская находка является, таким образом, четвертой.

Как по небольшим размерам, так и по квадратному отверстию в центре точило можно считать, несомненно, инструментом древнего слесаря или кузнеца. Малые размеры минского точила дают основание думать, что это был точильный камень, служивший для заточки и шлифовки поверхности небольших предметов черной, а может быть, и цветной металлургии.

Кроме предметов из железа, встречены изделия и из других металлов. Очень частыми были находки кусочков окислившейся меди. Это свидетельствует о вероятном наличии здесь обработки цветных металлов и об изготовлении из них изделий.

Среди медных, бронзовых и серебряных изделий можно указать следующие. Обычным орудием в кожевенном производстве и в сапожном деле были шилья.

Бронзовых шильев, совершенно одинаковых по своей форме, с лопатковидными псевдозернеными рукоятками найдено два экземпляра (рис. 33).

К изделиям из цветных металлов принадлежит фрагмент края медного церковного колокола, обнаруженный в северо-западной части храма на глубине 4,75—5,0 м. Колокол имел диаметр около 0,5 м (рис. 34).

Известна находка одного миниатюрного топорика из свинца, по своей форме обычного курганного типа. Размер его в длину 5,5 см, наибольшая ширина 1,5 см (рис. 35). Этот топорик не был, конечно, орудием, имел скорее всего какое-то магическое значение и был, может быть, амулетом.

В больших количествах найдены всякого рода украшения. В их ряду могут быть прежде всего отмечены металлические и стеклянные браслеты.

Среди металлических браслетов весьма любопытным объектом является золотой браслет, обнаруженный при зачистке внутренней части храма рядом с одним из детских погребений, на границе южного нефа и центральной части храма. Браслет очень массивен (75,472 г), витой и состоит из трех сложенных вдвое толстых золотых проволок, перевитых друг с другом. Оба несоединенные между собой конца изображают искусно сделанные стилизованные головы, может быть, изображения змеиных голов (рис. 36).

Золото, из которого изготовлен браслет, бесспорно, свидетельствует о том, что он предназначался для ношения не крестьянской женщиной и даже не обычной горожанкой, а представительницей знати. Тщательность и искусная обра-

¹ Г. Б. Федоров, Славяне Поднепровья. По следам древних культур. Древняя Русь. Гос. изд. культ. просвет. лит., 1953, стр. 144—145.

ботка браслета говорит о том, что он был изготовлен в мастерской высококвалифицированного городского мастера-ювелира. Наконец, наличие на браслете змеиных головок доказывает, что изготовлен он был, возможно, на территории распространения змеиного культа, вероятнее всего, на территории современной Белоруссии

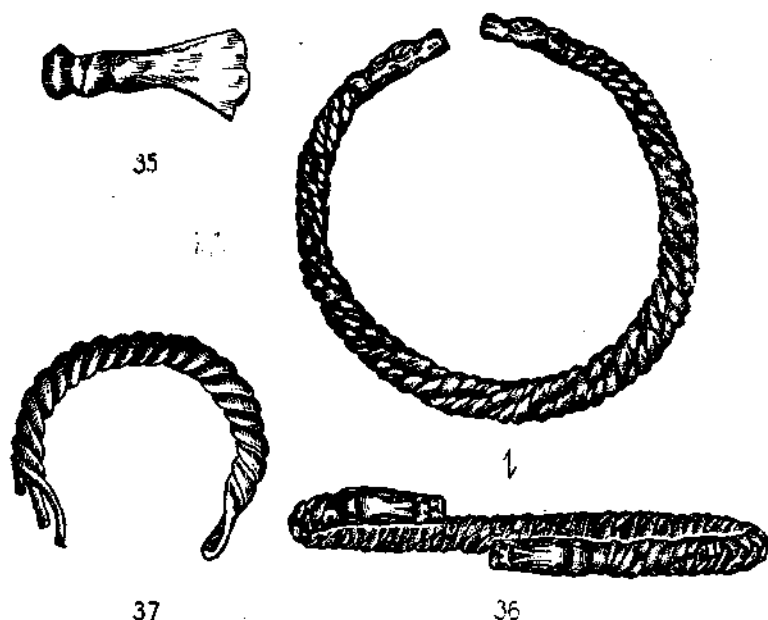

Рис. 35—37. ($\frac{3}{4}$ нат. вел.).

Медные или бронзовые пластинчатые браслеты со змеиными головками на концах являются нередкой находкой в курганных погребениях на территории центральной части БССР, Литовской и Латвийской ССР. Подобные браслеты представлявшие украшения женской части сельского населения на этой территории, связываются обычно с наличием змеиного культа и нигде, кроме указанной территории, они не встречаются, если не считать единичных находок этого рода в раскопках, произведенных на месте некоторых древнерусских городов Среднего Поднепровья.

Из четырех других браслетов можно указать на 2 бронзовых браслета курганного типа XI—XIII вв., а также витой из бронзовой проволоки детский браслет со сплюснутыми концами, типа, относящегося к XIII в. (рис. 37).

Встречено 8 бронзовых перстней, из них только 3 целых.. Так, в слое между третьим и четвертым настилами найден бронзовый пластинчатый перстень с утолщением в виде спи-

рально перевитой проволоки. Относится он к концу XII—первой половине XIII в. и аналогичен гродненской находке¹, в северо-западном углу раскопа, вне храма, в слое XII в. отмечен медный пластинчатый перстень, сильно окислившийся бронзовый перстень с утолщенной центральной частью оказался между первым и вторым настилами мостовой.

Кроме того, имеется фрагмент хорошо сохранившегося перстня с утолщением в центральной части в форме жгута или плетения, а также щиток бронзового перстня (в слое XII в.).

В громадном количестве по всему раскопу встречены стеклянные браслеты, как гладкие, так и витые, различных цветов (рис. 38). Все браслеты представлены исключительно обломками. Общее число браслетов, вернее, их обломков, добытых за 7 лет раскопок, достигает 447. Чаще всего фрагменты браслетов обнаруживались снаружи или внутри срубов жилищ.

Витые и гладкие стеклянные браслеты различного цвета производились еще в первом тысячелетии н. э. в ремесленных мастерских Сирии, а затем и Византии. Однако, как это установили уже раскопки В. В. Хвойко², производство из разноцветного стекла браслетов, а также перстней и сосудов, равно как и эмалей, было освоено мастерами великокняжеского Киева, а также, вероятно, и других крупных городских центров Древней Руси в X в. С XI в. витые и гладкие разноцветные стеклянные браслеты широко распространяются во всех городских поселениях Древней Руси. Разгром Руси татаро-монголами привел к гибели городского ремесленного производства. В связи с этим прекратилось и производство стеклянных браслетов. Таким образом, время изготовления последних ограничивается периодом с конца X до середины XIII в.

Впрочем, раскопками последнего времени на древнерусском городище Колодяжен (В. К. Гончаров), а также в Костроме (М. В. Фехнер) доказано производство стеклянных браслетов не только в одном Киеве, но и в других городах Древней Руси³. Если это так, то производство стеклянных браслетов могло существовать и в городах, не испытавших татаро-монгольского нашествия, к числу которых относится ряд древнейших городов современной Белоруссии. В таких городах изготовление стеклянных браслетов могло продолжаться и позднее середины XIII в.

¹ Н. Н. Воронин, Древнее Гродно. МИА СССР, № 41, 1954 стр. 179, рис. 99, 3.

² В. В. Хвойко, Древние обитатели Среднего Приднепровья, Киев, 1913.

³ Г. В. Соловьев и В. В. Кропоткин, К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов Древней Руси, КС ИИМК, в. XLIX, 1953, стр. 23.

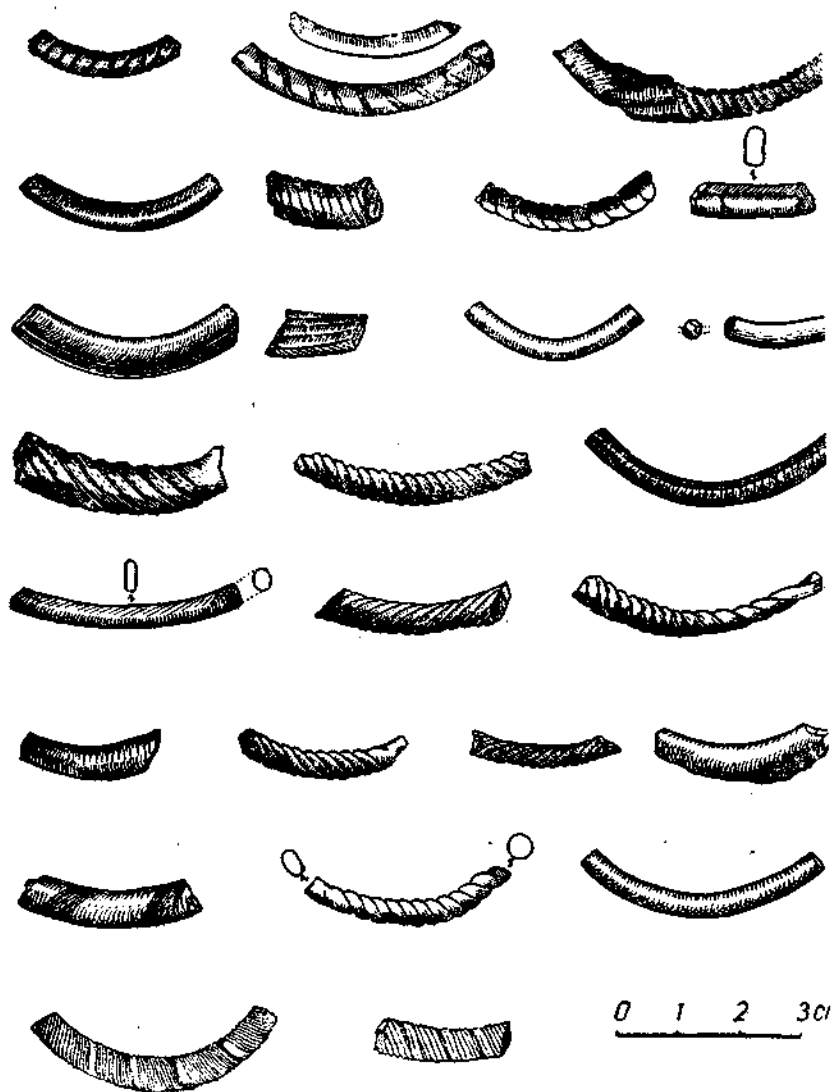

Рис. 38.

Прочие бумажные изделия в единичных экземплярах. Среди

Имеются (по 1 экземпляру) бусы заготовляемой граничной длины

Других стеклянных изделий, помимо упомянутых уже выше браслетов и бус, встречено немного.

Стеклянная посуда представлена находкой только одного небольшого сосудика из слоя XIII в. Он обнаружен на глубине 2,75 м в северной части детинца. Сосудик имел грушевидный корпус и короткое горлышко с широко отогнутым венчиком.

Весьма любопытной находкой является выпуклый «глазок» зеленоватого стекла, видимо, являвшийся украшением ларца или переплета книги.

Несомненно, что обработка дерева в ремесле древнего Менеска должна была занимать видное место. Об этом говорит уже тот факт, что в городе все жилые и хозяйственные постройки возводились из дерева. Единственным объектом Минска, сооруженным из камня, являлся храм. Срубы домов и хозяйственных построек были найдены в значительном числе. Видное место среди сооружений города занимали деревянные мостовые.

Что касается отдельных поделок из дерева, то к ним прежде всего надо отнести найденные в центральной части раскопа между бревнами I и II настилов на уровне 3,4—3,6 м, деревянные фрагменты, представляющие, видимо, части какого-то предмета производственного назначения. К числу этих фрагментов принадлежит деревянный предмет длиной в 0,47 м с вырезом посередине и закругленными концами, длинный деревянный шест и обработанный в виде треугольника кусок дерева с выдолбленными в нем двумя отверстиями—круглым сквозным, у вершины, и четырехугольным несквозным, с левой стороны треугольника. Ширина треугольника у основания 0,26 м, высота 30 см, толщина 0,50 см. Наконец, рядом с первыми тремя предметами обнаружен был довольно массивный круг, вырезанный из цельного куска дерева.

Все эти предметы, вместе взятые, являются, вероятнее всего, частями гончарного круга.

Интересно найденное на малом раскопе коромысло (рис. 41), видимо, от весов, вырезанное из дерева. Здесь же находилась палочка, оканчивающаяся круглым набалдашником и соответствующая вырезу коромысла. Рядом с этими находками найден деревянный резной шар с нарочито выдолбленными пустотами, которые, вероятно, заполнялись свинцом. В таком случае шар мог служить гирей к весам.

Наконец, в северо-восточной части раскопа в слое XII в. встретила деревянная игрушка в виде резного яйца, возможно, представлявшая разновидность писанки киевского типа, обычно изготавливавшейся из глины.

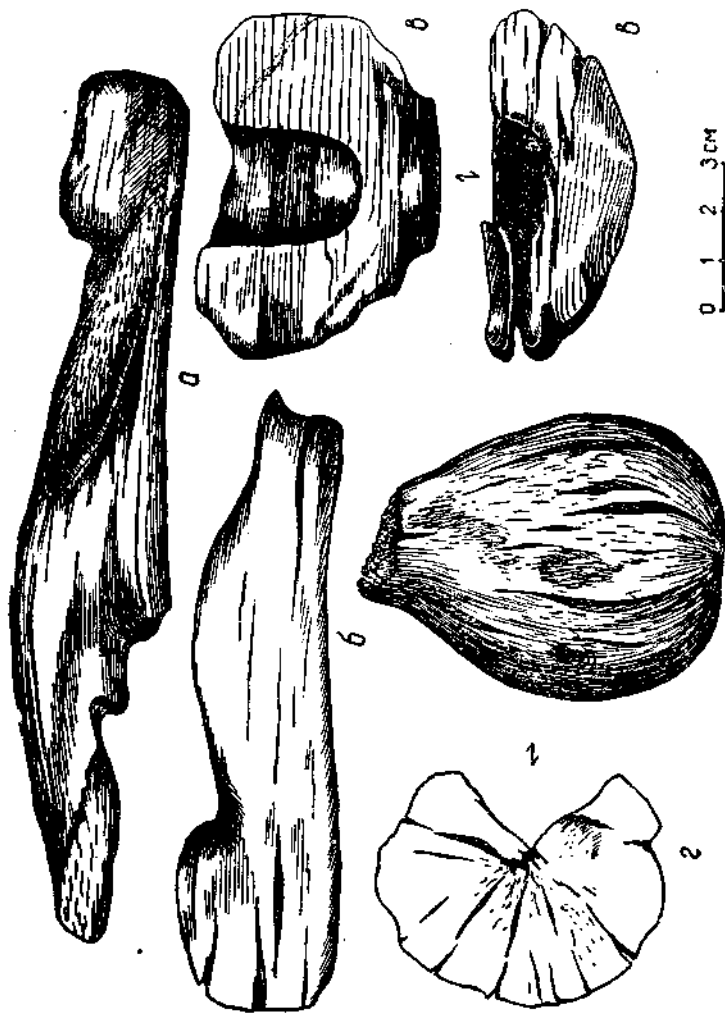

Рис. 41.

Деревянная посуда обнаруживается в гораздо меньшем количестве, чем глиняная. Это связано, конечно, с непрочностью материала. Найдены остатки бочонка (*днища*), обломков точеного деревянного блюда.

Днище бочонка рядом с кусками обгорелого дерева, сосновой и березовой коры и обломки других деревянных поделок найдены были на глубине 3,6—4,35 м в северо-западной части раскопа.

В северо-восточной части раскопа на глубине 5,03 м был найден фрагмент деревянного точеного мископодобного сосуда, наполненного сырой белой глиной, видимо, сохранявшейся в качестве сырья для изготовления глиняных сосудов. В этой связи интересен найденный обломок токарного резца.

Как показывают остатки каменного храма, в городе было известно камнетесное дело (стены храма сооружены из отесанного камня) и гашение извести.

Кожевенное производство представлено различными находками. О его существовании в Минске (и в связи с этим о сапожном ремесле) говорят неоднократные находки кожи в виде отдельных кусков и обрезков, а также находки целой обуви и ее остатков.

Обувь представлена остатками кожаных сапог и туфлями с наколотым иногда впереди орнаментом и кожаными шнурками для завязывания. Весьма часто кожаные туфли встречались в погребениях.

Интерес представляет сооружение, выявленное в северо-западной части раскопа на глубине 3,6 м. Здесь обнаружен был ряд забитых вертикально в землю кольев с обгоревшими верхними концами, составлявших род частокола. Рядом с частоколом лежала круглая деревянная колода, имевшая на одном конце в двух местах зарубки, видимо, производственного назначения. Судя по нахождению здесь же множества обрезков обработанной кожи, колода, вероятно, связана с кожевенным производством.

В материалах раскопок представлена обработка кости и рога.

К изделиям из кости относятся два костяных шила—одно целое (рис. 42), другое с отломанным концом. Из кости (и из дерева) делались гребни как односторонние, так и двусторонние. Из отдельных находок этих предметов можно отметить костяной двусторонний гребень с медными заклепками для скрепления его накладок (рис. 43).

Любопытно художественно орнаментированная мотивами розетки и геометрическими узорами костяная (либо роговая) накладка от ножен меча или кинжала (рис. 44). Накладка

имеет в плане форму удлиненного четырехугольника длиной 16,3 см, шириной 2,5 см в одном конце, 2,8 см—в другом.

К изделиям из рога, вероятно, лося, принадлежит фрагмент наверхия посоха, обнаруженного на глубине 5,3 м в 1,5 м от северной абсиды. Уровень 5,2—5,3 м — это уровень поверхности, на котором был сооружен древний каменный храм, возле которого наверхие и было обнаружено.

Таким образом, датировка наверхия посоха приближается ко времени сооружения храма.

Наверхие имеет круглую сквозную сверлину и два изображения родовых знаков древнерусских князей. Знаки нанесены нарезными линиями. Оба они имеют очертания двузубцев с крестом вверху, расположенным симметрично между двумя зубьями. Центральное изображение намечено в виде двух параллельных линий, соединяющихся у верхнего окончания зубьев, слегка отогнутых наружу. Сбоку центрального изображения имеется второй знак, находящийся в перевернутом по отношению к первому положении. Он также состоит, из двузубца с крестом вверху посреди двух зубьев, который висит в воздухе. Очертания двузубца намечены только одной линией, причем концы обоих зубьев отогнуты наружу (рис. 45).

Второй из знаков очень близок к знаку, имеющемуся на одной литейной форме гродненского Старого Замка¹.

А. В. Орешников, изучавший княжеские знаки собственности, в 1936 г. писал о них: «В основание моей классификации я поставил родовые знаки, руководствуясь принципом образования знака из простого в более сложный. Собрав рисунки главных типов знаков на монетах, я разделил их на три группы... в первую группу, наиболее, на мой взгляд, простую, я поместил знаки со сребреников Ярослава Мудрого; но видимая сложность знака Ярослава, имеющего в схеме трезубец, заставила меня предположить, что знак его отца, Владимира, был проще; но такого мы не знаем, и я поместил условно в предшествующее Ярославу колено знак, находящийся на одной привесной печати, найденной в Киеве, имеющий с обеих сторон в схеме вилы (двузубец). Думаю, что подобный знак мог иметь отец Ярослава...»².

Знак, который Орешников совершенно справедливо определяет как один из наиболее ранних родовых знаков великих князей, относя его ко времени Владимира Святославича, т. е. к концу X в., аналогичен первому из описанных выше знаков, имеющихся на фрагменте наверхия посоха. Тем не менее нельзя относить минскую находку ко временам Владимира:

¹ Н. Н. Воронин, Раскопки в Гродно, КС ИИМК, в. XXVII 1949, стр. 142.

² А. В. Орешников, Денежные знаки домонгольской Руси. Труды Гос. историч. музея, в. 6, М., 1936, стр. 35.

этому противоречат как хронология культурного слоя, в котором она была найдена, так и летописные данные. Правильнее объяснить архаичность его очертаний тем, что знак этот принадлежал князьям младшей ветви потомков Владимира Святославича, родоначальником которой был Изяслав Владимирович—первый полоцкий князь из рода великих князей.

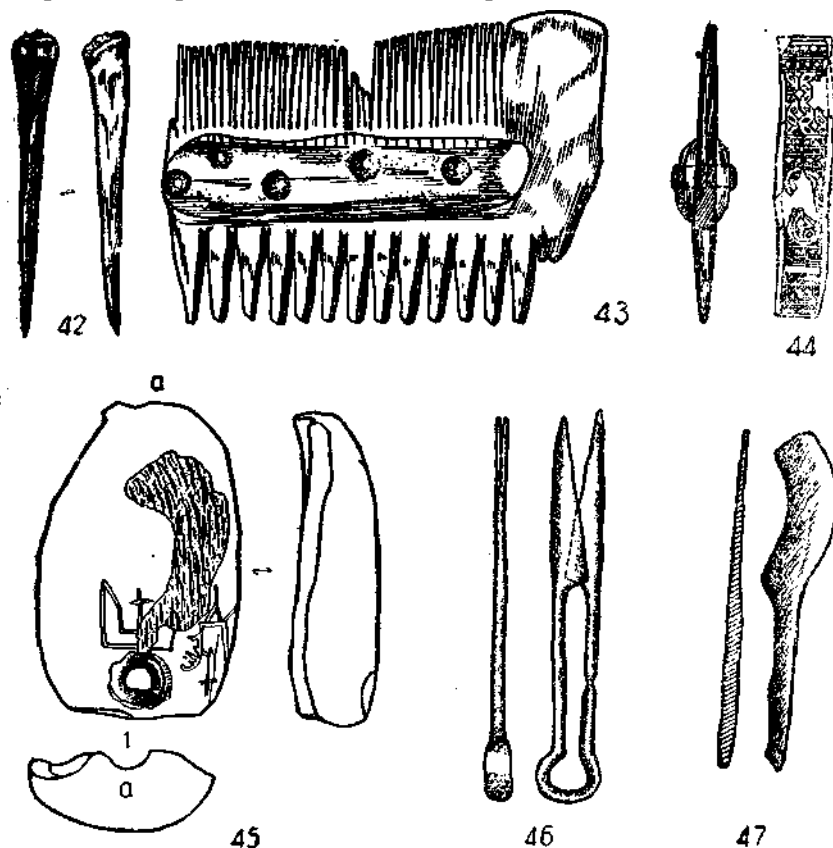

Рис. 42—47.

Надо думать, что полоцкая ветвь рода великих князей, взяв в основу знак Владимира Святославича, осложнила изображение древнего двузубца прибавлением к нему сверху креста.

В таком случае этот знак может быть отнесен к XII в. Это соображение вполне согласуется с летописными данными. Особое Минское княжество, в котором Минск был стольным городом, выделилось из состава Полоцкого княжества в самом, начале XII ст.—в 1101 г., после смерти полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Как об этом уже упоминалось, пер-

вым минским князем стал один из сыновей Всеслава полонского, Глеб Всеславич. Ему-то или одному из его ближайших родичей и мог принадлежать посох с княжескими знаками великих князей, найденный на минском детинце.

Относить эту находку к более позднему, чем XII в., времени также нет никаких оснований. А. В. Орешников говорит о времени исчезновения знаков великих князей следующее: «Окончательно родовые знаки исчезают, судя по датированным памятникам (печатам), у князей 9-го колена рода великого князя, т. е. в начале XIII в.»¹.

Близкую к указанной дате прекращения широкого применения родовых знаков великих князей дает и Б. А. Рыбаков, подчеркивая вместе с тем важное значение находок предметов с такими знаками при раскопках того или иного памятника эпохи Древней Руси: «Хронологически эти знаки охватывают время с X по середину XII в., а географически совпадают только с городами (в деревнях на тысячи гончарных клейм нет ни одного княжеского) и притом далеко не со всеми городами, а лишь со старыми княжескими центрами, известными с X в. как княжеские города»².

Большое место среди находок предметов материальной культуры XI—XIV вв. в детинце занимают остатки посуды, в основном глиняных сосудов. Глиняная посуда вся сделана на гончарном круге. Размеры отдельных сосудов колеблются в пределах от 10 до 18 см по диаметрам отверстий, насколько это можно было установить по краевым обломкам. Венчики сосудов слегка были отогнуты наружу. В слоях более поздних, XIII—XIV вв., отгиб венчика был круче. Особую категорию составляют мелкие обломки небольших сосудинок из белой глины, покрытые снаружи, а иногда и изнутри глазурью светло-зеленого или, реже, желто-коричневого цветов. По своей форме преобладают сосуды горшковидные, реже баночные и мисковидные.

Часть сосудов была орнаментирована. Орнамент располагался обычно под венчиком, а иногда спускался на стенку сосуда. По видам орнамента можно выделить орнамент в форме нарезных горизонтальных линий, обычно в несколько рядов (как преобладающий), а также пологой или крутой волны. Реже оба типа этих орнаментов совмещаются на одном и том же сосуде или же дополняются косыми нарезками по венчику или по шейке сосуда, а в одном случае ромбовидными вдавлениями. В небольшой своей части сосуды покрыты также по венчикам и плечикам, ногтевым, нарезным, защипным и прочими видами орнамента, присущими еще древней лепной от руки керамике.

¹ А. В. Орешников, Денежные знаки домонгольской Руси, стр. 37.

² Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М.—Л., 1948, стр. 495.

Клейм на днищах сосудов не обнаружено.

Обособление ремесла от земледелия, которое Ф. Энгельс называет вторым крупным разделением труда, было одним из ярких проявлений процесса классовообразования.

Волнистый и линейный орнаменты известны еще на отдельных более ранних сосудах, грубо лепленых от руки. Распространение его в массовых масштабах отмечается лишь с IX—X ст.ст. Производство глиняных сосудов от руки «налепом» вытесняется изготовлением сосудов при помощи гончарного круга на территории Древней Руси в IX—X вв. Это является следствием выделения и в области керамического производства (как и в металлургии и других областях общественного производства) профессионалов-ремесленников.

Известно, что завершение процесса формирования классового общества и государства у славян Восточной Европы происходило в IX—X вв., т. е. совпадало с появлением и широким распространением посуды, изготовленной на гончарном круге и украшенной линейным, а также волнистым орнаментом.

Среди обломков глиняной посуды следует особо выделить остатки амфор из древнейшего культурного слоя, отложившегося до начала XII ст. В этом слое найдены обильные следы пожара в виде угольков и золы, а также деформировавшейся под воздействием огня глиняной посуды, сработанной на гончарном круге, но еще весьма грубой, с обильной примесью дресвы.

В этом древнейшем слое и были найдены обломки крупных амфоровидных сосудов, употреблявшихся в то время главным образом для хранения вина. Это — корчаги, известные в Древней Руси как широко распространенный предмет обихода класса феодалов. Нахождение амфоровидных сосудов в древнейшем культурном слое минского Замчища имеет большое значение. Наличие в этом культурном слое корчаг дает основание для решения вопроса о характере первоначального поселения на Замчище. Б. А. Рыбаков говорит о значении подобных находок: «Только при наличии некоторых вполне определенных признаков городища малых размеров исключались из списка городищ сельского типа. Таким признаком является, например, наличие амфор для вина, типичных для городской культуры... Все это позволяет отнести такие городища к числу боярских усадеб»¹.

Несомненное бытование амфор в древнейший период истории Минска показывает, таким образом, что уже с самого начала поселение здесь не могло быть деревней. Ограничимся

¹ Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М.-Л., 1948, стр. 121.

пока установлением того факта, что непосредственно под слоем извести, на котором лежали крупные валуны, залегал самый древний на Замчище культурный слой толщиной в 10—15 см, содержащий керамику курганного типа (многие обломки сосудов были деформированы под воздействием огня) и обломки крупных амфоровидных сосудов киевского типа с массивными ручками. Эти круглодонные корчаги, служившие в основном для хранения вина, бытуют на всей территории Древней Руси и встречаются в слоях древнерусских городищ с X вплоть до середины XIII в., т. е. охватывают весь домонгольский период.

За пределами минского детинца большое количество глиняной посуды (около 1500 фрагментов) происходит из урочища «Николки» (в 250 м севернее Замчища), где она была выявлена возле напольной гончарной печи.

С гончарным производством связаны остатки (на глубине 3,6—4,35 м) напольной глинобитной печи и на территории самого детинца; в северо-западной части его печь найдена была в разрушенном уже состоянии. Под слоем обожженной глины залегал слой углей. Вокруг остатков печи были разбросаны многочисленные фрагменты глиняных сосудов из серой глины с примесью шамота.

Остатки таких же разрушенных обвалившихся глинобитных печей обнаружены еще в двух местах объединенного раскопа.

Раскопки доставили также материалы для характеристики сельского хозяйства и связанных с ним отраслей производства—скотоводства, охоты, рыбной ловли, собирательства и т. д.

О сельском хозяйстве совершенно определенно говорят находки семян сельскохозяйственных растений. В различных местах раскопа внутри нескольких срубов в подполье одного из них обнаружено большое количество зерен различных злаков—проса, пшеницы, а также льна, конопли (по определению ботаника А. П. Пидопличко).

В погребениях XII—XIII вв. нередко встречались остатки материй из льна и шерсти, встречены остатки веревки из пеньки.

Неоднократными находками являются мельничные жернова. Целых жерновов совершенно не было. Жернова (в обломках) сходны с жерновами из раскопок Б. А. Рыбакова на Вщижском городище Брянской области¹.

О развитии животноводства можно судить по обильным находкам костных остатков домашних животных. Среди них кости лошади, коровы, домашней свиньи, овцы, козы. Встречаются остатки собаки.

¹ Б. А. Рыбаков, Жернова Вщижского городища, КС ИИМК, в. XI, 1945, стр. 15—19.

О животноводстве говорят ножницы для стрижки овец. Правда, они принадлежат к сравнительно редким вещам на детинце. Найденный единичный экземпляр представляет железные ножницы на дужке (рис. 46). Ножницы использовались, конечно, и при шитье одежды.

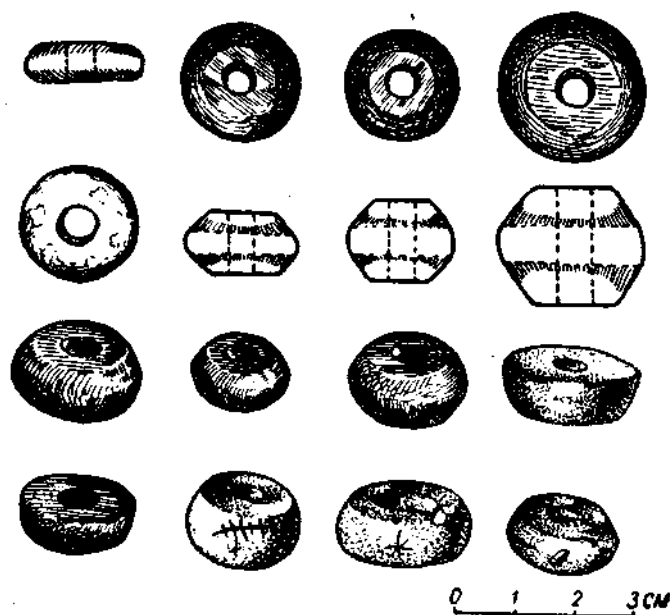

Рис. 48. Образцы шиферных пряслиц.

Сельское хозяйство представлено и некоторыми другими орудиями труда. Так, например, встречены были четыре железных серпа. Из них лучше сохранился один почти целый экземпляр сломанного железного серпа, имеющего ширину 2,8 см (рис. 47).

Об изготовлении пряжи из льна и шерсти красноречиво говорят находки пряслиц. В слоях раннефеодального Минска встречено 50 шиферных пряслиц (рис. 48), надевавшихся при прядении на веретена. На пряслица имелся огромный спрос как в городах, так и в деревнях Древней Руси. С начала XI ст. эти овручские пряслица пришли на смену прежним глиняным. После того, как в середине XIII в. овручские камнерезные мастерские подверглись разгрому со стороны татаро-монгольских завоевателей, производство шиферных пряслиц совершенно прекратилось, и пряслица вновь начали изготавливать из глины.

Поэтому нельзя предположить возможность изготовления овручских шиферных пряслиц в более позднее время, и пряс-

лица эти можно рассматривать в качестве надежного датирующего материала для культурных слоев XI—XIII вв.

Интересно шиферное пряслице со сглаженным ребром и с остатком деревянного веретена в сверлине (на глубине 4,00—4,25 м).

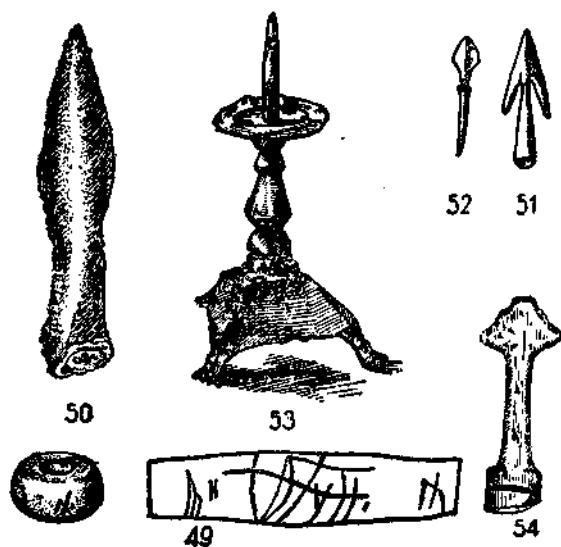

Рис. 49—54.

На трех пряслицах имеются узоры в виде комбинации насечек. Одно, наиболее интересное из них, было найдено на глубине 5,0—5,25 м и 2,75—3,00 м (рис. 49). Узоры эти, может быть, представляют изображения знаков собственности. На таких пряслицах известны не только условные знаки собственности, подобные имеющимся на минском пряслице, но даже целые надписи с упоминанием имени владельца, чаще владелицы данного пряслица, поскольку прядение было делом женщины.

Любопытно, что на пряслице, найденном при раскопках на гродненском Старом Замке, имеется длинная надпись: «Г(оспод) и помози рабе своей и дай...»

Известное значение в хозяйстве обитателей раннефеодального Минска имела и охота. Об этом свидетельствуют нередкие находки при раскопках костей диких животных — лося, медведя, бобра. О том же говорят и находки таких орудий труда, как железные наконечники копий, которые употреблялись, конечно, и как оружие.

В качестве орудий охоты и оружия служили стрелы, от которых в культурных слоях уцелели только наконечники. Среди найденных в Минске 6 наконечников—2 втульчатых (рис. 50),

остальные черешковые. Они по большей части имеют листовидную форму, встречаются также двушипные, ромбические (рис. 51, 52).

У жителей древнего Минска, возможно, также было развито и собирательство как вполне естественное явление. В качестве доказательства можно сослаться, например, хотя бы на нахождение в разных местах раскопа скорлупы лесных орехов (лещины.)

Как единичные предметы, представляющие интерес, в ряду находок на минском городище следует отметить следующие. Рядом со стеной северной абсиды вне храма были найдены два фрагмента медного подсвечника (рис. 53). По типу он близок к одному из двух таких подсвечников, найденных Б. А. Рыбаковым при раскопках на Вщижском городище.

Следует также сказать о находке овального плоского полированного камешка (черного цвета) размером 3,5X2,5 см с небольшим отверстием, имевшего, по-видимому, значение амулета.

Некоторые вещи можно причислить к игрушкам. Таковы, например, деревянный детский игрушечный меч, от которого сохранилась рукоять и аналогия которому имеется в раскопках на Старом Замке в Гродно (рис. 54) или резное яйцо из дерева. Игрушкой является также костяная или роговая свистулька в виде трубки с тремя отверстиями (из юго-западной части раскопа).

Что касается распределения различных находок по отдельным пунктам детинца, то как общую для всех пунктов детинца черту можно отметить следующую особенность: большинство находок (браслеты/бусы, пряслица, ножи, керамика и т. п.) группировалось внутри и снаружи срубов домов, но всегда вблизи стен. Наибольшее количество шиферных пряслиц и стеклянных браслетов обнаружено как внутри, так и в ближайшем соседстве с остатками пяти разновременных срубных жилых домов, лежавших в два и в три яруса друг над другом над храмом и севернее его.

Нередки были на разных уровнях и в разных точках раскопа находки иногда обильных остатков древесных углей, кусков обгорелого дерева и золы.

В большинстве случаев происхождение таких остатков может быть поставлено в связь с пожаром. Пряслиц из других материалов встречено очень мало: одно из кости и три из серого песчаника.

Установлено, что массовое производство шиферных пряслиц этого типа развито было в мастерских, находившихся в период XI—XIII вв. вблизи волынского города Овруча. Здесь находятся единственные на территории Древней Руси крупные естественные выходы красного и розового шифера. Про-

мысловой разработке этих месторождений было положено начало во второй половине X ст. Камнерезным промыслом в районе древнерусского города Въручий (современный Овруч), как выяснили археологические исследования этой местности, занималось население не менее пяти селений. Толчком для развития промысла явился усиленный спрос на облицовочные плиты из красного и розового шифера со стороны киевских великих князей, начавших с конца X в. строительство в Киеве каменных храмов (Десятинной церкви). При обработке облицовочных плит оставались и многочисленные отходы, из которых овручские мастера стали изготавливать в массовых масштабах пряслица—усеченно-биконической формы колечки для надевания на веретена во время прядения.

5. Главнейшие итоги раскопок 1945—1951 гг. на минском Замчище

На основании исследования культурных слоев минского тородища в древнейшей истории города Минска можно выделить следующие периоды:

- 1) Минск — княжеский Замок, может быть, с двором (боярина (XI в.);
- 2) Минск—столица княжества (начало XII в.);
- 3) Минск—столица малого княжества в Полоцкой земле, находящегося под властью киевских великих князей (XII — XIV вв.).

Из данных археологических раскопок следует, что Минск в XI в. не был деревней. Это был либо город, хотя и небольшой, либо боярский двор.

Необходимо подчеркнуть, что данные о хозяйственной жизни и социальной структуре древнерусского города Менска XI—XIV вв. имеют ограниченный характер. Раскопками вскрыта в основном лишь центральная часть детинца Минска XII—XIV вв. В связи с этим археологических материалов, которые могли бы характеризовать жизнь городского посада, в нашем распоряжении не могло оказаться. Однако вне всякого сомнения посад, являвшийся средоточием ремесленной и торговой жизни всякого феодального города, существовал и в древнем Минске XII—XIV вв.

О том, что городские посады были и в период существования древнерусского города XII—XIV вв., говорит такой факт: совершенно аналогичные деревянные конструкции (остатки бревенчатых мостовых и срубных построек) были выявлены и за пределами детинца в ряде пунктов к западу, югу и юго-востоку от последнего на большой глубине. Остатки посада деревянного города Менеска были выявлены в семи шурфах, заложенных при раскопках к западу и к югу от Замчища; в глубокой траншее, проведенной с севера на юг и

примыкавшей к западному краю Замчища; во время земляных работ, производившихся на Торгово-набережной улице в 0,25 км к юго-востоку от Замчища. В шурфах, а также в обоих пунктах производства земляных работ были обнаружены фрагменты керамики с линейным и волнистым орнаментом, аналогичные керамике из домонгольских слоев Замчища, а в выбросе земли из траншеи Водоканалтреста — фрагмент синего стеклянного браслета.

Однако все эти отдельные находки не могут, разумеется, характеризовать экономическую жизнь городского посада. Производство же за пределами Замчища систематических археологических раскопок, которые могли бы дать материал, рисующий жизнь посада XII — XIV вв., было невозможно вследствие значительной застроенности этой части города.

Переходя к вопросу об основных отраслях хозяйства населения раннефеодального Минска, следует отметить, что среди жителей города было развито земледелие, животноводство, садоводство, охота, рыбная ловля.

Находки, подтверждающие наличие этих отраслей хозяйства в Минске, нисколько, конечно, не колеблют утверждения о наличии на Замчище детинца феодального города, равно как и того бесспорного положения, что город и в феодальную эпоху был прежде всего средоточием ремесла и торговли. Характеризуя экономическую неразвитость раннефеодального города, Ф. Энгельс писал: «В средневековом обществе, в особенности в первые столетия, производство было направлено, главным образом на собственное потребление... Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они вырабатывали большую часть нужных для собственного потребления предметов самостоятельно; они имели огороды и небольшие поля, пасли свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо; женщины пряли лен, шерсть и т. д.»¹.

Эта характеристика западноевропейского города и его хозяйства в первые столетия истории феодального общества полностью сохраняет силу и для древнерусского города. М. Н. Тихомиров показал, что «в недрах феодального строя Древней Руси XI—XIII вв. складывались все предпосылки для создания того, что западноевропейская литература называет городским строем»².

Татаро-монгольское нашествие затормозило с середины XIII ст. развитие городского строя в Древней Руси. Но начальные этапы этого развития в XI—XIII вв. были весьма

¹Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 256.

²М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, Уч. зап. МГУ, в. 99, М., 1946, стр. 4.

подобны одновременным этапам развития феодального города в странах Западной Европы.

Развитие ремесленного производства в том или ином пункте является отличительной чертой феодального города, в том числе и древнерусского, каковым и был Минск XI—XIII вв.

Археологические исследования подтверждают, что в Минске наряду с сельским хозяйством были широко развиты и различные ремесла: плотничество и керамическое производство, костерезное, камнерезное, кожевенное и кузнечное дело, обработка цветных металлов и дерева.

Доказательств производства в Минске изделий из стекла материалы археологических раскопок не дают. В частности, маленький сосудик грушевидной формы, найденный на глубине 2,75 м рядом с шиферным пряслицем и обломком стеклянного браслета, многочисленные фрагменты стеклянных браслетов и стеклянные бусы, в том числе и позолоченные, можно отнести к числу привозных из других центров Древней Руси. К привозным же необходимо, конечно, причислить и шиферные пряслица овручского типа, филигранную зерненую серебряную бусину от серьги киевского типа, бусину из хрусталя, шестигранные бипирамидальные сердоликовые бусы.

Однако несколько бронзовых браслетов и перстней, найденных в целом виде или в виде фрагментов, поясные пряжки, медные заклепки, скреплявшие один из костяных гребней, и некоторые другие изделия из меди и бронзы мы вправе относить к изделиям местного производства. Основанием для этого могут служить как многочисленные находки небольших кусочков меди и бронзы в слоях XII—XIV вв. основного раскопа, так и некоторые находки в небольшом дополнительном раскопе, описанном выше.

Таким образом, основные моменты, характеризующие городской характер поселения на детинце—ремесло и торговля—представлены и в этом раскопе достаточно отчетливо.

Несмотря на то, что данные исследований не включают материалов, характеризующих жизнь городского посада, где была сосредоточена основная масса городских ремесленников, можно констатировать наличие в Минске XII — XIV вв. ремесленников самых разнообразных специальностей, в том числе мастеров прикладного искусства.

Что касается торгового значения Минска в домонгольский период, то необходимо учитывать географическое положение города в более широком смысле. Минск расположен на р. Свислочь, являющейся правым притоком Березины, впадающей в Днепр. Верховье Свислочи близко подходит к притокам р. Виля — Рыбчанке и Уше. Виля впадает в Неман. Таким образом, Минск стоял на одном из древних водных торговых путей, соединявших Прибалтику с Причерноморьем. Поэтому, как предполагает М. Н. Тихомиров, «Минск был

крупным перевалочным пунктом на большой дороге от Киева к берегам Балтийского моря»¹.

Это географическое положение Минска должно было способствовать обогащению как купечества, так и минского князя. Косвенные указания на богатство минского князя мы находим в сведениях Ипатьевской летописи под 1108 и 1158 гг., касающихся минского князя Глеба Всеславича. Под 1108 г. летопись сообщает: «... и трапезницу кончаша Печерского монастыря, ... юже заложи павеленьемъ Глебовом, иже ю и стяжа»².

Значит, Глеб Всеславич имел прочные связи с Киево-Печерским монастырем, в котором по его повелению была сооружена трапезная.

Уже из этого летописного отрывка можно видеть, что трапезная была построена не только по повелению, но и на средства минского князя («иже ю и стяжа»). В летописном отрывке под 1158 г. помещен рассказ о кончине вдовы Глеба Всеславича. В рассказе упоминается о пожертвованиях в пользу Киево-Печерского монастыря как самого минского князя, так и его жены. Так, еще при своей жизни Глеб Всеславич пожертвовал в пользу этого монастыря 600 гривен серебра и 50 гривен золота (всего около 1100 гривен серебра). На эти средства, вероятно, и строилась монастырская трапезная, законченная в 1108 г.

После его смерти в 1119 г. вдова Глеба передала монастырю дополнительно еще 100 гривен серебра и 50 гривен золота (всего около 600 гривен серебра), представляющих, по-видимому, остатки денежных богатств этого минского князя.

Комментируя летописные сообщения о пожертвованиях минского князя Киево-Печерскому монастырю, Б. А. Романов считает, что в этих цифрах «можно не подозревать какого-нибудь крайнего преувеличения» и что хотя «минский князь, конечно, был не из крупных, но Минск был богатым торговым городом, из поколения в поколение управлявшимся одной династией»³.

Насколько значительной является сумма в 1700 гривен серебром (общая сумма пожертвования князя Глеба Киево-Печерскому монастырю), можно судить по таким примерам: средняя цена коня равнялась 2—3 гривнам серебра, а по данным «Русской Правды», средняя стоимость холопа составляла 5 гривен⁴.

¹ М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, Уч. зап. МГУ, Вып. 99, М., 1946, стр. 88.

² Летопись по Ипатскому списку, изд. Археографической комиссии, СПб., 1871, стр. 187.

³ Б. А. Романов, Деньги и денежное обращение, История культуры Древней Руси, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 380.

⁴ Там же, стр. 371—380.

Правда, время, когда минским князем являлся Глеб Все-славич, было периодом наибольшего расцвета и силы минского княжества, в пределы которого в тот момент входили Друцк, Копысь и Орша. Приведенные данные говорят о богатстве минского князя, богатстве, источником которого наряду с эксплуатацией смердов и военной добычей было и торговое значение Минска.

Руины каменного храма и ряд предметов церковного обихода (подсвечник, подпрестольный камень, фрагмент колокола и др.) могут служить доказательством пребывания и, вероятно, проживания на территории городского детинца членов церковного клира. В этом отношении для более позднего времени (XIII в.) очень характерны два погребения, найденные рядом с мостовой южного переулка.

Наличие на груди у покойников кожаных параманд с крестами позволяет предполагать, что здесь были погребены лица, принадлежавшие к духовенству. Проживание и захоронение в детинце города представителей духовенства вполне понятно, поскольку в феодальном обществе церковь сама являлась крупным феодалом, а высшие представители церкви часто стояли близко к князьям и боярам.

Основная масса городских ремесленников и торговцев селилась в посаде. Тем не менее ремесленники некоторых специальностей (кожевники-сапожники и гончары) если не проживали, то во всяком случае работали в самом детинце города. Об этом говорят находки в детинце остатков кожаных и гончарных мастерских. Находки многочисленных железных шлаков, а также кусочков меди делают вероятным предположение, что в самом детинце города приходилось работать и ювелирам, и кузнецам.

О работе внутри детинца плотников, соорудивших мостовые и различные жилые и хозяйственные постройки, а также каменщиков, занятых на постройке храма, свидетельствуют многочисленные строительные отбросы, оставшиеся на месте их работ и в первую очередь самые мостовые и храм. Однако это нисколько не говорит за их постоянное проживание на территории детинца и даже вообще в городе. Тем не менее не вызывает никаких сомнений предположение, что основная масса городского населения в Минске XII — XIV вв. состояла из ремесленников и купцов. Об этом говорят археологические материалы и летописные данные. Так, во время продолжительной борьбы сыновей первого минского князя Глеба—Ростислава и Володаря—с их двоюродным братом Рогволодом Борисовичем в начале второй половины XII ст. жители Минска поддерживали своих князей—Глебовичей. Это проявилось, например, в момент политического успеха Ростислава, занявшего в 1150 г. полоцкий стол и отославшего Рогволода

Борисовича, свергнутого с княжения в Полоцке, в Минск, где его держали в неволе («и ту и держаша в велице нужи»). Позднее, когда в 1158 г. изгнанный полочанами Ростислав Глебович возвратился в Минск, ставший вновь князем в Полоцке, Рогволод Борисович трижды осаждал Минск, один раз даже целых шесть недель, но взять город так и не смог несмотря на большой численный перевес в войске. Несомненно, что не только дружина Ростислава Глебовича, а и большинство горожан защищало Минск от войск Рогволода.

В период феодальной раздробленности в изгнании неугодных князей, а также в приглашении и поддержке угодных выражалась в первую очередь политическая активность горожан, состоявших в большинстве из ремесленного и торгового населения. Это отчетливо прослеживается в истории крупнейших городов Древней Руси—Киева и Новгорода. Такое же явление наблюдается в XII в. в истории Полоцка, Друцка и других городов Полоцкой земли. Поэтому самый факт активного участия жителей Минска в междоусобной борьбе Глебовичей с Рогволодом Борисовичем может свидетельствовать о наличии в городе ремесленного и торгового населения.

Было ли все ремесленное население древнего Минска лично свободным? В своем «Поучении» Владимир Мономах упоминает, что во время борьбы с Всеславом Полоцким он взял в 1084 г. Минск и разрушил его, не оставив в нем «ни челядина, ни скотины». Может быть, это просто образное выражение, которым автор поучения хотел показать степень разрушения города. Но все же в нем отразилась социальная структура древнерусского города в конце XI ст. Поэтому присутствие в 1084 г. части ремесленного населения — холопов или челяди,—находившихся в рабстве у местных феодалов, вполне возможно и для Минска.

Вместе с тем в XI в. в Минске имелось, вероятно, и свободное ремесленное и торговое население. В 1067 г. это население стойко защищало свой город от войск Ярославичей несмотря на отсутствие в городе князя. В летописи об этом сказано: «Меняне же затворишася в граде». Такую стойкость вряд ли были бы способны проявить люди, которые находились в рабской зависимости от своего господина и которые в случае поражения ничего не теряли, меняя лишь, если уцелеют во время битвы, старого господина на нового.

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы не дают данных для решения вопроса о количественном соотношении свободных и зависимых ремесленников города как в XI в., так и в более позднее время. Ремесленные клейма гончаров урочища «Николки» являются скорее клеймами свободных мастеров.

Во всяком случае эти гончары не были княжескими холопами, так как в таком случае они помечали бы свои изделия княжескими знаками в виде двузубцев и трезубцев.

Рост политической роли ремесленного и торгового населения Минска во второй половине XII ст. мы уже отмечали. А участие в политической жизни не вяжется с рабской зависимостью. Поэтому рост свободного ремесленного и торгового населения города в XII в. бесспорен.

Подводя итоги всему изложенному выше, можно сказать, что открытие на минском городище руин древнего каменного храма и княжеских знаков, а также всех остальных остатков материальной культуры древнерусского Менеска имеет большое значение для изучения древнейшей истории города, а тем самым и для истории Белоруссии, истории древнерусского зодчества и культуры вообще. Это открытие имеет научное значение, далеко превосходящее чисто местный интерес, поскольку история древнего Минска XI — XIV вв. неразрывно связана с историей всех древнерусских городов, с историей их ремесла, торговли и культуры.

В. Р. ТАРАСЕНКО

**РАСКОПКИ ГОРОДИЩА «ШВЕДСКАЯ ГОРА»
В ВОЛКОВЫСКЕ В 1954 г.**

1. ЛЕТОПИСНЫЕ ДАННЫЕ

До проведения в 1925 г. раскопок на городище «Шведская Гора» польским археологом И. Иодковским, кроме сохранившейся у местных жителей легенды о происхождении городища (легенды, кстати, опровергнутой полностью данными раскопок), имелись лишь отрывочные и краткие летописные сообщения, относящиеся к сравнительно поздним временам.

Первое упоминание о городе Волковыске, или Волковийске относится к 1251 (6759) г.¹ (в Ипатьевской летописи это упоминание, как и последующие, датируется годом позднее, т. е. 1252 (6760) г.). В летописи говорится: «Данило же и Василко поидоста к Новугороду. Данил же и Василко, брат его, розгадав со сыном, брата си посла на Волковыескъ, а сына на Услоним, а сам иде ко Здитову: и поимаша грады многы и (в)зратишася в дома»². Таким образом, поводом для первого летописного упоминания Волковыска, как и ряда соседних городов—Новгородка, Слонима и Здитова—явилась борьба галицко-волынских князей (во главе с Даниилом Романовичем) с литовскими князьями Войшелком и Товтовилом за эти города и всю прилегающую территорию. Дальнейшие летописные упоминания также связаны с этими событиями. Велась борьба с переменным для противников успехом, военные действия перемежались с мирными соглашениями. Так, под 6763 (1255) г. в той же Ипатьевской летописи записано: «Потом же Войшелк створи мир с Данилом, ... и вдасть Романови, сынову королеву, Новъгородок от Миндога и от себе Вослоним и Волковыескъ...»³.

¹ Летопись по Ипатскому списку, Изд. Археографической комиссии, СПб, 1871.

² Там же, стр. 542.

³ Там же, стр. 551.

Однако, как видно из дальнейших событий, описанных тою же летописью, эти мирные соглашения соблюдались очень недолго. Уже через пять лет в 1260 (6769) г., по летописи, «... Данило король ехав взя Волковыеск, и Глеба князя послав я и держашеть и во чести: яко болма бо еха ко Волковы (е)ску, ловя яти ворога своего Вышелка и Тевтила, и не удоси ею в городе, искаше ею по стаемь посылая люди, и не обрете ею, беста бо велику леть учинила, я Вышелг сына его Романа».¹

Из этого летописного отрывка видно, что, захватив Волковыск, Даниил Романович Галицкий взял в плен сидевшего здесь какого-то, видимо, русского князя, подчиненного литовским князьям. Этого князя Глеба Даниил Романович держит «во чести», так как не считает его своим врагом, а стремится лишь отомстить Войшелку за предательский захват последним его сына Романа. Следовательно, можно предполагать, что в Волковыске в этот период, а может быть, и несколько раньше уже сидели какие-то русские князья, считавшие этот город своим стольным городом. Иначе говоря, Волковыск был центром небольшого княжества, несмотря на политическую зависимость волковысских князей то от Литвы, то от Галицко-Волынской Руси.

Приведенные выше отрывки из Ипатьевской летописи являются основными письменными источниками о древнем Волковыске. Правда, имеется еще три кратких летописных упоминания, связанных так или иначе с городом Волковыском под 1277 (6785) и 1289 (6797) гг.

Так, под 1277 г. летопись упоминает, как «... здумавше (сыновья Даниила Галицкого Мстислав, Владимир и Юрий.— В. Т.) поидоша к Городну, и бысть минувшим им Волковыеск далече, сташа на ночь»², т. е. они на этот раз обошли со своей ратью город, остановившись на ночлег вдали от него.

Под 1289 (6797) г. имеется два сообщения той же летописи. Одно из них гласит: «Тогда же Литовский князь Бурдикид и брат его Будивид даша князю Мьстиславу (сыну Даниила Романовича.— В. Т.) город свой Волковыеск, абы с ним держал...»³. Однако в том же году «князь Мстислав седе на столе брата своего Володимера, на самый великий день месяца априля в 10 день, и нача княжити по брате своем...»⁴.

Более поздних упоминаний о Волковыске в летописи нет. По-видимому, город вскоре и на этот раз уже надолго по-

¹ Летопись по Ипатскому списку, Изд. Археологической комиссии СПб, 1871, стр. 561.

² Там же, стр. 579.

³ Там же, стр. 613—614.

⁴ Там же, стр. 613.

падает под власть литовских феодалов, почему и события, связанные с судьбами Волковыска, уходят из поля зрения русских летописей. Как видно из приведенных выше отрывков, летопись повествует лишь о некоторых единичных фактах, связанных с внешнеполитической историей города Волковыска в период борьбы галицко-волинских и литовских князей между собой. Летопись ничего не говорит ни об условиях и времени возникновения города, ни о его внутренней, социально-экономической истории. Некоторые моменты этой истории могут быть освещены данными археологических раскопок.

II. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ВОЛКОВЫССКИХ ПАМЯТНИКОВ

До раскопок 1954 г. небольшие раскопки на «Шведской Горе», а также на примыкающей к ней возвышенности, известной у местных жителей под названием «Замчища», произвел в 1925 г. польский археолог И. Иодковский. Последний применял несовершенную для исследования такого типа памятников методику. Он копал узкими, в 1 — 1,5 м шириной, траншеями или применял небольшие шурфы.

При такой раскопчной методике, разумеется, ни стратиграфии памятника, ни жилищных комплексов выявить было невозможно. Тем не менее по типам вещевых находок, добытых при раскопках И. Иодковского¹, видно, что все они должны быть отнесены к материальной культуре древнерусского города XI—XIII вв. В раскопках И. Иодковского принимал участие Г. И. Пех, производивший в течение ряда лет сборы древних находок, а в 1948 г. — небольшие раскопки на волковысском Замчище².

К сожалению, коллекции, собранные до войны как И. Иодковским, так и Г. И. Пехом, погибли во время оккупации 1941 — 1944 гг. Только случайно сохранившиеся у Г. И. Пеха остатки этих коллекций, а также отдельные находки послевоенных лет, сосредоточенные в экспозиции и в фондах Волковысского музея, могут быть использованы при изучении материальной культуры летописного Волковыска.

III. РАСКОПКИ НА «ШВЕДСКОЙ ГОРЕ» В 1954 ГОДУ

С целью более широкого археологического изучения этого интересного памятника городской культуры Древней Руси Институтом истории АН БССР совместно с Волковысским музеем и на его средства в 1954 г. были произведены раскопки на «Шведской Горе», охватившие в общей сложности

¹ J. J o d k o w s k i, Grodzisko Wolkowyskie, Grodno, 1925.

² Отчет Г. И. Пеха о раскопках 1948 г. хранится в секторе археологии Института истории АН БССР.

площадь в 288 кв. м (немного менее $\frac{1}{5}$ площади городища). Основная масса предметов, отражающих материальную культуру древнерусского города XI—XIII вв., добытых этими раскопками, поступила в Волковисский музей.

Топография местности и отдельные археологические объекты

Городище, известное у местных жителей под названием «Шведской Горы», расположено в 0,5 км от юго-восточной окраины города и представляет собой самую возвышенную точку среди окружающей местности. Оно на 50 м выше, чем местность, на которой находится современный город Волковиск. Высота же городища по сравнению с примыкающей к нему местностью колеблется в пределах от 18 до 22 м.

«Шведская Гора» — не единственная возвышенность на этой местности. Так, с запада вплотную к «Шведской Горе» примыкает вторая возвышенность — Замчище, — несколько уступающая по высоте «Шведской Горе», но значительно превосходящая последнюю по своей площади. Еще западнее расположена третья возвышенность без особого названия. Наконец, четвертая возвышенность находится в 435 м на восток от «Шведской Горы» и известна под названием «Муравельника» (рис. 1).

При обследовании выяснилось, что все четыре возвышенности, вытянутые по линии восток — запад, несомненно, моренного происхождения. Материковая основа их состоит из красноватого крупнозернистого песка, перемешанного с мелкими камешками, в то время как состав почвы на окружающей местности — пластическая глина¹.

Как показали результаты раскопок 1954 г., «Шведская Гора» подобно всем соседним возвышенностям в своей основе естественного происхождения, и лишь в процессе заселения человеком ее поверхность подверглась изменению.

Для сооружения валов по краям городища производилась подсыпка земли (рис. 2 и 3). Производилась она и для простого выравнивания поверхности, но в меньших размерах.

Первоначально была раскопана крайняя примыкающая к валу юго-западная часть городища — раскоп¹. Длина этого раскопа с востока на запад 12 м, с севера на юг — 10, общая площадь 120 кв. м. Раскоп был разбит на 30 квадратов размерами 2X2 м.

После окончания работ в раскопе I приступили к разработке новой раскопочной площади. В раскопе II было 42 квад-

¹ Моренное происхождение всех волковисских возвышенностей подтверждено А. Н. Авксентьевым, директором Института геологии АН БССР, и группой научных сотрудников, производивших геологическое изучение этой местности.

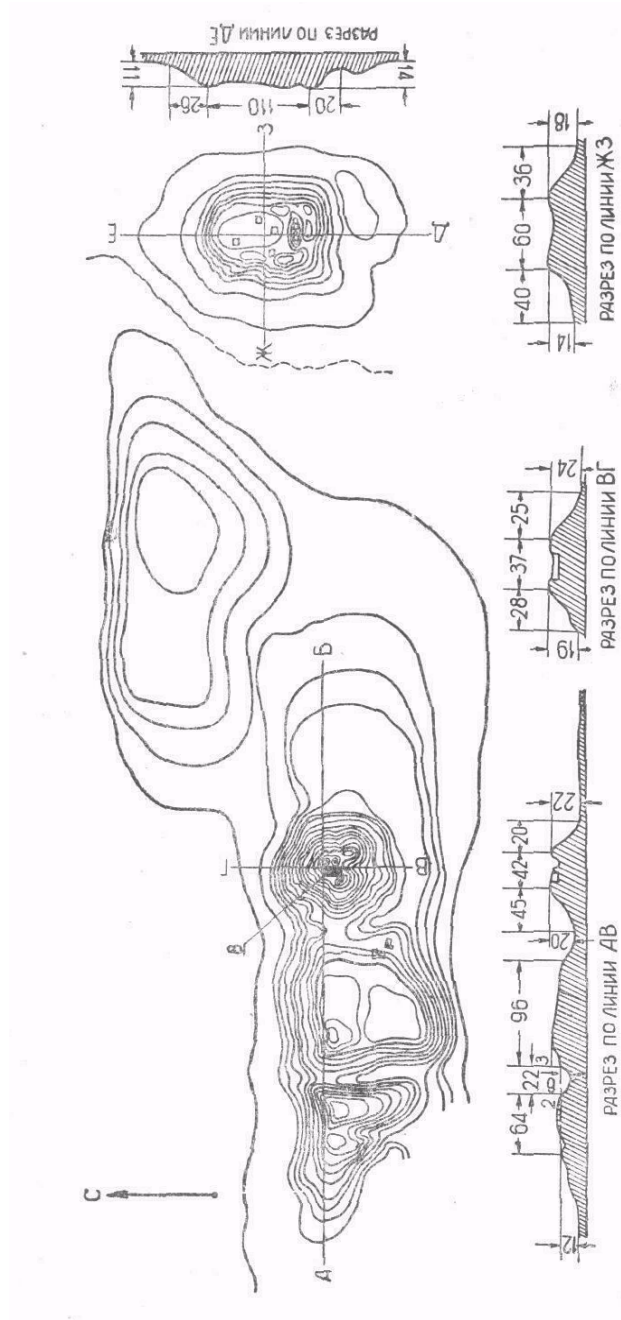

Рис. 1. План и профиль "Шведской Горы" и прилегающих к ней возвышенностей и возвышенности "Муравельник".

рата: по 6 квадратов вдоль северной и южной стенок и по 7 квадратов вдоль восточной и западной.

Таким образом, вся площадь I и II раскопов была разбита на 72 квадрата и простирается с юга на север на 24 м, с востока на запад — на 12 м.

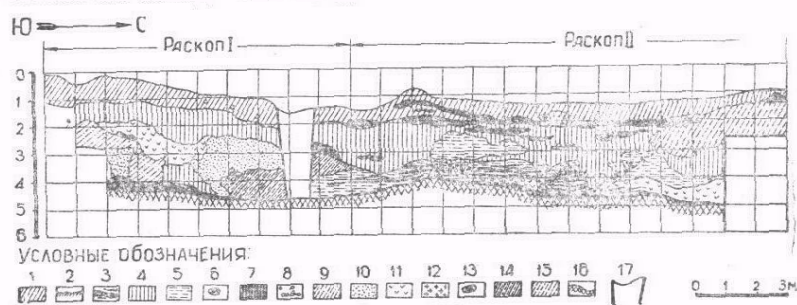

Рис. 2. Разрез западной стенки раскопа: 1—гумус темного цвета; 2 — дерновый покров; 3—гумус черного цвета, перемешанный с углями и золой; 4—гумус серого цвета с мелкими камнями; 5 — супесь светло-желтоватого цвета с примесью и прослойками светло-желтого песка; 6—известь; 7—глина светло-желтого цвета; 8—камни; 9—светло-желтый песок с примесью углей и золы; 10—гумусированная супесь с прослойками песка и кусочков извести сероватого цвета; 11—гумусированная супесь светло-серого цвета с включением мелких камней; 12—кусочки древесного угля; 13 —горелое бревно (кусок); 14—гумусированная темно-серая супесь с примесью углей и золы; 15—светло-желтый песок без примесей; 16—материк из моренного песка; 17—траншея И. Иодковского 1925 г.

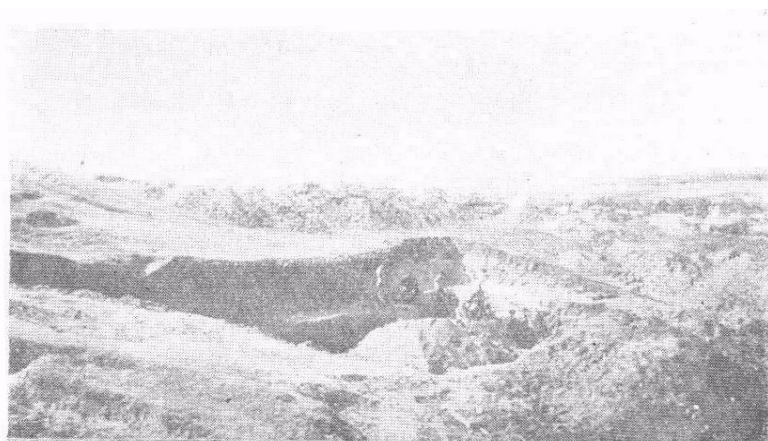

Рис. 3. Северо-западный угол раскопа. Видна песчаная присыпка. Вид с юго-востока.

Наибольшей толщины культурный слой достигает вдоль западной и южной стенок объединенного раскопа и в северо-западном его углу, где мощность культурных напластований 3,70—3,80 м.

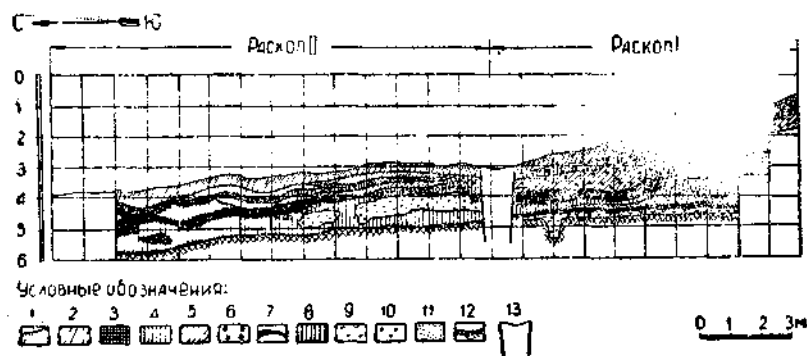

Рис. 4. Разрез восточной стены раскопа: 1—дерновый покров; 2—гумус темного цвета; 3—глина светло-желтого цвета; 4—гумус серого цвета с мелкими камнями; 5—светло-желтый песок без примесей; 6—комки бурой глины; 7—гумус мерного цвета, перемешанный с углями и золой; 8—гумусированная светло-серая супесь без примесей; 9—гумусированная супесь светло-серого цвета; 10—кусочки древесного угля; 11—гумусированная сероватая супесь с прослойками песка и кусочками извести; 12—материк из моренного песка; 13—траншея И. Иодковского 1925 г.

Именно в этих пунктах границы раскопа ближе всего подходят к краю городища, в то же время квадраты, находящиеся в северо-восточном углу раскопа, т. е. приближающиеся к центральной части площадки городища, дают минимальную (1,75—2,05 м) толщину культурных напластований. Эти данные показывают, что при первоначальном заселении «Шведской Горы» она не только не была вогнутой, как это наблюдается в настоящее время, но даже имела, по-видимому, в Центральной своей части естественную выпуклость (рис. 2, 4, 5, 6).

Раскопки на «Шведской Горе» в 1954 г. производились бригадой научных сотрудников в следующем составе: В. Р. Тарасенко — руководитель раскопок, Институт истории АН БССР, Г. И. Пех—заместитель руководителя, директор Волковысского военно-исторического музея им. П. И. Багратиона, К. Т. Ковальская и О. И. Киселева—работники Гродненского историко-археологического музея, К. П. Голговская — сотрудница Волковысского музея, В. Я. Николенко—чертежник-фотограф экспедиции.

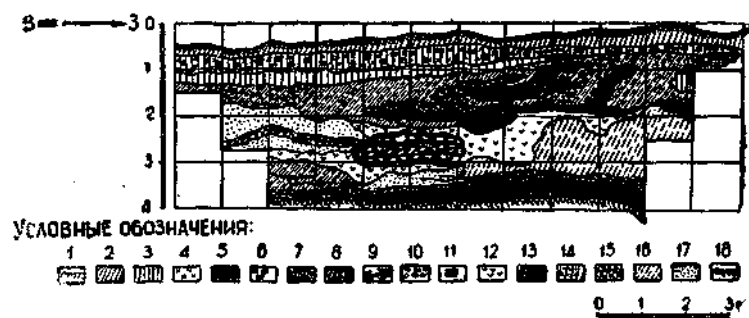

Рис. 5. Разрез южной стенки раскопа: 1—дерновый покров; 2—гумус темного цвета; 3—гумус серого цвета с мелкими камнями; 4—кусочки древесного угля; 5—глина светло-желтого цвета (бурая); 6—комки бурой глины; 7—гумусированная темно-серая супесь с примесью углей и золы; 8—глина красноватого цвета; 9—гумус черного цвета, перемешанный с углями и золой; 10—камни и плинфы; 11—обломок жернового камня; 12—гумусированная супесь светло-серого цвета с включением мелких камней; 13—обожженная глина; 14—темно-коричневая глина и супесь; 15—гумусированная супесь с прослойками темно-коричневой глины и камнями; 16—светло-желтый песок без примесей; 17—гумусированная сероватая супесь с прослойками песка и кусочками извести; 18—материк из моренного песка.

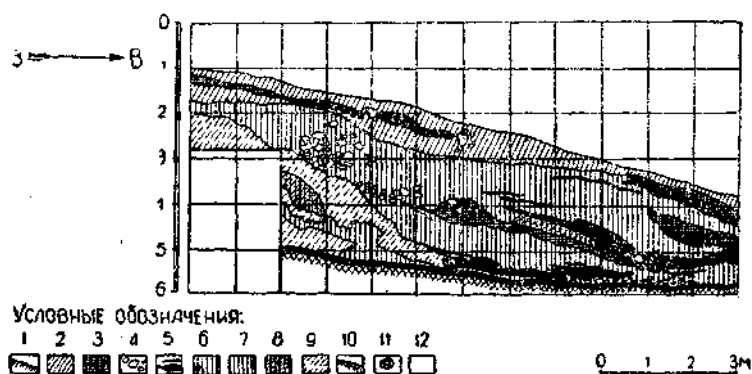

Рис. 6. Разрез северной стенки раскопа: 1—дерновый покров; 2—гумус темного цвета; 3—глина светло-желтого цвета; 4—камни; 5—гумус черного цвета, перемешанный с углями и золой; 6 и 7—гумус серого цвета с мелкими камнями; 8—гумусированная супесь черного цвета; 9—светло-желтый, песок без примесей; 10—материк из моренного песка; 11—горелое бревно; 12—уступ. Не разработан.

Стратиграфия «Шведской Горы»

Сопоставление вертикальных разрезов всех стенок раскопов показало, что стратиграфически можно выделить три культурных слоя.

Первый слой (простирающийся в среднем на глубину до 0,5 м) — от современной поверхности площадки городища до следов крупного пожара. Слой состоит в основном из сильно гумусированного песка темно-коричневого цвета. Судя по составу находок, а также учитывая летописные данные о бурном периоде исторического развития Волковыска, охватывающем 50—80-е годы XIII в., слой этот следует датировать второй половиной XIII—началом XIV в.

Второй (идя сверху вниз) культурный слой представляет собой гумусированный песок серого цвета с мелкими камнями и простирается на глубину 0,50—1,25 м от современной поверхности до прослойки второго пожарища. Характерной особенностью этого слоя мощностью около 0,75 м являются скопления как свободно лежащих, так и искусственно скрепленных глиной камней. Камни эти представляют собой остатки печей полусферической формы. Очертания одной из таких печей хорошо заметны в разрезе северной стенки объединенного раскопа.

По характеру встреченных в этом слое находок он, видимо, может датироваться второй половиной XII и первой половиной XIII ст.

Наконец, третий культурный слой, залегающий непосредственно на материке, колеблется в своей мощности в пределах от 0,50 до 2,55 м. Слой этот близок по составу к предшествующему слою. Характерной особенностью является наличие в нижней его части двух прослоек, обильно насыщенных золой, углями и скоплением кусков обугленного дерева. Нижняя более мощная угольная прослойка отделена от верхней более тонкой прослойкой желтой и красноватой обожженной глины в 15—25 см толщины, включающей мелкие угольки и золу (рис. 5).

Возможно, что 3-й и 4-й сверху слои углей, золы и т. д. в действительности отложились в результате одного большого пожара, причем верхняя прослойка углей и золы образовалась при падении горящих частей кровли от существовавших здесь до пожара жилых построек с глинобитными полами.

Хронологически верхняя граница этого слоя должна быть датирована серединой XII в. Труднее наметить дату нижней границы этого слоя, т. е. время возникновения на городище первоначального поселения.

Все же анализ вещевых находок позволяет сделать некоторые заключения по поводу датировки этого слоя. Так, например, до самого материка продолжают встречаться обломки

стеклянных браслетов, которые, как и шиферные пряслица, в массовом количестве появляются лишь с XI в. Однако в нижних горизонтах культурного слоя на «Шведской Горе» наряду с гладкими и ложновитыми стеклянными браслетами, характерными для верхних горизонтов, изредка попадаются и образцы витых браслетов, видимо, являющихся более ранними.

В третьем и нижней части второго культурного слоя были встречены также образцы двухшипных втульчатых железных наконечников стрел, по общепринятой датировке, относящихся ко времени не позднее XI в.

Висячие железные замки, найденные во время раскопок на «Шведской Горе», — все трубчатые (или цилиндрические), двухкорпусные, т. е. типа, появляющегося не ранее конца XI — начала XII в.

Наконец, только в третьем культурном слое городища были встречены фрагменты керамики с резко отличными от обычной древнерусской керамики особенностями: наlepным пониже венчика карнизиком, украшенным косонарезным орнаментом, а также с орнаментами городчатым, кружковым, «в елочку» и некоторыми другими.

Такая керамика была обнаружена и во время раскопок Н. Н. Ворониным на гродненском Старом Замке в 1949 г., в самых нижних культурных слоях этого памятника, характеризующих материальную культуру первоначального поселка XI — начала XII в.¹

Вещей, типичных для X в. и более раннего времени (например, кубических железных висячих замков с вставляющимися дужками) при раскопках на «Шведской Горе» не было обнаружено. Таким образом, наиболее ранние следы поселения на «Шведской Горе» можно датировать XI в.

Только в 0,5 км к северо-западу от городища Г. И. Пехом в июле 1949 г. в пределах современного города Волковыска были обнаружены обломки гладкостенной лепной керамики, которые могут свидетельствовать о заселенности местности и в более ранний период до IX — X вв.

Жилища и другие сооружения

В процессе раскопок было установлено, что при первом заселении городища поверхность естественной возвышенности, носящей сейчас название «Шведской Горы», подверглась искусственному изменению.

Естественное возвышение центральной части площадки было сравнено с краями городища путем присыпки мелкого светло-желтого песка, видимо, аллювиального происхождения. На получавшейся ровной поверхности первоначальными на-

¹ Н. Н. Воронин, Древнее Гродно, МИА СССР, т. 41, стр. 40—41, рис. 15.

сельниками «Шведской Горы» сооружены были (с углублением частично в материк) жилые постройки столбовой конструкции полуземляночного типа. Внутри этих жилых полуземлянок находились печи полусферической формы, сложенные из скрепленных глиной камней, диаметром около 1,2 м.

Одна такая полуземлянка вместе с печью была хорошо видна в нижней части третьего культурного слоя, в разрезе западной стенки раскопа. Длина этой землянки 5,7 м. Перед устьем печи была хорошо заметна земляная площадка в виде ступеньки шириной 0,40 м, а рядом — яма глубиной 0,80 м и диаметром у ее верхнего края 0,90 м. С востока сбоку к этой печи примыкала сложенная также из скрепленных на глине-камней находившаяся на уровне печи ровная прямоугольной формы площадка шириной около 1 м и длиной до 1,80 м, служившая, видимо, лежанкой.

Как в плане, так и в разрезе западной стенки раскопа видны были ярко выраженные зольно-угольные прослойки. Очевидно, это—следы сгоревших деревянных частей жилищ и ямы от забитых в землю и сгоревших или истлевших столбов. Столбы прослеживались в виде круглых зольных пятен диаметром в 0,2—0,25 м. Размеры полуземлянки в ширину установить было невозможно, но, видимо, она достигала 3—4 м.

Кроме описанной выше полуземлянки, находившейся на западной границе раскопа II, приблизительно на одном с нею уровне (около 3 м от репера) выявлены были в пределах этого раскопа следы еще трех жилищ такого же типа (рис. 7).

Вместе с половиной печи в разрезе западной стенки, о которой говорилось выше, на площади в 168 кв. м имеются, таким образом, четыре жилища полуземляночного типа с печами-каменками полусферической формы (рис. 8, 9).

Кроме того, на том же уровне в 3 м от репера были выявлены следы еще 3 печей, но в совершенно разрушенном состоянии на площади раскопа I в 120 кв. м. Таким образом, на пространстве 288 кв. м находилось не менее 7 жилых сооружений, что говорит о густой заселенности городища уже с самого начала.

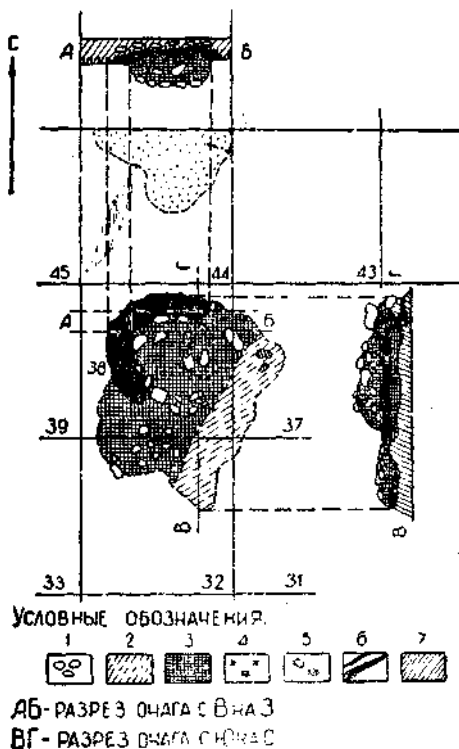
Внизу каждой из указанных печей имелся под из обожженной глины, а рядом—слой из утрамбованной желтой глины. Очертания остатков, видимо, глинобитных полов сохранились очень неясно, так же как и следы столбов, что не дает возможности установить очертания жилищ. Однако, несомненно, что внутри каждого из жилищ находились описанные печи-каменки. Со стороны, противоположной устью этих печей-каменок, или примыкая к последним сбоку, находились удлиненно-прямоугольные площадки с ровной верхней частью, видимо, лежанки, обычно сложенные из скрепленных глиной.

каменной. Стены первых жилых полуземлянок погибли от пожара. Перед сооружением новых землянок площадь городища не только была выравнена, но с помощью речного песка были повышены и края городища на несколько метров.

Город еще дважды подвергался опустошительным пожарам, один раз в XII в., второй раз позднее, вероятно, уже во второй половине XIII в.

В то же время, по-видимому, не все жилые сооружения, обнаруженные на городище, были полуземляночного типа. Так, например, на глубине 2,5 м прослеживаются остатки бревен, идущих под прямым углом друг к другу в направлении с юго-востока на северо-запад и с северо-востока на юго-запад. Внутри—следы глинобитного пола.

На площади внутри этого предполагаемого сруба попадались кусочки перегнившего дерева, по-видимому, остатки самой разрушившейся избы, а на глубине 3 м от современной поверхности возле груды лежавших в беспорядке камней

обнаружено было много обугленных зерен гороха.

В залежавших выше I и II культурных слоях остатки жилых сооружений находились

в еще худшей сохранности. В качестве характерного примера для слоя II можно указать на факт нахождения на уровне 0,75—1 м следов угольно-золевых очажных пятен. Наконец, еще более неопределенные следы жилищ были выявлены в I, верхнем, слое городища. Так, например, на уровне 0,25 м от современной поверхности было обнаружено много кусков обожженной глиняной обмазки, которой, ве-

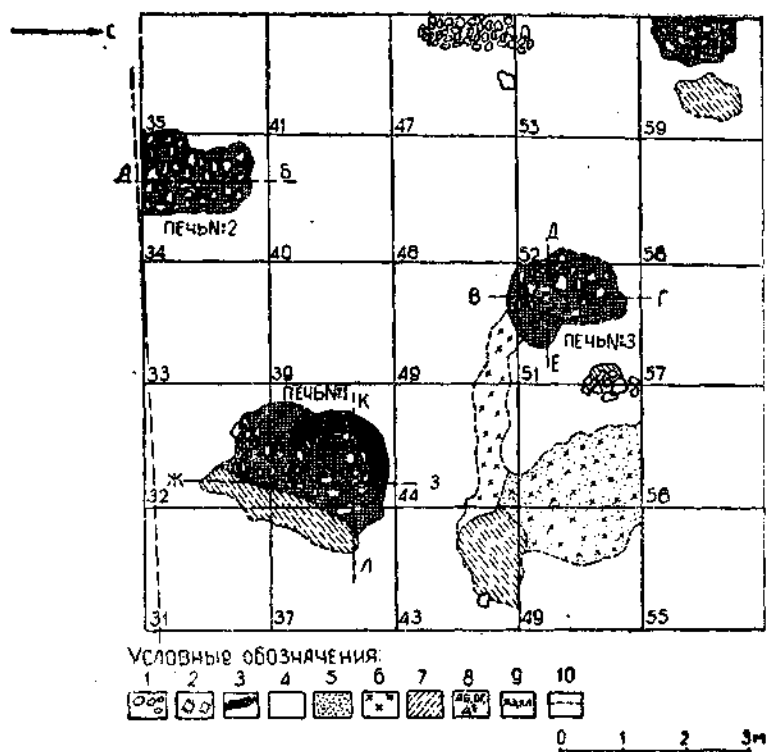

Рис. 8. План остатков 3 печей-каменок от жилищ (гл. 3,0 м от репера): 1—камни; 2—обломки плит; 3—угольно-золевое пятно; 4—обожженная красная глина; 5—светло-желтый песок; 6—вкрапление углей; 7—желто-бурая глина; 8—разрезы печей № 2 и 3; 9—разрез печи № 1; 10—выемка части печи.

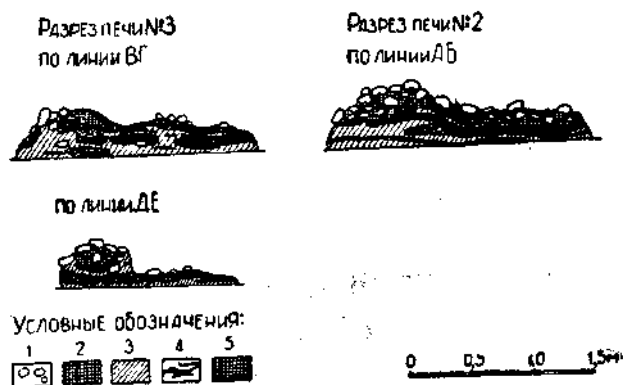

Рис. 9. Разрезы печей-каменок № 2 и 3: 1—камни; 2—обожженная красная глина; 3—гумусированная светло-серая супесь; 4—угольно-золевые слои; 5—желто-бурая необожженная глина.

роятно, обмазывались стены или по крайней мере заделывались щели между бревнами стен жилых домов. Однако эти находки еще не достаточны для суждения о характере жилых домов. Большое количество кусков этой обмазки, распространение которой отмечено почти по всей площади раскопа, доказывает, что застройка всей поверхности городища как в XII, так и в XIII вв. отличалась значительной густотой.

Анализ находок по слоям и статистика их по отдельным категориям

Археологические материалы, обнаруженные И. Иодковским¹ и Г. И. Пехом, а также и добытые во время раскопок 1954 г., показали, что предметы материальной культуры, выявленные на «Шведской Горе», Замчище и в местности, примыкающей к этим возвышенностям с севера, востока и юга, относятся к культуре древнерусского города.

К числу находок, позволяющих сделать этот вывод, принадлежат многочисленные обломки глиняных сосудов с характерным для древнерусских памятников волнистым и линейным орнаментом; фрагменты амфоровидных сосудов (корчаг), предметов обихода древнерусских феодалов. Найдены были овручские красношиферные пряслица, разноцветные стеклянные браслеты, цилиндрические висячие железные замки с вставляющимися дужками и многие другие вещи. Находки эти характерны для всех древнерусских поселений XI—XIII вв. К числу их относятся также найденные Г. И. Петом в 1948 г. резной медальон и печати с барельефными изображениями и древнерусскими надписями: «Димитри», [Ди]митри оспо[дарь]» и «Симеон» (рис. 10 и 11), согласно чтению Г. И. Пеха², а также найденный во время раскопок 1954 г. обломок шиферной иконки с сохранившейся надписью «Гавриил».

Материалы волковысских раскопок дают возможность установить выплавку железа из руды рядом с городищем и значительное местное производство предметов из железа.

Так, в 1953 г. Г. И. Пехом у северо-восточного подножья городища были обнаружены следы разрушенных древних домниц в виде, кусков обожженной глины от стенок домниц, глиняных сопел от мехов и большого количества шлаков. Из железных и стальных изделий здесь следует назвать орудия труда (косы, серпы, топоры, ножи, долото, шилья, ложкарь, пинцет, иглы и т. д.), предметы вооружения и оснащения воинов-дружинников (боевой топор, копье, наконечники стрел, кинжал, конские удила, стремяна и шпоры, подковы, кольца от сбруи и др.), много бытовых вещей (ножи, гвозди, трубча-

¹ J. J o d k o w s k i , Grodzisko Wolkowyskie. Grodno, 1925.

² Н. Н. Воронин, Древнее Гродно, МИА СССР, т. 41, стр. 145—146.

тые замки и ключи к ним, ключи от врезных замков, пробои и дверные крючки, скобы, обручи, огнива, пряжки, различные оковки, стержни и др.).

Всего добыто было во время раскопок 1954 г. 409 различных железных и стальных предметов более чем 40 категорий вещей (см. табл. I—II).

Рис. 10. Медальон с изображением воина и надписью „Димитри“.

По данным раскопок, хорошо была развита обработка цветных и благородных металлов. В процессе раскопок, кроме бронзовых браслетов, перстней, поясных пряжек и других украшений, были обнаружены, также кусочки серебра, свинца и меди, 3 обломка каменных формочек, нательные крестики, глиняные льячки. Всего из благородных и цветных металлов найдено 67 предметов 32 категорий.

Таким же местным производством из привозного сырья, как и ювелирное, следует, по-видимому,

признать изготовление мелких поделок из янтаря. В готовом виде найдены были три бусины, нательный крестик и обломок перстня. Кроме готовых изделий, встречено 36 кусков необработанного янтаря, причем в одном случае двадцать кусков найдены были один возле другого в одном из квадратов раскопа I. Это наводит на мысль, что изготовление янтарных поделок происходило в мастерских, существовавших на самом городище.

Рис. 11. Печать с изображением и надписью „Симеон“ на лицевой стороне и шестиконечным крестом на оборотной стороне.

Распределяются готовые изделия и куски необработанного янтаря по слоям следующим образом: в I слое 3, во II—7 в III—41.

Значительного развития в древнем Волковыске достигло керамическое производство. Многие из глиняных сосудов покрыты были орнаментом, обычным для всех древнерусских

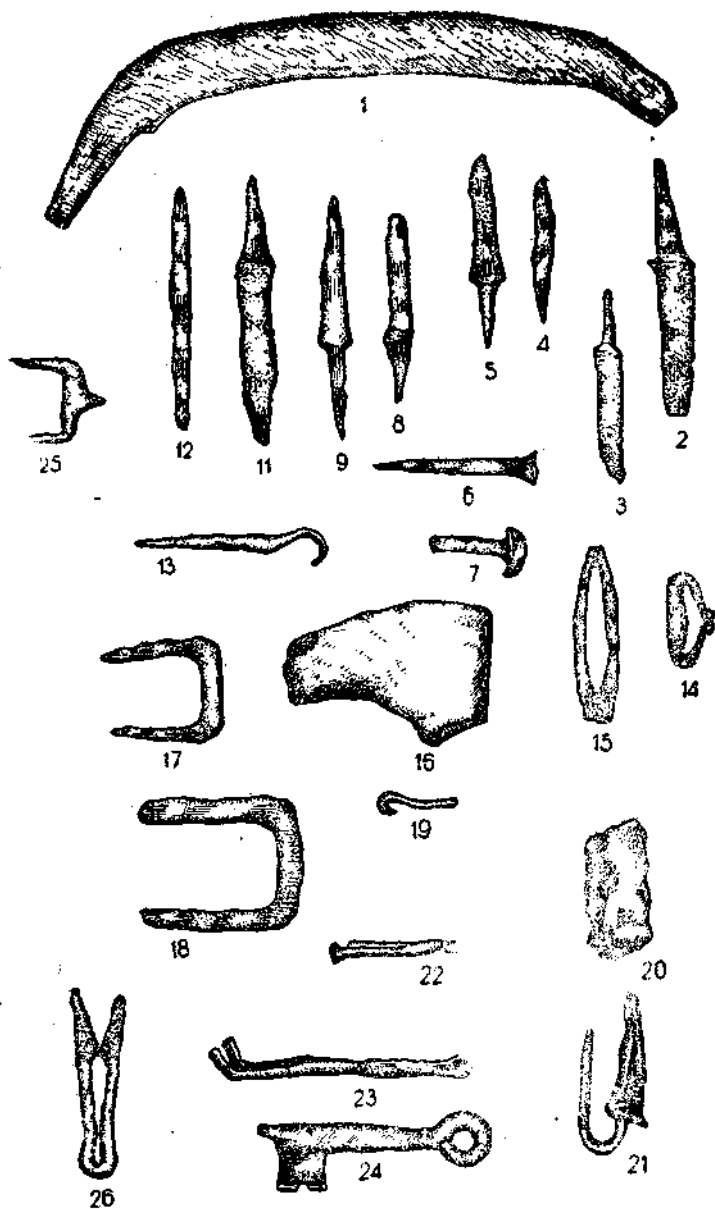

Табл. I. Железные изделия: 1—коса-горбуша; 2—5 и 8—12—ножи; 6—7—гвозди; 13—ложкарь; 14—15—огнива; 16—обломок топора; 17—18—дверные пробои; 19—дверной крючок; 20—цилиндрический замок; 21—вставляющаяся дужка висячего замка; 22—23—ключи от навесных цилиндрических замков; 24—ключ от дверного врезного замка; 25—древотазный шип; 26—пружинные ножницы (№ 1 уменьшен в 4 раза, № 2—26—в 3 раза).

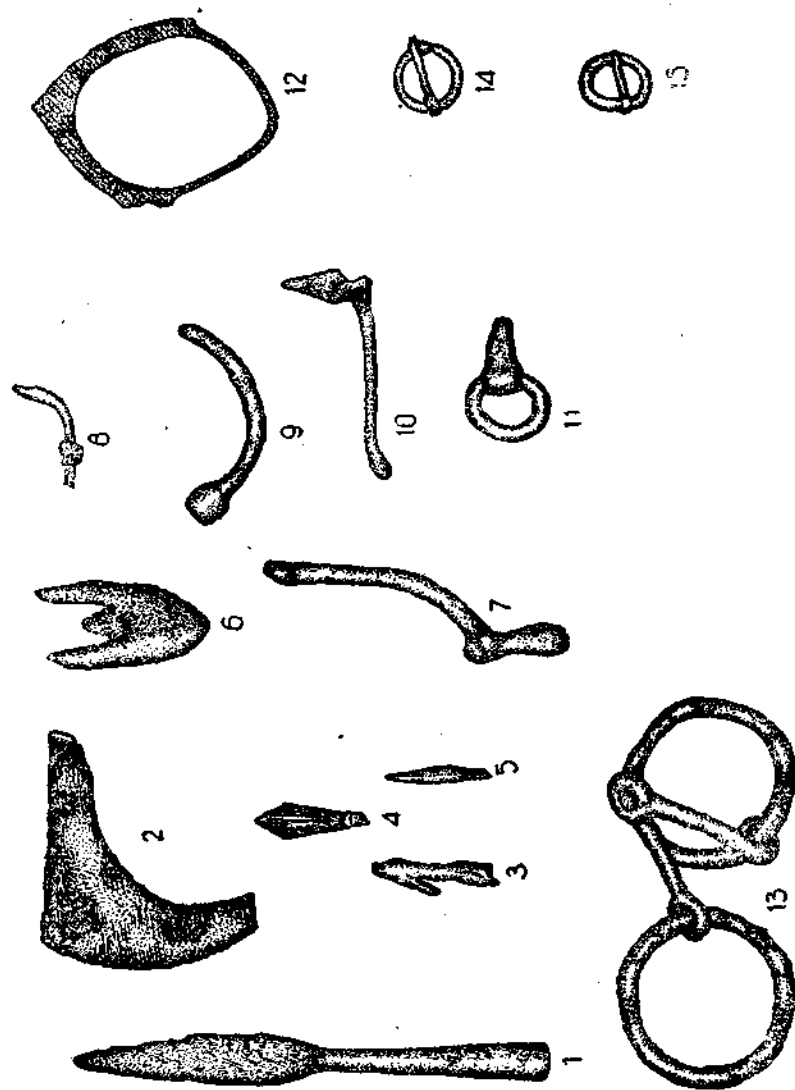

Табл. II. 1—наконечник копья; 2—обломок боевого топора; 3—5—наконечники стрел; 6—оковка
 нижней части ножен меча; 7—10—обломки шпор; 11—утраченное кольцо; 12—стреля; 13—удила;
 14—15—пряжки (№ 1—11 и 13—15 уменьшены в 3 раза, № 12—в 4 раза).

памятников. Но наряду с линейным и волнистым орнаментом керамика древнего Волковыска нередко бывает украшена орнаментами и других типов. Следует отметить, что орнаментальные мотивы волковысской керамики весьма разнообразны.

Если главная масса глиняных сосудов была местного производства, то привозными надо считать некоторые нарядные бело-глиняные сосуды, покрытые иногда как снаружи, так и изнутри глазурью зеленого, коричневого и вишневого цветов, а также корчаги. Зато, конечно, местными по своему изготовлению являются плинфы. Встречались они нередко во время раскопок в I и II слоях и являлись явным производственным браком (неправильная форма, неравномерный обжиг и т. д.).

О сельском хозяйстве свидетельствуют обломки 3 круглых каменных жерновов, 2 косы-горбуши и 5 серпов, наконец, обугленные зерна ржи, пшеницы и гороха.

О животноводстве говорят многочисленные кости лошадей, коров, овец и других домашних животных, а об охоте—кости, зубы и рога зубров, медведей, лосей, бобров, диких кабанов.

Часть рогов имеют следы искусственной обработки.

Из кости и рога изготовлялся целый ряд бытовых предметов. Из кости делались гребни (найденно 9 экземпляров, из которых 2 во втором и 7 в третьем, нижнем, культурном слое). Некоторые из этих гребней с кружковым орнаментом. Кроме гребней, можно назвать еще целый ряд поделок из кости: ложка, навершие меча (?) со сложной композицией, две шахматные фигурки, ладья и пешка (первая находка из II, а вторая и третья из III слоя), шило, круглая пуговица, стрела, два пряслица с кружковым орнаментом, штамп для орнаментирования посуды, острие, накладка от лука и др. (см. табл. III).

Из концов рога изготовлены были игольники, роговая окладина, три пластинки рукоятей, видимо, от ножей и еще целый ряд полуобработанных кусков рога.

Характерных для древнерусских памятников XI—XIII вв. шиферных пряслиц, несомненно, привозных с Вольни, найдено было 34 экземпляра (2 в I слое, 23—во II и 9—в III). Если шиферные пряслица были, безусловно, привозными, то, конечно, на месте изготовлялись такие важные и в производстве и в быту предметы из камня, как, например, точильные бруски (53), литейные формы, каменная бусина, 3 обломка жерновов, каменная иконка с надписью «Гавриил», две половые плитки, одна из которых со знаком трезубца, и некоторые другие предметы.

Нахождение в одном пункте раскопа целого скопления полуобработанных кусков песчаника, из которого сработаны почти все точильные бруски (из 53 таких брусков лишь один был из сланца, а 52—из серого песчаника) позволяют говорить

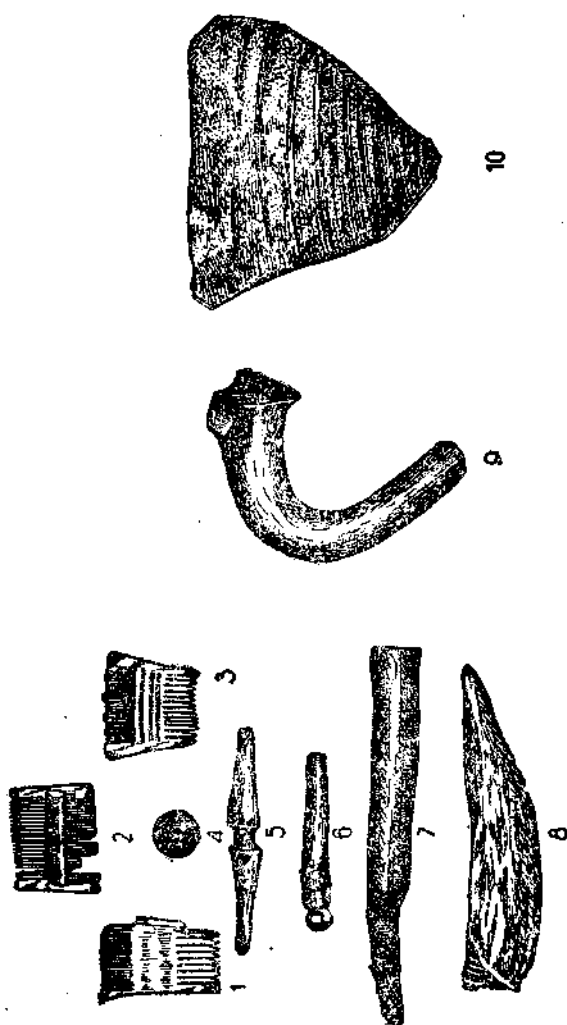

Табл. III. 1-3—костяные двусторонние гребни; 4—глиняное грузило; 5-6—подделки из рога; 7—железный нож с костяной орнаментированной ручкой; 8—спиленный конец лосиного рога; 9—ручка амфоры (корчаги); 10—обломок стенки амфоры (глина) (№ 1-8 уменьшены в 3 раза, № 9 и 10—в 4 раза).

Рис. 12. Резное костяное украшение навершия меча (?) (в профиль, спереди и сзади; $\frac{1}{5}$ нат. вел.).

Рис. 13. Резная из кости шахматная фигурка ладьи ($\frac{1}{1}$).

Рис. 14. Резная из кости шахматная фигурка пешки (прямо и в профиль; $\frac{1}{1}$).

о местной обработке камня и изготовлении разных поделок из этого материала.

Было обнаружено 127 обломков стеклянных браслетов (15 в I слое, 56—во II и 56—в III). Браслеты из разноцветного стекла в большинстве своем ложновитые и гладкие. Только в нижней части II и в III культурном слое встретились отдельные образцы витых браслетов. Кроме браслетов, были найдены такие стеклянные предметы, как обломки сосудов из цветного стекла, перстни, разноцветные стеклянные глазки для украшения ларцов или книжных переплетов, куски стекла, в том числе листового. Всего же стеклянных вещей и их обломков было обнаружено 193 единицы.

Из предметов прикладного искусства следует назвать навершие меча (?) с изображением головы дьявола, проглатывающего старца, а с обратной стороны, видимо, владетельной особы «на столе» (рис. 12) и двух шахматных фигурок—ладьи (рис. 13) и пешки (рис. 14) в виде фигурки «барабанщика» (?). Навершие найдено во II, а обе шахматные фигурки—в III слое. Все три скульптурки—тонкая художественная резьба по кости.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложив результаты археологических раскопок городища «Шведская Гора», сделаем несколько выводов, вытекающих из летописных и главным образом археологических данных, которые имеются в настоящее время об этом городе.

Название города Волковыска (или Волковыеска, как он именуется в Ипатьевской летописи) происходит вне всякого сомнения от речки Волковья, на берегах которой он находится.

Что же касается названия реки Волковья, то, по-видимому, название это следует связать с наличием в этой местности в древности тотемного культа волка.

Относительно названия «Шведской Горы» необходимо отметить существование среди жителей города распространенной легенды, согласно которой гора эта, якобы, была названа «шведской» потому, что она была насыпана шапками шведских солдат над могилой своего военачальника. Легенда эта, разумеется, лишена реального основания. «Шведская Гора», как показали результаты раскопок 1954 г., подобно всем соседним возвышенностям естественного происхождения. Лишь в процессе ее заселения человеком поверхность этой возвышенности подвергалась изменению путем присыпки земли по краям как для удобства застройки, так и с целью увеличения крутизны склонов, что было сделано, очевидно, с оборонительными целями.

На площади городища отложились культурные слои общей мощностью от 1,75 до 3,80 м, содержащие многочисленные

находки, датирующиеся XI—началом XIV ст. (см. найденный Г. И. Пехом на Замчище в 1938 г. пражский грош 1300 — 1305 гг.).

Обнаруженные еще в прежние годы и особенно в 1954 г. находки на «Шведской Горе», Замчище, «Муравельнике» и в местности, окружающей «Шведскую Гору» с севера, востока и юга, с несомненностью установили, что предметы материальной культуры, выявленные во всех указанных пунктах, принадлежат культуре древнерусского города. Так как на реке Волковые (впадающей в Рось на западной окраине города) нет других археологических памятников, которые можно бы было отождествить с летописным Волковийском, то отсюда следует, что только «Шведскую Гору» и другие перечисленные пункты можно считать территорией летописного города, известного под названием Волковийска, или Волковыеска. При этом детинец (укрепленный центр города) мог располагаться лишь на «Шведской Горе». Постепенно, по мере своего роста, город был расширен на соседнюю возвышенность Замчище. Городской посад, где селилось главным образом ремесленное и торговое население, был расположен в местности, примыкающей к подножью «Шведской Горы» с северной, восточной и южной сторон. «Муравельник» также был заселен. В 4 шурфах (из 6), заложенных на его поверхности в 1954 г., была обнаружена типичная древнерусская керамика и серебряная подвеска с чеканным орнаментом. Очевидно, и эта возвышенность была заселена так же, как «Шведская Гора» и Замчище, но далеко не столь густо. Видимо, она была чем-то вроде дополнительного укрепления города с непостоянным населением.

В целом остатки материальной культуры, обнаруженные на «Шведской Горе», свидетельствуют о высоком уровне экономики и культуры жителей древнерусского города Волковыска, особенно в XII и начале XIII ст.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
Поликарпович К. М., Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг.	5
Поликарпович К. М., К вопросу о мустьерской культуре в Верхнем Поднепровье	30
Поликарпович К. М., Стоянки Среднего Посожья	45
Мельниковская О. Н., Клад латенского времени из юго-восточной Белоруссии	• 149
Митрофанов А. Г., Городище в Вязынке	155
Пронина И. Г. и Гарутт В. Е., Остатки животных из поселений III в. до н. э.—V в. н. э. на территории Минской области БССР	165
Тарасенко В. Р., Древний Минск	182
Тарасенко В. Р., Раскопки городища „Шведская Гора" в Волковыске в 1954 г.	258

Редактор Издательства *Л. Барабанова*
Техредактор *Х. Александрович* Корректор *Н. Шкуратоеа*

Утверждено РИСО АН БССР

АТ 01380. Сдано в набор 28/VI 1956 г. Подписано к печати 28/XI 1956 г. Тираж 1500 экз. Бумага 60x92¹/₁₆ Изд. листов 18,8. Печ. листов 17,5. Заказ 950.

Типография Издательства Академии наук БССР, Минск,
проспект имени Сталина, 110

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
3	7 снизу	эпохе	эпохе
152	23 "	L'èpoque	L'èpoque
"	20 "	Tużyskiej	Lużyckiej
166	7 ..	domestica	domestica
173	14 "	Canis	Canis
181	11 сверху	Carni vora	Carnivora
182	3 снизу	Брячиславль	
186	11-12		
	сверху	километрах метрах	километрах
187	5 снизу	Очерк истории Полоц-	Половецкая степь
		кой земли	
188	6 сверху	переход его	переход
215	13 снизу	печью	печи
251	23 - 24 "	(XII-XIV вв.).	(XII-XIII вв.).
261	10 "	раскоп ¹ .	раскоп I.